



## НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2010  
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)  
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным  
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки),  
10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки),  
17.00.00 (искусствоведение), 23.00.00 (политические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М. Мазгаров**

Зам. главного редактора — академик **М.А. Усманов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь —  
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),  
Бальдауф Ингеборг (Германия),  
Васильев Д.Д. (Москва),  
Вашари Иштван (Венгрия),  
Ганиев Ф.А. (Казань),  
Девлет Надир (Турция),  
Загидуллин И.К. (Казань),  
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),  
Миннуллин К.М. (Казань),  
Мухаметшин Р.М. (Казань),  
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),  
Трепавлов В.В. (Москва),  
Хакимов Р.С. (Казань),  
Шамильоглу Юлай (США),  
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Редакторы:

*В.П. Лащенова, А.Г. Аксенова*

Переводчик

*Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

*В.В. Калинин*

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор — 292-40-34.

Зам. гл. редактора — 292-79-39.

Ответ. секретарь — 292-15-64.

e-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 08.06.2010.

Формат 70x108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 17,50. Усл. печ. л. 22,58.

Тираж 1000 экз.

Заказ 05-10/07-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-05-61

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2010

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2010

## К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

- 6 **Ваганов А.Г.** Казанская ньютониана
- 14 **Галлямова А.Г.** Село Татарстана в годы войны и послевоенный период
- 25 **Иванов А.А.** Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны
- 35 **Кабирова А.Ш., Багманова Э.З.** Организация системы защиты труда женщин в общественном производстве Татарстана в 1940–1950-е годы
- 43 **Небольсина М.В.** Память военного и послевоенного детства в творчестве Рустема Кутуя
- 49 **Сакаев В.Т.** Участие населения и органов власти Татарской АССР в строительстве Волжского оборонительного рубежа
- 56 **Юсупова Н.М.** Идеологические мотивы и архетипы в поэзии периода Великой Отечественной войны
- 62 **Рафиков М.А.** Страницы воспоминаний о Великой Отечественной войне
- 79 **Хамидуллин Л.Х.** Воин, ученый, наставник молодых
- 82 **Чабдаров Ш.М.** Страна моя – судьба моя

## ИСТОРИЯ

- 89 **Валеев Р.М.** Внешняя торговля Волжской Булгарии с Востоком в IX–XIII вв.
- 101 **Давлетшина Л.Ш.** Детский игровой фольклор сибирских татар 30–70-х гг. XX столетия
- 104 **Закиров Д.** Муллинские татары
- 112 **Закиров Д.** Неизвестные страницы истории города Перми. Опыт наших предков в решении проблем народа в неблагоприятной экономической ситуации
- 117 **Исхаков Р.Р.** Формы и методы борьбы государства и православной церкви с исламизацией коренных народов Волго-Камского региона в пореформенный период
- 136 **Кабирова А.Ш.** Татары и уроженцы Татарстана на фронтах Великой Отечественной войны
- 148 **Корева Н.А.** Торговая деятельность казанских купцов на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 гг.

## СОДЕРЖАНИЕ

- 156 **Почкаев Р.Ю.** Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: к вопросу о хронологии и количестве
- 168 **Улемнова О.Л.** Особенности художественного оформления татарской книги 1920–1930-х годов
- 176 **Усманов М.А.** О судьбе Казанского востоковедения
- 193 **Фархшатов М.Н.** Мектеб или школа: Прощения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы
- 213 **Хамамото Мами.** Русификация мусульманской верхушки и русская аристократия

## ФИЛОЛОГИЯ

- 224 **Аминева В.Р.** Приемы создания сферы персонажа-субъекта в произведениях русских и татарских писателей
- 237 **Байрамова Л.К.** Ориентализмы в болгарском языке в сопоставлении с татарским языком: аксиологический аспект
- 248 **Куралай Мухамади.** Служебные имена – языковые единицы, образующие аналитические формы падежей
- 254 **Мусина Г.Ф.** Татарский язык как язык обучения физике
- 259 **Садекова А.Х.** Галимджан Ибрагимов о поэзии Дердменда
- 263 **Салахов А.М.** Трактаты по грамматике арабского языка средневековых восточных авторов, использовавшиеся в татарских медресе в XIX – начале XX вв.
- 267 **Султанова Р.Р.** Раздвигая границы...

273

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

## TO THE 65TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

- 6 **Vaganov A.G.** Kazan newtoniana
- 14 **Gallyamova A.G.** Village of Tatarstan during the war and postwar periods
- 25 **Ivanov A.A.** Military losses of the people of Tatarstan in the years of the Great Patriotic War
- 35 **Kabirova A. Sh., Bagmanova E.Z.** Organization of the protection system of female labour in the public work of Tatarstan in the 1940-1950s
- 43 **Nebolsina M.V.** Memory of war and postwar childhood in the creative activity of Rustem Kutuy
- 49 **Sakaev V.T.** Participation of the population and authority of the Tatar ASSR in the construction of the Volga defence line
- 56 **Yusupova N.M.** Ideological motives and archetypes in the poetry of the period of the Great Patriotic War
- 62 **Rafikov M.A.** Pages of recollections about the Great Patriotic War
- 79 **Khamidullin L.Kh.** Warrior, scientist, tutor of the youth
- 82 **Chabdarov Sh.M.**

## HISTORY

- 89 **Valeev R.M.** Foreign commerce of Volga Bulgaria with the East in the IX-XIII centuries
- 101 **Davletshina L.Sh.** Children's playing folklore of the Siberian Tatars of the 30-70s of the XXth century
- 104 **Zakirov D.** Mullin Tatars
- 112 **Zakirov D.** Unknown pages of the history of Perm. Our ancestors' experience in solving the problems of the people in the unfavourable economic situation
- 117 **Iskhakov R.R.** Forms and methods of the struggle of the state and Orthodox Church against the islamization of the native people of the Volga-Kama region in the period of reforms
- 136 **Kabirova A.Sh.** Tatars and natives of Tatarstan at the fronts of the Great Patriotic War
- 148 **Koreeva N.A.** Trading activity of the merchants from Kazan at the fair in Nizhniy Novgorod in 1817 and 1820
- 156 **Pochekaev R.Y.** Yarliks of khans of the Golden Horde to Russian Orthodox Church: chronology and quantity
- 168 **Ulemnova O.L.** Peculiarities of the design of a Tatar book
- 176 **Usmanov M.A.** Destiny of Kazan orientology

## CONTENTS

193 **Farkhshatov M.N.** Mekteb or school: applications of the Moslems of the Volga-Urals region concerning the problems of education during the 1970-1890s

213 **Khamamoto Mami.** Russification of Muslim Elites and Russian Aristocratic Society

## PHILOLOGY

224 **Amineva V.R.** Methods of creating the sphere of the character in the works of Russian and Tatar writers

237 **Bairamova L.K.** Orientalisms in the Bulgarian language in comparison with the Tatar language: axiological aspect

248 **Kuralay Mukhamadi.** Subordinate words – language units forming analytical forms of cases

254 **Musina G.F.** The Tatar language as a language of teaching physics

259 **Sadekova A.Kh.** Galimdjani Ibrahimov about Derdmend's poetry

263 **Salakhov A.M.** Treatises on the Arabian language grammar of the medieval oriental authors used in the Tatar medrese in the XIX – the beginning of the XX centuries

267 **Sultanova R.R.** Moving the boundaries apart

273 LIFE CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 002.2

## КАЗАНСКАЯ НЬЮТОНИАНА

*А.Г. Ваганов, зам. главного редактора «Независимой газеты» (Москва),  
ответственный редактор приложения «НГ-наука»*

«Трудно сказать что-либо существенно новое вдали от родины Ньютона, не имея под руками подлинных документов и архивов о его жизни, после больших сочинений Брюстера, Био, Розенберга и Мора»<sup>1</sup>. Это отрывок из авторского предисловия к первому изданию книги академика С.И. Вавилова «Исаак Ньютон» (Изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1943. — 216 с., 3000 экз.). Под этим коротким, едва ли на полторы страницы предисловием, автор обозначил и место написания — «г. Йошкар-Ола».

Тем не менее, несмотря на такую самокритичность автора, книга эта стала классической научной биографией сэра Исаака Ньютона на русском языке и переиздавалась еще три раза:

**С.И. Вавилов.** *Исаак Ньютон.* — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. — 230 с. Второе издание, просмотренное и дополненное (1000 экз.);

**С.И. Вавилов.** *Исаак Ньютон (Научная биография и статьи)* / Академия наук СССР. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. — 294 с. (20000 экз.);

**С.И. Вавилов.** *Исаак Ньютон: 1643–1727.* — 4-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 271 с., ил. (Научно-биографическая серия); **В.Л. Гинзбург:** «Несколько замечаний к биографии Исаака Ньютона»; **А.П. Юшкевич:** «Математика в рукописном наследии Исаака Ньютона»; **С.И. Вавилов:** «Ньютон и современность» (21300 экз.).

Но нас сейчас будут интересовать обстоятельства подготовки именно-

го первого издания этой книги. А они были очень нестандартными, а порою даже драматичными.

\* \* \*

«4 января 1943 г. исполняется триста лет со дня рождения Исаака Ньютона, одного из величайших гениев точного естествознания, — с этих слов начинается предисловие к первому изданию вавиловской биографии Ньютона. — Направляя сейчас основные усилия на помощь нашей героической Красной Армии, Академия наук СССР не может пройти мимо знаменательной даты трехсотлетия со дня рождения одного из величайших творцов культуры — Исаака Ньютона. Академией наук создана особая комиссия по ознаменованию юбилея Ньютона. Настоящее жизнеописание составлено по предложению комиссии».

Во втором издании 1945 года, снабженном и новым предисловием, Сергей Иванович Вавилов дополнит сказанное: «Первое издание этой книги было опубликовано в самом начале 1943 г. Книга составлялась в грозные дни Сталинградской битвы, решавшей исход войны... с удовлетворением можно отметить, что на нашей родине, несмотря на напряжение исторических сталинградских дней, решавших ее судьбы, юбилей Ньютона праздновался широко и с большим единодушием. Помимо многочисленных торжественных заседаний в научных институтах, университетах и других учреждениях по всей стране, в юбилейные дни в СССР было

издано пять книг, посвященных Ньютону, и среди них большой том статей, всесторонне анализирующих наследство Ньютона».

Об этих книгах речь пойдет ниже. Сейчас же можно отметить любопытную деталь: воспроизведенное в этом издании предисловие к первому, 1943 г., изданию, заканчивается уточненным местом и временем написания: «г. Йошкар-Ола. Ноябрь 1942 г.». Самый тяжелый период Великой Отечественной войны, а страна «широко и с большим единодушием» празднует юбилей Ньютона! Издается фактически целая библиотечка, посвященная великому англичанину. Чего это стоило в то время – отдельная тема.

\*\*\*

Перед Великой Отечественной войной в СССР насчитывалось 220 издательств и около 5 тысяч полиграфических предприятий. Увы, с началом войны на Восток удалось эвакуировать лишь часть этих полиграфических предприятий. Полностью были утрачены типографские мощности на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, на Орловщине... Для того чтобы почувствовать масштаб потерь, достаточно сказать, что в 1940 г. только на Украине выпускалось 5000 названий книг тиражом свыше 51 млн

экземпляров, а в Белоруссии – около 800 названий тиражом более 10 млн экземпляров.

Почти на порядок сократилось производство бумаги: 730 тыс. тонн в 1941 г., 166 тыс. тонн – в 1942 г. Естественно, что издание газет сократилось на 4300 названий (т.е. почти в два раза), а журналов на 1500 (в 5,6 раза)<sup>2</sup>.

Впрочем, книгоиздание сократилось также в разы. В целом по стране, выпуск книг упал с 45830 названий в 1940 г. до 15899 в 1943 г.<sup>3</sup> Общепринятый в полиграфии параметр – объем произведенной продукции по печатным листам-оттискам – еще более показателен: в 1943 г. он был в 4 раза меньше, чем в 1941 г.

Академическое книгоиздательство, по названиям, сократилось в 1943 г., по сравнению с 1941 г., в 2,6 раза (350 и 913 наименований соответственно)<sup>4</sup>.

Динамика выпуска книг и журналов Академией наук в военные годы приведена в таблице. Для сравнения там же приведены данные по предвоенному и первому послевоенному году.

То есть уже в 1946 г. по числу наименований книжных изданий Академия наук СССР превзошла уровень первого военного года. А по числу периодических изданий этот уровень был превзойден и того раньше – в 1944 г. «Поражает

Динамика выпуска книг и журналов Академией наук СССР

Годы	Число изданий (названий)	Объем, авт. л.		
		всего	в том числе	
			книги	журналы
1940	913	12773		
1941	578	7205	4945	2260
1942	350	2303		
1943	268	1937		
1944	496	3746	1246	2500
1945	570	5554	3054	2500
Всего в 1941–1945	2262	20745		
1946	672	8601		

Источник: Лихтенштейн Е.С. «Из истории научных изданий в СССР: Академическая типография – Издательство Академии наук СССР» // Книга. Исследования и материалы. – М., 1960. – Сб. 3. – С. 28–29, 45.

не только разнообразие тематических направлений — в массиве изданных работ были представлены все основные области науки и техники, — но и значительные для военных лет тиражи научно-популярных трудов, — не скрывает своего удивления директор издательства «Наука», член-корреспондент Российской академии наук Владимир Васильев. Так, 50-тысячными тиражами выпущены такие разные по целевому назначению издания, как книга Гамалея Н.Ф. «Грипп и борьба с ним» и Вейгелина К.Е. «Отец русской авиации — Н.Е.Жуковский»...

Понятно, когда в 1942 г. 25-тысячным тиражом издается «Очерк развития русского прогитогаса...». Но таким же тиражом распространяются работы С.И. Вавилова («Глаз и солнце...») и... «История римской литературы» М.М. Покровского. И это в один из самых тяжелых периодов войны!»<sup>5</sup>.

\*\*\*

Судьба академического книгоиздания во время войны очень плотно переплетена с Казанью. Уже 22 июля 1941 г. в этот город были эвакуированы первые 11 академических институтов и лабораторий из Москвы, в том числе — Институт физических проблем, ИФП (директор — академик Петр Леонидович Капица) и Физический институт, ФИАН (директор — академик Сергей Иванович Вавилов). Расположились эвакуированные институты в помещении Казанского университета. «Небольшой физический корпус был отведен под три института, — вспоминает Л.В.Лёвшин. — Первый этаж был передан Институту физических проблем, второй — Ленинградскому физико-техническому институту; помещение физического практикума на третьем этаже было отдано ФИАНу»<sup>6</sup>.

В Казань же переведены президиум Академии наук (30 сентября 1941 г. там прошло его расширенное заседание) и академическое издательство. В 1941—1943 гг. в Казани, на базе в основном Татполиграфа, Издательство АН СССР

выпустило 46 изданий. И отдельная тема — казанская ньютониана.

Здесь, пожалуй, уже самое время привести библиографию этой ньютонианы, о которой говорил академик Сергей Вавилов. Это, так сказать, каноническое пятикнижие, посвященное Ньютону:

1. С.И. Вавилов. Исаак Ньютон. — М.-Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1943. — 216 с. (3000 экз.) (Встречаются два варианта переплета: серый и темно-синий);

2. Академик А.Н. Крылов. Ньютон и его значение в мировой науке (1643—1943). — М.: АН СССР, 1943. — 40 с. (3000 экз.);

3. П.С. Кудрявцев. Исаак Ньютон / Под ред. проф. А.К. Тимирязева. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1943. — 144 с. (25000 экз., уменьшенный формат);

4. Исаак Ньютон (1643—1727). Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. — Под ред. акад. С.И. Вавилова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 440 с. Авторы статей: А.Н. Крылов, С.И. Вавилов, Н.Н. Лузин, С.Я. Лурье (2 статьи), Н.Г. Чеботарев, Г.Г. Слюсарев, И.А. Хвостиков, Н.И. Идельсон, Л.Н. Сретенский, А.Д. Дубяго, М.В. Кирпичев, Т.П. Кравец, Т.И. Райнов, А.М. Деборин, А.Д. Люблинская, Е.Г. Скржинская, П.М. Дульский (3000 экз.);

5. Исаак Ньютон [1643—1943]. — Казань: Казанский авиационный ин-т, 1943. — 82 с. (350 экз., уменьшенный формат).

Последняя работа заслуживает отдельного разговора. Во втором издании книги «Исаак Ньютон» (1945 г.), в кратком библиографическом указателе, С.И. Вавилов напишет про нее: «Небольшая книга с юбилейными докладами...». Но это как раз тот случай, когда мал золотник, да дорог.

«Волнуясь, перелистываем мы сейчас книги времен <Великой Отечественной> войны. Они напечатаны на газетной бумаге, заключены в неокрашенные обложки, а часто вообще не

имеют их. Строгое оформление ограничено средствами набора — заголовками, выделениями, иногда — наборным орнаментом. Немудреные черно-белые рисунки на обложках воспроизводятся цинкографией, — отмечает один из самых авторитетных современных отечественных историков печатного дела и книговедов, профессор Евгений Немировский. Основным элементом оформления книг военной поры становится обложка. Иллюстрации в первые военные годы редки»<sup>7</sup>.

Но вот этот аккуратный покетбук, как сказали бы сейчас, изданный крошечным тиражом в 350 экземпляров в Казани, в типографии Тапполиграфа при НКМП ТАССР (ул. Миславского, 9), — самый настоящий маленький шедевр полиграфического искусства (5 печатных листов).

Несмотря на неизбежный при карманном формате мелкий кегль, издатели (ответственный редактор С.В. Румянцев, технический редактор А.Т. Тухватуллин) сделали все возможное, чтобы чтение книги было комфортным: достаточно большие поля, много «воздуха», ясный антиквенный шрифт (хотя местами и «побитый») и, на удивление, очень неплохого качества бумага. (Это чувствуется даже сегодня, когда берешь ее в руки, спустя почти 70 лет после появления книги).

Да, обложка и все типографские украшения книги — черно-белые. Но редакторы и тут нашли оригинальное решение. Надпись на обратной стороне шмуцтитута сообщает: «Внешность издания, обложка и графические украшения на титуле и страницах 48 и 58 заимствованы из книги: «Sir Isaac Newton, by V.E. Pullin, London, 1927». Графика на страницах 7, 34, 35, 47, 58 и 82 принадлежит современнику И. Ньютона граверу Е.И. Daudet». Это — изысканный орнамент из миниатюрных арабесок.

Кроме того, книга содержит четыре, вклеенных на отдельных листах, миниатюрных портрета: три — И. Ньютона (работы Д. Торнхилла, Г. Кнеллера и

Вандербанка) и портрет О. Кромвеля работы Питера Лели.

Не менее интересно не только книжное убранство этого издания, но и собственно содержание статей в нем. Надпись на шмуцтитутле вполне однозначно, вроде бы, дает нам временную привязку: «Доклады, прочитанные на торжественном заседании, посвященном трехсотлетию со дня рождения великого английского ученого ИСААКА НЬЮТОНА в Казанском Авиационном Институте 9 апреля 1943 г.» (сохранена графика оригинала. — А.В.). Среди авторов — профессор М.М. Кусаков. «Жизнь и деятельность Исаака Ньютона»; П.М. Дульский. «Иконография Исаака Ньютона»; Б.М. Столбов. «Оптические работы Исаака Ньютона»; Л.Ф. Ракушева. «Философские взгляды Исаака Ньютона».

Однако только доклад Л.Ф. Ракушевой не имеет какой-либо дополнительной датировки, поэтому мы можем предположить, что он впервые был сделан именно 9 апреля 1943 г. Временные рамки доклада М.М. Кусакова чуть-чуть более размыты: текст датирован самим автором «апрель 1943 г.». Статья Б.М. Столбова имеет авторскую датировку — «март 1943 г.». Статья П.М. Дульского, как следует из подстраничной сноски, — это «доклад, прочитанный 25 февраля 1943 г. на научной сессии Академии наук Союза ССР, посвященной 300-летию со дня рождения И. Ньютона» (с. 35). А в конце статьи — и вовсе третья датировка: «май 1943 г.».

Так что статьи, помещенные в сборник, судя по всему, прошли тщательный отбор. Интересную дополнительную информацию в этом отношении дает статья заслуженного деятеля искусств П.М. Дульского «Иконография Исаака Ньютона».

«В июне 1942 г. я получил от юбилейной комиссии Академии Наук Союза ССР по проведению празднования 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона предложение выступить на сессии со специальным докладом, —

пишет П. Дульский. — Темой моего доклада я избрал обзор портретов Исаака Ньютона, но как только я приступил к работе — обнаружилось, что в казанских библиотеках и художественных хранилищах материалов по данному вопросу не имеется. Мы предполагаем, что и в наших столичных библиотеках материалов тоже не найдется, так как он сосредоточен, главным образом, в Лондоне, в Кембридже и других крупнейших государственных и частных хранилищах Англии»...

Тут, заметим, П.М. Дульскому, возможно, просто чуть-чуть не повезло в его разысканиях в казанских библиотеках. Я, при подготовке этой статьи, наткнулся на интересный экземпляр одной библиографической редкости — первой полной биографии Ньютона на русском языке: **Ж.Б. Био. Биография Ньютона / (с портретом);** перевод с французского В. Ассонова (посвящается К.И. Карлгофу). — М.: Типография Т. Рисе, у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1869. — 111 с. (тираж не указан). На титульном листе этого экземпляра имеется текстовый Ex Libris: «Из библиотеки профессора Д.И. Дубяго» (Дмитрий Иванович Дубяго (1849 г.р.) — профессор астрономии в Казанском университете и директор обсерватории). Здесь же, на титуле, — оvoidной формы штамп: «Энгельгардтовская обсерватория Императорского Казанского университета». На фронтисписе — хорошего качества гравюра, предположительно, выполненная с известного портрета Исаака Ньютона работы Ван-дербанка. (Этот же портрет, напомним, имеется и в сборнике Казанского авиационного института.)

Как бы там ни было, но другой, на месте Дульского, возможно, счел бы «миссию невыполнимой» да и неуместной, все-таки на дворе — июнь 1942 г. Но советское академическое сообщество проявило действительно «большое единодушие» в своем стремлении достойно отметить юбилей выдающегося англичанина. Надо думать, что не последнюю роль в этом сыграл тот факт,

что председатель юбилейной комиссии АН СССР, академик С.И. Вавилов, был давним и страстным поклонником и знатоком творчества Ньютона. В 1935 г. он проводил специальные разыскания в итальянских и французских архивах и библиотеках в связи с поручением редактировать русское издание сочинений сэра Исаака<sup>8</sup>. Еще раньше, в 1927 г., в его переводе увидел свет один из главных трудов Ньютона — «Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света»<sup>9</sup>...

Ничего удивительного, что Дульский отмечает: «Желая оказать содействие в моей работе, академия Наук Союза ССР обратилась в Вокс <Все-союзное общество культурной связи с заграницей> с просьбой снести с Королевским Обществом в Лондоне и просить его выслать фото с лучших портретов Исаака Ньютона. В ответ на наше предложение был прислан ряд книг, но почему-то иллюстративный материал не был доставлен. Таким образом нам пришлось использовать только тот материал, который у нас оказался под руками, и в этом нам значительно помог академик Сергей Иванович Вавилов, которому мы приносим глубокую благодарность» (с. 35).

Интересно, что статья П.М. Дульского была также включена в капитальный, 27,5 печатных листа, том энциклопедического формата — *Исаак Ньютон (1643–1727). Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения / Под ред. акад. С.И. Вавилова.* — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 440 с. Правда, название ее было изменено на «Портреты Исаака Ньютона» (с. 422–427). «Сборник дает почти всестороннее освещение научной деятельности Ньютона», — подчеркивал С.И. Вавилов<sup>10</sup>. Но в этом, академическом, варианте статьи уже отсутствует рассказ Дульского о предыстории ее создания. К тому же, в отличие от pocketбука Казанского авиационного института, в статье из академического сборника дано только одно портретное изображение Исаака Ньютона. Прав-

да, оно не повторяет портреты, приведенные в покетбуке: гравюра Ридинга с портрета Питера Лели. Статья также снабжена примечаниями и библиографическим списком, чего нет в издании Казанского авиационного института. Но это еще не все хитросплетения казанской ньютонианы.

Я уже упоминал, что на моем экземпляре книги **Ж.Б. Био. Биография Ньютона** (Москва, 1869) имеется Ex Libris: «Из библиотеки профессора Д.И. Дубяго». А вот в юбилейный академический сборник статей «Исаак Ньютон, 1643–1727» включена статья сына профессора Д.И. Дубяго, тоже профессора — А.Д. Дубяго: «Кометы и их значение в общей системе ньютоновских “Начал”» (с. 235–263). Андрей Дмитриевич Дубяго (1903–1959) — известный русский астроном, основатель Казанской кометной школы, уроженец Казани... Тут уж волей-неволей убеждаешься, что даже слепому случаю порою бывает присуще эстетическое чувство...

\*\*\*

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что в нашем рассказе о казанской ньютониане очень часто возникает фигура академика С.И. Вавилова. Но в этом нет ничего удивительного. Сергей Иванович был настоящим библиофилом. Вавилов занимался изучением трудов Ньютона более 20 лет. «Исследования С.И. Вавилова были в основном посвящены оптическим работам Ньютона и перекликались с трудами академика А.Н. Крылова, в которых изучались работы Ньютона в области математики, механики и астрономии. А.Н. Крылов и С.И. Вавилов заложили основы нового направления исследований в области истории науки, которое может быть названо ньютоноведением»<sup>11</sup>.

Ничего удивительного нет и в том, что академик С.И. Вавилов лично руководил эвакуацией в Казань Физического института. Именно по его настоянию в Казань была полностью перевезена богатейшая научная библио-

отека ФИАНа. «Библиотека Физического института была единственной академической библиотекой, почти полностью эвакуированной и открытой для пользования всеми академическими учреждениями. Она принесла трудно оценимую пользу Академии в Казани», — напишет он в 1945 г.<sup>12</sup>

Впрочем, пользовались академической библиотекой не только сотрудники институтов. Будущий профессор, Сергей Петрович Капица, вспоминает, как он, тогда еще подросток четырнадцати лет, находясь в эвакуации вместе с отцом в Казани, увлекся астрономией. И эта его страсть подпитывалась из мощного академического источника: «В читальном зале Физического института Академии наук была масса журналов, которые мне были вполне доступны»<sup>13</sup>.

Между прочим, в связи с нашей темой будет любопытно еще одно свидетельство, касающееся казанского периода жизни Сережи Капицы. «Он удивительно серьезен и работоспособен, — сообщает в письме от 26 февраля 1943 Ольга Алексеевна Стецкая, заместитель директора ИФП, Анне Алексеевне Капице, матери Сергея. — Он, например, самый аккуратный посетитель ньютоновской сессии. Так странно среди такой почтенной аудитории видеть серьезное детское личико, которое с неослабным вниманием слушает все доклады. Хотя некоторые доклады ему нравятся больше, другие меньше. Это не бойкость молодого человека, который чувствует, что ему, сыну крупного ученого, доступно все. Нет, это настоящий интерес. Поэтому он сидит скромненько, в последних рядах, немного нахмуренный, с опущенной от смущения головой»<sup>14</sup>.

И, похоже, интерес к ньютоновской теме — это наследственное у Сережи Капицы. Ведь его дед, академик Алексей Николаевич Крылов, был автором первого перевода на русский язык ньютоновских «Математических начал натуральной философии» (1916 г.)<sup>15</sup>.

Среди пяти книг, изданных в 1943 году в СССР к юбилею Исаака Нью-

тона, как мы помним, и брошюра академика А.Н. Крылова — «Ньютон и его значение в мировой науке (1643–1943)». Но, вообще-то, это не единственная его работа казанского периода, посвященная великому англичанину. «В то время он заканчивал работу над своими воспоминаниями и читал нам вслух только что написанное, — вспоминает С.П. Капица. — Часто не было электричества, только маленькие коптилки, при тусклом свете которых он, похожий на библейского старца, читал глуховатым голосом замечательную историю своей жизни, а мы сидели у его ног. Это было необычайно... Всю книгу он написал за три месяца. Рукопись до сих пор хранится у моего брата, написанная поразительно четким почерком. Прямо с этой рукописи, минуя машинописную копию, книга и набиралась тогда, в срок третьем году в типографии Академии наук. «Мои воспоминания» — классический образец русской мемуарной литературы. Они написаны очень ясно, образно и живо»<sup>16</sup>. Первое издание мемуаров вышло в 1945 г. Нашлось в них место и эпизоду, относящемуся к работе над переводом с латыни на русский «Математических начал натуральной философии» в 1914–1916 гг.<sup>17</sup>

Существует и еще одна, малоизвестная сегодня, работа академика А.Н. Крылова, подготовленная им в Казани в 1943 г., в которой он опять обращается к творчеству Ньютона. Это — сборник избранных лекций, прочитанных им за 50 лет преподавания в Военно-морской академии: «Мысли и материалы о преподавании механики». — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. — 75 с. (5000 экз.).

\* \* \*

В 1942–1943 гг. Казань стала неформальным интеллектуальным эпицентром ньютоновских торжеств. Такой концентрации исследований, посвященных жизни и творчеству Исаака Ньютона, не было, пожалуй, нигде в мире. «Невиданная война заставила ограничить ньютоновские торжества

в Англии, США и других странах, как можно судить теперь по дошедшим до нас иностранным журналам, — писал академик С.И. Вавилов. — Не появилось ни одной книги, посвященной Ньютону, юбилей был отмечен лишь немногими собраниями и небольшими журнальными и газетными статьями»<sup>18</sup>.

Внимательный читатель, впрочем, может заметить, что сам С.И. Вавилов в предисловии к творческой биографии «Исаак Ньютон» ставит местом написания другой город — Йошкар-Олу. Дело в том, что в Йошкар-Олу был эвакуирован из Ленинграда еще один институт, которым также руководил Вавилов, — Государственный оптический институт (ГОИ). Фактически Вавилов жил в это время «на два дома»: по воспоминаниям сотрудников ФИАНа, один-два раза в неделю он обязательно бывал в Казани. «Его ничто не могло остановить: ни переполненные вагоны, в которых нередко всю ночь приходилось стоять, ни томительные ожидания поезда, редко ходившего по расписанию и часами простаивающего на станциях или даже между ними, “набирая пары”»<sup>19</sup>. 140 километров от Йошкар-Олы до Казани поезд проходил за 12 часов. Вавилов часто не мог, из-за проблем с сердцем, выдержать духоты в вагоне, и весь путь проводил в тамбуре, где воздух был более свежим.

«Работа над биографией Ньютона, проходившая в “свободное время”, была, насколько я понимаю, работой для души, — вспоминал академик, будущий Нобелевский лауреат по физике, Виталий Гинзбург; в 1943 году он, сотрудник ФИАНа, также находился в эвакуации в Казани. — Чувства и мысли С.И. Вавилова нашли, несомненно, отражение в самой книге, но особенно ясно они, по-видимому, выражены в предисловиях к первому и второму изданиям»<sup>20</sup>.

Как бы там ни было, но, очевидно, что вся предпечатная подготовка рукописей делалась именно в Казани, куда, как мы помним, было эвакуировано и Издательство АН СССР.

Но уже осенью 1943 г. научные учреждения Академии наук СССР начали возвращаться в Москву. Одним из первых, в ноябре, был переведен Физический институт; в мае 1945 возвратился в Ленинград из Йошкар-Олы и Государственный оптический институт. И все же, феномен «Казанской ньютонианы» 1942–1943 гг. до сих пор остается удивительным примером, если можно так сказать, интеллектуального сопротивления энтропии войны.

Закончить эту статью хочется еще одной цитатой из сборника, изданного Казанским авиационным институ-

том. «Советский народ всегда высоко чтит передовых представителей мировой культуры, лучшим из которых является Ньютон... работы Ньютона с особым вниманием изучаются в России. Все наиболее крупные сочинения Ньютона переведены на русский язык и таким образом стали доступными самым широким читательским кругам. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране, не исключая даже, быть может, и родины Ньютона, не сделано столько для популяризации работ Ньютона, сколько сделано у нас в СССР»<sup>21</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Из всех перечисленных авторов на русский язык была переведена только работа французского ученого Жана Батиста Био: *Ж.Б. Био. Биография Ньютона* / пер. с фр. В. Ассонова, Москва, типография Т. Рисе, у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1869. — 111 с.

<sup>2</sup> *Васильев В.И.* Войне вопреки... Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 / М.: Наука, 2005. — 144 с. (с. 6).

<sup>3</sup> *Немировский Е.Л.* Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. — М.: Время, 2010. — 1088 с. (с. 945).

<sup>4</sup> *Васильев В.И.* Указ. соч., с. 7.

<sup>5</sup> *Васильев В.И.* Указ. соч., с. 21.

<sup>6</sup> *Лёвшин Л.В.* Сергей Иванович Вавилов, 1891–1951 / Отв. ред. Н.А. Борисевич. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 2003. — 421 с. (с. 199).

<sup>7</sup> *Немировский Е.Л.* Указ. соч., с. 942, 943.

<sup>8</sup> *Лёвшин Л.В.* Сергей Иванович Вавилов, 1891–1951 / Отв. ред. Н.А. Борисевич. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 2003. — 421 с. (с. 174).

<sup>9</sup> Сэр Исаак Ньютон. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / Перевод с 3-го англ. изд. 1721 г. и примечания С.И. Вавилова, М.-Л., Госиздат, 1927. — 373 с. — («Классики естествознания», книга семнадцатая) (3000 экз.).

<sup>10</sup> *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. Второе издание, просмотренное и дополненное. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. — 230 с. (с. 225).

<sup>11</sup> *Лёвшин Л.В.* Указ. соч., с. 284.

<sup>12</sup> *Вавилов С.И.* Физический кабинет. Физическая лаборатория. Физический институт Академии наук СССР за 220 лет / М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — С. 66–67.

<sup>13</sup> *Капица С.П.* Мои воспоминания / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 271 с. (с. 56).

<sup>14</sup> *Капица С.П.* Указ. соч., с. 53–54.

<sup>15</sup> И. Ньютон. Математические начала натуральной философии // «Известия Николаевской морской академии». Вып. IV, V. Петроград, 1915–1916. — С. 276 + 277. Перевод с латинского с пояснениями и примечаниями Флота Генерал-Лейтенанта А.Н. Крылова, заслуженного профессора Академии. Энциклопедический формат. Тираж не указан.

<sup>16</sup> *Капица С.П.* Указ. соч., с. 54–55.

<sup>17</sup> *Крылов А.Н.* Воспоминания и очерки / Изд-во Академии наук СССР, М.: 1956. — 884 с. (с. 227–228).

<sup>18</sup> *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. Второе издание, просмотренное и дополненное. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. — 230 с. (с. 5).

<sup>19</sup> *Лёвшин Л.В.* Указ. соч., с. 204.

<sup>20</sup> Академик В.Л. Гинзбург. «Об этой книге», см: *С.И. Вавилов.* Исаак Ньютон: 1643–1727. — 4-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 271 с., ил. — (Научно-биографическая серия) (с. 5–6).

<sup>21</sup> И. Ньютон [1643–1943] / Казанский авиационный ин-т, Казань, 1943. — 82 с. (с. 5, 6).

УДК 355.018:63(091)

## СЕЛО ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

*А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук, доцент*

В советской историографии, посвященной военной проблематике, в ряду важных факторов победы отмечались достаточно мощные мобилизационные ресурсы созданной в 1930-е гг. колхозной системы. Эта трактовка по существу не оспаривалась в постсоветский период, когда стали кардинально пересматриваться многие сюжеты советской истории. Правда, менялись оценки этих мобилизационных ресурсов: они интерпретировались уже не как хорошо организованный труд, а как неоправданная эксплуатация людей при помощи хорошо подходившей для этого колхозной системы. Расширилась и трактовка вклада крестьянства в эту победу, который рассматривался уже не только как результат обусловленного исключительно патриотическими чувствами сознательного напряженного труда, но и как не всегда оправданной эксплуатации людей.

А между тем, не претендуя на исчерпывающий анализ рассматриваемой проблемы, хотелось бы обратить внимание на то, что в годы войны власти отчасти дезавуировали колхозную систему такими мероприятиями, как раздача колхозной собственности, сотрудничество с теми, кто так или иначе проявил нелояльность к коллективизации. Как и по всей стране, война увела из деревни республики самых здоровых, самых сильных работников, самую качественную технику, лучших лошадей, однако не сняла с нее обязанности кормить страну, армию в первую очередь. Ответственность Татарской республи-

ки в этом отношении повысилась в результате того, что уже в первые месяцы войны были оккупированы западные территории страны. Иными словами, когда перед государством стоял вопрос между жизнью и смертью, идеологический ригоризм в экономической политике был отброшен. В чрезвычайно усложнившихся условиях власти вынуждены были закрывать глаза на то, как организован труд крестьян, лишь бы они справлялись со своей основной задачей — производством продовольствия.

Неизбалованное техническим изобилием и в предвоенные годы сельское хозяйство в годы войны лишилось в значительной степени имевшейся материально-технической оснастки. Уже в первые месяцы войны из Татарстана было мобилизовано более 3 тыс. грузовых автомобилей, около 400 тракторов. В аграрном производстве остались худшие машины устаревших марок, которые в иных условиях следовало бы списать. Обострилась и проблема горючего на селе. Чтобы эффективно использовать резко ослабленную базу аграрного производства, крестьяне, по сути дела спасая колхозный скот и земли, забирали их в личное пользование.

Всеобщая мобилизация лишила село и его наиболее трудоспособной части — мужчин — главным образом работающих с техникой. В общей сложности в первый же год войны численность населения в колхозах республики сократилась на 150 тыс. человек, т.е. на 9%. При этом число трудоспособных в колхозах

сократилось на 19%<sup>1</sup>. Тенденция сокращения как общей численности колхозного населения, так и трудовых ресурсов села стойко сохранялась вплоть до 1944 г. Лишь в 1945 г. несколько увеличилась общая численность сельского населения и довольно заметно его трудоспособная часть — соответственно на 1 и 10%. На фронте оказалась и большая часть работников низового и среднего управленческого аппарата аграрной сферы, которой, как известно, почти не коснулась система бронирования. Так, в Татарстане уже во второй половине 1941 г. были заменены 65% председателей колхозов и 66% бригадиров полеводческих бригад<sup>2</sup>. В этих условиях руководство колхозами часто попадало в руки тех, кто ранее скомпрометировал себя как противник колхозного строя. В ряде районов на пост председателя колхозов были выдвинуты люди, имевшие «кулацкое» прошлое, участники вилочных восстаний 1920-х гг., люди, имевшие судимость за антиколхозную агитацию<sup>3</sup>. Правоммерно предположить, что это были наиболее смекалистые и предприимчивые крестьяне. Этим, в частности, объяснялось возрождение в годы военного лихолетья у крестьян надежд на ликвидацию колхозной системы, возвращение к традиционному сложившемуся крестьянскому доколхозному укладу жизнедеятельности.

Отчасти росту антиколхозных настроений способствовало положение, складывающееся на фронте в первый период войны. Так, в селе Старая Михайловка Альметьевского района в 1942 г. была арестована группа граждан, которая не только «срывала» государственные мероприятия в области сельского хозяйства, но и высказывала «пораженческие» настроения<sup>4</sup>. Один из жителей этого села, вернувшийся из плена, публично восхвалял жизнь в Германии. «Нам, — говорил он, — до немецкой культуры далеко, нужно еще прожить 50 лет, чтобы сравняться, немцы ходят и одеваются чище нас». Тут же другой участник беседы добавил:

«Скоро немцы придут сюда, они уже забрали г. Баку, Сталинград, беспощадно бомбят Куйбышев, нас здесь скоро освободят от советской власти, от этих колхозов». Причем эти высказывания шли от руководителей колхоза. Не случайно в данном хозяйстве отмечались срыв планов поставок, развал трудовой дисциплины. Как отмечалось в обвинительном заключении по делу руководителей колхоза, «колхозники на работу выходили в 10—11 часов и бросали работу в 3—4 часа дня». В этом же документе отмечалось «разбазаривание хлеба на внутрихозяйственные нужды» при существенных недопоставках его в государственный фонд. Очевидно, «разбазаривание» означало стремление руководителей хозяйства обеспечить более-менее сносное существование односельчан. Завхоз этого колхоза, мотивируя недопоставки в государственный фонд, говорил: «Если мы будем отправлять хлеб государству, то колхозников оставим голодными».

Как следует из процитированной докладной записки органов внутренних дел, аналогичная ситуация отмечалась и в ряде других хозяйств района. Так, в целом на середину ноября 1942 г. выполнение плана хлебосдачи здесь составляло 34%. Задержка с вывозкой хлеба государству объяснялась «крайне плохой организацией обмолота хлебов со стороны руководства района», т.е. субъективными причинами. В этой же записке отмечается, что «из 62 конных молотилок, имеющихся в колхозах, на молотье используются только 40, остальные 22 из-за неисправности не используются. Из 14 сложных молотилок и 17 комбайнов МТС более-менее регулярно работают только 7—8 молотилок и 8—9 комбайнов. Остальные продолжительное время простаивают вследствие частых поломок по вине малоопытных машинистов и комбайнеров». Далее следует вывод о несознательности руководства колхоза, слабой воспитательной работе среди рядовых колхозников.

Таким образом, фактически непосредственные хозяйственные руководители превращались в «козлов отпущения». С одной стороны, председателей осуждали за невыполнение сельхозобязательств. Так, председатель колхоза «Красное Калиново» Акташского района И.Н. Агапов за то, что после первого обмолота ржи раздал 4,5 ц хлеба в виде пайка колхозникам, чтобы спасти их от неминуемого голода, был осужден на 8 лет лишения свободы<sup>5</sup>. С другой стороны, боясь наказания за невыполнение жестких государственных заданий, некоторые руководители хозяйств учиняли настоящую расправу над крестьянами и, в конечном счете, получали наказание за превышение власти. Так, председатели исполкомов Ямашского, Мавринского, Новоникольского и Ерсубаевского сельских советов Акташского района и Демкинского сельсовета Аксубаевского района были привлечены к уголовной ответственности «за принуждение вплоть до обыска в хозяйствах ... при сборе средств на постройку танковой колонны от колхозников»<sup>6</sup>.

Репрессивные меры по отношению к руководителям аграрного производства усиливались по мере избавления от внешнего врага, как усиливался и мобилизационный характер аграрной политики. Так, в течение хлебозаготовительной кампании 1943/1944 г. было предано суду 138 председателей колхозов, а только за первый квартал 1946 г. — 168<sup>7</sup>.

Однако внеэкономический нажим не мог полностью компенсировать потери в рабочей силе и технике. Несмотря на двойные, тройные усилия сельских тружеников и привлеченных в порядке трудовой повинности на сельхозработы горожан, далеко не всем хозяйствам республики удалось справиться с уборкой урожая 1941 г. Селяне, в которых еще не была вытравлена недолгим существованием колхозного строя крестьянская психология рачительного хозяйствования, как личную трагедию воспринимали несовершенные

поля, неубранный хлеб. «До сих пор болит душа, когда вспоминаю, сколько хлеба осталось тогда на полях», — говорила о первом годе войны работавшая тогда механизатором М.И. Котанкина<sup>8</sup>.

Трудно проходили сельскохозяйственные кампании и в последующие 2 года. «1942 год был очень напряженным, — вспоминает уже упоминавшаяся Котанкина. — Члены женской бригады понимали: фронту нужен хлеб. Много хлеба. Работали сутками. Днем жали, ночью молотили... На уборке 1942 г. мы работали с помощницей сразу на двух комбайнах. Один налажу, бегу к другому. Помощниками-то ведь малые дети работали, на них комбайн не оставишь»<sup>9</sup>.

В 1943 г. трудности военного лихолетья достигли своего апогея. Больше чем когда-либо за годы войны сократилось поступление запасных частей и горючего. Нехваткой кормов были до предела ослаблены лошади, сократились посевные площади. Заслуженный механизатор Татарской АССР Ш. Мухутдинов, впервые приступивший к боронованию весной 1943 г., так вспоминает то суровое время: «Где уж в то время выполнять норму? Мальчишки погоняли лошадей, а сами беспокоились, как бы, обессилев, они не упали. И работать надо, и лошадей жалко»<sup>10</sup>.

В 1944 г., когда наступил твердый перелом на фронте в пользу Советского Союза, крестьянам, как и всему народу, стало морально легче переносить все тяготы военного времени. Посевная кампания 1945 г. совпала с капитуляцией Германии. В деревне, как и по всей стране, это вызвало огромный энтузиазм народа. Несколько улучшилось и материальное оснащение аграрной экономики. 3 февраля 1945 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства Татарской АССР», в соответствии с которым республике была оказана помощь семенами, машинами. Это благоприятно отразилось на результатах

сельскохозяйственного производства. Впервые за военные годы план сева колхозами Татарской республики был выполнен на 100,1%, в лучшие сроки была проведена в республике уборка хлебов. Татарская республика сдала хлеба государству больше, чем в 1944 г.

Однако эти результаты достигались, главным образом за счет колоссальных жертв резкого снижения жизненного уровня населения. Все, что производилось крестьянами, отправлялось на фронт. Тяжелым бременем на плечи крестьян ложились обязательный заем, денежные сборы на обеспечение армии. Добровольцев подписаться на заем или внести взнос в Фонд обороны было немного, поэтому сборщикам приходилось употреблять силу и настойчивость при выполнении непомерных заданий. Займы являются одним из самых горьких воспоминаний и тех, на чьи плечи ложилась обязанность по их выколачиванию из крестьян. К этой работе широко привлекали сельских педагогов. Учителя с 40–50-летней педагогической практикой рассказывали, что самым тяжелым в их работе были не суровые условия во время войны, когда приходилось обучать изможденных голодных учеников в холодных зданиях при отсутствии учебников, тетрадей и карандашей. Труднее и горестнее всего была так называемая агитаторская работа в 1940–1950-е гг., которая заключалась в принуждении людей к подписке на заем, сборе налогов и недоимок и т.п. Усталые, сами полуголодные учителя вынуждены были ходить по селу и собирать молоко, яйца, сушеную картошку. Чего только не приходилось выслушивать молодым учительницам от крестьян, которых иногда часами приходилось уговаривать поставить подпись в листе на заем с учетом вычета из будущего вознаграждения за труд. Для выполнения неукоснительных требований районных властей по выполнению заданий приходилось являться к крестьянам на рассвете до выгона в стадо скота, чтобы у неплательщиков налогов силой отбирать животных.

Порой для выполнения обязательств агитаторы сами доили корову и забирали молоко, не оставляя ни капли детишкам, последнюю горсть зерна, последнюю картошку. По словам Сажиды Курамшиной, учительницы из Нового Надырова, у нее до сих пор перед глазами односельчанка Нурлыхадар, мать четверых детей, вдова фронтовика, умоляющая оставить в доме хоть немного картошки<sup>11</sup>. Не отобрать – было рискованно: могли сурово наказать за укрывательство. Случаи доведения такой информации до нужных инстанций были не редкостью.

К концу войны село находилось на грани выживания. Самыми тяжелыми были 1944–1945 годы. Крестьяне уставали физически от сверхнапряженного труда, уставали морально от приходивших с фронта похоронок. Отдавая все фронту, деревня была обречена на полуголодное существование, негативно сказывавшееся на состоянии здоровья людей. По данным НКВД, в 1943 г. наблюдался резкий рост заболеваний сыпным тифом. В 1944 г. количество больных дистрофией в ряде районов республики доходило от 2000 до 3000 человек, септической ангиной – около 24000 человек, умерло 6097 человек<sup>12</sup>.

Однако аграрная политика не только не ослабевала, а даже ужесточалась. Норма выработки трудней росла с каждым военным годом, крестьяне почти ничего не получали взамен. В годы войны выдача зерновых и картофеля на душу населения сократилась примерно в 3 раза<sup>13</sup>. С окончанием войны сельские труженики небезосновательно ожидали, что власти ответят благодарностью за их невероятный труд в сложных условиях военного времени, в результате которого они оказались в состоянии крайней усталости и невероятного обнищания. Ожиданиям крестьян не суждено было сбыться. После войны мобилизационный характер аграрной политики не ослабел, хотя сельское хозяйство находилось в упадке и нуждалось в государственной поддержке. Из-за нехватки кормов сократилось по-

голове общественного стада. Низкой была урожайность зерновых. Как у колхозов, так и у единоличных хозяйств, сохранявшихся в 1940-е гг., был непомерно высокий план государственных поставок. Государство забирало все подчистую. Налог на хозяйство составлял 40–60 кг мяса, 200–500 л молока, а также шерсть, шкуры, яйца, независимо от того, производилась ли в нем данная продукция или нет. Положение в Татарстане усугублялось и крайне неблагоприятной погодой первых послевоенных лет: засухами 1946, 1948, 1949 гг.

Людей охватывало отчаяние. Вернувшийся с фронта уроженец с. Новое Надырово Альметьевского района Мазит Аюпов говорил своим землякам: «Скучаю по фронтовому прошлому, на войне было легче, там, по крайней мере, еды хватало»<sup>14</sup>. Основной едой первых послевоенных лет были лебеда и крапива, особенно ценился борщевик. Привычной картиной в домах рачительных хозяек была повсюду, где только можно, разложенная для сушки трава – припасы на зиму. Голод сказывался и на поголовье домашнего скота: его почти не осталось, так как нечем было кормить. Те, у кого все-таки имелась корова, были вынуждены разбирать соломенные крыши своих домов на корм скоту. Порою в дождливые дни с потолков так капало, что, спасая от влаги, приходилось подушки, матрасы складывать в одну стопку и ложиться поверх них.

Помимо перманентного чувства голода, крестьяне испытывали и чувство холода. Большой проблемой для республики были дрова. Заготовка их в деревнях из-за нехватки лошадей была крайне затруднительна. Чтобы экономить ценное топливо, несколько семей объединялись в одном наиболее крепком доме, а некоторые сельчане поселялись в баньку, на обогрев которой требовалось меньше дров.

У крестьян не было средств обустроить свой быт: отремонтировать обветшавшие дома, хозяйственные построй-

ки, обзавестись приличной одеждой. Долгие годы работавший председателем впоследствии одного из самых успешных колхозов «Искра» Атнинского района Ф.Г.Галиев, описывая свои первые впечатления после возвращения с фронта, пишет: «Глядя на Анвару Бадрееву, я подумал, до какой степени бедности может дойти человек. Одежда на ней была вся в заплатках, даже платок на голове пестрел ими»<sup>15</sup>. Одежда взрослых латалась до тех пор, пока ткань не расползалась. В обносках вырастали дети. Пеленками для детей служила старая одежда взрослых. До 2–5 лет ребятишки бегали в штанишках «без дна», чтоб меньше было проблем со стиркой. Не было никаких специальных предметов детского обихода. Колыбельку обычно делали своими руками. Вместо соски использовался разжеванный хлебный мякиш, завернутый в марлю.

В первые послевоенные годы сельские жители отчаянно боролись за выживание, они не спешили возвращать в колхозы обобществленные в период коллективизации земельные участки, а также скот. По материалам проверки, проведенной в 1946 г., в 1110 колхозах 26 районов республики, что составляло примерно их половину, было установлено самовольное расширение приусадебных участков у 3 тыс. колхозных дворов и 1518 хозяйств, не входивших в колхозы<sup>16</sup>.

К весне 1946 г. у крестьян республики было отобрано более 91 тыс. га земли, так или иначе оказавшейся в их руках в годы войны. Было также отобрано около 2 тыс. коров и лошадей<sup>17</sup>. Однако мероприятия государства по изъятию колхозных земель во второй половине 1940-х гг. имели сиюминутный эффект. К ним в послевоенные годы приходилось прибегать почти ежегодно. Так, в 1948 г. в 3428 колхозах было выявлено более 20 тыс. случаев самовольных захватов колхозных земель на площади 3854 га разными организациями и лицами – не членами колхозов. Из них 3696 га было возвращено колхозам<sup>18</sup>. Согласно постановлению Совета министров

СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», принятому в июле 1950 г., правительство ТАССР не сумело остановить процесс расхищения общественных земель<sup>19</sup>. Это свидетельствовало о том, что крестьяне были полны решимости отстаивать свои права на землю. Не имея возможности получения справедливого вознаграждения за свой труд в колхозе, они были вынуждены становиться на путь хищений общественной собственности. По данным архива МВД РТ, в 1946–1948 гг. за это ежеквартально возбуждалось уголовных дел и придавалось суду от 600 до 2000 человек.

Помимо покушения на колхозную землю и хищений колхозного имущества, скрытый протест деревни против аграрной политики выражался и в уклонении от работы в колхозе. В 1946, 1947, 1948 гг. почти половина колхозов республики за работу в общественном производстве не выдала ни копейки, в остальной половине хозяйств выдача денег была символической — одна копейка в расчете на один трудовой день. Другой основной компонент трудового дня — выдача зерна — также был незначительным. В 1948 г. почти половина колхозов республики выдала по 300 г зерна на трудовой день, четвертая часть — от 300 до 500 г, и где-то пятая часть — от 500 г до 1 кг<sup>20</sup>. В результате только 2,4% дохода колхозников приходилось на трудовой день, остальную часть дохода давало личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

При этом тяга к благотворной деятельности на родной земле у крестьян была сильной, но не в колхозном производстве, не дававшем возможности обеспечить достойную жизнь. В этой связи характерен пример колхоза «Красный Болгарец» (с. Болгары) Куйбышевского района. В 1951 г. здесь была «изобличена группа бывших кулаков, на протяжении ряда лет подрывавших общественное хозяйство колхоза»<sup>21</sup>. Речь шла о раскулаченных в начале 1930-х гг. 15 семьях, вернувшихся после войны в родные места, главы которых воевали на фронте. Воодушевленные победой,

с желанием жить и работать на родной земле, все вернувшиеся приобрели себе дома, обзавелись скотом, пасаками, получили в колхозе приусадебные участки. Один из них, единоличник А. Рябов, построил двухэтажный дом с собственной мастерской на нижнем этаже площадью 54 кв. м, оборудовал ее полным комплектом столярных инструментов, токарными станками, круглой пилой, выполнял там частные заказы. Другой житель этого села Ф. Тяников построил два дома, обзавелся скотом, собственной пасекой из 18 ульев, двумя лодками, в том числе одной моторной, рыболовными снастями, засеивал огород. Еще один бывший зажиточный житель этого села Н. Е. Кузнецов, сбежавший из села в 1930 г., боясь раскулачивания, занял отобранный у него дом, получил приусадебный участок, приобрел корову, пять овец, пасеку, в колхоз не вступал.

Во многом благодаря упорному труду на крестьянском подворье оставшихся на селе настоящих рачительных хозяев выполнялся план поставок сельхозпродукции. К примеру, в 1949 г. в Альметьевском районе колхозы сдали 1890 ц мяса при плане 2080 ц, а личные подворья — 2536 ц при плане 2250 ц, соответственно молока колхозы сдали 7276 л при плане 7045 л, индивидуальный сектор — 10202 л при плане 8864 л, яиц соответственно — 242535 при плане 244100 и — 570554 шт. при плане 529800 штук<sup>22</sup>. Иными словами, план сельхозпродукции выполнялся и даже перевыполнялся районом за счет крестьянских хозяйств. Потенциал общественного сектора использовался в районе крайне неэффективно. Так, в 1947 г. машинно-тракторный парк эксплуатировался не более чем на 70%, живое тягло колхозов — на 60%, трудовые ресурсы на 65%. Кредиты, отпущенные государством на строительство животноводческих построек и покупку племенного скота, были израсходованы лишь на 56%, на строительство электростанций — на 63% и на растениеводство — на 15%<sup>23</sup>.

Казалось бы, выход из тяжелого кризиса, в котором находилось сель-

ское хозяйство, был очевиден: большей живучестью, эффективностью даже в условиях грабительского отношения со стороны государства обладали индивидуальные хозяйства, значит, ставку надо было делать на них. Однако власти выход искали совсем в другом направлении — усилении административно-бюрократической системы на селе. Были предприняты меры по укрупнению колхозов, в результате которых колхозы в небольших селах превращались в бригады колхозов, их центральные усадьбы располагались в близлежащих более крупных населенных пунктах. В итоге маленькие поселения приходили в упадок и постепенно совсем исчезли. Параметры хозяйствующих объектов в аграрной отрасли увеличились. Если до процессов укрупнения на каждый колхоз в республике приходилось в среднем 73 двора, 113 трудоспособных колхозников и 740 га пашни, то после объединения — соответственно 297 дворов, 901 человек и 1960 га<sup>24</sup>. Процесс укрупнения сопровождался усилением коммунистической прослойки на селе. До объединения мелких колхозов первичные партийные организации имелись в 49% колхозов, после объединения — в 70%<sup>25</sup>. Это облегчало работу центральных органов с местным руководством. Путем угрозы потери партбилета с него в условиях грабительской аграрной политики и нищенского существования крестьян легче было требовать выполнения заведомо невыполнимых планов.

Конечно, в республике были примеры успешных хозяйств, в которых ценою напряженнейшего труда рядовых колхозников добивались успехов в общественном производстве. Наглядным примером в этом отношении является колхоз «Зай», сумевший в 1946 г. стать единственным в республике колхозом-миллионером. Большую роль здесь сыграли вчерашние фронтовики. Не только здесь, а и по всей стране на плечи многих из них легла основная ноша в послевоенном восстановлении сельского хозяйства. Сумевшие

выжить в страшной войне, они знали цену дисциплине, сплоченности, четкости выполнения руководящих указаний и распоряжений. Команда именно таких людей пришла к руководству в колхозе «Зай» в с. Новое Надырово. Возглавил его 33-летний Хады Рахманов, вернувшийся с фронта после тяжелого ранения в 1943 г. К этому времени он, несмотря на молодость, прошел огромную жизненную школу. Время, когда он вступал в фазу активной социальной жизни, совпало с периодом становления колхозного строя, формированием комсомольской организации. Хады был в ее первых рядах и в авангарде борьбы за организацию колхоза «Зай». Организаторские способности и энергичная готовность служить советской власти не остались незамеченными. В начале 1930-х гг. его выдвигают в районные управленческие структуры. Сначала он работал в районных организациях ВЛКСМ, ВКП(б), затем служил в органах НКВД. Вернувшись с серьезным увечьем с войны, после небольшого отдыха, Х. Рахманов заступил на пост председателя колхоза. Поднимать запущенное хозяйство в «Зае» начали с налаживания дисциплины, со строжайшего учета и контроля. В колхозе была создана авторитетная ревизионная комиссия, которую возглавил также фронтовик Закир Закиевич Закиев, остававшийся им весь самый трудный период становления колхоза в 1946—1951 гг.

К концу войны колхоз «Зай» представлял собой, как и большинство колхозов республики, многоотраслевое хозяйство. В условиях послевоенной разрухи поднять одновременно все отрасли было нереально. Поэтому силы колхоза были сосредоточены на одном-двух производственных направлениях, приносящих наибольшую прибыль. Основная ставка была сделана на производство конопли. Выращивание этой культуры для здешних краев было занятием традиционным, им занимались еще в дореволюционные времена. Именно возделывание этой культуры

сделало «Зай» единственным в республике колхозом-миллионером и до середины 1960-х гг. обеспечивало славу одного из самых передовых хозяйств Татарской республики. К середине 1950-х гг. колхоз стал практически главным предприятием в республике, выращивавшим семена конопли первой репродукции сорта местная улучшенная Альметьевская.

Миллионные доходы колхоза надыровцам давались, однако, нелегким трудом. В большинстве колхозов к наступлению осенних холодов работы в полеводстве уже завершались, а в Новом Надырове они затягивались до глубокой зимы. В выращивании конопли господствовал ручной труд. Приходилось подолгу в плохонькой одежде, без специальной обуви стоять в холодной осенней воде, когда наступало время доставать из реки вымоченные стебли. Мять, тереть коноплю босыми ногами доставалось ребятам. Кто сейчас может точно сказать, какой вред наносило это занятие неокрепшему детскому организму? Тогда ведь никто не думал о наркотических свойствах конопли. Надыровцы вспоминают, что во время работы с ней нередко появлялись необычный прилив энергии, какая-то необъяснимая эйфория, а затем — головокружения, головные боли. Ражяп Мухаметов, главный батыр на сабантуях, рассказывал, что, работая на перевозке конопли, не мог выдержать даже до обеда: голова «раскалывалась». Многие надыровские женщины приобретали тяжелые хронические заболевания. По наблюдениям надыровцев, в их селе по сравнению с соседними отмечалась более ранняя женская смертность. Однако в те годы надыровцы не задумывались о том, что занимаются вредным для здоровья трудом. Они привыкли трудиться с утра до вечера, поддерживая высокую марку колхоза «Зай». Стабильно высокие результаты коноплеводческой отрасли, однако, не приносили колхозникам особого достатка. «Мы были «миллионерами», но хлеба досыта не ели, как в соседней Мактаме», «Где

они были, наши миллионы? Мы их не видели, не ощущали!», — таковы характерные высказывания надыровцев, переживших советскую эпоху. Производственные успехи колхоза «Зай» были скорее исключением, чем типичным примером в сельскохозяйственной отрасли в послевоенную пору. Низовые структуры руководящих органов часто занимались лишь имитацией деятельности по реализации аграрной политики, видимо, осознавая невозможность ее успешного выполнения. К примеру, в 1947 г. газета «Правда» писала: «В Татарской республике еще не подготовлено 70% комбайнов и 90% молотилок. Почти 4 часа продолжалось обсуждение докладов. Председателям было задано много вопросов, сделаны предупреждения. Никакому анализу работа колхозов не подвергалась. Настойчивая просьба председателей об оказании колхозам неотложной практической помощи потонула в бесконечных репликах членов бюро»<sup>26</sup>.

Сельскохозяйственная отрасль развивалась по остаточному принципу, объективно она испытывала катастрофическую нехватку техники. В 1949 г. в колхозах республики имелось 618 автомашин, что составляло всего 36% от уровня 1940 г. Вследствие этого уменьшился размер пахотной земли: в 1950 г. по сравнению с 1940 г. она уменьшилась на 12 тыс. га<sup>27</sup>. Но для нормальной эксплуатации даже сократившегося поля республике не хватало ресурсов. В нормальные сроки засевалось менее 70% площадей, при этом по зяби — менее 50% яровых, весенний сев продолжался до 40 дней, осенняя уборка — до 50 дней. В отдельные годы, например в 1950 г., остались необранными значительные площади зерновых и других культур, на токах из-за отсутствия сушилок испортилось в большом количестве намолоченное зерно.

Многие хозяйства систематически из года в год не обеспечивали себя семенами. В начале 1950-х гг. собственными силами колхозы засеивали 36–38% посевной площади. Для выполнения и

перевыполнения плана хлебозаготовок они вынуждены были сдавать семенное зерно государству, обещавшему выдать семенную ссуду позднее. Она, действительно, выделялась, но уже по цене, гораздо превышавшей ту, по которой колхозники осенью сдавали зерно государству. Доставка его в колхозы, по воспоминаниям колхозников, оставила одно из самых тяжелых впечатлений от тех лет. Как правило, выделяли семена в весеннее бездорожье, когда разливались весенние воды на полях. Голодные женщины, подростки на ручных санях тащили семена из государственных хранилищ на расстояние 20–50 км. Все это отрицательно отражалось на показателях растениеводческой отрасли. В четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) среднегодовая урожайность зерновых в республике не превысила 5,3 центнера с одного гектара, а валовой сбор хлебов – 65 млн пудов, что было в 2,5 раза меньше плановых заданий.

В крайне запущенном состоянии находилось и животноводство. Ни одна из его отраслей в республике не была рентабельной. Часть колхозов совершенно не имела на своих фермах скота или имела в незначительном количестве. Так, по состоянию на 1 января 1949 г. в 10 колхозах республики совсем не было коров, в 1198 хозяйствах имелось только по 1–5 коров, в 715 – по 6–7 коров, в 1586 – по 8–15 коров, в 111 – от 26 до 35 и только в 66 колхозах имелось свыше 35 коров. К последним двум группам относились колхозы, располагавшие большими земельными площадями, и в пересчете на каждые 100 га земли в этих колхозах приходилось по 1–2 коровы. Из-за плохого ухода животные не набирали необходимого веса, поэтому выполнять план сдачи скота приходилось гораздо большим количества голов, чем это было бы при хорошей упитанности скота. Только за 1948 г. колхозы республики сдали в счет мясопоставок на 5493 головы крупного рогатого скота и на 8968 голов овец и коз больше, чем пришлось бы при нормальной упитанности<sup>28</sup>. В частности, из-за этого поголовье

скота в республике в послевоенную пятилетку сократилось по разным видам животных на 40–60%<sup>29</sup>. Во многих колхозах не было постоянных кадров животноводов. Люди всячески избегали один из самых сложных участков в сельскохозяйственном производстве, каковым являлось животноводство, поскольку здесь господствовал тяжелый ручной труд при ненормированном рабочем дне и при низкой оплате труда.

Впрочем, жители сел, терявшие надежду на улучшение жизни, не хотели работать не только в животноводстве. Они стремились использовать любой шанс, чтобы вообще уйти от тяжелой крестьянской доли и попасть в город. Хотя сделать это было весьма непросто: крестьяне по-прежнему не имели паспортов и находились, по сути, в полукрепостном состоянии. Возможность легально уйти из деревни давала служба в армии, поэтому недостатка в призывниках не было. Задавленная антикрестьянской политикой, деревня легко поддавалась на заманчивые посулы вербовщиков, которые зазывали на тяжелую работу в необустроенные регионы. Массами сельские жители уезжали на шахты, в леспромхозы, на новые стройки. С 1940 по 1950 г. число колхозных дворов в ТАССР сократилось с 379,4 тыс. до 354,0 тыс.<sup>30</sup>

Массовое бегство крестьян из аграрной отрасли, низкие показатели сельскохозяйственного производства свидетельствовали о том, что военномобилизационный характер аграрной политики не оправдывал себя. В 1950 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) З.И. Муратов направляет Сталину письмо об ужасающем положении в деревне, конкретными цифрами показывая, что отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. К началу 1950-х гг. в Татарстане имелось 2 тыс. отсталых колхозов, имевших огромные недоимки. В среднем по республике они составляли по поставкам хлеба 6,25 ц на один га посева, а по отдельным

районам — от 9 до 12 ц. Недоимки молока по колхозам республики в расчете на одну корову составляли 500 л, а по некоторым районам — от 922 до 1500 л<sup>31</sup>.

Полуголодное и больное крестьянство при отсутствии материальных стимулов к труду не могло обеспечить эффективного производства, высокого качества работ. Отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. В конечном счете, это заставило власти внести кор-

рективы в аграрную стратегию. Обычно их связывают с личностью Н.С. Хрущева. Не отрицая его роли в смягчении аграрной политики, отметим, что еще в 1949 г. он был за трансформацию сельского хозяйства через крупные формы, огосударствление его. Военно-мобилизационная модель аграрного производства в первой половине 1950-х гг. сменилась во многом благодаря действиям самого крестьянства, модернизационные инициативы властей вызывались самой жизнью.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Подсчеты автора по кн. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. — С.396,398.

<sup>2</sup> *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. — Казань, 1977. — С. 143.

<sup>3</sup> *Гильманов З.И.* Указ. соч. — С. 145.

<sup>4</sup> Национальный архив РТ (НА РТ). Ф. 128. О. 13. Д. 169. Л. 345—347.

<sup>5</sup> НА РТ. Ф. 128. О. 13. Д. 202. Л.54.

<sup>6</sup> НА РТ. Ф. 128. О. 13. Д. 202. Л.34.

<sup>7</sup> Архив МВД РТ. Ф. 4. О. 59. Д. 9а. Л.8; По данным Файзрахманова Г.Л.

<sup>8</sup> Сельская новь. Орган Аксубаевского райкома КПСС. — 1983. — 26 марта.

<sup>9</sup> Сельская новь. Орган Аксубаевского райкома КПСС. — 1983. — 26 марта.

<sup>10</sup> Слава труду. Орган Бавлинского райкома КПСС. 1983. — 30 апр.

<sup>11</sup> Новое Надырово. Древняя столица края // Отв. ред. А. Галлямова. — Казань: Рухият, 2010. — С. 92.

<sup>12</sup> Архив МВД РТ. Ф.4. О.60. Д. 9А. Л. 3.

<sup>13</sup> *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. — С.341.

<sup>14</sup> Новое Надырово. Древняя столица края. — С. 101.

<sup>15</sup> *Галиев Ф.А.* Судьба хлеба / Пер. с татарского *В.С. Шакировой.* — Казань: Таткнигоиздат, 1987. — С. 73.

<sup>16</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 146. Л. 91.

<sup>17</sup> *Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г.* История Татарстана. XX век. IV часть. — Казань: «Хэтер», 1998. — С. 280.

<sup>18</sup> НА РТ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 7.

<sup>19</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 191. Л. 6.

<sup>20</sup> НА РТ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 3851. Л. 108.

<sup>21</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 128. Оп. 2. Д. 158. Л. 3.

<sup>22</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 29. Д. 28. Л. 103.

<sup>23</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 159. Л. 34.

<sup>24</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Д. 26. Л. 60.

<sup>25</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Д. 26. Л. 61.

<sup>26</sup> Правда. — 1947. — 30 июня.

<sup>27</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 139.

<sup>28</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 183, 185.

<sup>29</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 132. Л. 14.

<sup>30</sup> 50 лет Татарской АССР. Стат. сб. — Казань: Таткнигоиздат, 1970. — С. 93.

<sup>31</sup> Там же. Ф. 15. Оп. 31. Д. 15. Л. 148.

**Аннотация**

В статье рассматривается история сельского хозяйства и крестьянства в экстремальных условиях военного времени. Показаны резкое осложнение материально-технического и человеческого факторов развития аграрной отрасли, ухудшение жизненных условий сельских жителей Татарской Республики.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, колхозная система, тыл, советская деревня, Татарская АССР.

**Summary**

The article considers the history of agriculture and peasantry during the war period. The sudden complication of material technical and human factor of the development of the agrarian branch, worsening of the Tatar countrymen's living conditions are shown.

УДК 355.293

## БОЕВЫЕ ПОТЕРИ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (анализ и интерпретация массовых источников)

*А.А. Иванов, доктор исторических наук,  
главный редактор редакции Книга Памяти при КМ РТ*

Любая война, малая или большая, требует подведения итогов. Людей интересует все: исторические предпосылки ее возникновения, причины и виновники, материальные затраты, нанесенный ущерб и, наконец, людские потери.

Казалось бы, все это было подсчитано после окончания Отечественной войны. В стране узнали, сколько было разрушено городов и сел, разграблено колхозов и совхозов, уничтожено и вывезено материальных и духовных ценностей. Называли цифры погибших. В начале 1946 г. была названа официальная цифра – 7, в 1961 г. – более 20 миллионов. Сегодня прямые людские потери СССР, включая гражданское население, оцениваются почти в 27 миллионов человек.

Процесс подсчета оказался чрезвычайно сложным не только во всесоюзном и всероссийском масштабах. Он оказался не менее трудоемким и в масштабах областей и республик. Поэтому анализ боевых потерь с использованием новых источников и методик стал одной из главных задач в процессе создания Книги Памяти Республики Татарстан.

Двадцатый век был бурным и неспокойным. Революции и войны неоднократно сотрясали планету. Только мировые войны дважды потрясли мир. Если в Первую мировую войну было втянуто 38 государств и погибло 10 млн.

человек, из них 4 467 800 россиян, то во Второй мировой войне уже участвовало 61 государство и погибло 50 млн. человек, в том числе безвозвратные потери россиян составили 7 922,5 тыс.

Размах и ожесточенность боевых действий в годы Великой Отечественной войны, приведшие к многомиллионным жертвам, делают проблему боевых потерь, даже спустя десятилетия, чрезвычайно актуальной. Многие исследователи и публицисты пытались и ранее самостоятельно определить масштабы военных утрат, но при отсутствии документов, отрывочные данные приводили к субъективным рассуждениям, не подкрепленным первоисточниками. Документальная база до 1990-х г. была засекречена, никакие публикации не допускались. Официальные цифры были фальсифицированы, и поэтому военные потери Советского Союза стали ареной непрекращающихся споров среди отечественных и зарубежных ученых. И только фундаментальные исследования военных историков, прежде всего ученых Института военной истории Министерства обороны РФ, дали возможность взглянуть на эту проблему с большей объективностью, а полученные результаты позволили ученым в регионах страны начать более углубленные исследования.

Изначально неполные статистические данные в стране в целом отразились

на статистике в республиках и областях. Военные комиссариаты городов и районов Республики Татарстан, где хранилась, как оказалось потом, лишь незначительная часть документов, давали весьма разноречивые цифры. Пришлось осуществить большую по объему научно-исследовательскую и поисковую работу, прежде чем удалось приблизиться к объективным цифрам погибших.

Поиск и познание исторической истины всегда требуют надежных источников, кропотливого их изучения и анализа всей совокупности документов и компетентной их оценки. Без них не может быть правдивой истории.

Получив к ним доступ, мы попытались ответить на вопросы, ответы на которые давно ждала не только историческая наука, но и общественность. Главный из них: сколько солдатских жизней уроженцев Татарстана унесла минувшая война. Выбирая регион исследования, мы исходили из следующих моментов.

Во-первых, из всего многообразия вопросов, связанных с войной, все же наиболее сложным для исторической науки является методика учета безвозвратных потерь солдат и офицеров. На примере конкретной республики мы сделали попытку решить эту проблему и провести глубокие и всесторонние исследования с привлечением максимального количества документов и новых подходов.

Во-вторых, в Республике Татарстан (в то время Татарская АССР), как и в других регионах страны, не было научно подтвержденных данных о боевых потерях, в равной степени, как и о количестве военнослужащих, участвовавших в войне. Причем выбор региона объясняется еще и тем, что это был один из крупнейших районов Российской Федерации. Площадь его территории составляет 68 тысяч квадратных километров. Это больше, чем Чувашская, Марийская, Мордовская республики, вместе взятые. Татарская

АССР в годы войны обладала огромным военно-промышленным, сырьевым и сельскохозяйственным потенциалом. Она стала одной из главных тыловых баз страны, поставляя фронту 600 наименований военной техники, обмундирования и снаряжения, в том числе большое количество боевых самолетов, боеприпасов, высокоточных приборов, медицинского оборудования и др.

В-третьих, располагая значительными людскими ресурсами (население ТАССР на 1 января 1940 г. составляло 2 942,1 тыс. чел.), республика отправила на фронт десятки стрелковых, авиационных дивизий, отдельных полков, батальонов и других воинских подразделений, активно проявивших себя в боевых действиях.

И, наконец, углубленное исследование этой темы диктовалось необходимостью донести историческую правду до широких кругов населения Татарстана, выяснить истинные масштабы потерь, понесенных многонациональным народом республики в годы войны, показать ныне живущим и грядущим поколениям правду о войне: о многочисленных людских потерях и разрушениях, о подвигах земляков, отдавших жизнь за Отечество.

Вот почему и сегодня проблема боевых потерь, поиска каждого солдата, выявления его фронтовой судьбы, увековечения памяти остается задачей актуальной. Проблема эта не только научная, но и нравственно-этическая, затрагивающая глубинные основы общества и государства.

Специально данная проблема с применением новых, современных подходов, методик, статистической и машинной обработки в Республике Татарстан еще не исследовалась. Нами впервые проанализировано более 400 тысяч документов всех без исключения районных и городских военных комиссариатов республики, архивов Министерства обороны, документы Всероссийского научно-исследовательского института

документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), многочисленные печатные списки, изданные в России и странах СНГ.

Изучены 82 тысячи фильтрационных дел на бывших военнопленных, хранившихся до 1994 г. в архиве Комитета государственной безопасности Республики Татарстан. Автором изучено несколько тысяч дел архива Немецкого национального Союза по уходу за воинскими захоронениями в германском городе Касселе и т.д.

Применение компьютерной техники дало возможность принципиально по-новому организовать исследовательскую работу. Методика поиска и исследования разработана и внедрена с помощью специально созданных для этих целей оригинальных компьютерных программ, позволивших по отдельным признакам находить искомые персоналии и определять нужное лицо.

Впервые за всю послевоенную историю с достаточной степенью точности установлены и обнародованы:

- боевые потери в годы войны по каждому району республики в отдельности и в целом по Татарстану;

- названо достоверное число принимавших участие в Великой Отечественной войне, количество погибших и пропавших без вести;

- места гибели десятков тысяч считавшихся пропавшими без вести воинов-земляков;

- впервые подсчитаны и названы достоверные сведения о земляках, попавших в плен в годы войны;

- разработана и успешно применена на практике научно-обоснованная методика выяснения судеб погибших и пропавших без вести воинов;

- разработана единая информационная технология поиска сведений, обработки накопленной базы данных и издания на ее основе поименных списков Книги Памяти. Методология и методика поиска и исследования и созданные на ее основе компьютерные программы и базы данных нашли при-

менение во многих регионах России и стран СНГ.

Проведенные исследования и сделанные выводы дали основание заявить о том, что известные ранее сведения о количестве погибших граждан Татарстана являются далеко не полными.

По нашему мнению, данное исследование восполнило пробел в научной разработке одной из сложных в историографии Татарстана проблем.

В научный оборот введены свидетельства, биографические данные, ранее недоступные исследователям.

Найдены десятки тысяч документов, раскрывающих обстоятельства гибели, время и место захоронения соотечественников. Весь материал научно обработан и сдан на хранение в Национальный архив Республики Татарстан.

Во вновь образованном фонде № 8241 редакции Книги Памяти за 1941–1997 гг. для постоянного хранения размещено 1409 единиц хранения. Сюда вошли: списки погибших солдат и офицеров – уроженцев Татарстана, призванных на фронт военными комиссариатами республики; списки военнопленных солдат и офицеров из Татарстана; списки найденных мест захоронений солдат и офицеров, погибших и умерших от ран; документы десятков тысяч солдат и офицеров, находившихся на излечении в госпиталях на территории Татарстана. Здесь же шестнадцать дел, в которых хранятся найденные в многочисленных экспедициях фронтовые газеты, письма, свидетельства ветеранов войны о гибели однополчан, переписка редакции с родственниками погибших, статьи, справки, фотоальбомы и многое другое.

Таким образом, мы сделали попытку впервые фронтально, с применением разнообразных источников и их машинной обработки изучить, проанализировать, дать максимально приближенную к реальности истинную картину боевых потерь на фронтах Великой Отечественной войны уроженцев Республики

Татарстан и тем самым попытаться решить задачу, которая, несмотря на многочисленность более ранние исследования, так и не была решена.

Самостоятельной темы боевых потерь в советской историографии как объекта исследования долгое время не существовало. Свои точки зрения по этой сложной проблеме высказывали немногочисленные исследователи, но при малочисленности документов они отличались разбросом мнений, высокой степенью субъективности. Подходы и методики определения боевых потерь были и остаются по-прежнему разными, поэтому обнаруживается разное понимание этой проблемы.

Отчасти этим объясняется отсутствие специальных работ, раскрывающих творческую лабораторию процесса поиска, уточнения имен погибших солдат, увековечения в списках их памяти. Потому-то, делая попытку как можно глубже исследовать проблему, мы в процессе работы использовали монографии, диссертации, научные статьи, областные и республиканские Книги Памяти, документальную и документально-художественную литературу, имеющую близкое отношение к теме исследования. Однако все это играло вспомогательную роль. Основная же роль отводилась источникам.

В начале работы не было конкретной, до конца отработанной технологии поиска, но с накоплением опыта постепенно выстраивалась научная методика исследования.

Все полученные разными путями и из различных видов источников сведения заносились в компьютерную память в виде электронной картотеки. Каждая карточка в Центральном архиве Министерства обороны или другом архиве содержит следующую информацию: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения; военкомат призыва; номер воинской части; воинское звание; причины выбытия; место захоронения; номера описи, дела, листа; номер госпиталя или медсанбата.

Огромное количество обрабатываемых карточек (в начале работы 80 тысяч, сегодня — более 400 тысяч) заставило максимально сократить объем вносимой информации. Каждая электронная карточка позволяет хранить не более 206 символов на одного человека. (Хотя при необходимости количество символов можно увеличить практически неограниченно, программное обеспечение позволяло это сделать).

Усилиями специалистов редакции были разработаны оригинальные компьютерные программы. Технология работы и программное обеспечение изначально были ориентированы на накопление и корректировку информации из различных источников, независимых друг от друга. Были предусмотрены возможности объединения любой части накопленной информации и выполнение операций по корректировке, сортировке и т.д. При объединении разных частей информации выполнялась процедура по определению степени возможности повторов записей об одном и том же солдате из различных источников. Соответствующая компьютерная программа, просматривая каждую запись, сравнивает ее данные с данными всех остальных записей и присваивает ей индекс степени совпадения. Для оператора такие записи выстраиваются на экране монитора рядом по степени совпадения, и по его решению повторяющиеся записи удаляются.

При полном совпадении двух и более карточек все, кроме одной, удаляются программой автоматически как повторы. Для обнаружения неполных повторов карточки автоматически анализируются, и вычисляется индекс степени совпадения. Карточка выдается на экран монитора в сортированном виде с указанием степени совпадения информации в разных карточках для принятия решения оператором. Такая автоматизация рабочего процесса позволила избавиться от длительного и утомительного поиска повторов. Эти процедуры выполняются как по спис-

кам одного района, так и по спискам нескольких заданных районов.

Программа автоматизированного перевода информации с русского на татарский язык была создана на основе собственных электронных справочников. В предположении, что информация в большинстве карточек повторяется, была разработана программа, которая выделяет в отдельные справочники необходимую для перевода информацию без повторов; данные справочники переводятся на татарский язык и используются для автоматического вывода текстового файла на двух языках для передачи в систему подготовки оригинал-макета книги. Полученный таким путем текст даже не требует редакторской обработки. Разработан также ряд обслуживающих программ.

Кроме того, были созданы электронные справочники административно-территориального деления Республики Татарстан (с 1940–1981 гг.), населенных пунктов бывшего СССР (с 1941–1981 гг.), позволяющие определять принадлежность населенного пункта к району, области как в старом, так и в новом административном делении. Их необходимость и значение вызваны большими изменениями в административно-территориальном делении регионов, произошедшими за 50 лет, и решением указать места рождения и захоронения на современной карте.

Для облегчения процесса устранения многочисленных искажений в поступающей информации были разработаны компьютерные справочники, позволяющие автоматически исправлять названия мест рождения, военкоматов призыва, воинские звания, названия населенных пунктов, мест захоронений, различные сокращения.

К комплексу программ были подключены электронные справочники составов воинских частей Красной Армии, время и место их ежедневных боевых действий, почтово-полевых станций, полевых почт, без которых невозможно вести полноценную по-

исковую и научно-исследовательскую работу.

Постепенно работа совершенствовалась и сложилась некоторая технологическая цепочка, основные звенья которой выглядят следующим образом:

- создание информационной базы данных с помощью пакета прикладных программ;
- систематизация, пополнение, корректировка, анализ материала на русском языке;
- автоматизированный перевод текста на татарский язык;
- формирование печатных образцов, сканирование фотографий, изготовление слайдов, иллюстраций;
- конвертирование информационной базы в формат компьютерной издательской системы с заданием основных параметров верстки;
- компьютерная верстка томов книги.

Комплекс программ прошел проверку временем и сегодня уже используется при подготовке к изданию многотомной Книги Памяти жертв политических репрессий.

Указанные программы позволили поставить процесс исследования на более четкую научную основу.

Хранение данных в компьютерной памяти организовано по районам республики в алфавитном порядке: Агрызский, Азнакаевский, Аксубаевский и т.д. В базе данных каждого района хранится от 5 до 15 и более тысяч персоналий. Сведения на каждого погибшего или пропавшего без вести хранятся на дискетах и жестком диске.

В сентябре 1990 г. из компьютерного центра при Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела стали поступать сведения, хранившиеся в ЦАМО СССР на военнослужащих, погибших и пропавших без вести в годы войны. При получении этих сведений производилась тщательная сверка с учетными данными, имевшимися в распоряжении редакции, с целью выявления ошибок,

особенно в фамилиях, именах, отчествах татар, названиях населенных пунктов, мест рождения солдат, уточнения места гибели и т.д. Активно использовались и другие источники. Например, в одной из книг, изданной в Петрозаводске, значится:

Американов Хусаид Американович, 1915 года рождения. Татарская АССР, Нуйбалиевский район, призван Беломорским РВК, рядовой, погиб 12.02.1942 г. Похоронен — Карелия, г. Медвежьегорск.

По месту и году рождения и дате гибели в компьютерном банке данных редакции нашли Амирханова Хусаина Амирхановича, 1915 года рождения, уроженца Алькеевского района ТАССР, призванного Куйбышевским РВК, пропавшего без вести 12.02.1942 г. Данные были получены из ЦАМО СССР, оп.977520, д.717, л.2.

Как видим, в ЦАМО он числился пропавшим без вести, в другом документе обнаружили место захоронения. Из этого примера видно, как, сопоставляя и анализируя разные сведения, удалось вернуть из безвестия за несколько лет работы имена десятков тысяч наших земляков. Показателен, на наш взгляд, один из таких главных итогов: если к началу работы над списками было известно место захоронения только каждого восьмого бойца, то по окончании издания — уже каждого третьего.

Но вернемся к сведениям, полученным из компьютерного центра ВНИИДАД. С благодарностью говоря о полученной информации, заметим, что в том виде, в котором она поступала, вводить ее в научный оборот было нельзя. Она содержала много ошибок, искажений, подчас отсутствовали названия районов, военкоматов призыва, мест рождения, мест захоронения. Часто указывалось только название района по месту рождения или призыва, без указания города или республики, искажались фамилии и имена, что приводило к внесению персоналий в книгу дважды — по месту рождения и по месту

призыва. Поэтому архивный материал перед публикацией подвергался серьезной научной обработке, а это требовало значительного времени.

К этому мы были готовы, так как с подобными проблемами встречались ранее, когда начинали изучение документов военных комиссариатов республики. Показателен пример Агрызского района — первого, с которого начиналась обработка архивных документов. В карточках, присланных из Агрыза, были указаны лишь фамилия, год рождения и место рождения погибшего солдата. Сведения о гибели, месте захоронения, месте службы с имеющихся и хранящихся извещений в карточки учета просто не вносились. Как потом показала сверка наших данных с информацией, присланной из Агрыза, многие уроженцы этого района, считавшиеся пропавшими без вести, на самом деле погибли, и данные о местах их захоронения имеются в архиве Министерства обороны. Почему похоронки не дошли до военкомата и семьи — остается загадкой.

Компьютерная сверка карточек учета военкомата с данными ЦАМО показала также, что 93 уроженца Агрызского района считались пропавшими без вести безосновательно, а дублированных (повторных) фамилий оказалось более 400. Тысячами они исчислялись и по другим районам. Одно из объяснений данного казуса в том, что зачастую на солдата приходило два и более извещений о его гибели, и всякий раз заводилась новая карточка. Двойной счет возможен в случае, например, если военнослужащий был ранен и считался без вести пропавшим, а потом, вылечившись, вновь попал на фронт и был убит. Так в документах он проходил дважды: как без вести пропавший и как погибший. Таких случаев встречалось достаточно много.

Много времени уходило на поиск и уточнение мест рождения, призыва и места захоронения солдата. За прошедшие десятилетия многое изменилось.

К сожалению, места, где сражался и пал наш боец или командир, уже носят иные названия в нашей стране и за ее пределами. Выяснить, точно указать место захоронения — дело очень трудное, а в ряде случаев вовсе невозможное из-за того, что тысячи сел, хуторов, деревень исчезли с лица земли.

Или, скажем, у призывников конца девятнадцатого века значились в записи места рождения, губернии, уезды, волости, а призывались они — из республик, краев, областей, районов, часто территориально не совпадающих с прежними территориально-административными границами. Поэтому приходилось часто вносить изменения в названиях мест проживания до призыва в армию и мест захоронения погибших воинов, определять их координаты на современной административно-территориальной карте. Не всегда наш подход находил понимание, однако нужно было найти точку отсчета, и нами за такую был взят 1992 г.

Насколько административно-территориальное деление — подвижный организм, можно понять из следующих примеров. На начало войны в Татарской АССР насчитывалось 74 сельских района. В настоящее время — 53. Более 20 районов уже нет, они перешли в укрупненные. Билярский, например, разделен между Алексеевским, Аксубаевским, Октябрьским; Ворошиловский отошел к Мензелинскому, Муслумовскому, Сармановскому, Тукаевскому; Столбищенский поделен между Высокогорским, Лаишевским, Пестречинским районами и городом Казанью и так далее. К какому району относить призывников из Билярского, Ворошиловского и Столбищенского районов? Кропотливо определяя, в каком районе в настоящее время находится та или иная деревня, к тому району и относили солдата. Бывали исключения по просьбам семей погибших.

Уже после 1992 г. произошли очередные изменения. На карте республики появились новые районы. Пос-

кольку тома книг районов уже были сверстаны, мы писали: Арский, в том числе Атинский; Апастовский, в том числе Кайбицкий районы, и так далее. Приходилось пользоваться большим количеством разнообразных справочников и словарей, а в них, в свою очередь, обнаруживалось множество неточностей. Только после сопоставления различной справочной литературы находили истину.

Для облегчения поиска, как уже было сказано, создали свои компьютерные справочники, позволяющие автоматически исправлять названия мест рождения, военкоматов призыва, воинские звания, названия населенных пунктов, мест захоронений, различные сокращения — все это приводилось к единому типу. Унифицировали имена, фамилии, отчества. Создание такой программы стало необходимым, прежде всего из-за разного написания одной и той же татарской фамилии в русской транскрипции. Например, известную фамилию «Джалилов» можно встретить как «Зялилов», «Залилов», «Залялов», «Залялетдинов» и т.д. Такие фамилии в специальном компьютерном справочнике приведены к одному из вариантов. Картотека выдается на экран монитора в сортированном виде с указанием степени совпадения информации в разных карточках для принятия решения оператором. При полном, с точностью до каждого символа, совпадении двух и более карточек все, кроме одной, удаляются автоматически как дубли (повторы). Для обнаружения дублей с помощью компьютера сортируются карточки в любой комбинации полей и сколько угодно раз. Оператор видит на экране монитора сразу по десять карточек в виде строк таблицы. Такая автоматизация рабочего процесса позволила избавиться от мучительного поиска повторов визуально.

Как уже отмечалось, за 60 лет после войны в республике неоднократно изменялась административно-территориальная карта районов. И опыт рабо-

ты подсказал необходимость сравнения карточек учета соседних районов. В этом случае уже карточки двух и более районов сортируются в любом виде и выдаются на экран для принятия решения. Отсортированные по фамилии, имени и отчеству, месту рождения списки распечатывались и передавались в районные и городские администрации для внесения поправок.

К сожалению, в ряде районов к этой работе отнеслись недобросовестно. Например, при проверке списков Чистопольского района нами были обнаружены и добавлены имена более 500 человек. При просмотре извещений, хранящихся в Октябрьском районе, имена более 600 человек были обнаружены как не вошедшие в первоначальные списки, внесено также более 1500 различных исправлений и добавлений. Изучая списки Нижнекамского района, обнаружили имена более 100 человек, не вошедших в списки, внесли несколько сот поправок. 112 солдат, считавшихся все послевоенные годы пропавшими без вести, оказались погибшими с датой смерти и местом захоронения. После сверок обнаруживали не только дубли, но и внесенных в списки погибших вернувшихся живыми с войны солдат. Подобная картина прослеживалась практически по всем районам.

Процесс поиска погибших солдат не заканчивался изданием очередного списка по тому или иному району. Банк данных постоянно пополнялся за счет широких связей с регионами страны, зарубежья и собственных исследований. После издания первых томов появились сотни фамилий, не вошедших в уже изданные. Когда же счет пошел на тысячи, встала необходимость издания дополнительных книг. К завершению 23-го тома, а он заключал последние по алфавиту Черемшанский и Чистопольский районы, в дополнительном списке было уже более 20 тысяч персоналий плюс 49 тысяч военнопленных, о судьбе половины из них пока ничего неизвестно. Исходя из этого обстоятельства,

были изданы 24, 25 и 26 дополнительные тома.

При подготовке списка к изданию встал вопрос о языке. Нам было известно, что в национальных республиках Российской Федерации собираются издавать только на одном – русском. Были сомнения и у нас. Аргументы сводились к тому, что значительно поднималась себестоимость, прибавлялись трудности с переводом из-за неразработанности военной терминологии на татарском языке. Но, несмотря на очевидные трудности, решили издавать на двух государственных языках.

В книге много фотографий, и о них надо сказать особо. В свое время была рекомендация Всесоюзной редакционной коллегии:

«Помещать в Книгах Памяти фотографии включенных в них лиц нецелесообразно, поскольку многие из них, если не большинство, собрать не представится возможным, а публиковать в книге отдельные фотографии избирательно будет не совсем справедливым». Мы заняли принципиально иную позицию, которую пришлось неоднократно отстаивать. Действительно, все фотографии собрать было невозможно. А если учесть, что в довоенное время сфотографироваться можно было лишь в районном центре, то уходящие на войну, особенно из села, зачастую не оставляли в семье своей карточки. Многие присылали их домой только с фронта.

Принимая решение публиковать фотографии, мы исходили из того, что если не будут опубликованы и эти последние оставшиеся в семьях снимки, то пройдет немного времени – и они будут навсегда утрачены для потомков. Это обстоятельство и побудило принять такое решение.

Через военные комиссариаты и прессу было объявлено о сборе фотографий. Родственники, имевшие их, охотно откликнулись. Как и следовало ожидать, качество было разное, размеры колебались от портрета в рамке до

величины ногтя. Плохая фотография не украшает книгу, и в том виде, в котором они поступали, публиковать их не было смысла. Но и здесь было найдено решение. С помощью сканера и электронного ретуширования приводили их к единому формату и приемлемому для печати качеству.

Часть снимков была извлечена из трофейных немецких архивов, сделанных в концлагерях для военнопленных. Как потом оказалось, благодаря опубликованным трофейным фотографиям многие дети погибших через многие десятилетия впервые увидели облик своих отцов.

Как уже отмечалось, сведения буквально по крупницам извлекались из разных видов источников, и во многих случаях полная информация отсутствовала. Если не удавалось установить имя, в тексте ставился знак (...). Фотографии, помещенные в книгах, — это все, что удалось собрать в процессе издания. Данные о солдате на фото приведены под звездочкой. Цветные слайды, открывающие список района или города, как правило, — снимки почитаемого или отражающего специфику района места. Иллюстрации в книге сделаны в форме коллажа. В них — фрагменты из многочисленных хроникально-документальных фильмов военного времени, наиболее заслуженные фронтовики-ветераны, вдовы.

При составлении списков встречались неточности и искажения. Произвольное их исправление было недопустимо. Мы сочли необходимым исправлять явные искажения фамилий, имен, отчеств, географических названий. Если не удавалось проверить, оставляли похожие фамилии и имена, даже если было подозрение, что речь идет об одном человеке. В некоторых случаях приводятся две фамилии и два имени (например, Насыйфуллин — Мосыйфуллин, Гани — Зайни), что указывает на предполагаемую ошибку в их первоначальных записях или на их поступление из разных источников.

В русском варианте списков исправлены лишь явные искажения фамилий, имен, отчеств. На татарском же языке они в основном даются в исправленном виде. Однако и в этом случае было решено придерживаться источника.

Мы полагали, что все неточности, искажения, неполные сведения найдут у родственников погибших понимание, приведенная же информация поможет им в поиске мест захоронения своих близких.

Особо следует выделить пункт о воинских частях и соединениях, которые даются только в русском варианте и в условных сокращениях, применявшихся на фронте и употребляемых в военно-исторической литературе. Перевод аббревиатур на татарский язык вызывал серьезные затруднения в работе из-за неразработанности терминологии в этой области. Произвольное их толкование на татарском языке усложняет понимание. Исходя из этого мы сочли возможным дать сведения о месте службы военнослужащих, только на русском языке.

Подводя итог сказанному, надо отметить то, что благодаря изданию Книги Памяти общественность Татарстана узнала истинную трагедию, постигшую ее народы. До издания Книги Памяти считалось, что из 560 тысяч ушедших на войну погибло 87 тысяч. Именно столько числилось по документам военных комиссариатов. Когда же появился доступ к документам и были изучены архивы, то оказалось, что с территории Татарской АССР было призвано около 700 тысяч человек, около 350 тысяч не вернулось, т.е. каждый второй. Погибшие составляют 11,5 процента от всего довоенного населения республики.

Установив количество павших на войне, нам удалось дополнительно к ранее известным ста тысячам вернуть народной памяти более 250 тысяч солдат и офицеров, павших за Родину на фронтах Великой Отечественной войны и увековечить их имена.

**Аннотация**

В статье анализируются источники, дающие информацию о боевых потерях народов ТАССР в годы Великой Отечественной войны. Логично, что неполные статистические данные по стране в целом отразились и на качестве статистической информации в различных республиках и областях бывшего СССР. Военные комиссариаты давали весьма противоречивые цифры. Поэтому для выявления объективных цифр погибших татарстанцев пришлось проделать большую по объему научно-поисковую работу.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Татарская АССР, людские потери, Книга Памяти.

**Summary**

The article analyzes the sources giving information about battle losses of the people of the TASSR in the years of the Great Patriotic War. Logically incomplete statistic data on the country were reflected on the quality of statistic information in different republics and regions of the former USSR. Military commissariats gave rather contradictory figures. Therefore in order to reveal objective number of dead people from Tatarstan the great amount of scientific researching work was done.

УДК 331.4(470.41)

## ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ТРУДА ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ТАТАРСТАНА в 1940–1950-е годы

*А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук,  
Э.З. Багманова, аспирант Института истории им. Ш. Марджани*

Тема активного участия женщин в общественном производстве всегда вызывала повышенный интерес у исследователей. В начальный период истории Советского государства это во многом было связано с политической конъюнктурой, так как сама возможность выполнения женщинами различных работ в народном хозяйстве наравне с мужчинами рассматривалась как убедительное доказательство преимуществ социалистического строя. Но на отдельных этапах существования нашей страны вовлечение женщин в ее экономику диктовалось особыми, чрезвычайными условиями и превращалось в настоятельную потребность. Так было и в 1940–1950-е гг. Мобилизация мужчин на фронт в годы Великой Отечественной войны до предела обострила кадровый вопрос. Именно женщины стали тогда одним из основных источников рабочей силы на производстве. Ситуация не могла сразу выправиться и в восстановительный период в связи с явными демографическими проблемами. Поэтому женщины после войны также были максимально задействованы в экономической сфере.

Процессы вовлечения женщин в производство неизменно широко освещались в исторической литературе. Но исследователи советского периода, рассматривая труд женщин в промышленности и сельском хозяйстве, в соответствии с официальными императива-

ми традиционно делали акцент лишь на проявлении героизма и стойкости советских тружениц. В то же время другая сторона явления – а именно негативные последствия, которые оказывали работы на физически тяжелых и химически вредных производствах на женский организм – оставалась «тайной за семью печатями». Идеология советского времени не позволяла открыто говорить о подобном...

Мы в своей статье, не претендуя на полное раскрытие темы, попытаемся поднять некоторые проблемы, связанные с несоблюдением нормативных актов по защите женского труда в изучаемый хронологический период, и рассмотреть отрицательные последствия этого на материалах Республики Татарстан.

Хорошо известно, что аксиомой в любом государстве должно являться положение о том, что использование женского труда на производстве предполагает всесторонний учет физиологических особенностей организма женщины, обусловленных, прежде всего, ее природной ролью в воспроизводстве человеческой жизни – функцией материнства. Не оспаривалось это утверждение и в молодом советском государстве. Более того, практически сразу же в стране была разработана целая система охраны женского труда, включавшая в себя правовые, экономические, медицинские и организационно-технические меро-

приятия, целью которых было обеспечение женщин необходимыми для сохранения их здоровья условиями работы. В основу оценки тяжести и вредности условий труда женщин входили общепризнанные показания профессиональной гигиены, например, работа, связанная с переноской тяжестей, с повышенной опасностью травматизма и т.д.<sup>1</sup>

Уже в 1918 г. был издан «Кодекс законов о труде», в котором запрещалось привлечение женщин к сверхурочным работам, работам в ночное время, а также применение женского труда в отраслях, особо тяжелых и опасных для здоровья. А в 1932 г. Народным комиссариатом труда СССР был утвержден Список производств, профессий и работ, на которых не разрешалось использование женского труда. Так, женщинам запрещалось работать в торфяной, нефтяной, лесной, судостроительной и судоремонтной промышленности. Однако вскоре, сначала под предлогом особо трудных условий восстановления народного хозяйства, затем его реконструкции, советские органы стали отказываться от ранее принятых законодательных мер<sup>2</sup>.

Великая Отечественная война, как уже упоминалось, создала чрезвычайную ситуацию. Катастрофическая нехватка рабочей силы обусловила необходимость привлечения в экономику страны всего трудоспособного населения. Участие женщин в народном хозяйстве стало необходимостью. В Татарстане, являвшемся важной тыловой базой, определяющим являлся принцип: победа любой ценой.

В соответствии с обстоятельствами женщины начали работать не только в легкой промышленности, но и в традиционно «мужских отраслях» производства. В 1941 г. работницы Казанского завода «Пишмаш» через периодическую печать обратились ко всем женщинам республики с призывом заменить ушедших на фронт мужчин<sup>3</sup>. Поддержанный партийными органами, этот почин вызвал рост числа женщин, освоивших традиционно «мужские» спе-

циальности. На Казанском жировом комбинате им. М. Вахитова, например, количество таких женщин увеличилось с 1941 по 1944 г. на 200 человек (с 122 до 302)<sup>4</sup>. Возросло число женщин кузнецов, штамповщиков, клепальщиков, литейщиков. Только на заводе «Серп и молот» в 1944 г. из 380 рабочих основного производства 258 человек составляли женщины. В литейном цехе из 75 литейщиков мужчин было не более 10, остальные – женщины<sup>5</sup>.

Те же процессы, что и в промышленности, наблюдались и в сельском хозяйстве. Женщины трудились трактористами, комбайнерами, шоферами, рабочими МТС и совхозов. Удельный вес женщин в составе трактористов и комбайнеров МТС в республике за годы войны поднялся с 21–26% до 73–79%<sup>6</sup>.

Каковы же были последствия работы женщин на тяжелых и вредных производствах? Лишь сравнительно недавно ученые начали задумываться над тем, как отразились на здоровье женщин военные годы, что для них стоит за понятием «цена победы».

К сожалению, результаты современных медицинских исследований не утешительны. Специальные эксперименты выявляют повышенную чувствительность женщин по сравнению с мужчинами. В реальной жизни это проявляется в более высоких показателях заболеваемости с временной утратой трудоспособности у женщин при производственном контакте со свинцом, ртутью в машиностроении, в производстве синтетического каучука в химической отрасли. Причем симптомы интоксикации на производстве у женщин проявляются раньше и чаще, чем у мужчин. Такой весьма распространенный фактор на производстве, как вибрация (характерна для профессий тракториста, комбайнера, шофера, клепальщика), вызывает развитие у женщин вибрационной болезни также в более ранние сроки<sup>7</sup>.

Нельзя забывать также и о том, что многие домохозяйки, заменившие мужчин в народном хозяйстве республики в

годы войны, пришли на производство, зачастую не имея никакой специальности. Следствием этого являлось то, что основная масса пришедших стала работать на слабо механизированных тяжелых работах, не требующих квалификации.

Наиболее последовательно этот процесс можно проследить при анализе данных, относящихся к работе железнодорожного и речного транспорта Татарстана. 23 июля 1941 г. главная республиканская газета «Красная Татария» сообщала: «Женщины заменяют на транспорте мужчин, призванных в ряды Красной Армии, 12 домохозяйек — жен работников станции Арзамас II работают грузчиками»<sup>8</sup>. Женские бригады грузчиков были сформированы и на речном транспорте. Если в начале войны на Казанской пристани была одна такая женская бригада из 27 человек, причем использовалась она, как правило, на подсобных работах, то в 1942 г. работали уже 4 женские бригады грузчиков<sup>9</sup> и осуществляли они все виды погрузки и выгрузки.

Женщины также проводили большую работу по смене шпал, выправке пути на железной дороге. Многие становились путевыми обходчиками. Только за июнь-декабрь 1941 г. на Казанскую железную дорогу пришла работать 1701 женщина, из них, по сведениям на 21 сентября 1941 г., 1127 работали ремонтными рабочими<sup>10</sup>. (Для сведения: одна шпала весит от 80 до 120 кг).

Как видим, женщины в значительной степени были задействованы на поднятии и переноске тяжестей. Между тем сегодняшние исследования доказывают, что женский организм объективно — по своим анатомо-физиологическим и антропологическим показателям — имеет меньшие по сравнению с мужским возможности для выполнения тяжелой физической работы, в результате чего у женщин выше опасность развития заболеваний опорно-двигательного и нервно-мышечного аппарата<sup>11</sup>.

Для облегчения положения женщин, занятых на тяжелых участках

производства, в послевоенные десятилетия в ряде министерств и ведомств, где подавляющее большинство работающих составляли женщины, были утверждены новые регламенты. Так, согласно приказу Министерства местной промышленности РСФСР от 19 августа 1949 г., директорам и фабрично-заводским местным комитетам республиканских предприятий были спущены списки особо тяжелых и вредных работ и профессий, к которым женщины не должны были допускаться ни при каких обстоятельствах. Здесь же предусматривались новые, уточненные нормативы по переноске и передвижению тяжелых взрослыми женщинами<sup>12</sup>.

Вообще, следует подчеркнуть, что перевод женщин на более легкие участки производства стал если не основной, то необычайно важной задачей в годы развития послевоенной промышленности. Однако не везде ситуация решалась должным образом. К примеру, на комбинате «Спартак», химическом заводе им. В.В. Куйбышева женщин на тяжелых операциях просто невозможно было заменить из-за недостаточного количества мужчин-рабочих<sup>13</sup>.

Следствием неудовлетворительно-го состояния охраны труда женщин на производстве являлся рост числа заболеваний работников. Например, в отчете Совета социального страхования завода № 22 им. С.П. Горбунова сообщается следующее: «В 1942 г. мы имели чрезвычайно высокую заболеваемость на заводе. Среднемесячный показатель заболеваемости на 100 застрахованных составлял 22 дня. Иными словами, каждый рабочий завода болел более 1 дня в месяц». За этот период было зарегистрировано 7716 случаев заболеваний гриппом, 636 — ангиной, 157 — женскими болезнями, в результате чего было потеряно 374057 рабочих дней<sup>14</sup>.

Причинами высоких показателей заболеваемости являлись ухудшение условий труда на предприятиях, удлинение рабочего дня, тяжелые бытовые и жилищные условия, отсутствие медицинского лечения в первый период

Великой Отечественной войны, антисанитарное состояние промышленных предприятий и т.п.

Еще одним аспектом данной темы является наметившийся в военный период рост травм и несчастных случаев на производстве. В архивах хранится множество документов, позволяющих «пролить свет» на этот вопрос. Так, по данным ЦК профсоюза льняной промышленности, на Казанском льнокомбинате (80–90% работающих – женщины) в 1943 г. коэффициент частоты (т.е. количество несчастных случаев, приходящихся в среднем на 1000 работающих) составил 25,8; коэффициент тяжести – 21,0, в то время как средние показатели по отрасли составляли соответственно 19,0 и 18,3.<sup>15</sup>

Увеличилось количество несчастных случаев и на предприятиях оборонной промышленности. На заводе № 22 авиационной промышленности неисправность механизмов стала причиной одного из них. В отделении малых прессов во время работы 100-тонный пресс сдвоил, в результате чего штамповщице З.Хайрутдиновой раздавило пальцы левой руки. Вообще же, на этом предприятии в 1943 г. произошел 361 несчастный случай, 48 из них – с женщинами. В следующем 1944 г. при относительном сокращении количества несчастных случаев – 312, наблюдается абсолютный рост женского травматизма – 55 случаев<sup>16</sup>.

Итак, анализ архивных документов и материалов свидетельствует, что в годы войны количество несчастных случаев на производстве увеличилось. Произошло это потому, что качественный состав рабочих кадров изменился. С приходом в народное хозяйство женщин и подростков уровень квалификации работающих снизился. Однако руководители предприятий не придавали должного внимания этому обстоятельству: не было организовано обучение вновь пришедшего контингента правилам техники безопасности, не был усилен контроль за соответствием оборудования и рабочих мест требованиям

охраны труда. Собственная халатность, а иногда и беспечность, прикрывались военными условиями.

Производственный травматизм среди женщин оставался серьезной проблемой и во второй половине 1940-х – 1950-х гг. Например, в 1955 г. отмечался рост производственного травматизма на целом ряде предприятий г. Казани, в том числе на швейных фабриках №№ 1, 3 и 4. Причинами производственного травматизма в этот период являлись: грубое нарушение правил техники безопасности, захлапленность цехов, недостаточный инструктаж, неисправность ограждений, недостаточная требовательность к хозяйственным органам со стороны санэпидемслужбы<sup>17</sup>.

Проблемы предотвращения несчастных случаев и травматизма остро стояли также в МТС и совхозах республики. Согласно секретным данным, представленным секретарю Татарского обкома ВКП(б) З.И. Муратову, за один только 1954 г. во время работы в полевых условиях погибло 13 человек. Анализ причин несчастных случаев показал, что большая часть из них произошла исключительно по вине руководителей МТС и совхозов, нарушивших правила техники безопасности и трудовое законодательство. Так, в совхозе «Мамдышский» 27 августа 1954 г. произошел несчастный случай со свинаркой Х.Г. Габдрахмановой, «которая, не зная правил техники безопасности и противопожарных мероприятий, во время работы в ночное время пользовалась открытым огнем и в результате пожара погибла от тяжелых ожогов»<sup>18</sup>.

К тому же следует учитывать, что мы не можем быть уверенными в том, что в архивных документах представлена полная и объективная картина всех происшествий. Как правило, в условиях жесткой системы административно-командного руководства партийные организации предприятий и учреждений стремились приуменьшить количество несчастных случаев, свалить вину на пострадавшего. Акты расследования

несчастных случаев на производстве составлялись несвоевременно и небрежно. Это объяснялось тем, что хорошо отлаженная пропагандистская машина стремилась всеми возможными средствами показать героизм, патриотизм и самоотверженность советских тружеников и, соответственно, не афишировать данные, которые могли бы повредить раз и навсегда заданной схеме.

Большое значение в организации охраны труда женщин на производстве имеют также следующие факторы: обеспеченность гардеробами, душевыми, наличие комнат личной гигиены женщин и т.д. Известно, что уже 4 декабря 1942 г. Наркомздрав СССР утвердил Инструкцию «Об организации и работе комнат личной гигиены женщины на предприятиях», а 10 ноября 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял Постановление об организации комнат для кормления детей на предприятиях<sup>19</sup>. Данные документы должны были способствовать улучшению санитарно-бытового обслуживания женщин на предприятиях и в учреждениях с массовым применением женского труда. Организация и правильное использование комнат личной гигиены женщин являлись важным узлом работы на производстве, причем в этом деле требовалась определенная активность со стороны не только медицинского персонала, но и общественности и администрации предприятия<sup>20</sup>.

Однако руководство многих предприятий республики не обеспечивало женщин надлежащими санитарно-бытовыми условиями. Например, работающие матери завода № 22 им. С.П. Горбунова, машиностроительного завода Казани вынуждены были кормить детей «в непригодных помещениях, где-нибудь в проходной будке». А на промышленном предприятии № 1 города Зеленодольска имелась лишь одна комната гигиены, поэтому «не проводился патронаж беременных и кормящих женщин, результатом чего стал увеличившийся процент женских заболеваний, при этом профилактика и

лечение их были поставлены очень слабо». Комнаты личной гигиены отсутствовали также на прядильной фабрике льнокомбината, на многих швейных фабриках<sup>21</sup>.

Отдельно нужно остановиться на вопросе охраны труда беременных женщин и кормящих матерей. В соответствии с советским законодательством, в течение всего периода беременности запрещалось привлекать женщин к работам в ночное время. Начиная с четырех месяцев беременности будущая мать не могла привлекаться к сверхурочным работам. К сверхурочным и ночным работам не привлекались также женщины, кормящие грудью, в течение всего периода кормления. За нарушение этих положений устанавливалась уголовная ответственность<sup>22</sup>. Работающим матерям, кормящим детей грудью, предоставлялись специальные оплачиваемые перерывы для кормления ребенка. Такие перерывы предусматривались через каждые три с половиной часа на время не менее получаса. Эти перерывы засчитывались в счет рабочего дня и оплачивались по среднему заработку<sup>23</sup>.

Но в действительности в отношении охраны труда этой категории женщин имелись серьезные нарушения. Например, на мыловаренном заводе были отмечены случаи использования беременных женщин на ночных дежурствах, они работали в три смены по восемь часов без обеденного перерыва. Проверка МТС и других учреждений, входящих в состав Министерства сельского хозяйства республики, за 1949 г. показала наличие 20 случаев незаконного увольнения беременных женщин и кормящих матерей. Вопиющий случай произошел 19 июля 1954 г. на Елабужской МТС. Кормящая мать Е.А. Ларионова была привлечена к работе в ночное время на плуге, «проработав пять ночей на вспашке поля, ночью она от сильного переутомления уснула во время работы на обрабатываемом поле и была задавлена трактором»<sup>24</sup>.

В соответствии с Указом от 8 июля 1944 г. руководители предприятий и

учреждений обязывались оказывать беременным женщинам и кормящим матерям специальную помощь путем дополнительной выдачи им продуктов из подсобных хозяйств. Однако и эта часть указа нередко нарушалась. Так, не было организовано дополнительное питание соответствующему контингенту женщин на заводах №№ 708, 741, комбинатах «Спартак» и «Строитель». А директор кондитерской фабрики «Светоч» Гайнуллин вообще считал, что «организация дополнительного питания для беременных и кормящих женщин не требуется, так как фабрика пищевая, и они питаются в цехах кондитерскими изделиями»<sup>25</sup>.

Таким образом, анализ архивных документов доказывает, что в Татарстане имелись значительные нарушения в отношении охраны труда женщин в период беременности и активного материнства.

И все же руководящие органы стремились решать возникавшие на производстве проблемы. Вопросы соблюдения требований охраны труда были в центре внимания специальных научных учреждений. В СССР эти проблемы курировал Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда ВЦСПС. Аналогичный институт был создан также в Казани еще в начале 1930-х гг. В основном его сотрудники разрабатывали принципы организации и улучшения условий труда в кожевенной, обувной и меховой промышленности страны. В годы Великой Отечественной войны институт не прекратил своей научной деятельности, но из-за ухода значительного количества ученых в ряды действующей армии и в промышленность Татарии, он был преобразован в филиал Ивановского института охраны труда ВЦСПС. В послевоенный период направления научных работ были несколько подкорректированы, теперь сотрудники республиканского научного учреждения вели работу большей частью в сфере легкой промышленности. Ими обслуживались такие отрасли, как тек-

стильная, меховая и кожевенно-обувная<sup>26</sup>.

В докладной записке, адресованной секретарю Татарского обкома ВКП(б) тов. З.И. Муратову, о работе института охраны труда за 1945–1950-е гг. подчеркивалось, что за этот период здесь было выполнено и внедрено в производство 39 научных работ. Особо была отмечена новая система вентиляции мокрых цехов методом сосредоточенного действия. Новая разработка не требовала дорогостоящего оборудования и заметно улучшала условия труда рабочих. В 1946 г. она была внедрена на фабриках мехкомбината<sup>27</sup>, а в 1950 г. – на заводе «Искож» и комбинате «Спартак»<sup>28</sup>. В 1950-е гг. большое место в деятельности института занимали вопросы техники безопасности в обувном производстве. Тогда были сконструированы ограждения к такой машине, как фрезер каблука, а также усовершенствована аспирация, т.е. удаление и задержание пыли, которая образовывалась при резании кожи и резины. Выполненные институтом работы имели большое научное и социальное значение. Они в значительной мере способствовали делу улучшения организации женского труда. Достаточно вспомнить, что в этот период на казанской фабрике «Спартак» женщины составляли более половины работающих, на Свияжской валяно-обувной фабрике женщин насчитывалась 56,5%, на Елабужском валяно-шорном комбинате – 58,6%<sup>29</sup>.

Таким образом, изученные материалы свидетельствуют, что исследуемый период характеризовался ростом численности женщин-работниц в экономике Татарстана. Причем в условиях войны и в восстановительный период женщинам приходилось работать на тех производствах, которые зачастую не отвечали их психофизиологическим особенностям. В указанные годы даже законодательно утвержденные нормативные документы по охране труда женщин выполнялись далеко не всегда. Чиновники перестали принимать во

внимание самое, пожалуй, важное условие для развития любого государства, что какими бы важными политическими и экономическими обстоятельствами ни диктовался рост женской занятости на производстве, необходимо учитывать при этом его влияние на де-

мографические последствия. А в 1940–1950-е гг. властные органы исходили, прежде всего, из потребностей развития народного хозяйства, и только в последнюю очередь решали, насколько соответствуют условия труда женщин необходимым критериям.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Советская женщина: труд, материнство, семья. — М., 1987. — С. 14.
- <sup>2</sup> Сборник законодательных актов о труде. — М., 1965. — С. 524–529.
- <sup>3</sup> Красная Татария. — 1941. — 25 июня.
- <sup>4</sup> *Ключевич А.С.* История Казанского жирового комбината им. М. Вахитова. — Казань, 1950. — С. 248.
- <sup>5</sup> *Негуляев А.П.* Завод—ветеран (Из истории Казанского завода «Серп и молот»). 1851–1961. — Казань, 1968. — С. 80.
- <sup>6</sup> *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Казань, 1977. — С. 135.
- <sup>7</sup> Медицинские аспекты труда женщин: достижения и нерешенные проблемы // Женщины в современном мире. — М., 1989. — С. 126.
- <sup>8</sup> Красная Татария. — 1941. — 17 июля.
- <sup>9</sup> Там же. — 1942. — 17 июня.
- <sup>10</sup> Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее — ЦГАИПД РТ). Ф. 15. Оп. 5. Д. 276. Л. 145.
- <sup>11</sup> Медицинские аспекты труда женщин... — С. 125.
- <sup>12</sup> Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 945а. Л. 120.
- <sup>13</sup> НА РТ. Ф. Р-363. Оп. 8. Д. 61. Л. 68–68 об.
- <sup>14</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 155. Л. 21, 23.
- <sup>15</sup> ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 27. Д. 11. Л. 94–95.
- <sup>16</sup> НА РТ. Ф. Р-2845. Оп. 1. Дд. 73, 81, 88, 96.
- <sup>17</sup> НА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 3. Д. 300. Л. 22.
- <sup>18</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 3945. Л. 27–28.
- <sup>19</sup> *Кунгурова Н.И.* Женщина в общественном производстве при социализме. — М., 1983. — С. 114.
- <sup>20</sup> *Азерлян Ф.М.* Комнаты личной гигиены женщины на производстве // Работница. — 1945. — № 1. — С. 19.
- <sup>21</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2039. Л. 96; Ф. 168. Оп. 1. Д. 189. Л. 10; НА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 3. Д. 111. Л. 7 об.; Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 1183. Л. 3.
- <sup>22</sup> Охрана труда женщин. — М.-Л., 1950. — С. 10–13.
- <sup>23</sup> *Громова Г.М.* Советская женщина — труженица, мать. — М., 1963. — С. 26.
- <sup>24</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2039. Л. 28, 134.; Д. 3945. Л. 28.
- <sup>25</sup> Там же. Д. 225. Л. 33.
- <sup>26</sup> Там же. Д. 1451. Л. 168.
- <sup>27</sup> Красная Татария. — 1946. — 13 апреля.
- <sup>28</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 3586. Л. 39, 40.
- <sup>29</sup> НА РТ. Ф. Р-3940. Оп. 5. Д. 1056. Л. 55.

#### Аннотация

Статья посвящена вопросам соблюдения нормативных актов по защите труда женщин в экономике Татарстана в годы Великой Отечественной войны и в восстановительный период. Используемые в работе архивные источники свидетельствуют о многочисленных

проблемах, с которыми сталкивалось женское население на производстве, о вредном воздействии на женский организм физически тяжелых и химически вредных работ.

**Ключевые слова:** женский труд, общественное производство, Вторая мировая война (Великая Отечественная война), восстановительный период, Республика Татарстан, охрана труда, соблюдение техники безопасности.

### Summary

This article deals with questions of protection of female labour and compliance with safety regulations in a national economy of Tatarstan within the Great Patriotic War and during the recovery period. The archival sources used in the work are the evidence of numerous problems which the female population at a factory were faced with, harmful influence on a female organism of physically heavy and chemically harmful works.

УДК 821.161.1-4

## ПАМЯТЬ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУСТЕМА КУТУЯ

*М.В. Небольсина, соискатель*

На формирование личности любого человека сильно влияет определенный пласт жизни. Творчество Рустема Кутуя сложилось под влиянием военного и послевоенного детства, трагической гибели отца, Аделя Кутуя. Эта потеря так потрясла его, что стала своеобразным толчком к творчеству.

*«Я пошел по неубывающей тропе со своим желанием исполнить жизнь так, а не иначе. Это было вне сомнений, раздумий, по разумению свыше — и придумать, изобретать ничего было не надо... При сем был отец, он руководил, поощрял мои желания, руководил, не присутствуя в каждодневности поиска, он сообщил моей крови ускорение и придал ей терпкий вкус»<sup>1</sup>.*

В повести Р. Кутуя «Узелки на древе» есть импровизированное письмо отца с фронта. В нем — невосполненная любовь, нежность, ностальгия; в нем — горе и тоска, прощение и прощание:

«Сын мой, дорогой мальчик, здравствуй.

Как жаль, не успели мы с тобой подружиться как следует. Когда я уходил на фронт, ты сидел на полу и играл в оловянных солдатиков. Ты и не понял, куда я отправляюсь. Тебе очень понравился мой широкий ремень и сапоги. А я чувствовал себя неловко, потому что мать плакала. Плакала тихо, чтобы не слышал ты. Оставлять вас мне было горько. Твои солдатiki маршировали, и ты смеялся. Мы смотрели на тебя с каким-то страхом, ведь ты был так спокоен перед будущим, так уверен, что в

мире не может существовать зло. Я обнял вас, тебя и мать, и мы расстались. Я уходил к воротам, мать держала тебя за руку, и было тихо. Шаги отдавались в ушах. Потом мать закричала и догнала меня. Я увидел через ее плечо, как неуключе бежал к нам ты, всю работу руками...

Я пишу тебе в землянке. Бой был страшный, и сейчас даже неловко держать в пальцах карандаш. Он кажется соломинкой. Мой друг Саша Куницын спит на свежем сене, разбросав руки. Может быть, ему снится поле и речка. Утром мы нашли заржавленную косу, наточили ее. Только и успели покосить траву, как началось. Пока мы дрались, трава подсохла, и вот теперь вкусно пахнет мирным жильем. Будто лежим мы на сеновале и ждем, когда чуть забрезжит, тогда возьмем удочки и спустимся к реке. На войне мы часто вспоминаем о доме вслух. А мне почему-то снятся подсолнухи... Я мало жил в деревне и поэтому удивляюсь своим снам. Хорошо бы нам с тобой побродить когда-нибудь в таком поле. И ничего вокруг нет. Я даже улыбаюсь себе, когда укладываюсь спать: «Ну пойдём, отдохнем в подсолнухи...». И еще вот коптилка похожа на новогоднюю свечку. Как хорошо мы всегда наряжали елку. И обязательно у нас были свечи. Вот напишу тебе письмо и тоже упаду на сено рядом с Сашей, и будем мы видеть с ним одинаковые сны.

Я попрошу мать сохранить это письмо и передать тебе его в тот день,

когда исполнится двадцать лет. И тогда мы поговорим с тобой. Будет обычный день. Для тебя. Война останется в воспоминаниях. Мы победим, мы не можем не победить, ты слышишь, сын. Мать скажет: «А тебе письмо. Оно долго шло. Иди в другую комнату и почитай...».

Я не думаю о смерти, потому что она всегда присутствует рядом, и к ней привыкаешь. Нет, я не бесстрашный, но слишком велика страна за спиной, чтобы ежедневно скорбеть о себе. Если пуля выберет меня, ты получишь это письмо.

Вот и исполнилось тебе двадцать лет. Я поздравляю тебя. Давай обнимемся по-мужски. Ты вырос, мой сын. Я желаю тебе, завещаю любить людей. Это много.

Пойдем, пора, отдохнем в подсолнухах. Отец»<sup>2</sup>.

Диалог Рустема с отцом продолжался до самого последнего его дня. Не сложилось у них мужского разговора, поэтому все творчество Рустема Кутуя — бесконечная попытка его.

*«Моя дума об отце сокровенна и в то же время конкретна. Она связана с домом на тихой улочке Комлева и теплым двором. Вспоминаю, затихаю, печалюсь... Я без отца уже полвека. Пора бы свыкнуться, примириться. Только моя сердечная мука не желает такого примирения и упорно уводит к далекому прошлому, где у меня всегда были защита и кров. Стихам я доверяю главное, что останется и после меня»<sup>3</sup>.*

Память об отце — это возвращение в детство, от которого у Рустема Кутуя осталось чувство незащищенности, и это не дает его душе покрыться коркой.

*«Я гляжу из вобщем-то тихого тыла, где были обнажены большие трагедии обычных жизней... Слишком свежи ожоги...не обросли они корочкой заживления. Поэтому вроде и не сочиняю, а вспоминаю, воссоздаю...»<sup>4</sup>.*

Поэт постоянно возвращается мыслями и образами к памяти своего детства — а они, как правило, связаны с домом, школой, двором.

В широком смысле мотив Дома в литературе XIX и XX вв. является одним из главных. И образ родного Дома в творчестве многих русских писателей прочно ассоциируется с Россией, ее укладом, ее обустройством, ее судьбой. Именно российскому человеку присуще единение с миром, вписанность его в бытие Природы, Семьи, Дома, Народа, Истории.

Дом для детей послевоенного времени был местом особенным — это не что-то конкретное, не семья, а коммунальная квартира, братство, где все знали друг друга, как облупленных, где жизнь была, как на ладошке:

*Это ж целый посад деревянный  
Шумел чердаками...  
В каждом ребрышке жизнь  
с шепотком,  
В каждой скрипе — и повадка,  
и тайна, и вздох...<sup>5</sup>*

И для Рустема маленький красный дом с флигелем на Комлева — это олицетворение Счастья и Покоя, Надежности и Постоянства.

Сосед Р. Кутуя, известный писатель Василий Аксенов, с нежностью вспоминал: «Я родился на улице тишайшей, что Комлевой звалась в честь местного большевика, застреленного бунтующим чехословаком. Окошками наш дом смотрел в народный сад, известный в городе как Сад Ляжкой, что при желании можно связать и с лягом»<sup>6</sup>.

Дом для каждого из нас — это прибежище души, местообитание; это быт и стиль жизни; привычный уклад и порядок; традиции, вкусы; культура семьи; нравственные заповеди; открытость и причастность к общей жизни. Это то место, где можно укрыться от жизненных бурь, где рядом близкие, которые всегда поймут и помогут.

*В домах деревянных теплее жилось,  
Шагнешь — и скрипнет земная ось,  
Не половица. Под окошком —  
жимолость.  
И обязательно к вечеру гость.  
В домах деревянных была  
человечность...<sup>7</sup>*

В тогдашней детской жизни Рустема в доме постоянно присутствовали посторонние: гостившие, вернувшиеся из эвакуации или с войны родственники и знакомые:

*А тут вдруг гость обсыпан снегом...*

*Вот радость-то! Вдохнул*

*и охнул дом.*

*Стекло звенит*

*Мать зацвела платком.*

*Обычные слова и суета...*

*А маленькому стелят в уголке...<sup>8</sup>*

К слову сказать, в 1993 г. флигель знаменитого дома Олешкевича (ул. Комлева (Муштари), 33), откуда добровольцем на фронт ушел Адель Кутуй, успел попасть в список памятников республиканского значения.

Могила писателя, погибшего в июне 1945-го, находится под охраной Польского государства, а его дом, который впоследствии стал предметом первого в Казани судебного разбирательства по поводу уничтожения памятника, инициированного частным лицом, был уничтожен в год 60-летия Победы и гибели Аделя Кутуя.

Продолжением коммуналки был послевоенный двор, в воспоминаниях о котором особенно четко проявляется ощущение детства.

Коммуналки были миром взрослых, а во дворах царствовали дети. Это было не просто пространство, огороженное забором и ограниченное деревянными домишками, это была разновозрастная община, коммуна, государство. Дети в ней жили по своим законам: не ври, не зазнавайся, не хвастайся, поделись тем, что имеешь. Пороки — особенно жадность и ябедничество — наказывались всеобщим презрением. Здесь царили забота старших о младших, внимание и уважение к старшим.

Жизнь взрослых в послевоенном дворе вся была на виду — со ссорами, скандалами, выяснениями отношений. Бывшие фронтовики теплыми летними вечерами собирались за дощатым столом «забить козла» и неторопливо вели разговор под кашель и дым табака.

Музыка послевоенных дворов — радиола, патефон, аккордеон. Допоздна, иногда до прихода участкового милиционера, крутили пластинки: Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Петр Лещенко.

Иногда во дворы забредал старьевщик и со свойственной только ему интонацией истошно, нараспев, кричал: «Старье берем!». Дети радостно волокли ему все, что могли, а в обмен получали металлические свистки или тряпичные мячи.

Особых нарядов тогда не было. Самая популярная одежда для мальчиков — сатиновые шаровары, для девочек — перешитые из взрослой одежды платья, юбки сатиновые, тенниски, тапочки.

Дети играли в «войнушку», «дочки-матери», «на золотом крыльце сидели», «классики», лапту, разрывные цепи.

Играли тогда еще, конечно, и в прятки, и в салочки. Но были и игры, которые, может быть, сегодня уже забыты. Например, в чижику. Чижиком назывался короткий отрезок круглой палки, заостренный с обоих концов. Он клался на землю в начерченном квадрате, который назывался кон. По заостренному концу чижики били палкой, он пролетал над коном и этой же палкой нужно было забить на лету чижику как можно дальше. А водящий должен был либо поймать чижику, либо с того места, где тот упал, забросить его в кон.

Играли и в «двенадцать палочек». Которые были те же «прятки», но только водящий не считал «считалку», давая остальным время спрятаться, а вместо этого происходило следующее. На кону, поперек какой-нибудь палки, клалась дощечка. На нижнем конце этой дощечки аккуратно укладывались 12 палочек, после чего по верхнему концу дощечки резко били ногой. И пока водящий собирал разлетевшиеся палочки и укладывал их обратно, все разбежались и прятались. Когда водящий обнаруживал кого-либо из спрятавшихся, то они оба — водящий и обнаруженный — бежали к кону. И тот, кто подбе-

гал первым, бил по доске. Палочки разлетались, и все начиналось сначала.

Была игра, которая называлась «поп-гоняла». Один-единственный городок, поставленный на попу, надо было ударами бит гнать как можно дальше. Иногда игра смещалась за километр от первоначальной точки.

Были игры с маленьким мячом: «штандер», «вышибалы». И везде надо было кидать, ловить, уклоняться, убежать...

Детство каждого человека неразрывно связано со временем, в котором оно протекало. История всегда вторгается в описание личной биографии.

Два самых серьезных события в послевоенной жизни детей — День Победы и смерть Сталина — с них обычно ведут отсчет своей новой жизни.

День 9 мая 1945 года у кого-то оставил ощущение праздника и долгожданного счастья, а у кого-то «в соседстве с радостью жила скорбь. Не жалась в угол, не кутала плечи в темные платки, а стояла тут же у ворот...»<sup>9</sup>.

«— *Мой отец погиб...*

— *И мой...*

— *Мой тоже...*

— *Мой пропал без вести...*

*Так переключается мое поколение рождения предвоенных лет — безотцовщина, которая осталась как бы без твердо обозначенного возраста. Годовые кольца уходят вглубь воронкой к легко ранимой сердцевине...»<sup>10</sup>.*

5 марта 1953 г. многие люди испытали невероятное потрясение. В этот скорбный для народа день радиоприемники на всем пространстве Советского Союза говорили голосом Юрия Левитана: «5 марта в 9 часов 50 минут вечера перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина».

Сталин умер. Для большинства людей это было горем и трагедией — ради кого теперь жить и за кого теперь умирать? Смерть вождя большинство со-

ветских людей восприняло как личную трагедию. Страна погрузилась в траур. Из репродукторов неслась траурная музыка, газеты писали лишь соболезнования. Рыдали мужчины и женщины, пионеры стояли в траурных караулах, дети возлагали к гробу цветы...

Суровые годы лишений, выпавшие на долю мальчишек 1940-х гг., стали главной темой творчества Рустема Кутуя, темой военного и послевоенного детства, темой безотцовщины. Это грустные размышления о последствиях трагедии, о незаживающих следах войны. О следах в памяти, о следах войны на людских телах и на теле земли.

*Мои погодки, мальчишки,*

*С сердцами, как с заплатами,*

*Мои погодки стриженные*

*Под лесенку, под кое-как,*

*на нашем детстве трижды*

*проклятье горькое<sup>11</sup>.*

В 1961 г. в Татарском книжном издательстве вышла первая книга — сборник рассказов Рустема Кутуя «Мальчишки». Повесть эта — память поэта. Память о войне, которая, казалось, никогда не закончится, потому что для детей военного времени она была привычным фоном жизни.

*«Приходили похоронки, и на лавочке сидели горестные женщины. Память неистребимо сберегла дыхание общего горя, — иногда оно возвращается, и я, живущий в другом пространстве, снова стою маленьким среди большой войны»<sup>12</sup>.*

Послевоенные воспоминания очень сильны. Р. Кутуй вспоминал, как в начале 1950-х гг. вернулись фронтовики последнего призыва — 16-17-летние мальчишки. Недоиграв, недолюбив, они попали в море крови и страданий. А вернувшись, играли с подростками в «чику», «махнушку», «орлянку»...

Многие вернулись больными, слепыми, без рук, без ног... Единственным способом передвижения для них стали дощатые тележки на колесах — подшипниках, которые с грохотом носились по городу еще в начале 1960-х гг.

Особенно ужасные воспоминания остались у детей «военной поры», ви-

девших лица танкистов, горевших в танках. Обожженные, слепые лица, совершенно обгоревшие руки, от которых вместо пальцев остались только тонкие белые, как птичьи когти, кости ...

Вспоминая в своих произведениях военное и послевоенное детство, Р. Кутуй создает ностальгическую картину времени. Это светлая грусть, тоска по прошлому, по ушедшему быту, полному вкусов, запахов, зрительных образов, по дворовому коллективизму, солидарности, которые повлияли на подрастающее поколение того времени.

*«Я не пишу детских рассказов, — пишет Р. Кутуй, — я пишу человека из детства. Пишу его продолжение... Большая часть истин из детства взята кровью. Все оттуда — понятие чести, достоинства, гордость, протяженность любви и надежды, мечтательность, вопросительные и восклицательные знаки»*<sup>13</sup>.

Детям войны, независимо от того, где они находились в то время — в оккупации, прифронтовой полосе, эвакуации или в глубоком тылу, — приходилось не слаще, чем солдату на передовой. Детскими глазами дети войны видели то, на что взрослые могли не обратить внимания.

Детские души были изранены и обожжены, они видели ужасы войны незащищенным взглядом, который от

этого был более острым, пронзительным и беспощадным.

В литературе поколение послевоенных детей и подростков называют «детьми войны». Однако в годы «оттепели» у них уже начало активно формироваться мировоззрение, за которое их называют «шестидесятниками».

Послевоенные дети не имели отцов, семей, но их заменили школа, двор, детский дом. Послевоенное поколение воспитывалось на ценностях коллективизма, что способствовало появлению плеяды ярких индивидуальностей, одной из которых стал писатель и поэт Рустем Адельшевич Кутуй. В своем творчестве он не смог отказаться от детства.

Он был не детским, но и не взрослым писателем — он просто писал о ребенке, жившем после войны, прототипом которого был он сам. Он писал о своих ощущениях, переживаниях, о своих приключениях и навсегда остался в Стране Детства.

*«Я не знаю, где оборвалось детство — на высоком ли дыхании, на горестном ли вздохе. А может, оно продолжается и не кончится никогда. Я бы хотел, желал последнего. Ведь детством можно болеть, как можно болеть тоской о прекрасном. И я благословляю эту болезнь, потому что она приносит человеку счастливые страдания...»*<sup>14</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Кутуй Р.А. Белое пламя лунного тополя / Кутуй Р.А. // Казань. — 1993. — № 1. — С. 22.

<sup>2</sup> Кутуй Р.А. Такая жизнь / Кутуй Р.А. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. — С. 22–23.

<sup>3</sup> Кутуй Р.А. Я был на той войне / Кутуй Р.А. // Эхо веков. — 2000. — № 1-2.

<sup>4</sup> Кутуй Р.А. В детстве я задержался / Кутуй Р.А. // Комсомолец Татарии. — 1981. — 2 августа.

<sup>5</sup> Кутуй Р.А. Песня вечерняя. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — С. 22.

<sup>6</sup> Аксенов В.П. Досье моей матери // Литературная газета. — 1994. — 21 декабря.

<sup>7</sup> Кутуй Р.А. Песня вечерняя. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — С. 9.

<sup>8</sup> Кутуй Р.А. Гость / Кутуй Р.А. // Идель. — 1993. — № 6. — С. 10-11.

<sup>9</sup> Кутуй Р.А. Дом Памяти / Кутуй Р.А. // Татарстан. — 1991. — № 5. — С. 7.

<sup>10</sup> Там же. — С. 9.

<sup>11</sup> Кутуй Р.А. Я иду по земле / Кутуй Р.А. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1962. — С. 7.

<sup>12</sup> Кутуй Р.А. Страна моя — детство. Рассказы и повести. — М.: Советская Россия, 1978. — С. 16.

<sup>13</sup> Кутуй Р.А. В детстве я задержался / Кутуй Р.А. // Комсомолец Татарии. — 1981. — 2 августа.

<sup>14</sup> Кутуй Р.А. Страна моя — детство. Рассказы и повести / Кутуй Р.А. — М.: Советская Россия, 1978. — С. 20.

**Аннотация**

Данная статья посвящена творчеству русскоязычного писателя Республики Татарстан Рустема Кутуя, толчком к которому было военное и послевоенное детство автора, смерть его отца, известного татарского писателя, автора повести «Неотосланные письма» (1936), Аделя Кутуя.

**Ключевые слова:** Кутуй, война, детство, творчество.

**Summary**

This article describes the works of Russian-speaking writer of the Republic of Tatarstan, Rustem Kutuy, unleashed by war and post-war childhood of the writer and the death of his father, a famous Tatar writer, author of «Unmailed Letters» Adel Kutuy.

УДК 623.1(470.71):94«1941/1945»

## УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ ТАТАРСКОЙ АССР В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ВОЛЖСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

*В.Т. Сакаев, кандидат исторических наук, доцент*

В середине октября 1941 г., после начала немецкого наступления под Москвой, советское руководство в лице Государственного комитета обороны СССР (ГКО СССР) приняло решение о сооружении Волжского оборонительного рубежа, который должен был остановить немецкие войска на подступах к Уральскому промышленному району. Составной частью Волжского оборонительного рубежа был Казанский обвод. Строительство Казанского обвода до сих пор остается одной из малоизученных страниц истории Татарстана. Ряду сторон строительства, вообще, не уделялось должного внимания. Например, не получил достаточного освещения в исторической литературе вопрос о деятельности органов власти Татарской АССР в организации работ на оборонительном рубеже.

Высшее руководство ТАССР, в лице бюро обкома партии, приступило к организации работ на строительстве 16 октября 1941 г., когда было получено сообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии о решении ГКО начать строительство оборонительных сооружений в пределах ТАССР. Бюро обкома поручило председателю СНК ТАССР С.Х. Гафиатуллину и наркому внутренних дел ТАССР Г.Х. Габитову в суточный срок разработать практические мероприятия по его осуществлению.

22 октября бюро Татарского обкома, на основе присланного аналогичного документа Куйбышевского об-

кома ВКП(б), издало постановление о немедленном начале работ по сооружению рубежа на всем его протяжении, обратив первоочередное внимание на сооружение противотанковых препятствий. Первую очередь строительства указывалось завершить к 1 декабря 1941 г. Непосредственно организацией строительства должен был руководить председатель СНК ТАССР С.Х. Гафиатуллин. Для этого он был утвержден в должности заместителя начальника IV Управления оборонительных работ Народного комиссариата обороны СССР (ГУОБР НКО СССР). Во главе созданных 7 Военно-полевых строительства (ВПС) были назначены высшие руководители республики, в том числе, заместители председателя СНК ТАССР Ф.М. Ковальский и З.В. Тинчурин, секретари Татарского обкома ВКП(б) А.Г. Барышников, Р.Г. Хамидуллин, И.М. Ильин, заместитель наркома внутренних дел ТАССР С.С. Киселев, председатель Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по ТАССР И.Е. Шмельков и др. Первых секретарей горкомов и райкомов партии обязали в трехдневный срок провести мобилизацию населения, причем особо указывалось, что каждый мобилизуемый должен быть одет и обут по-зимнему и должен иметь при себе «запасную смену белья, полотенце, рукавицы или варежки, постельные принадлежности, котелок или миску, ложку и кружку». Республиканским наркоматам предписывалось создать на местах строитель-

ства сеть предприятий торговли, общественного питания, медицинского обеспечения и культурного обслуживания. Прокурору ТАССР Д.Н. Исупову указывалось организовать уголовное преследование лиц, уклоняющихся от мобилизации или противодействующих ей. Всего по ТАССР предполагалось мобилизовать около 281,9 тысячи человек, в том числе из Казани и Зеленодольска – 92,5 тысячи человек и из 36 сельских районов – 189,3 тысячи человек, а также 12660 лошадей, 162 трактора, 71 автомашину<sup>1</sup>. Заместитель председателя СНК ТАССР Н.П. Шибдин осуществил размещение заказов на производство необходимых инструментов. Обращает на себя внимание то, что проект решения о заказах был разработан к 6 ноября, подписан Н.П. Шибдиным 12 ноября, а срок выполнения по разным предприятиям устанавливался 7–15 ноября! К выполнению заказа привлекались местные предприятия зачастую не имевшие базы для выполнения подобных заказов, такие как жиркомбинат, фабрика «Спартак», льнокомбинат, фабрика киноплёнки и т.д.<sup>2</sup>

28 октября бюро Татарского обкома ВКП(б), на основании приказа начальника IV-го стройуправления ГУОБР НКО, сократило наряды на мобилизацию до 180 тысяч человек, которые предполагали взять из 20 сельских районов и из г. Казани<sup>3</sup>. 3 ноября бюро обкома провело проверку выполнения своих решений от 22 октября и выяснило, что отобилизовано всего 104,7 тысячи человек, из них более 26 тысяч – все еще находятся в пути, на рубеж прибыло всего 2849 лошадей, 61 трактор и 33 автомашины, то есть наряды в требуемом объеме не выполнены<sup>4</sup>. В Казани мобилизация происходила крайне неорганизованно и в большой спешке – людей отправляли в течение нескольких часов, чаще всего прямо с рабочего места, кто в чем был одет, домой не отпускали, опасаясь последующей неявки. В результате люди в летних галошах и даже в тапочках шли пешком из Казани до

трассы строительства несколько десятков километров и многие получали обморожения еще по дороге. Все указания бюро обкома о теплой одежде, обуви и т.д. полностью игнорировались. Вот несколько примеров, характеризующих ход мобилизации и отношение ответственных лиц к выполнению требований постановления обкома от 22 октября:

«1) директора швейных фабрик № 3–5 отправили людей, как они работали, в тапочках и спортсменках, не разрешив зайти домой и взять теплые вещи;

2) директор валяльно-обувной фабрики послал своих рабочих в тапочках, обещая выслать потом им обувь и так ничего не сделал;

3) из речного техникума прибыли 209 человек учащихся в возрасте 15–16 лет в летней одежде, совершенно почти раздетые и разутые, причем взяты они были непосредственно на занятиях и посланы на рубеж, а прибыли они в тот день, когда ударил мороз в 20 градусов;

4) директор лесопильного завода перед тем, как отправить рабочих на рубеж, вывел во двор, снял с них спецодежду, сдал ее в кладовую, снял с рабочих сапоги, брезентовые костюмы и в таком виде – разутыми и раздетыми отправил людей на пароход;

5) Сталинский и Бауманский районы Казани прислали 3,5 тысячи мобилизованных прямо с работы женщин, которые приехали на строительство, по выражению С.С. Киселева, «на высоких каблуках, с зонтиками».

Но даже такими методами власти Казани к 13 ноября, т.е. на 22-й день мобилизации, вместо требуемых 65 тысяч сумели отправить лишь 31,5 тысячи человек. Более того, ни один городской и сельский район план по мобилизации населения даже к 24 ноября не выполнил (на все ВПС к этому дню прибыло от 30 до 50% от требуемого количества рабочих). Даже к середине декабря на рубеже недоставало еще 70 тысяч рабочих. Только во второй половине декабря, после личного вмешательства Л.П. Берия, численность рабочих из Татарской АССР достигла своей высшей

отметки – 108 тысяч<sup>5</sup>. В то же время, причину невыполнения следует искать не в халатности районных властей, а в непродуманности решений бюро Татарского обкома, которые фактически вели к срыву выполнения других заданий. Поэтому, например, руководители Большегортарханского района вместо 8800 человек выделили лишь половину, а остальных даже отказались, так как решение ЦК ВКП(б) обязывало их в 10-ти дневный срок закончить обмолот зерна и хлебопоставки<sup>6</sup>. Точно также республиканские инстанции своевременно не справились с созданием необходимой инфраструктуры: наркомат торговли не смог создать сеть с правильной организацией распределения продуктов, наркомат здравоохранения – предотвратить возникновение эпидемий, прокуратура – пресечь бегство со строительства, «Союзтехрадио» – обеспечить строительство связи и т.д.<sup>7</sup> В некоторой части это можно объяснить ослаблением контроля бюро обкома за выполнением своих решений, ведь 29 октября 1941 г., в связи созданием 11-го управления оборонительного строительства (далее 11-е УОС), которому было поручено ведение строительства на территории ТАССР, с республиканских властей была снята прямая ответственность за ход работ на рубеже<sup>8</sup>.

Руководящий состав полевых строительных и инженерно-технический персонал был мобилизован из республики и по большей части, по утверждению начальника 11-го УОС И.С. Шикторова, не имел не только опыта оборонительного строительства, но и даже опыта руководства крупными массами людей. В качестве начальников ВПС работали секретари обкома и наркомы. Начальники строительных участков и рабочих колонн назначались из числа секретарей райкомов и руководителей райисполкомов. В качестве руководителей среднего звена были командированы работники районных партийных, советских и хозяйственных органов, причем не прослеживается никакая ло-

гика при отборе кадров: на строительство направлялись заведующие отделами и инструкторы райкомов, председатели сельсоветов, директора МТС и различных районных организаций, таких как «Заготзерно», «Сельпо», районного отдела народного образования, директора и учителя школ, преподаватели вузов, редактор и корреспондент радиоузла и газеты, и даже сотрудник НКВД и народный судья! Низшее звено ИТР целиком состояло из студентов, не имевших практических навыков работы. Несомненно, массовое привлечение на строительство чиновников различного ранга дезорганизовывало, нарушало, а в некоторых случаях даже привело к свертыванию работы властных структур на местах. Так, в Дрожжановском районе были мобилизованы все агенты и руководители структур по заготовке сельхозпродукции, в результате чего таковая совершенно прекратилась<sup>9</sup>.

Мобилизация на строительство рабочих промышленных предприятий срывала выполнение производственных планов, так как оставляла предприятия без необходимого количества рабочих рук<sup>10</sup>. Стремясь избежать срыва выполнения планов, хозяйственные руководители апеллировали к своим вышестоящим отраслевым инстанциям – наркоматам РСФСР и СССР и всячески пытались освободить своих рабочих от мобилизации, либо свести ее к минимуму. Райкомы и обком, в свою очередь, грозили директорам партийными санкциями. По предложению первого секретаря обкома А.М. Алемасова, VI ноябрьский объединенный пленум Татарского обкома и Казанского горкома 1941 г. постановил считать такие действия директоров предприятий «сопротивлением делу создания укрепленного района» и «антипартийным поведением» со всеми вытекающими отсюда последствиями<sup>11</sup>. Весь период строительства по этому поводу шла яростная переписка между центральными и республиканскими властями, и надо отдать должное А.М. Алемасову и другим руководителям Татарского

обкома, умевшим жестко отказывать на различные просьбы, ходатайства и даже требования высокопоставленных чиновников наркоматов и даже СНК СССР, таких как, например, Г.М. Маленков, об освобождении от мобилизации рабочих оборонных предприятий<sup>12</sup>. Но и здесь партийные органы иной раз перегибали палку, иначе чем объяснить посылку на строительство в качестве чернорабочих инженеров из оборонного ЦКБ-17 или, например, сталинского стипендиата, докторанта В.В. Морозова, от мобилизации не освобождались даже профессора<sup>13</sup>.

Стремясь сохранить наиболее работоспособные кадры и одновременно выполнить наряд, районные партийные и советские руководители раз за разом игнорировали угрозы и предупреждения Татарского обкома и Совнаркома ТАССР и продолжали посылать на строительство калек, заразно больных, выздоравливающих раненых, дряхлых стариков, несовершеннолетних и даже беременных на 6–9 месяце. Причем это были не единичные, а массовые явления; так, на одном только ВПС № 3 из 11 тысяч присланных рабочих оказалось 67 женщин беременных на 8 месяце, 234 человека – больных и калек, а также 2433 человека – не имеющих зимней одежды и обуви<sup>14</sup>.

Характерной чертой управления строительством была огромная роль в нем сотрудников системы госбезопасности, в том числе и из республиканского руководства. Так, лично курировал оборонительное строительство нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия (например, именно за подписью Л.П. Берии на строительство приходили суточные графики выполнения работ для каждого ВПС<sup>15</sup>), со стороны Главного управления оборонительного строительства НКО (ГУОС НКО СССР) контроль за строительством осуществлял комиссар госбезопасности II ранга К.И. Павлов, а сам начальник 11-го УОС И.С. Шикторов был старшим майором госбезопасности, начальником ВПС № 5 был замести-

тель наркома внутренних дел Татарской АССР С.С. Киселев и т.д. Причем значительное количество представителей органов госбезопасности в руководстве строительством было вызвано не столько интересами обеспечения секретности строительства, сколько «особыми» организаторскими способностями людей из «органов», связанными с их принадлежностью к карательной системе. Например, только старший майор госбезопасности И.С. Шикторов мог позволить себе, не имея на то юридических оснований, издать 24 ноября 1941 г. приказ № 05, назначавший из числа армейских офицеров, формально ему не подчинявшихся, ответственных за рекогносцировки на каждом участке и запрещавший рекогносцировочным группам вносить какие-либо изменения в уже утвержденные схемы строительства, даже если рекогносцировка проведена с ошибками. Тем самым была устранена важнейшая причина задержки строительства – забраковка и переделка уже сданных рекогносцировочных материалов<sup>16</sup>.

Строительство Казанского оборонительного рубежа стало тяжелой ношей на шею республики, так как по верному выражению первого секретаря обкома А.М. Алемасова для строительства рубежа «республике ничего не дано, кроме большевистского приказа – сделать»<sup>17</sup>. Почти все материалы и инструменты получали на месте: например, из 234,3 тысяч лопат из центра были получены только 42 тысячи, из 34,2 тысяч ломов – лишь 2,5 тысяч, из 18,3 тысяч кувалд – только 1000 штук и т.д., причем большая часть из этого количества прибыла на строительство после его окончания! Материалы и инструмент пришлось изымать и даже конфисковывать у местных предприятий и населения. Республике пришлось за счет собственных фондов полностью обеспечить продовольствием всех мобилизованных горожан<sup>18</sup>, и если со снабжением горожан дело обстояло более или менее удовлетворительно, то снабжение колхозников находилось в чрезвычайно тя-

желом положении. По сильно запоздавшему решению СНК СССР колхозники должны были снабжаться за счет общественных фондов колхозов, но проблема была в том, что у ряда колхозов этих фондов не было вообще. На доставку продовольствия и фуража колхозам приходилось отрывать от работ своих и без того немногочисленных лошадей. Вскоре обком, в целях сокращения непроизводительных затрат, предложил новую систему обеспечения колхозников, которая предполагала, что колхозы будут сдавать продовольствие и фураж для мобилизованных односельчан на ближайшие к колхозу заготовительные пункты, а мобилизованные колхозники будут в свою очередь получать их по присланным квитанциям с близлежащих к строительству ссыпных пунктов. Однако система оказалась неэффективной. Это ярко показывает пример Буинского и Чистопольского районов, сдавших в соответствии с указаниями обкома продовольствие и фураж, но из-за невозможности получить его на строительстве вынужденных вторично организовывать доставку продовольствия<sup>19</sup>. Характерно, что перебои со снабжением были не только у отдаленных, как, например, Агрызский, но и у близлежащих к строительству районов, как, например, Столбищенский<sup>20</sup>. В связи с этими недостатками в организации И.С. Шикторов в своем отчете крайне негативно оценил роль руководителей СНК ТАССР и лично его председателя С.Х. Гафиатуллина, указав, что «Гафиатуллин часто запутывал вопросы мобилизации, индивидуально отменял решения СНК, по ряду районов сокращал количество, давал нереальные задания районам и т.д.», а также дал крайне нелестную оценку деловых способностей секретаря Татарского обкома А.Г. Барышникова и заместителя председателя СНК ТАССР Ф.М. Ковальского<sup>21</sup>.

Руководство республики не сумело создать приемлемые условия для жизни и работы на строительстве: фактически каждый пятый строитель заболел, обморочился или получил травму, 28

строителей погибло<sup>22</sup>. Тяжелые условия работы вызвали массовое недовольство строителей рубежа. Буквально заваливая областные и центральные партийные органы, редакции газет жалобами, строители фактически сами дали оценку эффективности деятельности республиканских властей. В заявлениях сквозила обида на власти, обманом мобилизовавшие их без учета семейных и материальных условий на «каторжные работы», задерживающие их на строительстве более трех месяцев вместо обещанного одного, не сумевшие должным образом организовать нормальные бытовые условия и снабжение. Нередко обида доходила до прямых угроз и обвинений во вредительстве, до сравнения строительства с «фашистскими концлагерями»<sup>23</sup>. Руководство республики оказалось неспособно эффективно пресечь подобные настроения. Обком пытался подавить их оглашением в стенгазетах приговоров суда над дезертирами и уклонистами с трудового фронта и массовой пропагандой доклада И.В. Сталина, посвященного 24-й годовщине Октябрьской революции, особо подчеркивая, что коллектив строителей выполняет задачу, поставленную самим И.В. Сталиным<sup>24</sup>. Видимо, это не возымело действия, так как массовый характер на строительстве приобрели случаи уклонения от мобилизации, дезертирства и невыхода на работу. Только с ВПС № 1, по сообщению Ф.М. Ковальского, в ноябре 1941 г. из 30 тысяч мобилизованных дезертировало 800 человек, а из оставшихся — 4,5 тысячи человек не выходили на работу, в том числе 1,5 тысячи — без всяких оправдательных причин. По Чистопольскому району к концу декабря 1941 г. было зафиксировано 117 случаев дезертирства, симуляции болезни, отказа от поездки, притом что район направил на строительство всего 3,1 тысячи человек, уголовные же дела возбудили только против 14 человек, остальных просто вернули на строительство. По Балтасинскому району за декабрь дезертировало не менее 137 колхозников, по

Ципинскому — более 600 колхозников, причем главной причиной дезертирства служил недостаток продовольствия и фуража<sup>25</sup>.

В декабре 1941 г. обстановка на фронте изменилась и строительство рубежа потеряло свою актуальность. Строительство заволжского рубежа было прекращено 30 декабря 1941 г. приказом Л.П. Берии. 5 января 1942 г. поступило распоряжение вести строительство Казанского обвода только на глубину первых двух рот батальонного района и только на главных направлениях. Однако под давлением руководителей республики, видимо, опасавшихся возможного нового наступления немцев, 11-е УОС проигнорировало это распоряжение и прекратило строительство лишь в отдельных батальонных районах<sup>26</sup>. Только после жестких указаний Л.П. Берии закончить строительство к 25 января 1942 г. началось полномасштабное свертывание работ на рубеже, однако и в указанный Л.П. Берией срок строительство завершить так и не удалось<sup>27</sup>.

Не стал рубеж и мощным укреплением, каким его пытался представить в своем отчете И.С. Шикторов, ведь рубеж соорудался лишь на глубину двух первых рот батальонного района первого эшелона, то есть не был глубоко эшелонирован. Огневые точки были подготовлены по большей части под калибр батальонной 45-мм и, в меньшей степени, полковой 76-мм артиллерии, огневых точек для орудий более крупного калибра вообще не было. Почти две трети из сооруженных ДЗОТов имели только легкое деревянное перекрытие<sup>28</sup>. Не везде строились и отсечные противотанковые препятствия, вообще, объемы земляных работ вместо запланиро-

ванных 20 млн кубометров составляли только 5 млн.

Таким образом, ни в срок установленный ГКО СССР, ни даже значительно позже него, республика рубеж, по первоначально требуемым показателям, соорудить не смогла, хотя руководители ТАССР неоднократно заявляли, что строительство укрепленного района является для них «делом чести»<sup>29</sup>. Необходимо отметить, что властные структуры Татарской АССР сыграли значительную роль в организации строительства рубежа, особенно на начальном его этапе. Однако их действия не всегда были столь же продуманными и эффективными, насколько они были энергичными. Причина этого лежит в самой сложившейся системе управления, характерной чертой которой было игнорирование ресурсного фактора. Материальные ресурсы ТАССР изначально не могли обеспечить потребностей строительства рубежа. Однако с решением ГКО, то есть самого Сталина, не поспоришь. Неизбежный итог — невыполнение или некачественное выполнение решений и планов. Это ярко показал, например, ход мобилизации населения: стремясь выполнить задание, согласно которому только в Казани предстояло мобилизовать чуть ли не каждого четвертого жителя, да еще в трехдневный срок, районные и городские власти отправляли на рубеж всех подряд, в огромной спешке, без теплой одежды. Недостаток материальных ресурсов повсеместно компенсировали перенапряжением человеческих сил. И, все же, возведение рубежа в тех условиях было жизненно необходимо и следует отдать должное населению Татарстана, которое приложило все силы для его создания.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 119, л. 97; д. 120, л. 94, 103–110.

<sup>2</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 119, л. 113–114.

<sup>3</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 119, л. 116.

<sup>4</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 120, л. 11–13.

<sup>5</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 5, л. 27.

- <sup>6</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 17, л. 32, 112; д. 127, л. 4-11, 19, 22, 31; д. 131, л. 184.
- <sup>7</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 127, л. 28.
- <sup>8</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 3.
- <sup>9</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 243, л. 40-47; д. 481, л. 16, 26, л. 110; д. 482, л. 13-16 об., 23.
- <sup>10</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 17, л. 38.
- <sup>11</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 17, л. 31-32, 78, 166-168; д. 131, л. 184; д. 149, л. 14; д. 243, л. 1.
- <sup>12</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 243, л. 22-23, 30-32, 52, 77-78, 82; д. 482, л. 1-4, 10.
- <sup>13</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 296, л. 371-372; д. 482, л. 5, л. 18-19.
- <sup>14</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 127, л. 11.
- <sup>15</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 127, л. 31; д. 142, л. 81-82.
- <sup>16</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 127, л. 37; д. 481, л. 10.
- <sup>17</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 17, л. 140.
- <sup>18</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 243, л. 2.
- <sup>19</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 138, л. 101; д. 142, л. 102; д. 481, л. 6, 31-35.
- <sup>20</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 482, л. 26-29, 30.
- <sup>21</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 4, 26, 27.
- <sup>22</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 40-43.
- <sup>23</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 243, л. 15-22, 33, 55-57 об.; д. 482, л. 8-8 об., 11-12.
- <sup>24</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 203, л. 82-83.
- <sup>25</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 127, л. 4; д. 138, л. 89, 101; д. 142, л. 102; д. 243, л. 86; д. 482, л. 30.
- <sup>26</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 3-4.
- <sup>27</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 6.; д. 482, л. 25-25 об., 34-34 об.; д. 502, л. 2;
- <sup>28</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 481, л. 8, л. 21.
- <sup>29</sup> ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 17, л. 30, 112.

#### Аннотация

Статья посвящена исследованию участия населения и органов власти Татарской АССР в строительстве Волжского оборонительного рубежа. В статье раскрыт механизм организации и проведения мобилизации населения на сооружение рубежа, показана структура управления строительством, определена роль местных органов власти в руководстве ходом строительства и дана оценка эффективности их деятельности. Статья основана на материалах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан.

**Ключевые слова:** Татарская АССР, Великая Отечественная война, оборонительное строительство, Волжский оборонительный рубеж.

#### Summary

The article is devoted to the research of the participation of the population and the authorities of the Tatar ASSR in the construction of the Volga defensive barrier. The article reveals the mechanism of organization and realization of the mobilization of people for the barrier construction, shows the construction management structure, defines the role of local authorities in the management of the building procedure and gives the estimate of efficiency of their activity. The article is based on the materials of Central State Archive of historical political documentation of the Republic of Tatarstan.

УДК 82:801.6

## ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И АРХЕТИПЫ В ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Н.М. Юсупова, кандидат филологических наук, доцент*

В истории татарской поэзии XX века период Великой Отечественной войны стал временем новых художественных поисков. Новая «культурологическая, философская ориентация» стала импульсом для формирования новых тенденций в татарской поэзии военного периода. По мнению исследователей творческой психологии, в кризисных ситуациях, в поворотные, переходные моменты истории и общественно-философской мысли зачастую происходит активизация поэзии. Так и во время войны поэзия, претерпевая ряд изменений, становится наиболее популярной среди литературных родов. Основу поэзии военных лет составляют мотивы борьбы с врагом (А. Ерикеев «К борьбе, друзья», 1941), веры в победу, клятвы защищать страну («Ф. Карим «Клятва», 1942; М. Джалиль «Клятва артиллериста», 1941; М. Хусаин «За Родину»), ненависти к врагу (К. Наджми «Смерть фашизму!», А. Исхака «Кровь — за кровь»), прощания с родной землей (Ш. Маннур «Прощальная песня», А. Кутуй «Песня проводов», К. Наджми «Проводы», Ф. Карим «В последний раз смотрю на Волгу»), тоски. В поэзии изображаются героизм солдата, его вера в победу (Ш. Мударрис «В землянке», 1943; С. Хаким «Письмо», 1942; А. Файзи «На фронтовой дороге», 1943; Ш. Мударрис «Сапер», 1943; Ф. Карим «Связной»), героический труд женщины в тылу (К. Наджми «Хаят апа», 1941, «Сагыну хаты», 1942), тема войны проявляется в самых разных тематических аспектах. Инвариантными для них яв-

ляются агитаторско-пропагандистская интонация, публицистичность, наличие героического (Ф. Карим «Игра смерти», М. Джалиль «Мои песни» и др.) и трагического (Ф. Карим «Гульсум», М. Джалиль «Варварство») пафосов.

Поэзию военных лет отличает разнообразие и своеобразие мотивов, особенно архетипических и мифологических. Литература советской эпохи вообще отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем, по мнению Гюнтера, все более «превращается в официальный резервуар государственных мифов» [2; 743]. Модель мира, сформировавшаяся в художественной словесности в 1920–1930-е гг. XX века, существенно отличается от духовно-эстетических исканий и художественных исканий предшествующих эпох. В процессе созидания тоталитарного синтеза искусств эстетическая функция утрачивает свое привилегированное положение в литературе. Ю. Борев утверждает, что для XX столетия в целом «свойственно стремление к морально-политическому единению, к подчинению слову гениального вождя» [1; 456].

Начало социально-политических реформ, изменивших культурные ориентации общества, сопровождается подсознательным приближением словесности к идеологической мифологии, мифопоэтическим универсалиям и архетипам. Так, социально-политические реформы 1930-х гг. становятся основой для новых идеологов и мифологов. Марксистская теория для достижения своих целей ориентируется на воспита-

ние чувств патриотизма, преданности Родине, и эта функция во многом возлагается на литературу, которая становится «одним из главных источников создания государственной мифологии» [2; 743].

Схожая тенденция наблюдается и в татарской литературе, вкратце проследим ситуацию на материале национальной поэзии. Начиная с 20-х годов XX века в татарской культуре плюрализм художественных поисков постепенно сменяется тенденцией к художественно-эстетической унификации, обусловленной утверждением марксистского литературоведения. Стремление авторов к изображению героев, в своей судьбе отражающих ход социалистического строительства и победу класса пролетариев, людей, вобравших в себя качества, которые могли бы служить примером для подражания, оборачивается поиском новых художественных приемов и универсалий, мифологических структур для выделения идеологического содержания. Мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика накладывают свой отпечаток на татарскую поэзию 1920–1930-х гг., в произведениях тех лет доминируют идеологические мотивы и архетипы советской культуры. Поэты 1920-гг. интенсивно переосмысливают традиционные приемы создания «идеологического мифа» и применяют их для оценки социальных явлений новой эпохи, в стихах ярко прослеживается связь с историческими, общественно-политическими реалиями. Например, Д. Загидуллина определяет наличие трех идеологических мотивов в творчестве М. Джалиля: вера в светлое будущее, жертвенность, борьба за победу «социализма», которые сопровождаются мифологическими образами Родины, Красного знамени и т.д. [3; 70]. В стихах «Счастье», «Красный город», «Красный праздник», «Перед смертью» М.Джалиля интерпретация идеологических атрибутов увязывается с преданностью советской идеологии,

доминирует мотив борьбы за светлое будущее. В таких произведениях поэта, как «Сын пахаря», «Лед тронулся», «Старая сибирская песня», «Наша деревня» в художественной картине мира представляется временная оппозиция прошлое/настоящее, превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего. При этом прослеживаются мотивы жертвенности и светлого будущего, появляется лирический герой, утверждающий социалистический взгляд на мир.

Поэтические произведения 1930-х гг. характеризуются избытком таких идеологических мотивов, как ненависть, борьба за светлое будущее. Среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага и «мудрого отца». В стихах того периода наблюдается сакрализация вождя, Ленин принимает черты «мудрого отца», в процессе мифологизации участвуют символические образы света, солнца или огня. Образ врага представляется как «внутренний враг – вредитель» или «объективный противник, который определяется как объективная опасность для государства независимо от его субъективных намерений, планов и действий» [2; 750]. Самая динамичная фигура советского мифа – герой – в поэзии 30-х гг. XX века выступает в разных проявлениях: герой социалистического труда, герой-воин, герой-жертва и политический деятель, образ героя получает интерпретацию борца за свободу угнетенных классов, патриота, т.е. намечается и реализуется тенденция к социологизации образа.

Именно такие мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика накладывают свой отпечаток на поэзию военного периода: в лирике доминируют идеологические мотивы, среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага, «мудрого отца» и Родины-матери.

Реализм 1930-х гг. в годы Великой Отечественной войны обогащается ро-

мантическими приемами, что зачастую приводит к взаимопроникновению, синтезу романтического и реалистического. С помощью реалистических приемов изображается «вся правда» войны, романтический пафос направляется на создание образа советского солдата как сказочного богатыря, обладающего беспрецедентным мужеством и героизмом. На фоне таких приемов воссоздается один из наиболее распространенных архетипических образов советской мифологии — образ-героя, представленный в литературе в различных модификациях: герой труда, герой-воин, герой-жертва. Противостояние народа врагу становится предметом гиперболизированного изображения, сопоставимого с противопоставлением добра и зла в средневековой литературе.

В художественной картине мира выделяется ряд «идеологически» окрашенных семантических оппозиций: жизнь/смерть, мы/враги (М. Джалиль «Письмо из окопа», «Клятва артиллериста» и др.), родная земля/чужбина (Ф. Карим «Ветка черемухи», «У нас, наверное, весна», М. Джалиль «В Германии» и др.), война/мир (А. Ерикеев «Только к ночи стихла битва», М. Джалиль «Чулпан»). Оппозиция жизни и смерти относится к числу универсальных семантических оппозиций, которая в развитии литературы приобретает различные варианты. В поэзии военных лет эта оппозиция актуализируется в формуле «жизнь — смерть — бессмертие» (М. Джалиль «Песня моя», «Чулпан»; Ф. Карим «За Родину» т.д.), в которой смерть осмысливается не как небытие, а как инобытие.

В годы войны на смену мотивам строительства светлого будущего, священной жертвы, борьбы 1920–1930-х гг. приходят мотивы веры в победу, призыва к борьбе, ненависти к врагу и клятвы защищать Родину (М. Джалиль «Песня моя», «Против фашизма», 1941, «На последний бой», 1941, «Клятва артиллериста» и др.). Например, в «окопной поэзии» М. Джалиля обнаруживается

синтез идеологических и философских мотивов. Среди идеологических мотивов это мотивы веры в победу, призыва страны к битве, ненависти к врагу и клятвы защищать Родину, среди образов-мифологем — страна, знамя, герой-боец. Во фронтовой лирике поэта в художественной картине мира на первый план выходит бинарная оппозиция жизнь/смерть в разных модификациях: смерть/бессмертие, трагическое/героическое, свое/чужое, советский солдат/образ фашиста. На фоне этого обнаруживается активизация философии жизни и смерти, дихотомия смерти—бессмертия становится основой в философии жизни и смерти. М. Джалиль понимает смерть за Родину не как уход в небытие, а как переход в Вечность; смерть во имя Родины воспринимается как путь к бессмертию. Призывающая народ к героизму и пронизывающая этим пафосом литературу идеология внедряет в сознание мысль о праведности смерти в борьбе с врагом («Песня моя», 1941; «Чулпан», 1941; «Прощай, любимая», 1941). Если в стихах, написанных в первые дни войны («Песня моя», «Против фашизма», 1941, «На последний бой», 1941, «Клятва артиллериста») преобладают мотивы ненависти к врагу, призыв к битве, то в стихах «Клятва артиллериста», «Прощай, любимая», «Письмо фронтовое», «Чулпан» центральными мотивами становятся преданность своему народу, клятва защищать Родину, вера в непобедимость советской страны, гуманизм, патриотизм и бессмертие:

*Жырым, синдә минем гәүдәләнде*

*Илне сөйгән йөрәк тибешем.*

*Жырым иде антым:*

*«Яшәсәм дә,*

*Үлсәм дә тик туган ил өчен!»*

*(«Әйдә, жырым»).*

Например, в произведении «Чулпан» душевные переживания лирического героя переплетаются с мотивами патриотизма и непобедимости. Через многогранный романтический сим-

вол, получивший широкое социальное и философское истолкование в фольклоре и классической поэзии как Звезда Чулпан, раскрывается внутренняя драма лирического героя, кроме того, образ-символ становится художественным приемом утверждения мотива непобедимости.

В стихотворениях «Из госпиталя», «Весна в Европе» появляется новый мотив сожженной, разоренной Родины. Схожую тенденцию наблюдает Б.Минцель в симоновской балладе «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» [4; 961]. Однако обращение поэта к фольклору, к традиционным мифологическим образам позволяет автору преодолеть идеологический схематизм.

В «Моабитских тетрадах» поэта на первое место выходят философские мотивы; философское осмысление жизни и смерти, понимание истинности поднимается на новые высоты, обогащается новым содержанием. В «Моабитских тетрадах» обнаруживаются такие мотивы, как преданность народу и Родине, вера в победу, тоска по Родине и свобода [3; 72]. Образ-архетип героя-воина трансформируется и предстает в новом ракурсе как преданный служитель Родине, герой-поэт. В стихах рассматриваемого периода такие качества, как преданность народу и нации, граничащая с жертвенностью, душевность и гуманизм детерминировали многозначность героя нового типа. При этом личность поэта и его борьба против фашизма, творчество рассматриваются как дифференцированное целое. Мотивы клятвы и веры становятся основными в раскрытии отношений между поэтом и Родиной. Если в предыдущий период смерть понималась как путь к бессмертию, то в плену — как путь к освобождению. В этой связи в лирике М. Джалиля появляется неписываемая в идеологические рамки правда личности, что выражается в оппозиции правды идеологии / правды человека.

В «Моабитских тетрадах» мотив трагизма проявляется в стихах «В стране Алман», «Палачу», «Волки», «Послед-

няя песня», «Раб», «Перед судом» и др. Бросается в глаза двуплановость трагического: с одной стороны, это трагедия поэта, заранее знавшего о своей гибели под фашистской гильотиной, с другой — трагедия немецкого народа, ставшего жертвой фашизма.

В стихах «Не верь», «Волки», «Другу», «Прости меня, Родина» человеческую свободу Джалиль связывает со стойкостью, честью и утверждает мысль о преданности народу самого и своих друзей. При этом, в отличие от довоенной лирики, в лирике поэта ясно различима мысль о предопределенности судьбы.

Религиозные мотивы звучат в «Моабитских тетрадах» как составная часть культурной традиции. Обнаруживается мифологизация материнского начала, оживает цепь символов родина — природа — «малая родина» — мать в стихах «Поэт», «Любимой», «Дороги», «Молодая мать», «Ненависть» и т.д. Система классических образов, перекочевавших из произведений многовековой художественной литературы, приводит поэта к осмыслению философской сущности бытия («О подвиге»). Например, в балладе «Ана бэйрэме» обнаруживается ряд сказочных моментов: трое сыновей, двое из которых погибают на охоте, а третий, обладающий «алмазным мечом», возвращается победителем; образы ветра и голубя, приносящих страшную весть, после которой слепнет мать; чудесное исцеление матери и все эти мотивы становятся средствами прославления борьбы. В балладе «Соловей и родник» посредством аллегорий автор раскрывает мысль о святости смерти во имя Родины.

В стихах еще более усиливается связь образов народной мифологии и образа родной страны. Во многих стихотворениях М.Джалиля концепт «родина» оказывается национально окрашенным. Тоска лирического героя по родине, о которой поэт пишет «*Туган илем, якты өем*», передается через ряд национально-мифологических образов, таких как ласточка, золотая рыбка,

быстроногий аргмак. Национальную окраску образу родины придают образы соловья и родника, ромашек, голубя, ветра, цветов, детали, позволяющие создать образ «Көрәшче-егет»: бело-сивый конь, алмазный меч и др.

Схожие мотивы наблюдаются и в творчестве Ф. Карима. Как и в поэзии М. Джалиля, в его стихах обнаруживаются идеологически окрашенные мотивы борьбы за свободу Родины, веры в победу, ненависти к врагу и клятвы защищать страну. Эти мотивы предстают перед читателем через ряд оппозиций (я/враг, война/мир, родная земля/чужбина), главной из которых становится оппозиция жизни и смерти в ее различных модификациях: смерть/бессмертие, трагическое/героическое. Архетип героя раскрывается в поэзии Ф. Карима как образ героя-бойца. Например, в стихотворении «Клятва», в котором структурообразующей становится оппозиция я/враг, трагедия страны, семьи, трагедия ребенка становится причиной горьких чувств героя и определяет содержание его клятвы. В клятве, во-первых, выражается преданность стране, во-вторых, она (клятва) становится оправданием смерти:

*Шушы балам очен, синең очен,  
Нәселем очен, Туган ил очен,  
Мылтык тотып баскан җиремнән  
Бер адым да артка чигенмәм.*

Мотив ненависти к врагу становится основным в стихах «Кого пожалеть», «У нас, наверное, весна». Так, в стихотво-

рении «У нас, наверное, весна» поэтическая идея раскрывается посредством оппозиции мира и войны. Автор противопоставляет два мира: часть страны, захваченную фашистами, и ту ее часть, где еще царит мир. Противопоставление ужаса войны и прекрасного мира становится одним из излюбленных приемов Ф. Карима. В стихе, написанном в форме письма-монолога, образ весны становится символом надежды, обновления и светлого будущего:

*Яшен уты белән күккә язып әйтәм:  
Язы юкның яшәү хакы юк!*

Посредством антиномичного образа весны Ф. Карим доводит до читателя свою философскую идею: фашизм истребляет не только людей, он уничтожает и все прекрасное в природе. В стихах «Путь», «В разведке», «Я – гуманист» на первое место выходят мотивы борьбы за свободу страны. В таких стихах, как «Друг», «Родная мать», «В последний раз смотрю на Волгу», «Бабочка белая» преобладают трагические мотивы, обусловленные личной трагедией лирического героя, связанной с расставанием с семьей, потерей близких людей, гибелью фронтовых друзей.

Итак, краткий обзор системы идеологических мотивов и диахронических трансформаций мифологических образов-архетипов в татарской поэзии военных лет свидетельствует об изменениях, происходящих в развитии татарской поэзии, позволяет наметить дальнейшие пути ее эволюции.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Боров Ю. Особенности литературы в XX веке / Ю.Боров // Теория литературы. Литературный процесс. – М., 2001. – Т. 4. – 456 с.

<sup>2</sup> Гюнтер Х. Архетипы советской культуры / Х.Гюнтер // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х.Гюнтера и Е.Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 743–785.

<sup>3</sup> Загидуллина Д. Мифологические образы в творчестве М.Джалиля / Д.Загидуллина // Муса Джалиль: творчество и подвиг. Взгляд из XXI века. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина, 2006. – С. 69–73.

<sup>4</sup> Минцель Б. Советская лирика сталинской эпохи: мотивы, жанры, направления / Б. Минцель // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 953–969.

### Аннотация

В истории татарской поэзии XX века период Великой Отечественной войны стал временем новых художественных поисков. Поэзию военных лет отличает разнообразие и своеобразие мотивов, особенно архетипических и мифологических. Мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика 1920–1930-х гг. накладывают свой отпечаток и на поэзию военных лет: в лирике доминируют идеологические мотивы, среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага, «мудрого отца» и Родины-матери.

**Ключевые слова:** мифологизм, идеологический миф, архетип, мифологический образ.

### Summary

The poetry of war time is characterisece by variety ance peculiarity of motives, espectaaiy of archetypical and miphological ones. Viphological concepctions of Soviet period, ideological miphopoetics of 1920–1930-s leave its mark upon the wartime poetry.

УДК 355.018

## СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*М.А. Рафиков, кандидат исторических наук, полковник в отставке*

Всемирно-исторический подвиг многонационального советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945) против фашистской Германии и ее союзников навечно останется в памяти благодарного прогрессивного человечества. Героическим трудом в тылу и массовым героизмом в боях, преодолевая неимоверные трудности и лишения, советский народ и его воины разгромили фашистского агрессора и отстояли свободу и независимость своей Великой Родины – СССР.

Одним из главных источников, движущей силой этого беспримерного подвига народа и его воинов был патриотизм – высокое чувство преданности и любви к своей Родине. Воспитание людей, молодежи в духе патриотизма и сегодня считается важнейшей задачей. Речь идет о воспитании молодежи в духе любви к своему Отечеству, народу, его языку и культуре, истории и лучшим традициям прошлых и нынешних поколений, готовности честного, добросовестного выполнения своего гражданского и воинского долга во имя успешного развития своей Родины и защиты ее свободы и независимости. Патриоты – это достойные граждане Отечества, создатели и творцы материальных и духовных богатств страны, отдающие свой труд, знания, опыт делу процветания отечества, благополучию его народов.

В этом благородном деле воспитания патриотизма велика роль истории Великой Отечественной войны, опыт самоотверженного труда и героизма в

вооруженной защите Родины людей старших и нынешних поколений, их высокие моральные качества. Воспитательный потенциал, опыт и добрый пример ветеранов войны и труда могут оказать и оказывают положительное воздействие на формирование личности патриота, достойного гражданина Отечества.

Мы, ветераны, весьма признательны руководству, общественным организациям, всему коллективу университета за уважительное отношение к памяти, добрым делам старших поколений, бережное отношение и приумножение их славных традиций, за увековечение памяти бывших студентов, преподавателей, ученых за их трудовые и боевые подвиги, заслуги перед Отечеством.

### **1. На южном направлении. Поход в Иран**

В конце 30-х – начале 40-х гг. XX столетия международная обстановка была весьма сложной.

В различных районах мира полыхали военные пожары, развертывалось сопротивление агрессорам.

Фашистская Германия оккупировала ряд стран Европы, усиливала и укрепляла свои позиции в странах Африки, Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в Иране. 1 сентября 1939 г. нападением на Польшу гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну. К середине 1940 г. фашистские агрессоры захватили 12 европейских стран, в том числе Австрию, Чехосло-

вакию, Данию, Норвегию, Грецию, Югославию и др. В завоеванных странах устанавливался фашистский «Новый порядок», означавший порабощение независимых государств, жестокое национальное и социальное угнетение, массовые репрессии и геноцид. Дыхание войны чувствовалось всюду.

Поставив себе на службу экономические ресурсы захваченных стран, а также государств сателлитов, фашистская Германия начала подготовку к войне против СССР. Советский Союз бдительно следил за развитием международных событий и принимал необходимые меры по укреплению обороноспособности страны, повышению готовности Вооруженных Сил. Формировались новые части и соединения, в войска поступали новые виды боевой техники и орудия, обучение войск проходило в условиях, приближенных к боевой обстановке...

Настало время и мне начать многолетнюю службу в Советских Вооруженных Силах. 7 мая 1940 г. получил из военкомата повестку и 11 мая был отправлен к месту службы – в приграничный с Афганистаном город Термез Узбекской ССР. Служил сначала красноармейцем-минометчиком (рядовым) 41-й отдельной минометной батареи, а с осени 1940 г. красноармейцем – артиллерийским разведчиком 139-го артиллерийского полка 68-й горно-стрелковой дивизии Среднеазиатского военного округа (САВО).

Началась нелегкая военная служба в весьма сложных природно-климатических условиях – жаркий климат, частые песчаные бури, отсутствие осадков на протяжении долгих летних месяцев, недостаток питьевой воды и т.д.

В таких условиях проходили полевые занятия, тактические учения с продолжительными маршами по горно-пустынной местности Сурхан-Дарьинской области Узбекистана, вдоль Афганской границы. Нередко бывали случаи солнечных и тепловых ударов. Помню, такая беда случилась однажды и со мной в 1940 г. во время службы в 41-й мино-

метной батарее. Совершали очередной раз марш в район тактических учений. Минометы на вьюках, т.е. на лошадях, а мы сами, красноармейцы с винтовками в положении «на ремень», т.е. на правом плече, противогозлом на левом боку, с флягой питьевой воды (около 0,7 литра) на ремне, с ранцем со скаткой шинели вокруг его за спиной шагали рядом с навьюченными лошадьми, ведя их на поводу. Поступила команда: «Привал», т.е. остановка для кратковременного отдыха. Больше ничего не помню. Оказывается, в результате перегрева организма – теплового удара – я потерял сознание, упал. Когда пришел (вернее, привели) в сознание, увидел трех товарищей возле себя, которые дают мне пить воду из фляги, льют ее на голову и грудь небольшими порциями. Вокруг нет ни кустарника, даже трава вся выгорела. А солнце палит нещадно, жара невыносимая. Находился полулежа, опираясь на свой ранец за спиной, в тени от плащпалатки, накинутой на штыки винтовок, составленных в козлы. (Это делается так: сводят три или более винтовок штыками вверх, завязывают, а приклады разводят в сторону и получают «козлы»). Еще немножко попил воды, принял какие-то таблетки из рук санитарструктора и пришел в себя. Предложили сесть на санитарную двуколку с запряженной лошастью. Я отказался, только положил туда свой ранец и зашагали с винтовкой на ремне в сторону движения нашей колонны. Ее догнали на следующем привале. Я поблагодарил товарищей за помощь, они это сделали по поручению командира. Вот это и есть подлинное войсковое товарищество, взаимная выручка в чрезвычайной ситуации.

Такое случалось и с другими красноармейцами, тепловые удары – коварная штука. Один из наших товарищей не смог выдержать его, скончался в госпитале в том же 1940 г.

Несмотря на эти и другие трудности и опасности, боевая подготовка наращивалась, проводились полевые занятия, учения в горно-пустынной

местности днем и в ночных условиях. Вспоминаю такой случай, на этот раз более оптимистичный. Осенью 1940 г. проходили учения в горах. В ночное время по горным тропам совершали марш с тем, чтобы, преодолев горные перевалы, прибыть в заданный район, снять с выюков минометы, занять огневую позицию. Один 107-мм миномет выючили на трех лошадях: ствол, дунога-лафет, опорная лента и на четвертую лошадь — зарядные ящики (для мин). Я как наводчик, держа за поводья, вел свою лошадь с выюком — стволом миномета. Между скал еле заметно змейкой вилась тропинка. Темная ночь. Кругом тихо. Только изредка слышались фырки коней, заглушенный топот ног, падение небольших каменистых пород в глубокие пропасти. Осторожно, нащупывая в темноте твердую почву, продвигался вперед, держась за поводья навьюченной лошади, идущей за мной.

Внезапно у обрыва конь оступился. Пытался встать. От сильного напряжения мускулов лопнула подпруга и выюк покатился на край обрыва. Освобожденная от груза лошадь рванулась и бросилась в сторону, на край пропасти. Еще мгновение — выюк и конь могли бы скатиться с узкой тропы. «Смелый наводчик Рафиков не растерялся, — писала дивизионная красноармейская газета «За Родину»<sup>1</sup>, — схватив коня под уздцы, он быстро рванул его в другую сторону, а другой рукой поймал ремень вожжи и с помощью подоспевших бойцов втащил на тропинку. Через несколько минут навьюченная лошадь снова шла по узкой горной тропе. За проявленную смелость и находчивость наводчик Рафиков получил благодарность». В газете были опубликована и моя фотография в военной форме красноармейца — гимнастерке с петлицами на воротнике и в артиллерийской фуражке с красной звездой. Это было одно из первых или первое поощрение в самом начале моей

армейской службы, да еще в таких чрезвычайных, весьма опасных ситуациях. Вырезку газеты с этой заметкой обо мне бережно храню как добрую память о тех временах. Это было лишь начало длинного, сложного пути военной службы, хождения по дорогам войны и в последующие годы.

Напряженная боевая подготовка проходила и в 139-м горно-вьючном артполку, где был назначен на должность рядового — артиллерийского разведчика. На вооружении нашего полка были 76 м/м горно-вьючные пушки. Одна пушка с зарядными ящиками (для снарядов) выючилась на 14 лошадей. Таким образом, весь полк при необходимости мог перемещаться по горной местности и в условиях бездорожья. Командир полка часто говорил нам, что наш артполк должен проходить там, где только олени могут пройти. За считанные минуты орудия снимались с выюков, приводились в состояние боевой готовности. Это требовало колоссального напряжения физических, да и духовных сил от каждого красноармейца, командира, орудийного расчета, взвода, всего личного состава. В каждой артбатарее кроме двух огневых взводов был один взвод управления, в который входили: отделение разведки, два отделения связи — радистов и телефонистов. Задача артиллерийских разведчиков заключалась в том, чтобы выдвинуться вперед, занять наблюдательный пункт, обнаружить и засечь цели, т.е. при помощи артприборов определить их места расположения, передать командиру необходимые сведения для подготовки исходных данных для стрельбы. Телефонисты и радисты обеспечивали связь между наблюдательным пунктом и огневой позицией между командирами батареи и дивизиона.

В напряженной боевой учебе прошел год. Мы, воины Страны Советов,

<sup>1</sup> «За Родину» — красноармейская дивизионная газета 68-й горно-стрелковой дивизии САВО, 1940 г.

с честью выполняли свой долг перед Родиной — готовились и ее защите. В то же время меня не покидала мысль о том, чтобы честно отслужить 2 года, вернуться домой и поступить в пединститут. Однако грянула война...

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. От Баренцева моря до Черного моря развернулся фронт борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Началась Великая Отечественная война советского народа за свою свободу и независимость. Настали дни напряженной боевой подготовки и для нас воинов-туркестанцев. Частые тревоги, полевые учения, походы, боевые стрельбы, марши-броски...

В двадцатых числах августа 1941 г. ночью в очередной раз наш полк был поднят по тревоге. В отличие от предыдущих на этот раз нам выдали каски, медальоны, в котором находился листочек водонепроницаемой бумаги с указанием на нем Ф.И.О., год и место рождения, домашний адрес и военкомат, откуда призван в армию. Глубокой ночью погрузились в воинский эшелон и тронулись в путь. Думали, что едем на фронт. Только на вторые сутки поняли, что едем не в сторону Ташкента (на Запад), а в обратную сторону — в сторону Ашхабада. Вскоре в наш вагон зашел комиссар батареи и зачитал приказ Верховного главнокомандующего о том, что нам предстоит совершить боевой поход в Иран. Дело в том, что к лету 1941 г. в Иране создалась напряженная военно-политическая обстановка. Со второй половины 1930-х гг. началось проникновение в Иран фашистской Германии, влияние которой все больше усиливалось. Страна была наводнена гитлеровскими агентами. Из Германии сюда срочно перебрасывались оружие и боеприпасы, военные специалисты. Внутреннюю и внешнюю политику Ирана направлял Берлин. Иранское правительство во главе с шахом вопре-

ки интересам своего народа превращало страну в плацдарм для вторжения в пределы Советского Союза. Правительство СССР трижды — 26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 г. предупреждало Иран об опасных последствиях такой политики. Иранское правительство отказалось, к сожалению, принять меры, которые положили бы конец преступной политике и действиям фашистской Германии на территории Ирана. Вследствие этого Советское правительство оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно осуществить принадлежащее Советскому Союзу в соответствии со статьей 6-й Договора 1921 г. право — ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска.

Иранскому правительству 25 августа 1941 г. была направлена нота Советского правительства. В ней напоминалось о добрых отношениях с Ираном, сложившихся после Октябрьской революции, о совместном договоре от 26 февраля 1921 г., по которому Ирану передавалось огромное имущество, ранее принадлежавшее царской России, в том числе железные дороги, портовые сооружения, телефонные и телеграфные линии, Учетно-ссудный банк, аннулировались все платежи и долги Ирана России. Была в Договоре 1921 г. статья 6-я, которая предусматривала в случае возникновения опасности со стороны третьих стран, «и если Персидское<sup>1</sup> правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности, — говорилось далее в этой статье, — Советское правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии».

<sup>1</sup> С 1935 г. — Иран.

Далее, в ноте Советского правительства от 25 августа 1941 г. говорилось, что как только опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена, Советское правительство во исполнение своего обязательства по Советско-Иранскому договору 1921 г. немедленно выведет советские войска из пределов Ирана.

Такова была юридическая, договорная основа ввода советских войск в Иран в 1941 г.

Согласно предварительной договоренности с Англией (союзником по антигитлеровской коалиции) Советский Союз в целях самообороны осуществил предоставленное ему по договору с Ираком 1921 г. право — временно ввел свои войска на его территорию. Одновременно в южные районы страны вступили английские войска.

Как это происходило? Выполняя приказ Верховного главнокомандования соединения и части 53-й отдельной среднеазиатской армии в сложных условиях горно-пустынной местности организованно совершили марш, своевременно вышли к государственной границе и, преодолев горные перевалы, 27 августа вступили на территорию Ирана. В 53-ю армию входила и 68-я горно-стрелковая дивизия, в составе которой действовали 139-й артполк, где я служил артиллерийским разведчиком. Наша 68-я дивизия, ее части, действуя в составе 53-й армии, вступили в города Бендер-Шах, Сари, Шахи и др. После небольшой передышки дивизия по приказу командования продолжила свое движение на столицу Ирана — Тегеран. 17 сентября наша 68-я горно-стрелковая дивизия вместе с другими частями 53-й отдельной среднеазиатской армии вступила в Тегеран. В этот же день в столицу Ирана вошли части английских войск. Этого требовала сложившаяся тогда военно-политическая обстановка.

С вводом войск в Иран были сорваны планы фашистской Германии, направленные на нарушение мирной жизни иранского народа, вовлечение

Ирана в войну против СССР, на превращение Ирана в плацдарм для вторжения на территорию Советского Союза с юга с целью создания напряженности, для отвлечения части сил и средств с западных фронтов.

С вводом советских и английских войск в Иран появилась и укрепилась надежда на получение Советским Союзом помощи союзников по антигитлеровской коалиции — США и Англии через территорию Ирана. Приобретали важное стратегическое значение пути подвоза этой помощи через южные незамерзающие порты Ирана и железная дорога, проложенная от этих портов через всю страну, до границ Советского Союза.

Ввод союзнических войск (СССР и Англии) в Иран способствовал пресечению подрывной и шпионско-диверсионной деятельности здесь германских агентов, «пятой колонны».

Население Ирана (Иран — страна многонациональная) относилось к нам, советским воинам, дружелюбно. Хотя в первое время сказывалась антисоветская, лживая пропаганда о Красной Армии, ее воинах, которая велась прогерманскими силами — люди сторонились нас, на улицах городов было безлюдно. Но это было только в первые дни. Проводилась среди населения командованием и властями большая разъяснительная работа. Иранцы понимали, что части Красной Армии введены сюда временно, для обеспечения безопасности своей страны и Ирана. Здесь не в последнюю очередь сказывалось и то, что между Ираном и Российским государством на протяжении многих веков складывались добрососедские отношения, развивались экономические, торговые и иные международные отношения. Эти добрые связи и отношения получили дальнейшее развитие при Советском Союзе. Советские воины, со своей стороны, вели себя весьма достойно, с уважением относились к местному населению, и иранцы отвечали взаимностью.

Протяженность общей границы Ирана с нашей страной (Советским

Союзом тогда) была весьма внушительной — она составляла 2600 км, в том числе сухопутная граница по территории Средней Азии и Кавказа 1850 км, а морской — по Каспийскому морю — 750 км. Истории неизвестны какие-либо серьезные осложнения между Ираном и Россией — Советским Союзом на этом большом протяжении границ. Приятно, что эти добрые отношения между Россией и Ираном сохраняются и развиваются и ныне. Примечательно и то, что и Татарстан налаживает торгово-экономические, культурные отношения с Ираном.

Считаю уместным пояснить здесь: почему Англия наряду с СССР ввела войска в Иран? Дело в том, что, во-первых, Англия являлась одной из крупных держав антигитлеровской коалиции — военно-политического союза государств и народов, боровшихся в период Второй мировой войны против развязавшего эту войну блока государств-агрессоров — Германии, Италии, Японии и их сателлитов. Основным ядром антигитлеровской коалиции являлись три великие державы — СССР, США и Великобритания. Определенное значение в деле создания антигитлеровской коалиции имело и осознание правящими кругами капиталистических держав исходящей со стороны агрессивного блока государств угрозы не только их экономическим и политическим интересам, но и самому их существованию. 22 июня 1941 г. Премьер-министр Великобритании У.Черчилль, а 24 июня 1941 г. Президент США Ф.Д.Рузвельт выступили с заявлениями от имени своих правительств о поддержке СССР в войне.

Ясно, что Англия ввела свои войска именно в южные районы Ирана, где находились основные нефтяные богатства страны.

Все же ввод советских и английских войск в Иран был осуществлен для достижения общей стратегической цели — борьбы против фашистской Германии, срыва ее агрессивных планов на Среднем Востоке, достижения политичес-

кой стабильности в Иране, на южных границах Советского Союза.

Командования советских и английских войск действовали согласованно. В этом мы убедились и в период вхождения и нахождения союзных войск в столице Ирана в Тегеране. Помню, части нашей дивизии, в их числе и наш 139-й артполк, 16 сентября 1941 г. подошли к Тегерану, но вошли туда только на второй день — 17 сентября. Около суток мы ждали подхода английских войск, чтобы одновременно войти в город. Также в один день покинули Тегеран после выполнения там возложенных на нас задач.

О согласованных действиях союзнических войск (советских и английских) свидетельствует и проведенный в сентябре 1941 г. совместный военный парад под Тегераном. Разумеется, этот парад был не праздничным, торжественным мероприятием, а смотром готовности советских и английских войск к совместным действиям по выполнению боевых задач по реализации союзнических обязательств. В параде участвовали подразделения Советской Армии: от нашего артполка наш дивизион, кроме того, стрелковый, танковый батальоны, эскадрон кавалеристов, от английских войск участвовали — мотострелковые подразделения, подразделения мотоциклистов индийской армии в составе английских войск. (Индия тогда, по существу, была колонией Великобритании. Она завоевала свою независимость лишь после Второй мировой войны). На трибуне находились советские и английские военачальники, представители иранских властей, посольств стран-союзников. С краткими речами выступили представители советского и английского командования, военные оркестры поочередно исполняли марш, мелодии своих стран. Затем стройными рядами под звуки марша прошли мимо трибуны воинские подразделения. Наша горно-вьючная артиллерия была на конной тяге. Наш дивизион тщательно готовился к параду: привели в порядок орудия, личное

оружие, лошадей, сбрую и амуницию. Конечно же, свое обмундирование, обувь – сапоги со шпорами. Все блестяло, имело опрятный вид. Прошли перед трибуной стройными рядами. Каждую пушку тянули две пары лошадей. Как артиллерийский разведчик я был вооружен пистолетом и клинком-шашкой, а за спиной – измерительно-оптический артиллерийский прибор – стереотруба в футляре. Ехал на своем коне по кличке «Орел» со своими боевыми товарищами впереди своей батареи. Любопытно, интересно было наблюдать за прохождением подразделения мотоциклистов индийской армии (в составе английских войск). Все в чалмообразных головных уборах, с длинными черными бородами, смуглые, уже немолодые, в шортах. Это – к слову.

Это мероприятие, незначительное на первый взгляд, свидетельствовало о постоянных деловых связях командований советских и английских союзных войск, в какой-то мере способствовало укреплению союзнических отношений на уровне военных. Это диктовалось самой обстановкой в Иране и сыграло положительную роль.

Согласованные действия союзных государств, ввод и пребывание советских и английских войск в Иране, несомненно, оказали положительное воздействие на изменение военно-политической обстановки в стране и регионе в целом. Коварные планы гитлеровцев и иранской реакции были сорваны. Реза-Шах Пехлеви в сентябре 1941 г. отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Резы Пехлеви и покинул страну. Именно в сентябре 1941 г. правительство и меджлис Ирана приняли предложения правительств СССР и Великобритании об условиях ликвидации конфликта между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Ираном – с другой. Эти условия были таковы: закрытие Германской, Итальянской, Венгерской и Румынской миссий в Иране, передача в распоряжение правительств СССР и Великобритании членов немецкой колонии, отказ в раз-

решении въезда на территорию Ирана германским подданным. Образовалось новое Иранское правительство во главе с новым шахом. 29 января 1942 г. в Тегеране был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. По условиям Договора СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана, защищать Иран «против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой». Иран предоставил союзникам право содержать на своей территории сухопутные, морские и воздушные силы в необходимом количестве и обязался сотрудничать с ними всеми доступными ему средствами. В договоре оговаривалось, что Великобритания и СССР должны были вывести свои войска с иранской территории не позднее 6 месяцев после прекращения военных действий между союзными государствами «и Германией с ее соучастниками». Войска союзных государств из Ирана были выведены в конце 1945 – мае 1946 г.

Важным международным событием явилась Тегеранская конференция (28 ноября – 1 декабря 1943 года) руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны – СССР, США, Великобритании: Председателя СНК СССР И.В. Сталина, Президента США Ф.Д. Рузвельта и Премьер-министра Великобритании У.Черчилля при участии дипломатических советников и представителей военных штабов. Основными на Тегеранской конференции были военные вопросы, в особенности о втором фронте в Европе. Было решено начать его вторжением англо-американских войск во Францию через пролив Ла-Манш в мае 1944 г. Фактически второй фронт был открыт в июне 1944 высадкой десанта американских и английских войск в Северо-Западной Франции – Нормандии.

Советская делегация, идя навстречу пожеланиям союзных правительств Великобритании и США, а также учи-

тывая неоднократные нарушения Японией Советско-Японского договора 1941 г. о нейтралитете и оказывавшуюся ей помощь фашистской Германии, заявила, что СССР вступит в войну против Японии, когда Германская армия будет окончательно разгромлена. Такое решение Советского правительства было исторически оправданным. На Дальнем Востоке Япония продолжала агрессивные действия. В 1931 г. она оккупировала Маньчжурию, а в 1937 г. возобновила войну в целях захвата всего Китая. В 1938 г. войска вторглись на территорию нашей страны в районе озера Хасан. Красная Армия разгромила и отбросила их. В 1939 г. японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики, имеющей союзный договор с СССР, но были разгромлены советскими и монгольскими вооруженными силами. В годы Второй мировой войны Япония выступала как союзница фашистской Германии и Италии. По вопросу о Польше была достигнута предварительная договоренность о том, что ее послевоенные границы должны пройти по линии Керзона на Востоке и по реке Суер на Западе. Участники конференции обменялись также мнениями о создании международной организации безопасности после войны. Было подтверждено положение трех держав сохранить независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана.

Тегеранская конференция способствовала укреплению антигитлеровской коалиции и подтвердила возможность сотрудничества государств с различным общественным строем в решении международных проблем во имя высших интересов народов мира.

Во внутривнутриполитической жизни Ирана также произошли изменения. Демократические силы страны вышли из подполья. В сентябре 1941 г. была создана Народная партия Ирана (НПИ — Туде), выступавшая за независимость страны, за установление демократического режима, за развитие национальной экономики и повышение жизненного

уровня трудящихся. Политика Народной партии снискала признание и поддержку широких слоев населения.

Народная партия Ирана являлась преемницей Коммунистической партии, основанной в 1920 г. и разгромленной реакционным, антинародным Шахским правительством в конце 1930-х годов.

Забегая вперед, отмечу, что развитие тесных экономических, политических и культурных связей между Ираном и Советским Союзом в годы Второй мировой войны и послевоенные годы, надо полагать, благотворно повлияли на демократические преобразования в Иране. Здесь развернулось мощное антиимпериалистическое, демократическое движение народных масс и прогрессивных сил страны. В результате в 1973 г. были национализированы нефтедобыча, банки, страховое дело, крупные промышленные предприятия (1979 г.). В 1978 г. развернулось мощное народное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархического режима, которое переросло в народную антиимпериалистическую революцию. В 1979 г. Иран был провозглашен Исламской республикой, монархический режим перестал существовать. В 1960–1970 гг. между Ираном и СССР были заключены соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве. СССР стал одним из основных внешнеторговых партнеров Ирана. Ныне такие взаимовыгодные отношения между Ираном и Россией имеют продолжение.

Такой ход развития обусловлен и тем, что в результате разгрома фашистской Германии во Второй мировой войне, развала мировой колониальной системы, мощного развития народно-демократических движений создались благоприятные условия и для демократических преобразований и в Иране.

Трудящиеся Ирана, прежде всего рабочий класс, все активнее включались в борьбу за защиту своих интересов и прав. Развергивалось забастовочное движение на предприятиях. Впервые

в своей жизни мне довелось быть очевидцем забастовок рабочих в Иране. В г. Шахи наш полк расположился недалеко от текстильной фабрики — на одной стороне улицы полк, на другой — фабрика. С первых дней пребывания в Иране мы заметили, что рабочий класс, да и крестьяне в деревнях живут очень бедно, подвергаясь сильнейшей эксплуатации, получая за свой труд гроши. Рабочий день продолжался 12–14 часов. За свой труд женщины получали в 2–2,5 раза меньше, чем мужчины. Была широко распространена эксплуатация детского труда. Естественно, все это вызывало у них протест. Забастовки на фабрике начинались с прерывистых гудков, призывающая рабочих к забастовке, прекращению работы. После предупредительных гудков рабочие бросали рабочие места, выходили на улицу на митинг или демонстрацию. Наскоро из нескольких столов прямо на улице перед фабрикой сооружали трибуну, поочередно выступали участники забастовки со своими протестами и требованиями. Здесь же принимали решение с изложением своих требований. На улицах города прекращалось всякое движение транспорта. Полицейские неустанно следили за происходящим. После вручения хозяевам — администрации фабрики — своих требований — резолюции митинга — рабочие, участники забастовки, расходились, по-видимому, по домам. Фабрика в это время не функционировала. Так продолжался день, два и более, наверное, до удовлетворения хозяевами (частично или в полном объеме) своих требований. Затем рабочие шли на фабрику, возобновляли работу. Во время забастовок нам, военнослужащим, категорически запрещали контактировать с бастующими, тем более принимать какое-либо участие в них. Как правило, в это время весь личный состав находился внутри военного городка, усиливалась охрана территории части, чтобы избежать возможных провокаций со стороны недругов.

Вспоминается один, на мой взгляд, любопытный случай того времени.

Как-то мы с товарищем несли службу конными патрулями в этом же городе Шахи по маршруту от военной комендатуры, в центре города, до железнодорожного вокзала вдоль расположения нашего полка с улицы. Каждый из нас был вооружен карабином за спиной и шашкой-клинком, пристегнутым к поясному ремню с левой стороны. В нашу задачу входило наблюдать за обстановкой в центре города и поблизости расположения воинской части и ее безопасностью. А на противоположной стороне от нашей части улицы располагались казармы подразделения жандармерии или полиции города. Была ночь. Вдруг из дверей казармы начали выбегать вооруженные люди и скрытно располагаться вдоль забора. Тут же подъехало несколько машин, наподобие джипов, на которых эти вооруженные люди быстро уехали. Мы подумали, что это их учение, занятия. Мы, конечно, тут же доложили об этом дежурному по гарнизону и части. Вскоре за железнодорожным вокзалом в рабочем поселке услышали шум-гам, крики, плач женщин и детей. Оказывается, этой ночью жандармы производили обыск и арест профсоюзных активистов, подозреваемых в организации забастовок. Это являлось нарушением со стороны властных структур города соглашения договоренности между Советской и Иранской сторонами соблюдать политическую стабильность, не проводить подобные действия. Как нам вскоре стало известно, положение было исправлено, арестованные рабочие, профсоюзные активисты были освобождены.

После выполнения поставленных задач в Тегеране наш 139-й арtpолк в составе 68-й горно-стрелковой дивизии вновь вернулся на прежнее место дислокации в г. Шахи. Подразделения дивизии и нашего полка проводили операции по прочесыванию горных районов и лесов для предупреждения диверсионных актов со стороны прогерманских иранских военных формирований. А также мы охраняли железнодорожные

магистралами, горные перевалы, автодороги, по которым шли потоки военных грузов для СССР, для фронта от союзников по антигитлеровской коалиции — Англии, США. Эти военные грузы — боевая техника, боеприпасы, самолеты в разобранном виде, автомобили, другое военное снаряжение и имущество, продовольствие и многое другое — прибывали с юга Ирана по железным и шоссейным дорогам на север страны до порта Бендер-Шаха. Отсюда по Каспийскому морю грузы отправлялись на кораблях в Советский Союз. Сложность перевозок заключалась в том, что они прибывали сначала на юг Ирана. Главной магистралью являлась Трансиранская железная дорога (1394 км), идущая от г. Бендер-Шахпура на берегу Персидского залива до Бендер-Шаха у Каспийского моря. Эта дорога проходила через 234 тоннеля, пересекая мощную горную систему Эльбрус. Надо было обеспечить доставку этих грузов в целостности и сохранности.

Итак, с конца августа 1941 г. по февраль 1943 г. я, красноармеец, артиллерийский разведчик, проходил военную службу и выполнял возложенные на нас задачи в 139-м артполку 68-й горнострелковой дивизии САВО в Иране.

В конце февраля 1943 г. нас — команду из 50—60 красноармейцев со средним образованием, отобранных для отправки в Советский Союз на офицерские курсы, направили в портовый город Бендер-Шах на иранском берегу Каспийского моря. Нам предстояло здесь погрузиться на корабль и отправиться на свою Родину — Советский Союз на краткосрочные курсы младших лейтенантов. Прежде чем садиться на теплоход, мы должны были выполнить своеобразную боевую задачу — нагрузить корабль... порохом. Прибыли в район морского порта Бендер-Шах. Нам велели снять сапоги, обуть войлочные башмаки и по одному с интервалом 50—60 метров друг от друга нести оцинкованный контейнер с порохом внутри весом примерно 30—40 кг. Мы гуськом двинулись к кораблю с опасным

грузом за спиной. С величайшей осторожностью поднимались на корабль, спускались в его трюмы. Там встречали нас специальные приемщики, осторожно снимали с наших плеч контейнеры, с такой же осторожностью их укладывали в трюмы корабля. Только здесь мы поняли — почему нам велели снять сапоги — кругом железо — ступеньки лестниц, полы и т.д. Гвозди на подошве сапог при соприкосновении с железным полом могли вызвать искру, тогда не миновать беды! Итак, мы с небольшими передышками работали до вечера — грузили порох. Трюмы опечатали, поставили охрану, только после этого нам разрешили занять места в каютах над трюмами, начиненными порохом. Когда устроились, отдохнули немножко, начали шутить: при возникновении опасной ситуации люди говорят, что сидим или сидят на пороховой бочке! А мы ехали на пороховом корабле... Конечно, риск был большой, при малейшей неосторожности корабль мог взлететь в воздух... вместе со всем тем, что находилось на нем! Перед посадкой у нас отобрали зажигалки, спички, табак, сигареты. Курящие только по команде выходили наверх на палубу и курили в строго для этого отведенном месте, окурки бросали в ведро, наполненное водой.

Так плыли по Каспийскому морю на корабле, носившем имя выдающегося государственного деятеля, наркома иностранных дел РСФСР в 1918—30 гг. Чичерина Г.В. Плыли к родным берегам с чувством исполненного долга и думали, говорили о нашей Родине — Советском Союзе, о том, что наш народ переживает колоссальные трудности, ведет тяжелейшую, но справедливую войну с коварным врагом. Каждый из нас понимал и видел свой гражданский и воинский долг в том, чтобы принимать непосредственное участие в защите своей Родины — уже на западных фронтах Великой Отечественной войны, в разгроме немецко-фашистских захватчиков. Может быть, теперешнему поколению молодых людей трудно

понять, но в те далекие, суровые годы войны, войны справедливой, всенародной, каждый советский человек, тем более воин Советской Армии, был истинным патриотом, готовым грудью встать на защиту своего Отечества. Так и поступали воины Страны Советов – подлинными сынами Родины.

Плыли сутки или двое, не помню, прибыли, наконец, в советский порт Красноводск (Туркменистан), выгрузились и через некоторое время мы уже мчались на поезде в пункт назначения – в город Андижан УзССР, где должны были пройти учебу на окружных курсах младших лейтенантов Среднеазиатского военного округа. 6 месяцев прошли быстро, закончили курсы, нам присвоили первичное офицерское воинское звание – младший лейтенант. Мы отчетливо понимали, что военные дороги теперь нас зовут на Запад – на фронты борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, за освобождение родной земли, за полный разгром ненавистного врага.

## 2. Военные дороги вели на запад

С чувством исполненного долга мы вернулись на Родину из Ирана, где в составе советских войск приняли участие в выполнении правительственного задания. Предстояла учеба на краткосрочных офицерских курсах.

Андижан встретил нас приветливо, ярко светило мартовское солнце, здесь на вокзале нас ждали представители командования окружных курсов младших лейтенантов. Строем мы прошли по улице, на другом конце которой располагался небольшой военный городок. Здесь и разместились окружные курсы младших лейтенантов Среднеазиатского военного округа. Курсы готовили офицеров-артиллеристов, пулеметчиков, общевойсковиков (пехоты). Я был зачислен курсантом противотанковой артиллерийской батареи. Здесь мы впервые надели погоны (курсантские) вместо петлиц на воротнике гимнастерки. Указ Президиума Верховного

Совета СССР о введении новой формы одежды в Советской Армии был издан еще в конце 1942 г., но погоны начали надевать только в начале 1943 г.

Началась напряженная боевая подготовка. Изучали различные типы (системы) артиллерийских орудий, их строение, тактико-технические данные, самое главное – их боевое применение – правило стрельбы прямой наводкой, с закрытых огневых позиций и т.д. Часто выезжали в учебное поле на полигоны, вели боевые стрельбы из всех видов стрелкового оружия, противотанковых орудий, приобретали знания и навыки борьбы с танками противника.

Отвлекаясь, хотелось бы сказать несколько слов о городе, где мы проходили обучение, тем более в его истории добрый след оставила Первая Приволжская татарская стрелковая бригада. Андижан – один из старейших городов на востоке Ферганской долины Узбекистана, центр одноименной области, железнодорожный узел. Здесь расположены предприятия машиностроения, легкой и пищевой промышленности, средние и высшие учебные заведения, культурно-просветительные учреждения. В годы Гражданской войны (1920–1922 гг.) здесь располагалась и действовала Первая Приволжская татарская стрелковая бригада, сформированная в 1919 г. в Казани. Бригада, прибывшая сюда в составе войск Туркестанского фронта под командованием М.В.Фрунзе, помогала трудящимся в восстановлении и защите Советской власти, в борьбе с зарубежной агентурой, военными формированиями иностранных государств, внутренними антисоветскими, басмаческими бандами. Командиры бригады Юсуф Ибрагимов, затем Александр Тальковский, комиссар бригады Якуб Чанышев, начальник политотдела Нигмат Еникеев пользовались большим авторитетом и уважением у местного населения, они часто выступали перед трудящимися с разъяснением национальной политики Советской власти – политики равноправия и дружбы народов, целей

и задач Красной Армии по защите интересов трудового народа, свободы и независимости Туркестанского края от посягательств иностранных государств. Командование бригады вступило в переговоры с главарями басмачей, склоняло их к прекращению вооруженной борьбы, переходу к мирной жизни. О признании добрых дел личного состава татарской бригады там свидетельствует и то, что позже Якуб Чанышев был избран депутатом горсовета, почетным гражданином г. Андижана. В годы Великой Отечественной войны Андижан, как и другие районы и города Узбекистана, принял эвакуированные из западных областей предприятия, много тысяч людей, предоставил им работу, жилище, проявляя милосердие и заботу о них. Население города было многонациональным, кроме коренного населения — узбеков — здесь жили и работали много русских, татар, украинцев, армян, евреев и др., их отношения между собой характеризовались подлинной братской дружбой. Все это мы видели своими глазами, находясь в Андижане. О городе Андижане сохранились у меня самые добрые воспоминания и в личном плане. Здесь, в Андижане, я женился после войны и вот уже 62 года с Фаридой вместе, в дружбе и согласии, шагаем по жизни.

Итак, в упорной боевой и политической подготовке незаметно прошли шесть месяцев. Приказом министра обороны нам, выпускникам курсов, было присвоено первичное офицерское звание младшего лейтенанта и мы были отправлены в распоряжение главного артиллерийского управления Министерства обороны (Москва). Здесь я и несколько моих товарищей получили назначение в 14-й учебный стрелковый полк 1-й учебной бригады командиров огневого взвода противотанкового артиллерийского дивизиона. Полк располагался недалеко от г. Орехово-Зуево Московской области в лесу, жили в землянках. Мы готовили здесь сержантов — командиров противотанковых орудий для действующей армии. В то

же время наш полк, его подразделения привлекались для выполнения народнохозяйственных задач, когда возникала в этом необходимость. Так, зимой 1943—1944 г. возникла чрезвычайная ситуация, когда известная Шатурская электростанция могла остаться без топлива — торфа, ибо узкоколейные железнодорожные пути были занесены снегом и поезда останавливались. Наш полк был поднят по тревоге и немедленно переброшен на чистку дорог от снежных заносов, и движение поездов с торфом для электростанции по нескольким направлениям было восстановлено. Опасность миновала, Шатурская электростанция продолжала давать электроэнергию не только для Московской области, но и части г. Москвы. В ту же зиму мне довелось возглавить команду бойцов, направленных для оказания неотложной помощи трудовому коллективу Дулевского фарфорового завода (Московская область), выполнявшего военные заказы для фронта. Три-четыре недели мы работали здесь, выполняя самые тяжелые работы. Мы здесь видели самоотверженный труд людей, преимущественно женщин, заменивших мужчин на тяжелых участках физического труда, в условиях скудного питания, недостатка времени для сна и отдыха и т.д.

В то же время мы продолжали выполнять свои непосредственные задачи по подготовке младших командиров, обучая их ведению огня из орудий в различных условиях боевой обстановки, приемам борьбы с вражескими танками. С октября 1943 г. по февраль 1944 г. мы подготовили три выпуска младших командиров, которые сразу же были отправлены на фронт. Мы, молодые офицеры, также горели желанием ехать в действующую армию. И наше желание сбылось — в первых числах марта 1944 г. я получил назначение командиром огневого взвода полковой батареи, который с 1 марта по сентябрь 1944 г. входил в состав действующей армии и участвовал в освобождении Украины от немецко-фашистских захватчи-

ков и в 1944–1945 гг. принимал участие в борьбе с вооруженными бандами националистического подполья в западных областях Украины. Весной и летом 1944 г. наш полк вместе с другими частями действовал в зоне (районе) интенсивных бомбардировок фашистской авиации, принимал участие в ликвидации их последствий. Вспоминается один из многих боевых эпизодов. Наш полк стоял в почти полностью разрушенном в ходе тяжелых боев городе Коростень Житомирской области, в нескольких километрах от линии фронта. Рядом с нашим расположением находилась огневая позиция зенитно-артиллерийской батареи. Главная их задача – оборонять железнодорожный мост через речку Уж и узловую железнодорожную станцию. Ежедневно десятки воинских эшелонов с военным грузом, боевой техникой, личным составом проходили через этот мост для 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Немцы стремились помешать этому. Ежедневно, с наступлением темноты, налетали и бомбили город, расположенные там объекты, в том числе этот мост, железнодорожную станцию, расположение воинских частей, в их числе и нашего полка, склады, аэродром на окраине города. Это происходило так. Сначала появлялся на большой высоте немецкий самолет, навешивал над городом «фонари» (светящиеся бомбы). Медленно опускаясь, они ярко освещали местность, объекты бомбовых ударов. Следом шли на определенной высоте тяжело груженные бомбардировщики, которые, пикируя, бросали бомбы. Разумеется, зенитные батареи, пулеметные точки были в числе первых целей для бомбовых ударов. Зенитчики стремились опередить вражеские самолеты, обнаружив их на небе, немедленно открывали огонь. В этом им помогали прожектористы противовоздушной обороны, обнаруживая и освещая вражеские самолеты и давая возможность вести по ним прицельный огонь. Несмотря на смертельную опасность, разрывы бомб

вокруг, зенитчики, в их числе и зенитчицы-девушки, мужественно выполняли боевую задачу, отражали воздушные атаки вражеских самолетов, сбивали их. Из разговоров с офицерами зенитной батареи, огневая позиция которой располагалась рядом с нами, мы узнали, что зенитчицы-девушки этого подразделения были призваны и прибыли в эту часть из Казани, что они наряду с ребятами-зенитчиками мужественно отражают атаки фашистских самолетов в условиях смертельной опасности. Недалеко от нас располагались огневые позиции и зенитчиков-пулеметчиков. У них на вооружении были крупнокалиберные пулеметы ДШК-12,7 мм (ДШК – Дегтярева и Шпагина). Они вели огонь по вражеским самолетам и трассирующими пулями, чтобы видно было направление полета пуль, и вели прицельный огонь. Среди пулеметчиков, ведущих огонь по фашистским стервятникам, много было девушек. Несмотря на героические действия наших зенитчиков, на их мощный заградительный и прицельный огонь по вражеским самолетам, некоторым из них удавалось прорываться к цели и сбрасывать бомбы. Обстановка весьма напряженная и опасная: кругом гремят взрывы, полыхают пожары, разрушения, убитые и раненые, фрагменты человеческих тел... После воздушных атак врага нам приходилось участвовать в ликвидации последствий бомбовых ударов – тушить пожары, разбирать завалы, спасать раненых, эвакуируя их в санчасти, госпиталь и т.д. Такое повторялось почти каждый день, пока не отогнали немцев дальше, на запад. Личный состав зенитно-артиллерийской батареи до конца выполнил свою боевую задачу – не дали вражеским самолетам разрушить железнодорожный мост и окружающие объекты, сохранив жизнь десяткам, сотням людей. Боевые заслуги зенитчиков были отмечены высокими наградами.

Однажды довелось нам быть очевидцами одного торжественного мероприятия и наблюдать вручение боевых

награды отличившимся зенитчикам. Рядом с огневыми позициями зенитных пушек, приведенных в боевую готовность, выстроился личный состав батареи, отдельно — ребята, отдельно — девушки. Перед строем зачитывается приказ вышестоящего командования о награждении от имени Верховного Совета СССР отличившихся при отражении воздушных атак противника. Одна за другой выходят из строя отличившиеся зенитчицы-девушки в солдатских гимнастерках с белым подворотничком, в юбках цвета хаки, как тогда говорили, в сапогах, пилотках с красной звездой, по-военному приложив руку к головному убору, представляются награждающему. Получив боевую награду — орден или медаль, — в ответ на поздравление четко и громко, по уставу, произносят «Служу Советскому Союзу» и занимают свое место в строю. Это было торжественно-трогательное мероприятие. Оно вызвало у нас чувство гордости за наших девушек, глубокого уважения к ним, в то же время чувство жалости. Только вчера вечером, позавчера и каждый день наравне с ребятами они выполняли свои обязанности в боевых расчетах батареи, под разрывами бомб, рискуя жизнью, отражали воздушные атаки врага. Нет, война — это не женское дело. Война — это тяжелейшая физическая и психологическая нагрузка, риск для жизни и здоровья. Война — это разрушения, кровь, смерть... Но тогда шла война справедливая, отечественная, всенародная!

Позволю себе здесь сделать необходимое отступление, отклонение. В суровые годы войны наши советские женщины наравне с мужчинами проявляли мужество и героизм на фронте и в тылу во имя победы над ненавистным врагом — фашистской Германией. Женщины принимали непосредственное участие в защите Родины в частях и соединениях и других родов войск, в медико-санитарных подразделениях. Лечили раненых и больных солдат и офицеров в госпиталях и лазаретах. Велик трудовой подвиг женщин в тылу. Они заменили

мужчин, ушедших на фронт, во всех отраслях народного хозяйства, самоотверженно работали в сфере народного образования, здравоохранения, культуры и искусства. Несмотря на невероятные трудности в области материального обеспечения, женщины справлялись со своим священным долгом материнства — растили и воспитывали своих детей. Наравне с мужчинами женщины самоотверженно трудились в послевоенные годы по восстановлению и развитию народного хозяйства, всех сфер жизни. И ныне, в непростых условиях, женщины наравне с мужчинами, а порой в большей степени несут все тяготы жизни, участвуют в материальном и духовном производстве, демонстрируя свою физическую и духовную силу.

Итак, женщина дает человеку жизнь, растит и воспитывает детей, создает и бережно хранит семейный очаг, поддерживает в нем теплоту, покой, уют. Она создает все условия для счастливой жизни, работы, учебы мужа, детей, близких. Вместе с тем она наравне с мужчиной трудится на производстве. На фоне всего этого считаю несправедливым, даже оскорбительным для женщины, когда называют ее слабым полом! Она, женщина, принадлежит к сильному полу, заслуживает любви и уважения, заботы и внимания, помощи и поддержки со стороны мужчин — мужа и детей, государства и общества. Она заслуживает того, чтобы занимать достойное место в политической жизни общества, в законодательных и исполнительных органах власти.

В 1944 г. и до 1945 г. в должности командира огневого взвода полковой батареи 77-го зенитного полка, затем на такой же должности полковой батареи 342-го гвардейского стрелкового полка 121 гвардейской стрелковой дивизии с ноября 1945 г. по апрель 1946 г. во главе своего подразделения мне довелось участвовать в борьбе против украинских националистических банд в Западной Украине.

Сыны и дочери украинского народа вместе с русским, белорусским и дру-

гими народами нашей страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г. в составе Советской Армии мужественно защищали Советскую Родину, вели партизанскую войну в тылу врага, громя немецко-фашистских оккупантов. К сожалению, в годы войны некоторая часть населения западных областей Украины была заражена вирусом национализма и антисоветизма. В те годы активизировала свою подрывную деятельность Организация украинских националистов (ОУН) – антисоветская, профашистская организация. Она создавала военно-террористические формирования, которые, сотрудничая с гитлеровцами, вели вооруженную борьбу против Советской Армии, партизан, совершали злодеяния против мирных граждан. Их руки обгажены кровью многих тысяч советских людей. В период подготовки очередной операции против немецко-фашистских захватчиков, устроив засаду на пути колонны штабных машин, 29 февраля 1944 г. украинские буржуазные националисты (бандеровцы) смертельно ранили командующего 1-м Украинском фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. В бою 9 марта 1944 г. с украинскими буржуазными националистами погиб легендарный разведчик, Герой Советского Союза Н.И. Кузнецов.

В создавшихся условиях к ликвидации вооруженных банд буржуазных националистов привлекались и войсковые части Советской Армии, которые выполняли эту задачу и в послевоенные годы. Нам было крайне тяжело, больно после окончания многолетней, кровопролитной войны против немецко-фашистских захватчиков хоронить своих товарищей, погибающих от рук этих бандитов. Вот лишь один пример. Лето 1945 г., не так много времени прошло со дня Победы над фашистской Германией. Примерно с середины июля 1945 г. ночью подняли наше подразделение по тревоге и поставили боевую задачу: преградить путь банде бандеровцев и уничтожить их в лесу, недалеко от места расположения на-

шего полка в летних лагерях вблизи населенного пункта Игнатполь. Выехали на двух грузовых автомашинах: взвод мл. лейтенанта Жукова и мой. Проехав по проселочной дороге километров пять, съехали с дороги, остановились у опушки леса. Гуськом, соблюдая меры маскировки и безопасности, двинулись в район вероятного появления банды. Развернулись в цепочку, заняли позиции и залегли. Буквально через небольшой промежуток времени услышали шорох сухой травы, листьев в лесу, увидели через ночную мглу силуэт одиночных людей. Шли к нам навстречу бандеровцы. Они тоже были начеку, шли осторожно, по одному, соблюдая дистанцию. Не помню: кто начал первым стрельбу – началась перестрелка, мелькали вспышки во время огня, треск автоматных очередей. Ночью легко определить: откуда ведется огонь. Перестрелка длилась недолго. Начало светать, моросил мелкий дождь. Увидев, что бандиты уходят в глубь леса, мы поднялись и начали преследовать их, прочесывать, т.е. тщательно осматривать местность. Наткнулись на убитого бандеровца, в нескольких шагах от него – тяжелораненого. На земле валялись стреляные гильзы, некоторые личные вещи, автомат ППШ около убитого, полевая сумка, видимо, их командира, с топографической картой местности, шифрованные записки. Следы крови на земле свидетельствовали о том, что среди отступавших были раненые. Позже мы их настигли, взяли в плен двух бандитов при попытке спрятать в лесу третьего раненого. Эстафету преследования остальных мы передали другим подразделениям.

В этом коротком ночном бою мы потеряли одного нашего солдата убитым, другой был ранен. Его отправили в ближайший населенный пункт – в больницу. Горько, больно, обидно было потерять молодого бойца после долгожданной победы над фашистской Германией. Хоронили его всем полком в селе Игнатполь недалеко от границы с Западной Украиной.

В составе 77-го зенитного полка до ноября 1945 г., т.е. до перевода по службе в другую часть, во главе своего взвода неоднократно участвовал в подобных операциях по борьбе с вооруженными бандами националистического подполья в Западной Украине. Борьба против них затруднялась тем, что в условиях отсутствия линии фронта мы не могли знать: когда, с какой стороны они могут напасть, открыть огонь, совершить террористические акты. Они были разновозрастными, в гражданской одежде и, спрятав оружие, легко могли раствориться (потеряться) среди мирных граждан, местного населения. Эти бандиты терроризировали население, особенно тех, чьи дети, мужья служили в Советской Армии, были партизанами в годы войны, коммунистами, комсомольцами, кто помогал Советской власти быстрее восстановить мирную жизнь. Поэтому местное население Украины не только поддерживало действия частей Советской Армии, но и само организовывало борьбу против бандеровцев, организуя охрану жизненно важных объектов, безопасность мирных граждан.

В конце 1945 – начале 1946 гг. наша часть вместе с другими была направлена в Ровенскую область Украины для борьбы с бандеровскими бандами, по крайней мере нейтрализовать их в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР, которые были назначены на 12 февраля 1946 г. Дело в том, что бандеровцы (так их называли по имени своего вожака Бандеры) в западных областях Украины развернули антисоветскую агитацию, пытались сорвать проведение выборов вооруженным путем. Они распространяли в селах листовки с призывом бойкотировать выборы, угрожали тем, кто пойдет голосовать. Более того, они срывали работу по созданию избирательных участков и т.д. Части нашей дивизии прибыли в Высоцкий район Ровенской области в назначенный срок и разместились небольшими подразделениями в населенных пунктах с тем, чтобы оградить

население от угроз бандитов, дать возможность избирателям реализовать свои гражданские права – участвовать в выборах верховного органа власти страны. Наше подразделение (полковая батарея без орудий – мы их оставили на зимних квартирах) разместилось в селе Любимле, расположенном в лесу. Поставили круглосуточную охрану вокруг села, особенно в местах вероятного появления бандитов. Ночами делали вылазки в близлежащие хутора, где бандеровцы могли найти пристанище. Хуторяне также были довольны, что мы обеспечивали их безопасность. Тем временем органы власти – районные и сельсовет – развернули подготовительную работу: оборудовали избирательный участок, агитпункт, начали предвыборную агитацию. Приняли меры по снабжению сельчан самыми необходимыми товарами, прежде всего солью, керосином, спичками. Население села о них или уже забыло или вообще не знало. Свои дома они освещали лучинками (тонкими длинными щепками). Они горели, как правило, на специальной подвешенной железной подставке. По мере необходимости добавляли, клали туда лучинку. Дым уходил вверх по трубе. Такой источник освещения, видимо, у них существовал с давних времен и до 1939 г. – до освобождения Западной Украины от польского владычества. Такой способ освещения я увидел впервые, это – к слову.

По данному избирательному округу кандидатом в депутаты был выдвинут Бегма Василий Андреевич, один из видных руководителей партизанского движения, полковой комиссар, член Военного Совета 12-й армии, секретарь Ровенского подпольного обкома в 1942–1944 гг., после освобождения Украины от гитлеровской оккупации – первый секретарь Ровенского обкома. Это был известный, авторитетный, заслуженный человек. Выборы прошли спокойно, депутат был избран. Это были вторые выборы по новой Конституции СССР 1936 г., которая предоставляла гражда-

нам широкие права и свободы. (Первые выборы состоялись перед войной — в 1937 г.). Наше пребывание и установившаяся там спокойная обстановка позволили местным жителям воспрянуть духом, увидеть мирное будущее.

Расскажу и об одном любопытном случае, имевшем место в самом начале нашего пребывания в с.Любимле. Когда мы вошли в село, мы не встретили на улице ни одного человека. Потом, спустя некоторое время, появилось несколько пожилых людей. Оказалось, что раньше не раз к ним приходили люди в форме советских воинов, забирали у них продукты питания, скот и т.д. Это были переодетые бандеровцы. Когда люди убедились, что мы, советские воины, пришли их защищать, они начали относиться к нам с доверием. На второй день в село прибыл мужчина средних лет в сопровождении 4 или 5 вооруженных молодых людей. Он представился председателем сельсовета. Посмотрели друг у друга документы, удостоверились.

Мы его спрашиваем: где же сельсовет, где ваша власть? Он показывает на свой карман и говорит: «Вся власть моя здесь». Мы подумали, что он шутит. А он вытаскивает из кармана круглую печать сельсовета и показывает нам свою «власть». Выяснилось, что он не имеет постоянного места работы и жительства, меняет место своего нахождения, поочередно посещает села и хутора,

решает вопросы на ходу, живет, ночуя в разных местах. А эти молодые люди с оружием — личная охрана. После нашего приезда сельсовет начал работать без опаски, открыто.

Такова была тогда обстановка в некоторых районах Западной Украины.

Наш полк, после выполнения возложенных на него задач, в конце апреля 1946 г. вернулся к месту своей постоянной дислокации — в военный городок недалеко от железнодорожной станции Белокоровичи Житомирской области Украинской ССР.

Многолетняя кровопролитная война закончилась полной победой над фашистским агрессором более шести десятилетий тому назад. Но мы, ветераны Великой Отечественной войны, помним каждый год, каждый день войны, каждый боевой эпизод и говорим: «Нельзя допускать новых войн, гибели людей, уничтожения материальной и духовной культуры человечества». В годы войны говорили: «Гитлеры приходят и уходят, а народ остается». Гитлер ушел, ушел бесславно. Но природа международного империализма, власти капитала такова, что она время от времени рождает новых гитлеров, стремящихся к переделу мира в свою пользу, мировому господству. В этих условиях нужна высочайшая бдительность и надежная обороноспособность отечества. Этому учит и обязывает история.

УДК 001-057.4

## ВОИН, УЧЕНЫЙ, НАСТАВНИК МОЛОДЫХ

*Л.Х. Хамидуллин, член Союза писателей РТ*

Гильманов (Гыйльманов) Зямиль (Жәмил) Ибрагимович родился 3 июля 1925. в с.Теплый Стан Кошкинского района Самарской области в семье учителей. Историк, доктор исторических наук (1984), профессор (1985), Заслуженный работник культуры РСФСР (1972), Заслуженный деятель науки ТАССР (1985). Участник Великой Отечественной войны. За проявленный героизм в войне награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Почетный гражданин Чехословацкого города Братимов.

С семи лет жил в с.Старая Тюгальбуга Ново-Малыклинского района той же области, куда в 1932 г. его отец был направлен заведующим школой. Гильманов Ибрагим около тридцати лет работал в этом селе завучем неполной средней (1934–1952) и средней школы (1952–1963). За успешную педагогическую деятельность в 1950-е гг. был награжден орденом Ленина. Зямиль в этом селе окончил семилетку, а в 1942 г. — среднюю школу в соседнем поселке Ст. Салаван (современный Новочеремшанск Ульяновской области). В феврале 1943 г. был призван в армию. Окончил в декабре 1944 г. 2-е Орджоникидзенское военное училище и был направлен на фронт. Участвовал в боевых действиях на территории Польши, Чехословакии и Германии. Летом 1945 г. их часть была направлена на Дальний Восток. Участник войны с Японией.

С детства мечтал, как отец и дед, стать учителем. Летом 1947 г. добился

демобилизации и поступил в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет. После окончания учебы в 1952 г. его оставили в аспирантуре исторического отделения этого факультета. Темой своей научной работы избрал «Деятельность Татарской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны» (автореферат издан в 1962 г.). Первый его научный труд был издан в 1957 г. в «Ученых записках» КГУ, в томе 117 (стр. 157–182). После окончания аспирантуры, с 1955 по сентябрь 1962 г., работал лектором Зеленодольского ГК КПСС. Одновременно, с сентября 1959 г., около 10 лет вел педагогическую деятельность в Казанском авиационном институте. В 1962–1964 гг. главный редактор журналов «Коммунист Татарии» и «Татарстан коммунисты». С сентября 1964 г. по декабрь 1990 г. — заведующий Отделом истории Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. С конца 1950-х годов активно сотрудничал с Татарским отделением Всесоюзного общества «Знание», долгое время был заместителем председателя этого общества.

Главной темой его научных работ является история Великой Отечественной войны и вклад трудящихся Татарской АССР в победу на этой войне. Одним из первых из историков Татарстана комплексно рассмотрел общий вклад оборонных и других предприятий, учебных заведений и предприятий сельского хозяйства в период борьбы со вторгшимися силами противника в годы ВОВ. Является автором около десяти книг и

более ста статей на эту тему. Им изданы следующие книги: «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны» (соавтор Шумилов Г.И.) на русском и татарском языках, 1960 г., «Татария в годы суровых испытаний (1941–1945 гг.)». 1967 г., «Шла дивизия вперед» (соавтор Кирсанов Н.), 1972 г., «Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 1977 г., «Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны», 1981 г., «Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.» (автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук). Саратов, 1984 г., «Галимджан Сайфутдинов: Очерк жизни и деятельности татарского революционера», 1988 г., «Без сугышта юлбарыстан көчлебез», 1989 г.

Он является одним из основных организаторов, авторов и научным редактором таких общественно значимых трудов, как «История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней)». Казань (1968, 1973, 1980), «Татарстан АССР тарихы: (ин борынгы заманнардан алып безнең көннөргә кадәр)» (1970), «Торжество ленинской национальной политики в Татарии». Казань, 1968 г., «Развитие филологических и исторических наук в Татарии». Казань, 1969 г., «Очерки истории татарской партийной организации» (1973), «История Казани», в 2-х томах (1989, 1991), «Татария в прошлом и настоящем» (1975), «Исследования по источниковедению истории Татарии» (1980), «Рабочий класс Татарии» (1981), «Борцы за счастье народное» (2-й и 3-й том, 1983, 1988), «Герои Советского Союза – наши земляки», в 3-х томах (1982–1985), «Летопись борьбы и свершений», в 2-х книгах (1985) и др. изданий. Выходили его труды также в коллективных сборниках, изданных в Москве, Куйбышеве, Алма-Ате, Йошкар-Оле.

Он, как опытный рецензент и редактор, активно участвовал в издании известных трудов многих своих коллег и соратников. Например, книг Алише-

ва С.Х. «Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании» (1973), Залялова А.М. «Социологическое преобразование сельского хозяйства в Татарии. 1917–1937 гг.» (1974), Назиповой К.А. «Национализация промышленности в Татарии. 1917–1921» (Москва, 1976), Смыкова Ю.И. «Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма» (Москва, 1984), Алишева С.Х. «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – нач. XIX вв.» (Москва, 1990) и др.

Многие соратники вспоминают о нем как добросовестном ученом и добром, отзывчивом человеке в быту. Пишут, что он был настоящим воином в годы войны и во все оставшееся время. Не задумываясь о последствиях, всегда готов был защищать правое дело. «З.И. Гильманов заложил фундамент Отдела истории в Институте языка, литературы и истории, проработав в должности заведующего этим отделом около тридцати лет», – пишет доктор исторических наук, бывший заведующий Отделом новой и новейшей истории Института истории имени Ш.Марджани Равиль Амирханов.

З.И.Гильманов, как ученый и опытный наставник, участвовал в подготовке научных кадров. Более десяти его аспирантов успешно защитили диссертации. В их числе сегодня можно отметить доктора исторических наук Ильдуса Загидуллина, ведущего специалиста, заведующего отделом Института истории; Кузьмина В.В., ведущего сотрудника Института татарской энциклопедии; старшего научного сотрудника того же Института истории Айсылу Кабирову и многих других. Не являясь непосредственно его аспирантами, ему были благодарны за помощь многие ученые – историки Татарстана.

Являясь старшим братом пяти своих сестер, он им помогал духовно и материально, помог им получить высшее и специально-техническое образование. Сын и дочь тоже получили высшее образование. Сын Руслан Гильманов се-

годня является заведующим кафедрой в одном из технических вузов Казани, недавно защитил докторскую диссертацию по своей специальности.

З.И.Гильманов умер 15 декабря 1991 г. и похоронен рядом со своими родителями на татарском кладбище города Зеленодольска.

О нем написано:

*Азов Д.С.* Траншеи над Вислой// Советский воин, 1984, 14;

*Нуруллин И.З.* Онытмабыз, дустым// Бердәмлек, 1992, 4/92;

*Кузьмин В.В.* Умный, добрый, сильный// Вечерн. Казань, 1997, 28 февр.;

*Кабирова А.Ш.* Гильманов Зямяль Ибрагимович // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вып. 4. Самара, 1997;

*Гарипова З.Г.* Верность воинскому и научному долгу// Научный Татарстан, 2000, № 1;

Памяти Зямяля Ибрагимовича Гильманова. Казань, 2000.

*Насыров Г.* Течения жизни. Самара, 2005.

УДК 37.018.1

## СТРАНА МОЯ — СУДЬБА МОЯ

*Ш.М. Чабдаров, академик АН РТ*

В более чем полувековой череде юбилеев Победы в Великой Отечественной войне, отмечаемых с благодарностью к ветеранам войны и тыла, обеспечившим эту Победу, в обществе зреет осознание и еще одного аспекта самоотверженности и неявного героизма поколения победителей, семейным примером и трудом взрастивших детей военного времени, а также и эффективности государственных мер по преодолению массовой послевоенной безпризорности оставшихся без родителей подростков.

«Дети военного времени» — это, думается, обширное разновозрастное поколение советских людей, у которых детские или подростковые этапы вхождения во взрослую жизнь пришлись на двадцатилетие предвоенных, военных и непосредственно послевоенных лет. В эти сложнейшие годы именно поколение победителей вырастило готовых принять эстафету завершения восстановления страны и обеспечить ее проникновение в глубины атома и взлет до космических высот.

Современной благополучной молодежи даже представить сложно ставшие для нее объектом зачастую неинтересной истории недетские обстоятельства детства и отрочества старшего поколения с его стремлением к учебному труду и высокому профессионализму, тем более что в современной литературе, на телевидении и в Интернете это не находит должного внимания. Пересохли и заболотились полноводные в те годы реки высоконравственных произведений искусства для детей и юношес-

тва, во все времена необходимые для интеллектуально-духовного здоровья общества, будь его экономика рыночной, инновационной или основанной на знаниях и умениях, которые, как и полузабытая честь, формируются смолоду.

В этой связи можно, в частности, считать, что впечатления и даже отрывочные воспоминания «детей военного времени» об обстоятельствах и, главное, конкретных судьбах близких им людей того периода представляют общественный интерес. Поэтому автор и осмелился представить нижеследующие заметки касательно непосредственных участников войны и тружеников тыла, беззаветно отдавших жизнь и здоровье делу Победы и будущим поколениям.

**О людях и обстоятельствах военных времен**

Как и все советские семьи, наша потеряла непосредственно на войне несколько братьев, из которых уместно назвать двоих. Это окончивший непосредственно перед войной КИСИ мой дядя — Чабдаров Якуб Зиганшевич, погибший под Сталинградом, не успев завести семью, и мой папа — Чабдаров Мидхат Зиганшевич, 1910 г. рождения, окончивший КГМИ в 1938 г. по специальности «Лечебное дело» и призванный перед началом войны с Финляндией в Рабоче-крестьянскую Красную Армию в подразделение химзащиты.

Надо отметить, что поскольку оба они, как и воспитавший меня впоследствии младший папин брат — Чабдаров Мухтар Зиганшевич — были из чисто-

польских служащих, каждый из них для получения права на высшее образование должен был поработать рабочим на Бондюжском химзаводе и только затем, вначале окончив техникум или «рабфак» по выбранной специальности, могли поступать в соответствующий вуз. Согласно этой траектории папа, набрав рабочий стаж, получив специальность «зубтехника» и поработав в заводской больнице Бондюжского завода, смог в 1932 г. поступить в КГМИ.

Первое неясное воспоминание об отце четырехлетнего ребенка связано с обликом заботливого взрослого, который, по рассказам родных, откачал меня, достав почти бездыханным из затопленного тальми водами погреба Нурлатской больницы, где после института папа работал, а мы жили в здании больницы. Если верить корифеям знахарства, что возвращение из небытия вознаграждается новыми свойствами личности, получается, что родители дважды дали сыну путевку в жизнь.

Гораздо более ясные воспоминания о папе и его отеческой заботе связаны с его возвращением с Финской войны, о которой в то время не принято было много говорить. Потрепанные в этой войне войсковые части были, в частности, размещены в Вольских военных лагерях под Саратовом. Как боевой офицер-военврач 3-го ранга, папа получил там первую и единственную в жизни квартиру. Он перевез туда нас с мамой, и это были несколько месяцев счастливой жизни, о которых остались незабываемые впечатления и единственная наша с папой фотография. Я тогда очень сожалел, что на ней нет конкретных атрибутов мальчишеского счастья: подаренных папой трехколесного велосипеда и весьма распространенной в те годы игрушки — ярко раскрашенного заводного мотоцикла с коляской и с завидным шлемом сидящего за рулем жестяного мотоциклиста. Это были первые и последние несамодельные игрушки детства...

На второй день объявления войны папина воинская часть, оператив-

но сформированная на химполигоне Шеханы, была погружена в железнодорожный состав, по тому времени состоявший из грузовых вагонов с нарами из свежих неструганных досок. Мы с мамой грустно и тревожно провожали этот поезд, стоя на перроне полустанка вместе с небольшой группой членов офицерских семей. На всю жизнь врезался в детскую память внешне незначительный эпизод, связанный с приготовленным папе в дорогу какао, доверху налитом в армейскую алюминиевую фляжку. Папин состав стоял примерно на третьем-четвертом пути от перрона, других составов на полустанке не было. Поэтому я, шаловливо игнорируя мамины запреты, но вдохновляемый папиными любящими взглядами, несколько раз перебежал через рельсовые пути и, еле дотягиваясь до папиных рук из-за большой высоты до пола теплушки, делал несколько глотков еще теплого какао. Это были последние минуты нашего общения.

Символическая связь времен — в похожих на папины теплушках с нарами в 1956 г. в составе студенческих отрядов нас перевозили на целину, что для многих тогда означало не дискомфорт, а привет из военных лет.

В первые месяцы войны родители регулярно обменивались письмами, и у меня сохранились в памяти общеизвестные треугольники писем с фронта, из которых зачитывались непременно отцовские приветы и наставления быть честным, трудолюбивым и образованным, помогать маме и слушаться ее, а также и то, что я писал крупными печатными буквами «письма папе».

Но уже к осени 1941 г. ответные письма с фронта перестали приходить. Как рассказывали спустя годы старшие, в 1943 г. их отыскал после своего излечения от ран в одном из многих занимавших тогда лучшие здания школ и вузов казанских госпиталей, немногословный человек в военной форме и передал конверт с надписанным папиным почерком казанским адресом, но пустой... Лишь сорок лет спустя удалось с

трудом выяснить в Центральном архиве Минобороны, что «военврач 3-го ранга 48-го отдельного батальона химзащиты пропал без вести в августе 1941 года». И все эти годы были наполнены ожиданием.

Эта драматичная неизвестность о папиной судьбе истязала маму всю войну, усугубляя трудности одинокой женщины. Она, работая на двух низкооплачиваемых работах в дневное и ночное время, очень переживала от невозможности обеспечить полноценное питание и всячески старалась уменьшить влияние улицы на круглосуточно предоставленного самому себе и потому весьма хулиганистого сына. Видимо поэтому она постаралась пристроить шестилетнего сына в школу, благо читать и писать он умел, а в школе тогда были бесплатные завтраки. Но появилась новая забота — контроль за его учебной.

Отметим, что подобные трудности имели место в течение двух войн — финской кампании и всего периода Великой Отечественной, при этом мама не имела специального образования.

Последнее было вызвано известной графой в анкете: мама — Вагапова Сажида Зиятдиновна была «из служащих» и более того — ее отец держал до революции в Казани магазин электротоваров. Он был вхож в круги татарской творческой интеллигенции и был дальним родственником Амирхановых, Апанаевых, Ибрагимова. Отказавшись от предложения органов НКВД о сотрудничестве, был вынужден покончить с собой. Поэтому мама не могла получить специального образования в Казани, как и ее родной брат — Вагапов Риза Зиятдинович, которого сразу после семейной трагедии отчислили из 2-й гимназии, где он учился и вел радиокружок. Впоследствии он все-таки сумел окончить электротехникум в далеком Ташкенте и по иронии судьбы стал ценным радиоспециалистом с офицерскими званиями в системе НКВД. Во время финской кампании и Великой Отечественной войны, работая в Подмоскowie,

он внес отмеченный командованием вклад в дело Победы. Спустя много лет он рассказывал, как они всего втроем обеспечивали закрытую радиосвязь с «нужными людьми» за океаном с ретрансляцией через Танжер.

В отличие от своего брата, мама, оставшаяся без профессионального образования, в годы войны работала счетоводом на Мальтозно-паточном заводе, а в ночное время неофициально исполняла заказы на кустарное изготовление цветастых женских платков, раскрашивая белую ткань, натянутую на метрового размера пяльцы, цветной тушью с помощью стеклянных чертежных трубочек. (Нет худа без добра — в последующем ее сыну-первокурснику КАИ были хорошо известны приемы работы с тушью при калькировании чертежей). Эти заказы оплачивал сосед по дому на ул. Волкова, в котором мама снимала комнату размером 16 м<sup>2</sup>, а упомянутый сосед, будучи директором магазина «на Проломной» (ныне — ул. Баумана), приторговывал и «левым» товаром, а выручку присваивал.

В военное время мама работала без отпусков и дней отдыха, что вкуче с хроническим недоеданием и тревогой за мужа подорвало ее здоровье и она скончалась на 36-м году жизни в апреле 1945 г., не дожив до Победы всего один месяц, так и не узнав ничего о судьбе мужа, которого ждала до последнего часа. Это одна из миллионов жертв войны.

Завершая эти детские воспоминания, нужно сказать, что, прожив без малого столько лет, сколько военной судьбой было отпущено моим родителям в сумме, я постоянно ощущаю ответственность перед светлой памятью этих замечательно чистых, самоотверженно трудолюбивых родных людей, как все их поколение, мечтавших о счастливой продолжительной жизни, которой они были трагически лишены.

**Воспоминания о людях  
и обстоятельствах послевоенных  
лет восстановления страны**

Победоносное завершение войны для государства и многих миллионов

советских семей оказалось связанным с проблемой воспитания детей, оставшихся без родителей. У всех, даже получивших извещения о «павших смертью храбрых при выполнении воинского долга», которые кратко называли «похоронками», еще долго теплилась призрачная надежда на возвращение своих родных, но реальность требовала безотлагательных решений.

Во время болезни мамы и после ее смерти я несколько месяцев временно жил в семье полковника медслужбы Ф.Л. Лукманова. Фазыл Лукманович, будучи заведующим отделением Казанского гарнизонного госпиталя, круглосуточно был занят там и консультировал в других госпиталях. Обо мне и двух дочерях заботились его жена – София Зиятдиновна, мамина старшая сестра, и незабвенная бабушка Нафиса. В начале мая для долговременных решений приехали в Казань готовые меня воспитать упоминавшиеся выше дядя Риза и дядя Мухтар. Поскольку папа в перерыве между финской и германской войнами просил своего младшего брата Мухтара позаботиться о сыне, меня отдали Мухтару абый в г. Дзержинск Горьковской области. В результате мы с Мухтаром абый отправились на пароходе в Горький 8-го мая 1945г. и о капитуляции Германии узнали на пристани города Чебоксары, где на высоком берегу уже ликовало огромное количество людей. Судьба распорядилась так, что первый в жизни мальчика праздничный тост за День Победы пришелся именно на 9 мая 1945 г.

Думается, что непростая и типичная для работников оборонных производств судьба заменившего мне отца дяди достойна краткого описания дословными фрагментами его автобиографии:

*«По окончании семилетки, учась и одновременно работая на Бондюжском химзаводе им.Карпова, в 1933 году окончил хим.техникум, откуда по направлению завода начал учебу в КХТИ.*

*В 1934 году, в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке, нас,*

*студентов-ребят, мобилизовали в Красную Армию. Прослужив в ОКДВА в качестве бойца, курсанта полковой школы и командиром хим. взвода, в 1936 году вернулся в Казань и продолжил учебу в КХТИ. В 1941 году, за 10 дней до начала войны, защитил диплом на кафедре К.А. Холева.*

*По направлению наркомата начал работать на заводе города Дзержинска: начальником мастерской, сменным инженером, технологом цеха. Условия военного времени были очень тяжелы: слабое питание, круглосуточная работа /«Казарменное положение»/ во вредных условиях и не редко на рабочих точках – когда нужно было «расшить» заторы на потоке. На заводе получил офицерское звание. Там вступил в члены ВКП/б/.*

*В 1944 году по заданию наркома выехал на фронт в 16-ю и другие воздушные армии, где в течение 4-х месяцев занимался разбором на складах немецких боеприпасов, оставленных немцами при отступлении под натиском Советской Армии в Польше. Часть боеприпасов была использована против них же. В 1954 году по распоряжению зам. министра т.Кожевникова перевели на завод г.Донецк, где работал главным технологом, затем начальником ОТК завода.*

*С 1956 по 1957 год с семьей были в командировке в КНДР. Выполнив задание, по моей просьбе перевели в г.Павлоград, где работал под руководством А.М.Комиссарова в СКТБ.*

*С выходом на заслуженный отдых, вернувшись в Казань, работал на предприятии № 695 главным специалистом, затем осуществилась давняя моя мечта – поступил в КХТИ на родную кафедру заведующим учебной лабораторией. Вся жизнь связана с химией.*

*По рекомендации врачей в 1974 году уволился, но периодически продолжал выполнять работу на кафедре. Общественная жизнь: во все времена работы на заводах вел полит.кружки. В настоящее время является внештатным инспектором комитета народного контроля Вахитовского района».*

Характерна для тружеников военного тыла и судьба моей приемной матери — Суфии апы, жены дяди. Она окончила КХТИ и всю жизнь проработала в оборонной промышленности на вредных производствах вместе с мужем, но при этом на ее плечи легли вначале многотрудные заботы о непослушном приемыше, а затем и двух собственных сыновьях. Особо сложно было их обеспечить питанием и одеждой в послевоенные годы, пока существовала карточная система с острейшим дефицитом абсолютно всего. Об этом можно было догадаться, когда, отпросившись на сутки с завода, Мухтар абый брал меня в многокилометровые зимние обходы деревень на правом берегу Оки для обмена пожитков на зерно и картошку.

Отметим, что в первые послевоенные годы производство боеприпасов продолжало работать в режиме военного времени — нужно было быстро восстановить до норматива боезапасы в арсеналах страны. Только с возрастом мне стало понятно, сколько чрезвычайных усилий, забот и тревог приносили продолжавшим работать по 12 часов (а при нередких ЧП и круглосуточно) приемным родителям мои разнообразные и тогда бездумные до безобразия проступки. Для примера ограничусь только одним из них.

В начале лета, еще до окончания второго класса, получив за один из проступков серьезный выговор, я решил убежать из дома и, как Ваня Солнцев из Катаевской повести «Сын полка», бродяжничать по окрестным лесам. Прихватил лучшую одежду: ватник и брезентовые сапоги (какие заводчане исхитрялись шить для детей из «списанных» материалов), стограммовый кусочек хлеба и ушел в лес, окружавший поселок и огромную охранную зону завода. Очевидные для взрослых проблемы с неудачным попрошайничеством в окрестных деревнях привели меня через неделю в Горький, куда удалось доехать на подножках тогдашних вагонов пригородного поезда с паровозной тягой. Малолетних беспризорников, соби-

равшихся в небольшие группы и ночевавших в подвалах полуразрушенных старых домов, тогда было очень много. Жили впроголодь попрошайничеством на вокзалах, волжских пристанях и, если повезет, воровством на «колхозных» рынках, где бедствующие также сельчане пытались хоть что-то продать горожанам, т.к. денег в своих колхозах не получали. При неудачах подобных попыток беспризорники на месте получали взбучку, а вечером у костров не допускались к общему котлу.

Это написано здесь с целью подчеркнуть, что многочисленное послевоенное беспризорничество было за год-два оперативно ликвидировано системой государственных мер. С наступлением предзимних холодов в Горьком проводили облавы, из пойманных беспризорников формировали отряды под контролем милиции, прошивевшую одежду после обезвреживания в жарочных шкафах возвращали остриженным наголо и помытым в санпропускниках подросткам и через детприемники размещали в многочисленных детдомах, где не обходилось без того, что сегодня в российской армии называется дедовщиной.

У приемного отца ушло более полгода на поиски неупутевого мальчишки по всем инстанциям, ведавшим тысячами бывших беспризорников. Только повзрослев, я с чувством глубокой вины понимаю, сколь незаслуженный позор он пережил тогда в небольшом заводском поселке: «у главного технолога сбежал приемыш». И это при том, что интеллигентная щепетильность не позволяла с необходимой строгостью наказывать усыновленного безобразника.

Надо отметить, что создание боеприпасов не только химически вредное, но и взрывоопасное производство, поэтому такие заводы и рабочие поселки изолированно располагаются далеко за окраинами города и окружаются охраняемыми запретными зонами. Заводская детвора это знала по многим семьям, в которых при нередких взрывах в цехах погибали и в мирное время отцы и ма-

тери, по порыжевшим волосам и рукам рабочих и ИТР, по желтеющим верхушкам сосен в запретных зонах и т.п.

С центром города Дзержинска поселок завода им. Свердлова связывала многокилометровая трамвайная линия с редкими остановками около перекрестков лесных дорог. Подростки приспособились кататься на самодельных лыжах и санках, уцепившись за многометровый провод, который прицеплялся к буферу второго вагона трамвая. Но это строго наказуемое развлечение было не самым опасным.

В пригородных лесах мы обнаруживали скопища трофейной танкоопасной бронетехники и пролазили разбитые танки «Тигры» и самоходки «Пантеры» насквозь, а на полянах встречали непонятные нам хорошо оборудованные блиндажи. С последним связано одно опасное приключение. В один из ясных зимних дней Мухтар абый с группой ночевавших у нас приезжих, собрав комплекты лыж, ушли явно не на завод. Я выследил и обнаружил их в одном из знакомых блиндажей по дыму из печной трубы. Вскоре над поляной стал летать самолет — «кукурузник» — и бросать на поляну какие-то предметы. Любопытного мальчишку обитатели блиндажа увидели уже около одного из этих предметов и с криками оттащили. Оказывается, это московские военпред и конструктор испытывали с заводским технологом новый взрыватель на макетах малых авиабомб.

Среди прочего ребятня сооружала самодельные пистолеты, заряжаемые с дула, как древние мушкеты, соскобленным со спичек взрывающимся при умелом поджоге веществом. Все это было строго наказуемо, но только наказаниями воспитание не ограничивалось.

Взрослые стремились отвлечь неразумную подрастающую энергию на занятия спортом, на детское техническое творчество, на художественную самодеятельность. Городские власти организовывали десятки бесплатных(!) спортивных секций, создавали центры авиа- и судомоделизма, активно рабо-

тали библиотеки, шахматные и радиоклубы, дома культуры и дома пионеров, хоровые и драматические кружки. Массовыми тиражами издавались дешевые пособия по техническому творчеству, были широко доступны популярные журналы «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Радио» и др. Было престижно заниматься в разных секциях и при этом прилично учиться при самоотверженных усилиях и жесточайших требованиях учителей как в отношении дисциплины, так и, конечно, глубоких знаний.

Учителя работали с нами творчески и требовательно, активно готовя тех, кто был вынужден смолodu помогать семье, к переходу в ремесленные училища, в техникумы или военные училища (что обеспечивало бесплатной форменной одеждой и трехразовым питанием, а также небольшой стипендией, что было тогда весьма уважаемо), а оставшихся в старших классах — к поступлению в самые престижные вузы. Например, к сочинениям по литературе мы собирали журнальные и газетные статьи, учитель истории приучал записывать его дополнительные к учебникам лекции — «в институтах надо уметь конспектировать», учитель математики требовал не оставлять на доске ни малейших следов мела, подчеркивая, что «в институтах формулы намного сложнее». Добавим, что успешных в учебе и спорте среднеклассников — детей фронтовиков — райвоенкоматы рекомендовали в суворовские или нахимовские училища.

С учителями нам чрезвычайно повезло. Тогда во многих школах работали интеллигентные и потому любимые нами преподаватели, высланные из столиц «за неблагонадежность» с трудоустройством, как это ни парадоксально, в школах. По известным причинам тогда с детьми не обсуждались ни эти, ни куда более тяжелые формы угнетающего использования «неблагонадежных».

Не миновали репрессии и нашу семью. В связи с этим мне поручалось комплектование махоркой и отправка посылок с номером «почтового ящика»

в г. Вельск Архангельской области для старшего из поколения братьев Чабдаровых — Мусе Зиганшевичу. Он вернулся из лесоповального лагеря в середине пятидесятых годов, а был помещен туда после ареста на ранее оккупированной врагами территории сразу после ее освобождения Красной Армией. Тогда с детьми не говорили о том, что такая судьба постигла массы не только гражданских лиц, но и фронтовиков, освобожденных из плена, об огромном контингенте несчастных заключенных ГУЛАГа. Но подростки и сами видели незаслуженные трудности первых лет возвращения к мирной жизни многочисленных инвалидов войны, с недоумением сочувствуя их неуклюжим попыткам как-нибудь заработать.

Но тем и сильна молодость, что, преодолевая даже трагические невзгоды, она объективно нацелена на будущее.

Из круглых с черными бумажными диффузорами электромеханических громкоговорителей, хрипучих в отличие от современных электродинамических, подростки узнавали о восстановлении ДнепроГЭСа, возрождении стертых с земли войной Сталинграда и Воронежа. Отмена карточной системы для многих детей проявилась возможностью впервые в жизни свободной (!) купить в магазине кусочек неведомой до того ржаной коврижки...

Вместе со всей страной закаленные военным лихолетьем дети военного времени вступали во взрослую и незнакомую мирную жизнь.

Они и по сей день несут в себе спрессованный в виртуальный композит объективный комплекс всеобщего ликования победившей в беспрецедентно кровавой войне страны с горечью осознаваемых неизбежными военными потерь, а затем и ощущения запоздалости на десятилетия современных льгот и почестей ветеранам войны и военного тыла, что и отражено в общенародно разделяемых строках «...День Победы — это праздник со слезами на глазах...».

Но во все времена жизнь как обществу, так и каждой личности неизбежно

суть неразделимое единство позитива и негатива с историческим движением к лучшему.

Глубоко символично, что День Победы приходится на весну, когда вся природа, преодолев зимние невзгоды, обращается к новому расцвету жизненного многообразия.

Молодое поколение было призвано принять активное участие в восстановлении страны и ее экономики. Для этого в условиях послевоенного дефицита абсолютно всех видов резервов, а потому пресекая их нецелевые траты и, в отличие от нынешних времен — исключая их разворовывание, предусмотрительно создавались новые вузы, техникумы и ремесленные училища, приоритетно развивалась академическая и отраслевая наука, был обеспечен высокий профессионализм во всех сферах науки, культуры и производства.

Получившая в последующем признание Конгрессом США лучшей в мире система подготовки инженеров позволила уже в первые послевоенные десятилетия создать сложнейшие высоконаучноемкие отрасли радиоэлектроники, атомной энергетики, реактивной авиации и ракетостроения, а стране — стать пионером эпохи прорыва человечества в космическое пространство.

Все население было пронизано глубоким уважением к высокой квалификации рабочего, инженера, ученого, к таланту деятеля культуры и искусства.

Добросовестно прошедшие трудоемкие школы научно-технического и производственного совершенствования своих знаний и умений у выдающихся деятелей науки, производства и культуры, представители послевоенного поколения адекватно сменили старших во всей иерархии создателей успехов страны.

Думается, что этим поколение детей военного времени отдает свой долг поколению Победителей — как ныне живущим ветеранам, так и трагически погибшим участникам фронта и тыла Великой Отечественной войны.

УДК 947.011

## ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ С ВОСТОКОМ В IX–XIII ВВ.

*Р.М. Валеев, кандидат исторических наук, профессор*

Одним из главных направлений внешнеторговых связей Волжской Булгарии начиная с IX в. были связи с восточными странами – Средней Азией, Ираном, Багдадом, Китаем, Кавказом – и именно эти связи Булгарии с Востоком стали определяющими в формировании ее культуры. В этот период в IX в., и особенно в X в., восточно-европейский регион осуществляет активные торговые связи с Востоком. Академик Б.А. Рыбаков подчеркивает, что арабо-иранский мир, связи с которым начались еще в VII–VIII вв., в IX–XI вв. продолжал оставаться одним из важнейших направлений русской торговли и находился на первом месте<sup>1</sup>. Эта тенденция, отмеченная Б.А. Рыбаковым, является определяющей и в литературе последнего времени, в том числе и по результатам международных конференций, посвященных Великому Волжскому пути и прошедших в основных современных городах этого пути: Казани, Булгаре, Самаре, Саратове, Волгограде, Астрахани, Дербенте, Баку, Тегеране, Санкт-Петербурге, Хельсинки, Стокгольме и ряде других городов<sup>2</sup>. И.В. Дубов пишет, что в период раннего средневековья Волжско-Балтийский путь становится трансевропейской артерией, и к нему вполне применимо понятие пути «из варяг в арабы». Он связывает Русь со Скандинавией, Балтикой, Северной и Средней Европой, Булгаром, Хазарией, странами арабского Халифата<sup>3</sup>. В общем контексте торговых связей Европы с Востоком, Булгария играла важную роль, это во многом

определяло значение как прямых, так и опосредованных связей Булгарии с Востоком.

Особое значение среднеазиатского и арабского мира для Булгарии состоит в том, что именно отсюда произошло распространение мусульманской религии. Вместе с религией в Волжскую Булгарию проникли все достижения мусульманского мира. А. Мец недаром называет IX–X вв. периодом мусульманского ренессанса. По его оценке, в X в. богатый купец превращается в носителя мусульманской культуры, и мусульманской торговле была свойственна горделивая осанка, поскольку она заняла ведущее место в мировой торговле<sup>4</sup>. Нередко купцы торговлю совмещали с миссионерской деятельностью<sup>5</sup>.

История торговых взаимоотношений Булгарии с восточными странами делится на два периода. Первый период приходится на IX – начало XI вв., второй – на XI – начало XIII вв. Естественно, что в последующем эти взаимоотношения продолжались (источники довольно ясно показывают это), но в иных исторических и социально-экономических условиях.

Востоковеды, изучавшие арабские и персидские источники IX–XIII вв. отмечали, что при описании Восточной Европы географами и учеными Востока торговые интересы преобладают над научными. Так, животный мир Восточной Европы представлен по преимуществу зверями, ценными своим мехом, которые составляли одну из главных статей торговли Европейского Севера с Восто-

ком<sup>6</sup>. В их сообщениях имеется немало прямых и косвенных сведений о тесной торговле между Булгарией и странами Востока. Так, в уже известном сообщении Ибн Русте<sup>7</sup> показано, что приход мусульманских судов с торговыми целями является постоянным явлением, болгарское государство имеет немалую выгоду и заинтересовано в развитии этой торговли. Следовательно, в IX в. торговые контакты с Востоком были уже налажены. Более подробное сообщение об этом есть и у Ибн Фадлана<sup>8</sup>. Аль-Масуди сообщает о караванах, которые постоянно ходят с товарами из Булгарии в Хорезм и наоборот. Он упоминает о хазарских и болгарских купеческих кораблях, плавающих по Волге выше устья Камы<sup>9</sup>.

В Булгарии перекрещивались торговые интересы купцов и Запада, и Востока, стремившихся получить доступ к «мягкому золоту» — мехам. Именно меха пушных зверей являются, согласно известным восточным авторам, предметом торговли, связанным с историей Булгарии, да и Золотой Орды. Причем источники называют меха не только важной статьёй торговли, но и подчеркивают их использование в роли средства обращения. Ибн Русте, описывавший, как известно, события IX в., отмечает: «Основное имущество у болгар — меха куньицы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам»<sup>10</sup>. Подобное же сообщение имеется и у аль-Гардизи (середина X в.), только в оценке куньего меха у Гардизи указано два дирхема, а не два с половиной, что Б.Н. Заходер объясняет пропуском в его тексте слова «половина». Купцы с Востока выражали большую заинтересованность в этом товаре, как и в другом «живом» товаре — рабах.

Письменные источники свидетельствуют о торговле Волжской Булгарии с восточными странами не только в IX—X вв., но и значительно позже, в XI—XIII вв. Так, аль-Гарнати, побывавший в Поволжье в XII в., сообщает о вывозе

булгарами большого количества мехов, клыков животных, которые сбывали в Хорезме, где из последних делали гребешки и другие предметы<sup>11</sup>. Ибн аль-Асир, который писал в первой половине XIII в., также упоминает о торговле мехами болгар с восточными странами, куда вывозили шкурки черных лисиц, белок, бобров и др.<sup>12</sup>

Каковы же основные статьи торговли болгар с восточными странами? Наиболее полную характеристику товаров, вывозимых из Булгарии на Восток дает в конце X в. аль-Мукаддаси: «Что касается купеческих товаров, то из Хорезма вывозятся: меха соболя, беличьи, горностаевы, куньи и лесных куньиц, лисьи, бобровые, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот. Все это привозится из Булгар»<sup>13</sup>. На основе этого текста Д.А. Хвольсоном осуществлена довольно удачная попытка выделения групп экспортных товаров, пусть и достаточно относительная. К первой группе относятся товары самой Булгарии, которые делятся на 2 разряда: сырье и продукты ремесленных производств. Ко второй — товары, ввозимые непосредственно из Руси, из земель буртас и вису, причем часть из них покупалась булгарами от самих производителей, а часть ввозилась последними. К третьей — товары, привозимые через посредство других торговцев из Прибалтики, Скандинавии др. и западно-европейских стран<sup>14</sup>. С нашей точки зрения, вторую и третью группы можно объединить в одну группу товаров, поступающих на Восток при посредничестве волжских болгар. Д.А. Хвольсон, сравнивая тексты различных представителей арабской и персидской литературы, выделяет чисто болгарские товары, т.е. те, которые вывозились при посредничестве болгар, и дает довольно подробную их характеристику. В последнее время Р.Г. Фахрутдинов ввел ряд уточнений

по этому списку<sup>15</sup>, поэтому, на наш взгляд, нет необходимости останавливаться на характеристике этих товаров. Особо хотелось обратить внимание на две важные статьи торговли болгар с восточными странами, которые определяли характер торговых контактов. Наиболее почетное место в болгарском экспорте занимал поток пушных мехов, которые весьма высоко оценивались на Востоке. Аль-Масуди сообщает, что из Булгар и из земли бургасов вывозят меха черных и красных лисиц. Эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динаров за штуку, красные — дешевле. Арабские и персидские цари считают эти черные меха выше куньего, соболинного. В другом своем произведении он пишет, что вывозят их в Дербент, Берда, в разные области Хорасана, в земли Франков и Испании, а оттуда — в Северную Африку<sup>16</sup>.

Другой весьма важной статьей болгарского экспорта были рабы. В IX—XI вв. работорговля приняла широкий размах, не прекратилась она и в XII—XIII вв. Булгар и Итиль превратились в мировой рынок «живого» товара, куда привозили рабов из Руси и отсюда они попадали в Дербент, Хорезм, Багдад, Александрию<sup>17</sup>. О работорговле в Булгарии есть прямое указание Ибн Фадлана. Он сообщает о приезде русов и рабынь для торга за деньги<sup>18</sup>. В Булгарию привозили захваченных рабов. У Ибн Русте написано: «Русь имеет царя, который зовется хахан-рус. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Булгарам и продают там»<sup>19</sup>. Представители Булгарии сами становились рабами. В дружинном кургане близ Смоленска воин был похоронен по обычаю, с одной из своих рабынь. Рабыня, судя по вещам, была из Среднего Поволжья<sup>20</sup>. Эти рабы иногда превращались в арабских странах в видных воинов. Абу Али Мансур, (X в.) при перечислении выдающихся арабо-египетских полководцев и адмиралов первых Фатимидов выделяет

среди них людей из племен «ас-сак-лаб»: Сабир, Масуд, Мансур, Майсур, Бусра, Фарадж и добавляет, что они «произошли из болгар». О широком развитии работорговли можно сделать вывод и из сообщения Ибн Фадлана о торговой пошлине рабами<sup>21</sup>. Таким образом, рабы здесь выступали не только как обычный товар, но за них уплачивалась и десятина.

Комплексные данные письменных источников, археологических и нумизматических материалов позволяют судить о товарах, поступавших с Востока на территорию Булгарии в обмен на болгарские и посреднические товары. Говоря о восточном импорте, мы должны заметить, что часть восточных товаров обменивалась и приобреталась на рынках в самой Булгарии, а часть товаров при посредничестве болгар шла дальше на Русь, в Северную и Западную Европу, к соседям болгар — предкам марийцев, удмуртов, мордвы и другим финно-угорским народам. Имеющийся материал дает основания выделить целый ряд групп товаров, поступающих в Волжскую Булгарию.

Первую группу товаров, которые наиболее четко фиксируют страны, с которыми были торговые контакты, составляют монеты из мусульманских стран. Ибн Русте это специально подчеркивает: «Белые, круглые дирхемы привозят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары»<sup>22</sup>. Необходимость обмена товаров за деньги сохранялась и значительно позже. Кул Гали в своей поэме «Кысса-и Йусуф» подробно описывает денежный характер торговли. Так, когда братья решили продать Йусуфа, то купец Малик у них спросил, какую цену они просят из того, что у него есть: скот, шелк, атлас, да несколько монет, недорогих. На что братья ему ответили, что они не согласны на обмен и что им нужны только те немногие монеты, которые есть у него<sup>23</sup>.

Изучение монет позволяет раскрыть тот круг стран и династий, с которыми болгары имели тесные торговые связи,

а также хронологически определить время усиления этих связей. Куфические монеты, найденные на территории Булгарии, представлены несколькими группами. Для VIII–IX вв. это монеты, чеканенные Омейядами (661–750 гг.) и Аббасидами (750–1258 гг.). Омейядские дирхемы представлены единичными экземплярами<sup>24</sup>.

Интересно, что на территории Волжской Булгарии найдены первые монеты, чеканенные сразу после прихода к власти Аббасидов. Так, в Булгаре в 1905 г. был обнаружен дирхем 133 г.х. (750–751 гг.), чеканенный в аль-Басре; в Кайбельском могильнике монета того же года. Близ Билярска в 1857 г. был найден аббасидский дирхем 163 г.х. (779–780 гг.). В денежном обращении аббасидские монеты были не только в IX в., но и в X в. вместе с саманидскими дирхемами и болгарскими подражаниями, о чем ясно свидетельствуют их совместные находки в кладах<sup>25</sup>.

К X в. относится основная группа монет Саманидов (875–999 гг.), отчеканенных в различных городах Мавераннахра: аш-Шаше, Нисабуре, Самарканде, Мерве, Андерабе, Бухаре. Анализ кладов и отдельных находок саманидских монет, найденных на территории Волжской Булгарии, позволяет показать не только города, с которыми велась активная торговля, но и время, когда усиливаются торговые связи. В составе кладов X в. в значительном количестве встречаются дирхемы времени правления Ахмеда ибн Исмаила (907–914 гг.) и Насра ибн Ахмеда (914–933 гг.). Эта же тенденция была характерна в целом для Восточной Европы<sup>26</sup>.

В середине X в. появляются монеты Бувейхидов, а к концу X в. их число значительно увеличивается. Наиболее примечательным среди кладов является Чистопольский клад 1885 г. (поздняя монета 995 г.), где монеты бувейхидской чеканки составляют половину<sup>27</sup>. Из находок последних лет необходимо назвать клад из 25 дирхемов X в. в Арбузинском поселении в зоне затопления Куйбышевским водохранилищем

близ дер. Красная Поляна Старомайнского района Ульяновской области, найденный в 1999 г. В кладе, где самая «старая» монета 347 г.х. (958 г.), а самая «молодая» 379 г.х. (1001 г.), монет бувейхидской чеканки 56% (определение Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Калинина, сообщение В.П. Лебедева). На территории Руси приблизительно та же тенденция: они появляются с середины X в., постепенно их количество увеличивается, но до конца X в. наибольший процент их в кладе не превышает 16,66%<sup>28</sup>. В кладах X в. продолжают встречаться и монеты Аббасидов, но их значительно меньше, чем в IX в., когда они были преобладающей частью в составе монет. Во второй половине X в. небольшую примесь в кладах, найденных в Булгарии, составляют монеты таких династий, как Зириды, Саллариды, эмиры Андерабы, Самейды и др. Интересным в этом отношении является клад, найденный в д. Татарский Толкиш, весом 12, 14 кг. Из 934 определенных дирхемов (древнейший – 875 г., поздний – 984 г.) отмечены монеты самых различных стран и династий, а также монеты волжских болгар<sup>29</sup>. С берегов Персидского залива сюда поступали и раковины «каури», которые могли использоваться в «безмонетный» период в роли денег.

Вторую по важности группу импортируемых восточных товаров составляет художественный металл – золотая, серебряная к бронзовая утварь из Византии, Ирана, Хорезма, Армении, Киликии (Малая Азия)<sup>30</sup>, а также драгоценные и полудрагоценные камни. На Билярском городище из числа последних находок отмечены бронзовые ступы с серебряной инкрустацией гератского производства. Основным партнером для Булгарии на протяжении нескольких столетий (XI–XIII вв.) был Иран. Особо выразительны дошедшие до нас предметы художественного металла, распространявшиеся не только у болгар, но и у их соседей.

Находки такого рода известны с территории самой Волжской Болга-

рии (Семеновское селище, Билярское городище). Так, находка чаши на Семеновском острове в Спасском районе Татарстана<sup>31</sup> позволяет судить о характере импортируемого товара, когда предпочтение отдавалось легкому по весу, но дорогому по цене продукту. Ее стоимость определялась не только самим металлом, но и декоративной отделкой. Чаша выглядит следующим образом. Ее диаметр — 13 см, высота сохранившейся части — 4 см. Сосуд имеет полусферическую форму. Орнамент нанесен с внутренней стороны. В центральном медальоне сохранилось изображение геометрической розетки с узкими, тонкими лепестками, между которыми расположены кружковые пирамидки из окружностей диаметром 0,3 см с точкой в центре. Кольцевая орнаментальная полоса, ограниченная сверху и снизу лентами шириной 0,2 и 0,4 см, состоит из 8 элементов. Каждый из них представляет окружность диаметром 4 см с кружковой розеткой в центре и ленточным бордюром по краю. Фон между ними заполнен кружочками с точкой в центре в виде пирамидок, полос и т.п. Орнамент нанесен с помощью специальных инструментов (резец, фигурные сверла). После этого внутренняя поверхность была отполирована.

В значительной мере предметы торговли использовались в культовых целях финским населением Поволжья. Так, целую серию бронзовых чаш дали могильники Поветлужья. Весьма интересны изображения на внутренней поверхности чаш. Это выгравированные рисунки птиц и фантастических существ. Однако в большей степени на таких сосудах имеются геометрические узоры.

Интересны обстоятельства, связанные с использованием этих сосудов в погребальной практике финского населения региона. Так, при раскопках Крюково-Кужновского могильника в погребении № 523 было зафиксировано следующее: «В грунте чистого светлого-желтоватого песка, на глубине 65 см,

обнаружено трупосожжение. Могила имеет продолговато-овальную форму с покатыми стенками, размером: вверху — 300 x 145 см, внизу — 210 x 70 см, расположена по линии Ю.-В., С.-З. под углом 50°.

В гробовине из соснового дерева, размером 190 x 45 см, сожженные, измельченные, выбранные из золы и углей кости сложены вдоль гробовины тонким слоем.

На кости положены предметы в порядке трупоположения. В углу глиняный горшок, вылепленный вручную. Рядом — чаша-пиала из серой бронзы, выбитая из целого листа, полушаровидной формы с плоско-выпуклым дном. Ниже положены две серебряные височные стрелки-серьги, бронзовый венчик обычного типа, косник, состоящий из шести проволочных цепочек, в нижних концах с звездчатовидными подвесками. Вверху концы цепочек приклепаны к четырем стержням, обвитым тонкой бронзовой проволокой, и привязаны тонкими ремешками, продетыми в спиральную пронизку из круглой проволоки. Ожерелье из мелких стеклянных круглосплюснутых синих, желтых, четковидных посеребренных и позолоченных бус. В ожерелье две бронзовые подвески-пронизки в виде коленчатых трубочек с тремя на колечках треугольными пластинками.

На поясничной части пять бронзовых кованных и литых кольцевидных пряжек с двумя продольными стельками и шпильками. Четыре бронзовых плоских кованных разгибных браслета с расплюснутыми и отогнутыми концами. Три бронзовых спиральных кольца из трехгранной проволоки в пять оборотов и один в три оборота. Восемь бронзовых плоских подвесок удлиненно-трапецевидной формы с подвижными проволочными колечками от головного убора-ленты и частички истлевшего оловянного бисера».

Этот пример позволяет понять особенности и факторы, стимулировавшие ряд направлений торговых операций, которые осуществлялись болгарскими

купцами. В первую очередь, это связано с использованием редких и дорогих сосудов, каковыми являлись, например, чаши.

Можно выделить несколько вариантов использования чаш. Первый — часть погребального инвентаря (Малышево) в труположении (вместе с металлическим котлом или глиняным сосудом); чаша ставилась у головы (?) погребенного. Второй вариант — часть сопровождающего инвентаря при кремации на стороне (Дубовский могильник). Здесь чаша помещена вне кремированных остатков. Третий вариант — часть содержимого кенотафа (Нижняя Стрелка). Чаша помещалась вверх дном, закрывая украшения. Четвертый вариант — жертвенно-поминальный комплекс, где чаша была перевернута вверх дном. Под сосудом находились украшения. Все это было завернуто в одежду (?) и перетянуто кожаным ремнем (Веселово). Пятый вариант — отдельно помещенный сосуд вверх дном (Нижняя Стрелка). Как разновидность этого варианта — ритуальная порча (разбивание) сосуда (Нижняя Стрелка).

Отметим, что связь чаш с поминальным культом кажется очевидной, что было уже отмечено<sup>32</sup>. Тем не менее стоит подчеркнуть связь таких сосудов с трупосожжением и культом огня (солнца) в целом.

Скорее всего, и в трупосожжениях чаша выступала уже не как часть сопровождающего инвентаря, а как знаковый объект-символ. Находки чаш в труположении требуют специального изучения. Отметим, правда, что в этом случае на чашах (ранняя хронологическая группа: VIII—IX вв.) имеются небольшие отверстия для крепления. Не исключено, что чаши могли использоваться и в качестве погребальной маски. Представляется, что основная функция чаш в культовой практике в Поволжском регионе в X—XI вв. в большинстве случаев — это своеобразное послание в иной мир, своего рода посылка, приношение, дар. Не случайно, что очень часто здесь применялась береста в качест-

ве подстилки, оберточного материала и т.п. Кстати, оборачивание берестой обычно использовалось для металлических котлов в погребении.

Таким образом, исследование металлических чаш показало, что эти предметы восточного производства отражают целый пласт явлений, связанных с этнокультурными взаимодействиями и сложными идеологическими представлениями древнего населения края в VIII—XI вв., что значительно усиливало потребительную стоимость этого товара.

Из Ирана и Средней Азии в большом количестве ввозились керамические сосуды, особенно покрытые стеклянной глазурью и с подглазурной росписью.

Пользовалась спросом также техническая посуда, которая была как металлической, так и керамической. В Биляре найдены медные кумганы, использовавшиеся как мера емкости для сыпучих тел. У одного из таких сосудов тулово представляет собой рассеченный конус с одной плоской боковой стороной. Художественно выполненная ручка с насечками крепится сбоку, чуть в сторону от края сечения. На дне ее имеется сегментовидное углубление (0,4 см глубиной). Высота кумгана — 26 см, диаметр — 18,5 см. Не исключено, что он имел носик и применялся как ритуальный сосуд.

Из Средней Азии или Ирана в XI в. была вывезена бронзовая ступка, использовавшаяся булгарами в медицине и алхимии. Аналогичные изделия, изготавливавшиеся в Малой Азии, привозились в Булгарию и позже.

Из Ирана поступали йеменский сердолик, из более южных стран мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахра шли согдийский хрусталь и среднеазиатская бирюза, из Хорезма — сердолик, из Синда (Индия) — горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит.

Весьма важную статью торговли составляли хлопчатобумажные и шелковые ткани, ковры. А. Мец подчеркивает, что из числа трех основных потребнос-

тей человеческого тела — пищи, одежды и жилья — для жителей Переднего Востока самым важным является одежда. Искусство одеваться достигло высшего совершенства<sup>33</sup>. Дорогие ткани в этот период были наиболее ходким международным товаром<sup>34</sup>. Аль-Балхи, сообщая о тех товарах, которые вывозятся из Хазарии, подчеркивает, что сама Хазария производит только белужий клей и вывозимые товары, в свою очередь, ввозятся туда из Булгара, Руси, Куяба. Одежда хазар и соседних с ними народов состоит из курток и верхнего платья. Сами же они не изготавливали материи для платья, а их привозили к ним из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византийского государства<sup>35</sup>. Здесь прямо сообщается о привозе к хазарам и булгарам тканей. То, что ткани были обычной статьёй торговли в этот период, видно из сообщения Ибн Хаукаля. Среди товаров, «...которые, купцы вывозят из Андалуса в Магриб, Египет и другие мусульманские страны суть амбра, шафран, золото, серебро, свинец, железо, ртуть, меха выдры, сырой и готовый шелк и преимущественно мужские и женские невольники». Далее в его сообщении идет конкретизация «...шелк, весьма тонкие шерстяные платья... шерстяные юбки, ковры...»<sup>36</sup>. Ибн Фадлан сообщает о вышитых коврах<sup>37</sup>. Думается, что в условиях бурного развития ковроткацкого производства в восточных странах, особенно в Армении<sup>38</sup>, ковры поступали в качестве предмета торговли в Булгарию. Широко в Поволжье и Прикамье была налажена торговля стеклянными бусами, которые вплоть до XI в. исключительно были привозными<sup>39</sup>, да и позже составляли заметную конкуренцию болгарским изделиям. Украшенные разноцветными вставками, разного размера и формы они были очень популярны в этом регионе.

Наряду с бусами привозилась в небольших количествах стеклянная посуда, как правило, небольшие сосуды для благовоний и косметики. Расширение ассортимента импортируемых стеклянных

изделий произошло уже в XI—XII вв., когда на внешний рынок стали поступать изделия болгарских стеклоделов и завозиться более редкие восточные изделия, а также стеклянные украшения древнерусского производства. С.И. Валиуллиной в результате анализа стеклянных изделий удалось доказать их производство в городах Закавказья, Средней Азии и Византии<sup>40</sup>.

Несомненно, из восточных стран вывозились дорогие ткани, а также украшения и детали костюма как мужского, так и женского, в том числе и наборные пояса, украшенные бронзовыми и серебряными накладками с анэпиграфическим или стилизованным растительным орнаментом. Подражания и копии таких украшений появились у болгар в XI в. Из предметов украшений необходимо отметить и поступающие из Китая бронзовые зеркала<sup>41</sup>.

Из городов Мавераннахра шла в Булгарию писчая бумага, получившая название кагиз. Основным центром производства бумаги был Самарканд. По сообщению Якута, самой лучшей бумагой была «самаркандская и китайская»<sup>42</sup>.

Следующую группу импортируемых вещей составляет оружие. Так, Ибн Русте сообщает: «Мечи у них Сулеймановы». Аль-Гарнати также приводит данные о клинках мечей и сабель, подчеркивая, что «...эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль»<sup>43</sup>.

Из различных городов Средней Азии, Ирана поступала сюда керамика. Так, из городов Мавераннахра в X—XI вв. шла богато орнаментированная поливная керамика, из Рея и Кашана в XII—XIII вв. — люстровая керамика. Особо необходимо отметить поступление сфероконусов в качестве тары. В них везли ртуть, благовония, а в керамических изделиях — пряности, приправы к кушаньям.

Особое место в истории болгарской торговли занимают изделия средневековых хакасов (аскизская археологическая культура). Со второй четверти XI в.

они распространяются в Волго-Камье и в Посурье. Мода на эти изделия сходит на нет к концу XII столетия. В большей степени они представлены украшениями конской сбруи. Данные изделия довольно устойчивы в основных формах и приемах декорации и отличаются наличием серийных типов.

Заготовка такого изделия проковывалась до толщины 0,4 см, иногда – до 0,8 см, с обратной стороны делалась выемка для шпеньков, вставлявшихся в сквозные отверстия; та часть их, которая выходила на внешнюю сторону, расковывалась. На внешнюю поверхность заготовки наносились специальные насечки, служившие основой для листовой или проволочной инкрустации медью или серебром.

Анализ коллекции из 204 железных пряжек и 258 железных накладок с 29 болгарских поселений X–XIV вв. позволил выделить 29 типов пряжек и 64 типа накладок<sup>44</sup>. Систематизация пряжек основывалась на типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым<sup>45</sup>. Часть выделенных типов была универсальной и имеет широкие аналогии. Так, пряжки, отнесенные к отделу А, – без специального приспособления для соединения рамки с пряжкой, когда ремень охватывает часть пряжки, использовались преимущественно для соединения и подгонки ремней в конской упряжи: ремней оголовья и подпруг (тип А 1а-ба). Для некоторых типов не исключена возможность использования и в качестве поясных: тип А 6 б и А 1в<sup>46</sup>, тип А 4. Пряжки этих типов бытовали очень большой промежуток времени и на очень широкой территории.

Более узкие рамки аналогий можно определить для пряжек отдела Б. Они скреплялись с ремнем с помощью щитка, неподвижно соединенного с рамкой. Такие пряжки использовались как в бытовом костюме на поясном ремне, так и для соединения ремней конской упряжи (типы Б 1, 2). Для типа 1, 2, 5 известны бронзовые аналоги. Если круглорамчатые пряжки с плоским сре-

зом щитка (тип Б 1, 2) имеют широкое распространение, то изделия с килевидным и шлемовидным завершением щитка (тип Б 3, 4) и в ряде случаев с луковцевидной рамкой (тип Б 6, 7, 8) достаточно характерны для аскизских древностей XI–XII вв.<sup>47</sup> Характерное W-образное завершение щитка (тип Б 9) также встречается на изделиях аскизской культуры. Вильчатые варианты окончаний щитков (тип Б 5) зафиксированы в такой форме пока только на болгарских памятниках.

Пряжки отдела В соединялись с ремнем при помощи щитка, вращающегося на той же оси, на которой насажен язычок и рамка пряжки. Шарнирные изделия часто встречаются на памятниках Прикамья XI–XII вв.<sup>48</sup> и на болгарских памятниках домонгольского времени и практически не встречаются на южносибирских материалах. Вильчатое окончание щитка (тип В2) также характерно только для находок на болгарских памятниках.

Таким образом, к аскизскому кругу можно отнести щитковые круглорамчатые пряжки типа Б 3, 4 щитковые пряжки с луковцевидной рамкой (тип Б 6, 7, 8). Основание этому – точные аналогии таким изделиям в аскизских древностях. Шарнирные пряжки типа В1, 2, 3, относимые нами к этому же кругу, приближаются к ним только по стилю оформления. Конструкция их оригинальна. Местной спецификой пряжек «аскизского круга» является и такой элемент оформления, как вильчатое окончание.

Накладки крепились к основе ремня с помощью штифтов, фиксирующихся на тыльной стороне ремня раскованными окончаниями, иногда с небольшими шайбочками. Служили накладки для украшения ремней конской упряжи. Часть их использовалась и в бытовом костюме на поясном ремне. Не останавливаясь подробно на этой категории, стоит отметить, что большая часть накладок имеет аналогии в той или иной степени с аскизскими древ-

ностями, что позволяет их включить в круг аскизских изделий.

Не исключено, что из региона Южной Сибири происходит и своеобразный пластинчатый панцирь, детали которого были найдены при раскопках болгарского селища у с. Речное в Алексеевском районе РТ (раскопки К.А. Руденко) и датируются XI в. Панцирь был собран из прямоугольных пластин (50–52 x 24–30 мм) с закругленным нижним краем и с ровным верхним краем. В центре или чуть ниже центра на пластинах имеется выпуклый «умбон» диаметром 8–10 мм. Система отверстий для крепления на пластинах различна. Как правило, они имеются сверху и снизу от «умбона». Сверху одно отверстие, снизу – парные. В одном случае внизу было одно отверстие. В первом варианте имелись две пары отверстий с одной длинной стороны, одно отверстие с противоположной стороны и два одиночных отверстия в верхних углах. Во втором случае отмечено два парных отверстия в верхней части пластины с длинных сторон и два одиночных отверстия в верхних углах. Одиночные отверстия (три верхних по короткой стороне и по одному (?) с длинных сторон) зафиксированы на обломанных экземплярах пластин этого типа<sup>49</sup>.

Существовали связи с Египтом, о чем достаточно ясно свидетельствует поэма болгарского поэта Кул Гали «Кысса-и Йусуф», написанная в начале XIII в. в Болгарии. В поэме можно встретить различные подробности о Египте, которые свидетельствуют о хорошем знакомстве с этой страной. В то же время часто упоминается Магриб. В этом произведении показан и приезд купцов в Болгарию, и перечень товаров, которые были обычной статьёй торговли того времени. Тут и шелка, рабы-невольницы, меха, скот и т. д. Особо необходимо сказать еще об одной статье торговли, которая ввозилась, видимо, эпизодически. Речь идет о хлебе. В поэме Кул Гали на этот счет есть прямое указание<sup>50</sup>. Существование постоянных традиционных торговых

контактов между Булгарией и Египтом фиксируется и в документах XIII–XIV вв. уже между Золотой Ордой и Египтом<sup>51</sup>.

Наиболее тесными были торговые и культурные контакты с Хорезмом. Ибн Фадлан сообщает о женщинах-хорезмийках, снаряжавших покойника болгарина в последний путь; религия в Булгарии IX–X вв. была бухарско-хорезмийского толка. Ибн Хаукаль, описывая торговлю мехами сообщает, что «...часть же онаго выходит в Ховарезм, по причине частых путешествий Ховарезмийцев в Булгар и Славонию...». Истахри также сообщает, что в Хорезм попадают славянские невольники посредством торговых сношений<sup>52</sup>. Путь купеческих караванов из Хорезма в Булгар и наоборот был наиболее известным в Средней Азии, что хорошо описано Ибн Фадланом и Марвази<sup>53</sup>. В XII–XIII вв. эти связи продолжали существовать, поскольку известно, что сохранялась и развивалась караванная дорога до Булгар. Хорезм продолжает сохранять и свою роль наставнического центра веры<sup>54</sup>.

Тесные торговые связи Булгарии с восточными странами способствовали тому, что восточная весовая система, которая употреблялась в области международной торговли, в IX в. ложится в основу болгарской товарно-денежной системы. Но речь идет не о простом заимствовании. Булгарская денежно-весовая система образовалась в IX–X вв. в результате определяющего влияния внешней торговли, и на этой базе происходило складывание внутреннего рынка, выделение территориальной сферы ее воздействия. Широкою известность составляет арабский мискаль в 4,26 г., но латунные слитки III–VIII вв. и распространение сасанидских монет второго типа, приравненных к так называемой аттической драхме в 4,25 г показывают, что известна эта весовая система раньше периода IX–X вв. Мискаль в 4,26 г составляет 1/96 часть иракского ратля в 409,512 г, который лежал в основе чеканки болгарских

монет и серебряных слитков «саумов». Распространяются и другие восточные весовые нормы<sup>55</sup>.

Широкая география внешних торговых связей была обусловлена функционированием нескольких трансконтинентальных торговых путей. С IX в. по XII в. наиболее активным (с небольшими перерывами в 50–60-х гг. XI в.) был северный отрезок Великого Шелкового пути, Великий Волжский путь, а также трасса «Пути из Булгара в Киев»<sup>56</sup>. Из речных путей важное значение имел и «Камско-Вятский путь».

Таким образом, тесные торговые связи Булгарии с развитыми мусульманскими странами определили особенности ее экономической жизни и духовной культуры населения. В Волжской Булгарии перерабатывались применительно к местным историческим условиям все лучшие достижения этих стран, что во многом определяет роль и значение этого государства в истории Евразии, и Булгария становится важнейшим звеном в цепочке крупнейших трансконтинентальных путей евразийского континента.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути//История и культура Древней Руси. — М.-Л.: 1948. — Т.1. — С. 335.

<sup>2</sup> Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. — Казань, 1999; Великий Волжский путь: история формирования и развития. — Казань, 2002; Великий Волжский путь: история формирования и развития. — Казань, 2003; Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. — Казань, 2005.

<sup>3</sup> Дубов И.В. Великий Волжский путь. — Л., 1989. — С. 7.

<sup>4</sup> Мец А. Мусульманский ренессанс. — М., 1973. — С. 374.

<sup>5</sup> Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье. — М., 1962. — Т.1. — С. 44.

<sup>6</sup> Там же, с. 113–114.

<sup>7</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 24.

<sup>8</sup> Ковалевский А.Л. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — Харьков: 1956. — С. 140–141.

<sup>9</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 163.

<sup>10</sup> Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье. — М., 1962. — Т.2. — С. 34.

<sup>11</sup> Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. — М., 1971. — С. 31.

<sup>12</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 188.

<sup>13</sup> Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). — СПб., 1870. — С. 282.

<sup>14</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 181–187.

<sup>15</sup> Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 37–38.

<sup>16</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 163–164.

<sup>17</sup> Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История и культура Древней Руси. — М.-Л., 1948. — Т.1. — С. 321–322.

<sup>18</sup> Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). — СПб., 1870. — С. 94–95.

<sup>19</sup> Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даства. — СПб., 1870. — С. 35.

<sup>20</sup> Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути//История и культура Древней Руси. — М.-Л.: 1948. — Т.1. — С. 321.

- <sup>21</sup> *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: 1956. – С. 140–141.
- <sup>22</sup> *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье. – М.: 1962. – Т. 2. – С. 34.
- <sup>23</sup> *Кул Гали.* Сказание о Йусуфе. – Казань: 1985. – С. 65–66.
- <sup>24</sup> *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. – Казань. – С. 147–149, табл. 9–10.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М., 1956. – С. 122.
- <sup>27</sup> *Лихачев А.Ф.* Чистопольский клад из куфических монет II половины X века, открытый в 1885 г. // ЗВОРАО. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1888. – С. 3–4.
- <sup>28</sup> *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М., 1956. – С. 132.
- <sup>29</sup> *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. – Казань. – С. 148–149, табл. 10.
- <sup>30</sup> *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части и Зауралья. – М., 1976. – С. 8–50, 62–142.
- <sup>31</sup> *Руденко К.А.* Бронзовая чаша из I Семеновского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов I Региональной научной конференции «Проблемы и исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». – Горький, 1990.
- <sup>32</sup> *Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола. – 1998. – Вып. 1. – С. 61–62.
- <sup>33</sup> *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – С. 365.
- <sup>34</sup> *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История и культура Древней Руси. – М.-Л., 1948. – Т. 1. – С. 321–327.
- <sup>35</sup> *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даста. – СПб., 1870. – С. 169.
- <sup>36</sup> Там же, с. 222.
- <sup>37</sup> *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). – СПб., 1870. – С. 369.
- <sup>38</sup> *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – С. 169.
- <sup>39</sup> *Фехнер М.В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы. – М.: 1971. – С. 46–53.
- <sup>40</sup> *Валиуллина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (По материалам Билярского городища). – Казань. – 2005.
- <sup>41</sup> *Смирнов А.П.* Очерки по истории древних болгар // Труды ГИМ. – М., 1940. – Вып. 11. – С. 101–102.
- <sup>42</sup> *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – С. 371–374.
- <sup>43</sup> Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М., 1971. – С. 106.
- <sup>44</sup> *Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань. – 2001.
- <sup>45</sup> *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966.
- <sup>46</sup> *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964. – табл. 11–17. – С. 54.
- <sup>47</sup> *Кызласов И.Л.* Аскизская культура // САИ. – Вып. ЕЗ-18. – М., 1983. – табл. XXVIII, 1, 11–16, 19, 20, XII.
- <sup>48</sup> *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII в. – Ижевск. – 1992.
- <sup>49</sup> *Руденко К.А.* Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // Военное дело nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii. – Novosibirsk. – 2002. – С. 59–61.

<sup>50</sup> *Кул Гали*. Сказание о Йусуфе. — Казань, 1985. — С. 179.

<sup>51</sup> *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — Т.1. — С. 122, 235–237.

<sup>52</sup> *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). — СПб., 1870. — С. 219, 228.

<sup>53</sup> *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье. — М., 1962. — Т.1. — С. 53.

<sup>54</sup> *Халикова Е.А.* Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник: автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 18.

<sup>55</sup> *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. — Казань. — С. 76–87.

<sup>56</sup> *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев. Пути. Связи. Судьбы. — Киев. — 1997.

#### Аннотация

Рассмотрены основные этапы торговых взаимоотношений Волжской Булгарии с восточными странами в IX–XIII веках, основные статьи экспорта и импорта. Торговля Булгарии с развитыми мусульманскими странами опередили особенности экономической жизни, материальной и духовной культуры населения страны.

**Ключевые слова:** Волжская Булгария, внешняя торговля, Восток, предметы экспорта и импорта.

#### Summary

In this article main stages of trade relations of Volga Boulgaria and eastern countries in IX–XIII centuries, main roints of export and import are examined. The trade of Volga Boulgaria with developed muslim countries defined the peculiarities of economic life, material and spiritual culture of the population of this country.

УДК 398:398.831

## ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРСКИХ ТАТАР 30–70-х гг. XX столетия (на материале экспедиции 2009 г. в Сибирь)

*Л.Ш. Давлетишина, научный сотрудник ГЦТФ*

В рамках выполнения программы «Фольклор сибирских татар» в августе 2009 г. сотрудниками Государственного центра татарского фольклора была проведена комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция в населенные пункты Вагайского района Тюменской области.

При работе с информантами нас в первую очередь интересовал детский игровой фольклор. Нам удалось зафиксировать игры 30–70-х гг. XX столетия, такие как Такта түбү, Лапта (Шар уены, Сук та йөгер), Яшенмәк, Городки, Оры уен, Кашык сугу, Ат уены, Бозык телефон, Штандыр, Кем сукты, Самовар, Тай трәпкә, Сакала (Туп уены, Бук таяк, Баба, Чүбәлә), Капка (Ручеек), Совещание, Третий лишний, Каеш, Цепи, Өзелешмәк, Аралап алышмак.

Игра имеет важное значение в духовном и физическом развитии человека. Если игра для взрослых – средство для отдыха и веселья, то для ребенка игра – это подготовка к взрослой жизни. Под понятием «игра» подразумевается система увлекательных и веселых занятий, возникших в процессе развития человечества как отражение форм труда, выполняющих функции физического и морально-эстетического воспитания подрастающего поколения, подготовки его к будущей жизни [4:150].

По словам старожилков, в древности аксакалы в целях обучения детей меткости, ловкости организовывали такие специальные состязания, как «стрель-

ба в кольцо», игры с шаром, мячом и в городки. Эти игры, основанные на физическом и моральном закаливании, по сути дела, являлись обязательными навыками охотника, животновода, рыбака в их повседневном труде [2:9]. Народные игры были тесно связаны с жизнью и занятиями народа, служили средством подготовки ребенка к жизни.

Исследователями детские игры делятся на три группы:

1. Драматические (сюжетные или исполнительные) игры;
2. Подвижные (основанные на правилах) игры;
3. Песенно-плясовые игры [1:337].

Источником жизни ребенка является семья. Именно поэтому дети младшего возраста в своих играх в большинстве случаев пытаются воспроизводить события, происходящие в семейной жизни. Девочки обычно любят играть в куклы. Куклу они, как настоящего ребенка, одевают, кормят, выводят на улицу, укладывают спать... Во время таких игр ребенок, стремясь подражать родителям, повторяет их движения, поступки, и этим заявляет о своем желании участвовать в жизни взрослых [3:7].

В детском мире можно наблюдать такое естественное явление: ребенок по мере взросления постепенно переходит от драматических игр к подвижным. Почему это происходит? Драматические игры основаны на подражании жизни взрослых. В таких играх ребенок

на первый план выносит общественную деятельность человека и по своему представлению выполняет его роль. Правила игры здесь ребенку не обязательны, да они ему особо и не нужны, потому что до того, как подчиниться какому-либо правилу, ребенку еще необходимо самому усвоить жизненные навыки.

Вот, например, игра «Пакцар-пакцар палалар» («Детей полный сад») является ролевой. Дети считалкой определяют сначала «маму», затем «ворону», оставшиеся становятся «детьми». Нами была зафиксирована следующая считалка: «Аката-пыката чиката на, апаль-папаль тиль мана, акыт-пакыт палипак наук» (Записано от Айбатовой А.К., 1963 г.р., с. Тукуз Вагайского района Тюменской области РФ). Сюжет игры следующий: игроки «дети» играют в саду, а «мама» охраняет их. Через некоторое время подлетает «ворона» и между «мамой» и «вороной» завязывается такой диалог:

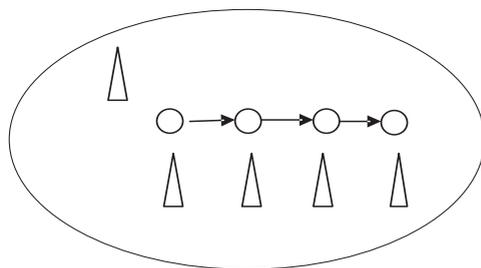
- Артыңта нилэр пар?
- Пакцар-пакцар палалар.
- Пир персен!
- Кто это за тобой?
- Детей полный сад.
- Дай одного!

После этих слов «ворона» начинает подкрадываться к «детям», а «мама» их охраняет. Пойманные «дети» остаются при вороне, остальные собираются у «мамы». Игра продолжается, пока не пойманы все «дети». (Записано от Сайдуллиной З.С., 1966 г.р., с. Мальй Уват Вагайского района Тюменской области РФ 25.08.2009).

В подвижных же играх правила превращаются в одно из главных условий, они представляют собой состязания, основанные на этих правилах. Содержанию таких игр свойственно стремление к достижению определенной цели, результата. Здесь ребенок, овладев уже отдельными навыками жизни и соревнуясь с другими, дает себе разностороннюю (по ловкости, догадливости, терпеливости и т.д.) оценку, может определить свои возможности.

Так, например, игра «Оры уен» (оры (чокыр) – лунка). Подготовка к игре:

определяется место игры (круг с радиусом 15–20 м), в один ряд на расстоянии 2–3 м друг от друга выкапываются лунки величиной с двойной кулак (по количеству участников), подготавливается шар из кизяка коровы, клюшки (по количеству участников) из подручных материалов длиной в 1 м (похожа на клюшку для игры в гольф). С помощью жеребьевки определяют первого ведущего. Для этого используется клюшка, кому не досталась палка, тот становится ведущим.



**Правила игры:** игрок катит мяч вдоль линии расположения лунок, а задача остальных охранять свои лунки. Если мяч попал в лунку одного из игроков, тот быстро подхватывает мяч и бросает в ноги (!) убегающих. Убегать можно только до границы заранее очерченного круга. Если мяч попадает в ноги одного из убегающих, то он становится новым ведущим. Так продолжается, пока дети не устанут. В эту игру охотно играли как мальчики, так и девочки от 9 до 13 лет, преимущественно летом. (Записано от Курманоглеевой Ж.И., 1949 г.р., с. Карагай Вагайского района Тюменской области РФ 23.08.2009).

Во время экспедиции зафиксировать примеры песенно-плясовых игр нам не удалось.

До середины прошлого столетия были популярны все группы детских игр. В последние 20–30 лет произошли некоторые изменения в их бытовании. Например, за этот период уменьшилось число песенно-плясовых игр, менее популярными стали драматические. Они потеряли традиционные поэтические элементы и приблизились к спортивным играм.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Бакиров М.Х.* Татар фольклоры (Югары уку йортлары өчен дәрәслек) / М.Х. Бакиров. – Казан: Мәгариф, 2008. – 360 б.

<sup>2</sup> Башкирские народные детские игры (на башкирском и русском языках). Изд. 3-е. – Уфа: Китап, 2006. – 248 с.

<sup>3</sup> *Осорица М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В.Осорица. – М.: Флинта, 2007. – 228 с.

<sup>4</sup> Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004. – 287 с.

## Аннотация

Статья посвящена изучению детского игрового фольклора сибирских татар 30-70-х гг. XX столетия. На основе исследований было проанализировано 3 типа игр: драматические, подвижные и песенно-плясовые.

**Ключевые слова:** игры, экспедиция, ребенок, правила, жеребьевка.

## Summary

Article is devoted to studying of children's game folklore of the Siberian Tatars in the 1940-1970-s. On the basis of the expedition material three groups of games are analyzed: drama, mobile and song and dancing (pesenno-pljasovye).

УДК 94(47):008(091)

## МУЛЛИНСКИЕ ТАТАРЫ

*Д. Закиров, доктор технических наук, краевед,  
член Союза журналистов РФ*

Определенный интерес представляет группа муллинских татар, малоизученных исследователями, по поводу которых имеются иногда противоречивые высказывания ученых об их происхождении и появлении на Пермской земле [1].

Муллинская группа татар включает население Пермского района (Кояново, Баш-Култаево, Янычи) [2, с.238].

Много спорных вопросов возникает о татаро-башкирском компоненте коренных жителей деревни Кояново. По историческим данным, в Пермской волости жители деревень Кояново и Култаево, а также других деревень, расположенных вдоль речек Мулянки, Большой и Маленькой Мулянки, с древних времен назывались муллинскими татарами, т.е. представляли муллинскую группировку пермских татар [3].

Огромную роль в развитии экономических и этнокультурных связей Прикамья в IX–XIV в. сыграл Камский торговый путь – своеобразное продолжение Великого Волжского пути, способствовавший включению Предуралья в международную систему торговли эпохи средневековья. Поэтому предки поволжских булгар стремились заселяться вдоль торгового пути недалеко от судоходных рек, в основном на берегах Камы, поскольку территория Западного Урала являлась колонией волжских булгар [4].

Волжские булгары основали свои поселения на берегах судоходных рек, в районе реки Мулянки, недалеко от

берегов Камы, на удобной и равнинной местности. Подчеркивая свою принадлежность к татарскому народу, называли свои поселения мусульманскими этнонимами – Булгары, Верхние, Нижние Муллы, занимали обширную территорию, возделывали землю, занимались сельскохозяйственным производством, скотоводством и охотой. То, что на этих территориях издавна жили народности, принявшие ислам, доказано многочисленными археологическими раскопками [1]. Названия поселений – Верхние, Нижние Муллы подтверждают особое уважение к мусульманской вере, духовному сану мулле, т.е. священнику. Название речки Мулянки тоже происходит от татарского слова *мулла*, речку еще называли Мулавкой, видимо, желая укрепить мусульманскую веру, особо подчеркивая ее превосходство, поскольку до конца XVI в. в 5 км от устья Мулянки параллельно существовало языческое святилище, а ныне известное как Гляденовское костыше. Видимо, со стороны мусульман были попытки повлиять на их культуру и завлечь их в свою религию.

Как известно, территория Пермского края была под влиянием Великой Булгарии, позже под протекторатом Золотой Орды, затем Казанского ханства. Торгово-экономические, миграционные и ассимиляционные процессы не прекращались, что подтверждается булгаро-татарским происхождением названий населенных пунктов и даже районов, например, Ординский.

В первой половине XV в. начинается колонизация Верхнего Прикамья русскими. С северорусских территорий сюда проникает первоначально крестьянское население смешанного славяно-финского происхождения. За крестьянством следуют представители торгово-посадских кругов Новгорода, Устюга и других русских городов, которые занимались не только торговыми операциями с коренным коми-пермяцким населением, но и изучением природных ресурсов края. Особое значение для древнего населения Пермского края имели месторождения медной руды, соляные источники и леса, богатые пушными животными. Из меди делали орудия труда и оружие, пушнина шла на одежду, соль ценилась на вес золота.

Именно торговые люди первыми узнают о соляных богатствах Перми Великой и оперативно, до появления здесь военно-административных центров и монастырей, начинают развивать соляное производство. Для этого, вероятно, они заручались поддержкой местного населения.

Первыми татарами, которых застают русскоязычные источники на месте расселения татар Пермской области, были бии: Урак-бей, Сюндюк-бей. Считается, что старший сын его Урак-бей Маметкулов жил на Верхней Мулянке, а младший, Урак-бей Сюндюк-бей Маметкулов — на Нижней Мулянке. Отец их, Маметкул, был имамом или муллой, откуда и произошло название этих двух речек Мулянок: Верхней и Нижней. Естественно, он проповедовал ислам, и остяки, уже не отличавшиеся друг от друга по своему образу жизни, хозяйственному укладу, возможно, и по языку, и, как свидетельствуют писцовые книги начала XVII в., носили тюркские имена. Более древние, дотюркские названия этих речек не дошли до историков [5, с. 13], [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19].

Топонимические материалы региона также позволяют предположить то, что происходило этническое проникновение населения, связанного с Бул-

гарским государством, на территорию расселения пермских татар. О.Н. Бадер и В.А. Оборин пишут, что половину жителей деревни Черты Очерского района «до сих пор зовут болгарами» [6, 177 с.]. В 30 км от города Перми, недалеко от сел Култаево и Башкултаево, есть деревня Болгары, заселенная сегодня русским населением.

Топонимика южных районов Пермской области (где расселены в настоящее время пермские (гайнинские) татары и ведутся интенсивные исследования их истории) считается в основном пермско-финно-угорской. Например, гидронимы образованы при помощи топониманта *ва*, что в пермских языках означает вода: Сылва, Шаква, Тулва и др. Это позволяет предположить появление булгар, т.е. татарского населения, именно в районе Мулянок раньше, чем в других районах края. Подтверждают это названия рек — Верхняя Мулянка и Нижняя Мулянка, второй компонент которых восходит к перс. мулла — мулла. В другой работе, в которой вышеприведенная легенда отражена несколько подробнее, имеется сообщение о том, что предки муллинских татар пришли из Азии в XIII столетии, покорили племена, живущие по р. Чусовой и другим притокам Камы. Хотя они были под властью «Кипчакских и Казанских царей», однако имели по юртам своих князей; далее в царствование Грозного, по покорении им Казани, они «...вступили в подданство под Российский скипетр с таковым обязательством: платить ясак Российскому Государству, сверх служеб, по одной кунце с семейства или юрты» (Шишонко, с.126–127) [7]. О том, что Сюндюк является исторической личностью, подтверждают и другие источники. Одним из таких является «Житие св. Трифона Вятского», в котором описывается быт муллинских, сылвенских «татар и остяков» середины XVI в. Так, в этом источнике сообщается, что муллинские татары жили смешанно с остяками, их князя звали Зевендук (Сююндюк?) [8, с.15].

Как известно, в 1570-е гг. в эти края приехал Трифон Вятский и жил среди местного населения, о чем было составлено «Житие св. Трифона Вятского» (Труды ПУАК, IX: 65; Дмитриев, 1893: 13-19) [5]. А.А. Дмитриев приводит любопытные данные из этого «Жития» о населении бассейнов речек Мулянок и Сылвы. Так, присылвенские остяки имели князя Амбала, а в бассейне рек Верхних и Нижних Мулянок также жили остяки со своим князем Зевендуком, однако последние, как полагает А.А. Дмитриев, жили совместно, вперемешку с татарами, и татары на Тулве также жили смешавшись с остяками [8, с.14–18]. По мнению А.А. Дмитриева, татары и остяки в XVI в. по своему жизненному укладу, быту и обычаям не отличались друг от друга [10, 11, 12]. Пермские татары первый раз были учтены в 1579 г. писцом И. Яхонтовым, однако его писцовые книги считаются утерянными, до нас дошли лишь некоторые выдержки из них в трудах историков XIX в.

Как считает Д.Б. Рамазанова, по всей вероятности, антропоним Зевендук в источнике отразился в мишарском (или кыпчакском) варианте и восходит к имени Сюндюк <Сююндюк> (отсюда татарская фамилия Сундуков), тат. литер. Сөөндөк восходит к глаголу сөөн, в мишарском диалекте татарского языка севен – радоваться. Эти факты еще раз свидетельствуют о том, что тюркское население исследуемого нами региона весьма древнее [14]. Таким образом, топонимические материалы говорят о том, что предки татар современного Пермского края живут в нынешних местах обитания издавна, т.к. их след утвердился и в гидронимической системе, топонимах, в названиях деревень региона и т.д. [14]. Поэтому спорным вопросом остается утверждение Чагина: «Основой формирования группы явились башкиры-гайнинцы, переселившиеся на р. Мулянка с р. Тулва и образовавшие отдельные территориальные образования МУП ГЭЙНЭ. Во

второй половине XIX в. жители этих башкирских деревень считали себя уже татарами» [2, с.238].

Согласно исследованиям Д.Б. Рамазановой, по образу жизни, языку и происхождению предки жителей деревень нынешнего Пермского, Бардымского, Ордынского, Чернушинского, Уинского, Кунгурского, Октябрьского районов Пермского края (подразделяемых Д.И.Исхаковым на «гайнинских башкир» и пермских татар) были едины [20].

В пользу того, что в формировании говора пермских татар решающую роль сыграл поволжско-тюркский компонент болгарского периода, говорит и его близость к среднему диалекту, хотя они развивались изолированно, в иноязычном окружении, отделившись от основной массы татар (Махмутова, 1962 а: 223) [14].

Как утверждает Д.Б. Рамазанова, приведенные данные по языку, топонимии, археологии и истории [14] ярко свидетельствуют о том, что в формировании говора пермских татар решающую роль сыграло участие поволжско-тюркского компонента раннего периода: *болгарского или близкого к болгарскому*. Население Приуралья уже с XIII в. (может быть, и раньше: Закиев, 1986: 54–60) имело этническую связь с тюркским населением Среднего Поволжья. Тот факт, что предки пермских татар свое происхождение связывают с Булгарским государством, дает основание полагать о переселении их в указанный период [14].

Этнические связи между населением Среднего Поволжья и Приуралья продолжали еще более углубленно развиваться в последующие эпохи, особенно после падения Казанского ханства (Татары, 1967:38–44; История, 1968: 69,76; Бахрушин, 1955: 93–95; Шишонко, 1, 1881: 167; История, 1937: 213–219, 244, 312– 313 и др.). Происходит переселение в Приуралье татар, не желавших креститься. Возможно, среди них были и крещеные. Об этом говорит наличие

русских имен или фамилий среди татар в писцовых книгах: Сылгазейко Бочкарев, Васко, Козайко Иванов, Иванайко Давлеткилдеев, Пахомов и др. (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 241–354; Кунгурские, 1888) [14].

По языковым особенностям нельзя не отметить сходство по некоторым явлениям муллинского подговора с нукратским говором и т.д. Результаты исследований дают полное основание полагать и то, что определенные районы обитания пермских татар являлись объектом колонизации со стороны выходцев-татар из различных областей. Кроме того, татары, живущие в разных районах Пермского края, общались, видимо, с татарами определенных областей. Такие экстралингвистические факторы также сыграли определенную роль в сложении пермских татар как своеобразной этнографической группы татарского народа и привели к появлению в их говоре локальных черт [13].

Процесс формирования пермских татар шел в относительной изоляции, в отрыве от основной массы татар в территориальном отношении. Однако между пермскими татарами и татарами Среднего Поволжья существовали различные тесные культурно-экономические контакты: имелись торговые связи, в медресе преподавали выходцы из Заказанья и т.д. В советский период эти связи также не прекращались, они шли, прежде всего, через школы и печать. Тем самым основы общности пермских татар с поволжскими татарами, заложенные издревле, продолжали углубляться и развиваться и в дальнейшем: в болгарский период, после падения Казанского ханства и по настоящее время [13].

Как было сказано ранее, муллинские татары жили в окружении остяков и коми-пермяков недалеко от языческого святилища, известного Гляденовского костыша, где их в свое время застал Трифон Вятский, что повлияло, видимо, на их говор, обусловив некоторые особенности языка, который отличает-

ся от гайнинского, муллинского подговоров, замеченных Д.Б. Рамазановой. Бросается в глаза единство мнений авторов относительно этнической принадлежности пермских татар: их происхождение связывают с казанскими татарами (поволжскими булгарами).

Таковы наиболее значительные письменные источники, содержащие сведения о предках пермских татар, их быте, культуре и т.д.

А кто же из их предков оказался раньше всех на пермской земле? Во-первых, как показывает приведенный краткий обзор имеющихся в распоряжении исследователей источников, существуют различные мнения не только о времени появления предков пермских татар в данном регионе, но также и об их этнической принадлежности. Во-вторых, письменные источники наглядно демонстрируют то, что термин *остяк* постепенно выходит из употребления по отношению к предкам пермских татар [14].

Исследователь Д.М. Исхаков считает: «Судя по источникам и исследованиям ученых, на рубеже XII–XIII вв. в бассейне рек Танып, Мулянки переселилось племя, или группа знатного сословия Тархан, сыгравшее решающую роль в формировании пермского говора как татарского» [21, с.27].

Это утверждение одновременно позволяет предположить, что муллинские татары являются предками древних булгар, что они раньше всех группировок татар и башкир переселились в эту местность и распространили свою культуру в Тулвинском поречье, либо имели с ними дальнюю связь.

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении муллинских татар, их принадлежности к татарской и башкирской нации, а также о происхождении известного рудопромышленника Исмагила Тасимова, жителя деревни Кояново.

Именно поэтому ученые-ориенталисты, которые лично посетили муллинских татар, вынуждены были от-

метить разницу: кем они считаются по документам и кем они являются в действительности. Так, П.И. Мельников посетил дер. Кояново Пермского уезда (ныне Пермский район Пермского края), написал статью «Поездка в Кунгур» и называет жителей этой деревни татарами (Мельников, 1841: 264). Н.К.Чупин жителей деревень Култаево и Кояново считает совершенно отатарившимися башкирами, указывая, что они давно уже нисколько не отличаются от ближних татар ни наречием, ни образом жизни, и русские называют их этим последним именем (Чупин, I: 524; II: 112), т.е. татарами [15, 16]. Это подтверждают в своих исследованиях Ж.Рахимов, И.Рахимов [17] и Д.Б. Рамазанова [13, 14], которые обстоятельно изучив этот вопрос, доказали в своих трудах их принадлежность к татарской нации.

Муллинских татар, которые в середине XVII в. хотя и считались башкирами Гайнинских волостей, ученые в своих книгах до революции называли «татарами» («Собранные и опубликованные исторические акты археологической комиссии (СПб, 1841, Т3)») [17, с.41].

Пермский ученый Н.К. Чупин в своем справочнике об истории Пермской губернии (с. 208–212) подробно пишет, что деревни Кояново, Култаево не на «башкирской земле», а «в Кунгурской волости». Известно, что после присоединения к Русскому государству муллинские и кунгурские татары платили налоги городу Чердынь, а башкиры – Казанской губернии. (Землевладение башкир и башкирской грамоты в Пермской губернии. Труды ПУАК. Пермь, 1893, с. 80–87). Дополнительно муллинцы, как и кунгурские татары, платили дань отдельно от гайнинских башкир (В. Шишонко. Пермские летописи. Пермь, 1882) [7].

По воспоминаниям из разных исторических книг, муллинцы рассказывали, что их предки – татары. Многие ученые прошлых веков писали о раз-

личиях языка, культуры муллинцев и башкир. Башкиры-тептяри – сословие «башкирских припущенников», «тептеры», «башкиры-вотчинники», «татары-башкиры», «помещичьи», крестьяне.

Башкиры добровольно присоединились к Русскому государству, а с Казанским ханством были конфликты. При царе башкирам были предоставлены преимущества (больше давали земли, меньше подати, налогов), поэтому татары стали называть себя «башкирами», башкирами-вотчинниками, башкирами-припущенниками. Перепись населения 1926 г. показала совсем другие результаты. В 1926 г. в Бардымском районе башкир вообще не было, татары и русские, 4 эстонца, а в 1958 г. – 85% башкир.

По данным исследователей Ж. и Н. Рахимовых, многие ученые прошлого века писали об отличии языка и культуры муллинских татар и башкир. Интересно, что в 1926 г., согласно переписи, из 3371 жителя деревни Кояново 968 назвались татарами, а согласно переписи 1970, 1979 гг., все жители этих деревень – татары (Историческая этнография татарского народа, Казань, 1990) [17, с.41].

Данные переписи 1905 г. показывают: из 148089 татар и башкир было 44324 татарина, 103765 башкир, а в 1926 г., согласно переписи, стало 93787 татар, только 268 человек назвали себя башкирами. В материалах первой ревизии (1719–1727 гг.) и второй (1744–1747 гг.) во второй части списка (на стр. 840–844 есть сведения о деревне Куяново) служивых мишар и татар, плативших казне налоги 70 коп.: деревня Кояново – 15 домов, 64 жителя (мужчины и женщины) – «служивые мишары», первым записан Асан Кулаев (данные 1747 г.) [17, с.41]. Деревня Кояново – татарская деревня, где жили Тасимовы, служивые мишари [17].

То, что жители деревни Кояново – татары, также подтверждается в книге генерал-лейтенанта Георгия Вильгельма де Геннина «Описание Ураль-

ских и Сибирских заводов» (стр. 572, 568), книга написана в 1735 г., опубликована в 1935 г. [17].

Почему вдруг татарин стал башкиром?

По историческим данным XVII – XIX вв. в Оренбургской губернии человека, имеющего землю, звали башкиром, слово «башкир» означает не нацию, а сословие: тархан, помещик, тептер, ясачный татарин.

В царское время татар, живущих на Урале, записывали башкирами (поскольку было сословие башкир) и им давали землю. Татарам это было выгодно [17]. Имеются сведения, что пермские татары муллинской группы жили в деревнях Куен, Култаево. В начале XX в. их было 3,3 тыс. (Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990, с.9). По рассказам учителей деревни Култаево [18], их предки поселились в этих краях по рекам Волга и Кама, а когда началось притеснение, с русскими поднялись по реке Мулянке. Обосновали деревни Кояново и Култаево. А после взятия Казани, боясь притеснения и крещения, начали называть себя башкирами.

Прадеды татар и башкир Пермского края, как утверждают сегодня, – это гайнинские башкиры и татары. Проживание гайнинцев в районе р. Тулва установлено документально в 1596 г. [7, с.470]. Однако точного времени заселения их в Прикамье не установлено. Проведенные исследования подтверждают и, согласно многочисленным источникам, позволяют предположить, что предками муллинских татар были болгары, которые распространили свою культуру среди соседних народов, живущих в Прикамье, и ассимилировались с ними. Предположительное время их заселения в Пермском крае, по

археологическим данным, – X–XI вв. нашей эры. На это также указывают мусульманские захоронения в Рождественском, Анюшкорском (Кыласово) могильниках, расположенных не так уж далеко от территорий, которые занимали муллинские татары. Кроме того, в «Житие св. Трифона Вятского» – ценном источнике по истории Пермского края XVI в. – рассказывается о «муллинских остяках». Согласно преданиям конца XVIII в., «они более 500 лет жили в бассейне речек Мулянок» [7, с.128], т.е. значительно раньше, чем гайнинцы.

*Полученные данные позволяют предположить, что прадедами пермских татар являются муллинские татары, предки которых – поволжские болгары – передали свою культуру гайнинцам и другим татарам Прикамья.*

Этнические, культурные, хозяйственные связи никогда не прекращались, а наоборот, только развивались во времена Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие годы.

Муллинские татары имеют очень много общего с казанскими татарами по языку, обычаям и обрядам, по хозяйственному укладу.

В силу уже перечисленных причин во время русской колонизации муллинские татары были вынуждены называть себя башкирами, поскольку им это было выгодно. Сегодня историю татарского и башкирского народов нежелательно рассматривать по отдельности, они имеют общие корни – жили на одной территории, говорили на родственных языках, имели схожие культурные традиции, были соратниками в бою, оказывая братскую помощь друг другу в трудные времена, и продолжают жить совместно и дружно, как один народ, понимая друг друга без переводчика.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Закиров Д.Г.* Татары и башкиры Перми (об историческом вкладе татар и башкир Перми в становление и развитие города): Историко-публицистическое и научное издание. – Пермь: ОАО «ИПК Звезда», 2008. – 496 с.

<sup>2</sup> *Чагин Г.Н., Черных А.В.* Народы Прикамья. – Пермь, 2002. – 301 с.

<sup>3</sup> Страницы истории земли Пермской в двух частях. – Пермь: Книжный мир, 1997. – 334 с.

<sup>4</sup> *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т.1. М., 1967. – С. 27–28.

<sup>5</sup> *Дмитриев А.А.* Труды ПУАК, IX: 65, 1893.

<sup>6</sup> *Оборин В.А.* Древние поселения на территории Перми и ее окрестностей. 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми», Перм. кн. изд-во, 1973. – 283 с.

<sup>7</sup> *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Второй период. – Пермь, 1892.

<sup>8</sup> *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 г. – Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889.

<sup>9</sup> Труды Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК). – Пермь, 1893.

<sup>10</sup> *Дмитриев А.А.* Пермская старина. – Вып. 4. – Приложение. – Пермь, 1892. – С.106–109.

<sup>11</sup> *Дмитриев А.А.* Исторический очерк Пермского края. – Пермь, 1896. – 48 с.

<sup>12</sup> *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 г. – Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889.

<sup>13</sup> *Рамазанова Д.Б.* К вопросу о роли поволжско-тюркского компонента в формировании приуральских говоров среднего диалекта татарского языка. – Казань, 1996.

<sup>14</sup> *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар. – Казань, 1996.

<sup>15</sup> *Чупин Н.К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии (т.1 – Пермь, 1873). Список населенных мест Пермской губернии Шадринского уезда.

<sup>16</sup> *Чупин Н.К.* Географический статистический словарь Пермской губернии. – Пермь, 1876.

<sup>17</sup> *Рахимов Ж., Рахимов Н.* Мәгдәниче Тасимовлар // Татарстан. – 1992. – № 7–8, 9–10.

<sup>18</sup> Пермские татары. Казань, 1983. – 59 с.

<sup>19</sup> *Аверина Н.* Веселый городок Егошиха. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 2005. – 317 с.

<sup>20</sup> *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань, 1993.

<sup>21</sup> Татарская нация: История и современность (научный руководитель и составитель Д.М. Исхаков). – Казань: Изд-во «Магариф», 2002. – 222 с.

## Аннотация

В статье проведено историческое исследование вопросов происхождения муллинских татар Пермского края, времени и места их заселения на пермской земле.

Полученные данные позволяют предположить, что предшественниками пермских татар являются муллинские татары, предки которых – поволжские булгары – поселились на пермской земле в X–XI вв. и распространили свою культуру на гайнинских татар и другие народы Прикамья.

Этнические, культурные, хозяйственные связи поволжских булгар никогда не прекращались, а наоборот, только развивались во времена Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие годы.

Муллинские татары имеют очень много общего с казанскими татарами по языку, обычаям, обрядам и по хозяйственному укладу.

Во время русской колонизации муллинские татары были вынуждены называть себя башкирами, поскольку им это было выгодно.

**Ключевые слова:** муллинские татары, Пермский край, поволжские булгары, культура, обычаи, обряды, хозяйственный уклад, гайнинские татары, русская колонизация, башкиры.

### Summary

The article carries out the historical research concerning the origin of the Mullin Tatars of the Permian region, the time and place of their settling in this land.

The received data let us suppose that the forefathers of the Permian Tatars were the Mullin Tatars, the ancestors of which were the Volga Bulgars who settled there in X-XI centuries and spread their culture to the Gaininski Tatars and other peoples of the Middle Kama region.

The ethnic, cultural, economic ties of the Volga Bulgars never ceased, on the contrary, they developed in the time of the Golden Horde, Kazan Khanate and in succeeding years.

The Mullin Tatars have much in common with the Kazan Tatars in customs and traditions, economic structure, linguistics, etc.

However, during the Russian colonization The Mullin Tatars had to call themselves the Bashkirs as it was favorable for them.

УДК 908

## НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГОРОДА ПЕРМИ. ОПЫТ НАШИХ ПРЕДКОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ НАРОДА В НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

*Д. Закиров, доктор технических наук, краевед,  
член Союза журналистов РФ*

Наш многонациональный город Пермь, где живут в дружбе и во взаимопонимании более 100 народностей, отметил 285-летие.

Над историей города сейчас работают много историков-исследователей научных организаций, ряд многочисленных кафедр высших учебных заведений, краеведы и публицисты.

Татары и башкиры, коренные жители края, по численности занимают в крае и Перми второе место после русских. Велика роль татар и башкир в становлении и развитии города совместно с представителями других народов, живущих в городе, которое еще недостаточно изучены историками и краеведами.

Нами проведены исторические исследования и выявлены многочисленные факты, которые почему-то до сих пор не были освещены в исторической литературе и публикациях краеведов. Они касаются предпринимательской, просветительской и благотворительной деятельности татар и башкир города Перми в XIX и начале XX в.

«На том месте, где расположена современная Пермь, в прошлом господствовали леса, в которых было в изобилии зверей и дичи, а реки были полны рыбы. Поселения человека встречались преимущественно в северо-восточной части современного города, точнее, у устья реки Чусовой, а затем, в более позднюю эпоху, стала заселяться юго-западная часть города населением, пришедшим из районов Камской Булгарии» [1].

«После покорения Иваном Грозным Казани жившие при устье реки Муллы муллинские татары-башкиры, увидев силу русских, подчинились ей и платили на каждого человека одну беличью шкурку» [1].

Перейдя «в подданство под Российский скипетр», татарское население взяло на себя определенные обязательства и получило некоторые гарантии, в частности, «теми их землями повелено владеть им по-прежнему»; татары и башкиры получили царскую грамоту на пользование своей землей [1].

Как известно, история нашего города связана с созданием Егошихинского завода. По описанию самого его основателя Г.В. Геннина, потребности в руде Егошихинского, а затем Мотовилихинского заводов обеспечивали Тасим Маметов из татарской деревни Кояново, владевший рудниками, затем его сын Исмагил Тасимов. У них была самая качественная руда. Тасим Маметов был на приеме у царя Петра I, его сын Исмагил, продолжая дело своего отца, — у императрицы Екатерины II. Предлагал на свои деньги создать подобие кадетского корпуса для подготовки сведущих в горном деле руководителей, т.е. выделять средства на содержание предполагаемой школы, жертвовать по полуполушке с пуда добываемой им руды, что составляло около 2250 руб. в год. Впоследствии на деньги Исмагила Тасимова был открыт Санкт-Петербургский горный институт [2].

Прославил наш город князь Дмитрий Петрович Максutow – хозяин Русской Америки – главный правитель Российских колоний в Америке [3].

Развивалось предпринимательство. «Фирма «Тимкин с сыновьями», известная в Перми с 1865 г., имела магазины на Черном рынке в Перми и на Полазненском заводе. Вела торговлю суконными, шелковыми, шерстяными, бумажными товарами, ватой и пряжей. Его квартира располагалась на углу ул. Торговой и Долматовской. Двухэтажный дом с высоким каменным нижним этажом и деревянным верхним, красиво отделанным дранкой, расположенный по Торговой, 38, был построен примерно в конце XIX в.

Мануфактурный магазин Хавы Багаудиновны Тимкиной. Торговля осуществлялась с 1865 г. Торговали суконными, шелковыми, шерстяными, бумажными товарами, шерстью, ватой и пряжей. В документе есть примечание: по пятницам по случаю молитвы магазин закрывался с 11 до 13 ч. дня.

Известен купец Биктагиров Мухамед Нахибович. Фирма существовала с 1881 г., занималась торговлей свежими и сухими фруктами, бакалейными, колониальными, парфюмерными товарами, съестными припасами и табачными изделиями, парниковыми огурцами и сливочным маслом из своего имения Оханского уезда Пермской губернии. Магазины располагались в г. Перми по ул. Торговой, Красноуфимской, на углу ул. Покровской и Кунгурской [8].

В 1897 г. в Перми у мусульман был единственный молельный дом в здании одного из купцов. В это время, по статистическим данным, в городе проживало более 650 человек мусульманской веры. К началу XX в. их число увеличилось. Среди мусульман было немало богатых купцов: братья Агафуровы, Тимкины, Ибатуллины [5, с.76].

Братья Агафуровы – Гумер, Абзаметдин, Абдальдин – были очень богатыми и известными в России купцами, которые много жертвовали на благотворительность. В 1898 г. торговый дом «Бра-

тья Агафуровы» имел оптовые склады и магазины в Екатеринбурге, Перми, на Ирбитской ярмарке, их фирмы были в Тюмени, Варшаве, Москве и в других городах [8].

Очень состоятельным купцом был Зиганша Ибатуллин: торговал мануфактурными, галантерейными товарами и офицерскими вещами. Он не раз избирался членом городской думы и состоял членом многих обществ. Кроме домов на Осинской улице, у Ибатуллина было еще здание на Покровской (Ленина), 87. Во всех его домах находили приют служители мечети и мусульманских обществ. Рядом с мечетью по Осинскому проулку стоят два двухэтажных полукаменных дома № 7 и № 9, также принадлежавших купцу Зиганше Ибатуллину, в которых действовало мусульманское благотворительное и просветительское общество города Перми, где хозяин был председателем; при обществе имелась переплетно-футлярная учебная мастерская для детей бедных мусульман [11]. В том же доме, при библиотеке Д. Смышляева, в 1908 г. была открыта мусульманская библиотека [9].

Согласно журналу Пермской городской думы за 1901 г., крестьянам Роману Денисовичу Юрпалову и Ахматсафу Гадальшину Хасанову разрешено открыть в 1901 г. постоялые дворы: первому во 2-й части г. Перми по Ирбитской (ныне ул. А. Матросова) улице, в собственном доме, и второму – по Екатерининской улице в доме Винокурова (Основание: ГАПО.Ф. печ. изд. Инв. № 22032. Стр.78). В том же издании за 1907 г. указывается, что г-ну Бикмухаметову были сданы в аренду городские торговые помещения – лавки в корпусе №16 на Черном рынке за 900 руб. в год на 3 года «при условии переделки лавки, по указанию Управы, собственным его счетом с тем, что все устройства, по возведении их, поступают в пользу города бесплатно» [5].

Ряд интересных рекламных материалов опубликован в ежегодных справочниках по Пермской губернии. По данным генеральной проверки торговых

предприятий и личных промысловых занятий, в г. Перми на Сенном рынке за 1907 г. содержат 28 предприятий, принадлежавших татарам и башкирам.

В конце XIX и в начале XX в. стали появляться богатые купцы. Количество татар и башкир, проживающих в городе, выросло. Наблюдалось этническое самосознание народа, тяга к знанию и образованию. Усилилась потребность в образованных и грамотных национальных кадрах.

В 1901 г. на деньги богатых купцов было начато, а в 1903 г. закончено строительство мечети, которое велось по проекту архитектора А.И. Ожегова.

В справочной книге «Вся Пермь» за 1911 г. на с.120–122 [15] представлены промышленные и торговые предприятия г. Перми, из которых 65 торговых и промышленных предприятий принадлежали татарам и башкирам.

Мусульмане стали открывать свои общества и библиотеки. «Пермские губернские ведомости» в 1908 г. сообщали, что «в доме Звездакова на Осинской, 10а открыто культурно-экономическое и благотворительное общество мусульман города Перми и уезда «Джамгяйтихайрия». Председатель общества – Гайнуллин» [9].

Общество содействовало решению культурных и экономических проблем среди мусульманского населения города, занимаясь также благотворительной деятельностью. Одной из своих задач общество ставило подготовку грамотных служащих из татар. Выявляли способных людей и поддерживали их в дальнейшем. Общество помогало татарам и башкирам получить хорошее образование. Например, руководители общества, узнав об одаренности шакирда Хусаина Мавлютова, будущего крупного революционного деятеля, отдали его учиться в городскую русскую школу, затем в 1911 г. он был послан в казанскую русско-татарскую учительскую школу. Ежемесячно он получал от общества «Джамгяйтихайрия» пятирублевую стипендию [6].

Среди мусульман были образованные люди и ученые, занимающиеся

научными исследованиями. В 1910 г. пермский имам Латфулла Байчурин издает книгу «Дэлиил икътикадия» [9, с.87].

Появляется интерес к сценической культуре, первым себя проявил в этой области Локман Аитов.

С ростом состоятельности татарских и башкирских купцов появляется интерес к знаниям, осознается необходимость благотворительности и возникает желание помочь своим сородичам. Инициаторами создания обществ благотворительности всегда выступали члены городской думы – купец Зиганша Ибатуллин, купцы Тимкины и др.

В 1909 г. на втором этаже дома № 62 по Торговой улице были открыты двухклассное мужское училище и бесплатные вечерние курсы для мужчин от 16 лет и старше. На углу ул. Пермская (Кирова), 74 и Оханская (Газеты «Звезда»), 21 располагалась Интернациональная гимназия (частная женская гимназия Зиновьевой) [37, с.116]. В гимназии преподавали замечательные люди. Наряду с начальным образованием воспитанницы приобретали навыки различных швейных и рукодельных работ, рисования и чистописания. Учились в гимназии дочь башкирского купца Фатиха Тимкина, дочь татарского купца Мкрязия Агафурова, Рива Ширман – еврейка, Ксана Порядня – украинка, Вера Верхованцева – дочь русского купца. Сейчас это здание занято Крайкомпрофсоюза работников культуры и образования [5, с.466–467].

До революции в городе Перми было около десятка татарских школ-медресе, где обучение проходило на татарском, арабском, русском языках.

Кроме того, общественными деятелями уделяется большое внимание не только благотворительному, но и экономическому, культурному развитию, создается культурно-экономическое общество мусульман [15, с.3–5].

Интересный материал – обоснование необходимости социальной помощи мусульманскому населению – представлен ниже [15, с.3–5].

«Последние годы XIX века, как известно, были весьма неблагоприятны в экономическом отношении для трудящегося населения вообще, для мусульманского же в особенности. Среди последнего, благодаря слабой его приспособленности и весьма низкому уровню развития, стало распространяться нищенство. Это обстоятельство и побудило более чуткую часть мусульманского прогрессивного общества прийти на помощь населению, не имеющему ни средств и ни общественной инициативы. Помощь населению, по мнению общества, должна выразиться, главным образом, в распространении знаний как общеобразовательных, так и профессиональных».

В силу этого инициаторы общества в 1908 г. представили администрации устав общества, который и был утвержден 7 июня 1908 г. По утверждению устава было избрано правление, которое, прежде всего, взялось за организацию ремесленной учебно-показательной школы. 6 января 1909 г. была, наконец, открыта по столярному делу ремесленная школа в деревне Кояново Пермского уезда, в 25 верстах от города, в помещении бывшего этапного здания, пожертвованного Пермским уездным земством под ремесленную школу Пермского мусульманского культурно-экономического и благотворительного общества, средствами и частью помощью земства:

*Особенно помощь земства дала возможность поставить дело на прочную основу. В дальнейшем, с осени 1911 г., предполагалось ввести корзиночное ремесло, отсутствующее здесь около Перми. Это ремесло будет выгодно как для школы, так и для обучающихся. Корзиночным ремеслом, как известно, в Вятской губернии занимаются целые деревни, поэтому и здесь это занятие со временем может стать особенно выгодным [4, 15].*

В списке учеников ремесленной школы представлены два представителя из деревни Кояново, родственники известного коммерсанта и мецената нашего времени Андрея Равелевича Кузьева: Кузьев Мулахмет, Кузьев Фасахутдин — возраст 14 лет, время поступления Мулахмета 1 октября 1910 г., год учения один, Фасахутдина — 1 января 1910 г., 2 года обучения [Дело 6287, лист 10–13,5] [4].

Список членов общества значительный, объединяет за 1910 г. 165 человек. В архивных материалах [Дело 6287, лист 18–21,5] представлены получаемые мусульманским обществом газеты и журналы за 1910 г. 13 наименований газет из Турции, Китая, Петербурга, Казани, Астрахани, Оренбурга, Бахчисарая и «Пермские губернские вести». 9 наименований журналов из Турции, Тифлиса, Парижа, Оренбурга, Уфы, Казани и Самары, «Пермская Земская неделя».

Общество работало постоянно и динамично, изменения в составе в течение 5 лет не наблюдались.

Более обстоятельно и подробно материал о результатах исторических исследований представлен в вышедшей в ИПК «Звезда» книге «Татары и башкиры Перми» (об историческом вкладе татар и башкир Перми в становление и развитие города). Автор — Данир Закиров [14].

К сожалению, в сегодняшней городской думе представителей из татар и башкир — единицы, хотя за эти годы количество жителей этих национальностей увеличилось более чем в 15 раз. В кризис, который наблюдается сегодня, актуальным становится опыт наших предков. Наши новоявленные купцы не так близки к своему народу и такого великодушия, как наши предки, не проявляют.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Аверина Н. Веселый городок Егошиха. — Пермь: Перм. кн. изд-во, 2005. — 317 с.

<sup>2</sup> Рахимов Ж., Рахимов Н. Мәгдәнничә Тасимовлар // Татарстан. — 1992. — № 7–8, 9–10.

<sup>3</sup> Рокот В. Князь Русской Америки Д.П. Максutow. — М.: ЗАО «Центр-полиграф», 2007. — 351 с.

<sup>4</sup> Архивная справка ГОУ «Государственный архив Пермской области», фонд печатное издание. Дело 6287, лист 3–5, лист 6–9, лист 10–13, лист 14–17, лист 18–21.

<sup>5</sup> *Спешилова Е.* Старая Пермь: дома, улицы, люди. 1723–1917. – Пермь: Изд-во «Курсив», 1999. – 580 с.

<sup>6</sup> *Исхаков В.А.* Хусаин Мавлютов. – Пермь, 1961. – 36 с.

<sup>7</sup> Архивная справка ГОУ «Государственный архив Пермской области», фонд печатное издание. Дело 6287, лист 3–5.

<sup>8</sup> Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми // Пермь, 1989. – С. 6–8, 42, 72, 75/ГАПО. Ф. печ.изд. №891.

<sup>9</sup> Справочная книга «Вся Пермь» на 1911 г.

<sup>10</sup> Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917 гг.

<sup>11</sup> Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии, 1912–1916. Издание Пермского статистического комитета.

<sup>12</sup> Архивная справка № 145 от 21.03.2008 ГОУ «Государственный архив Пермской области».

<sup>13</sup> Верхние Муллы // Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т.1. – Пермь, 1873. – С.262. Историческая справка.

<sup>14</sup> *Закиров Д.Г.* Татары и башкиры Перми (об историческом вкладе татар и башкир Перми в становление и развитие города): Историко-публицистическое и научное издание. Пермь: ОАО «ИПК Звезда», 2008. – 496 с.

<sup>15</sup> Вся Пермь на 1911 г. Издание Мацкевича. – Пермь: Типография В.А. Чердынцевой, 1911. – 159 с.

<sup>16</sup> Страницы истории земли Пермской в 2-х ч. – Пермь: Книжный мир, 1997. – 334 с.

<sup>17</sup> Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – 210 с.

<sup>18</sup> Труды Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК). – Пермь, 1893.

<sup>19</sup> *Шушилов Е.Н.* Из истории ранней русской колонизации Западного Урала в XV–XVIII веках. Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1955. – 211 с.

#### Аннотация

В статье представлены результаты научных исследований становления и развития мусульманского общества (татар и башкир) в XVIII – XX в., вклада татар и башкир в развитие инфраструктуры города Перми, образованию, просветительству, торговле, благотворительной и предпринимательской деятельности. Деятельность культурно-экономического и благотворительного общества мусульман города Перми и уезда.

Приведены сведения о выдающихся личностях города: горнопромышленнике, меценате, основателе Санкт-Петербургского института Исмагиле Тасимове, хозяине Русской Америки – князе Дмитрие Петровиче Масгутове; предпринимателях – купцах братьях Агафуровых, Зиганше Ибатуллине, Тимкиных и др.

**Ключевые слова:** мусульманское общество, татары и башкиры, город Пермь, культурно-экономическое, благотворительное общество, образование, просветительство, культура, торговля, предпринимательская деятельность, выдающиеся личности.

#### Summary

The article presents the results of the scientific researches of the formation and development of the Moslem society (the Tatars and Bashkirs) in XVIII-XX centuries, contribution of the Tatars and Bashkirs to the development of the infrastructure of Perm, education, trade, charitable and entrepreneurial activities. The activity of cultural, economical and charitable society of the Moslems of Perm and the district.

There is also some information about such outstanding people of the city as the miner, patron and founder of St.Petersburg Institution Ismagil Tasimov, the owner of Russian America prince Dmitry Petrovich Masgutov and such businessmen as the Agafurovs, Ziganshi Ibatullin, the Timkins and others.

УДК 21.009:322

**ФОРМЫ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ ГОСУДАРСТВА  
И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ИСЛАМИЗАЦИЕЙ  
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМСКОГО РЕГИОНА  
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**  
(по материалам Казанской, Симбирской и Вятской губерний)

*Р.Р. Исхаков, кандидат исторических наук,  
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

В пореформенный период ислам и зарождающийся мусульманский национализм превратились в основных оппонентов государства и церкви в проведении курса по конфессиональной унификации коренных народов Поволжско-Уральского региона<sup>1</sup>. В это время отмечается дальнейшее осложнение отношений между православием и исламом, вызванное усилением позиций мусульманства, территориальным расширением границ его влияния. Это не могло не вызывать обеспокоенности в церковных и правительственных кругах, побуждать церковно-самодержавную власть перейти от политики терпимости к активной борьбе с исламом. Основным форпостом противодействия исламскому влиянию становится Волго-Камский регион, где отмечается дальнейший рост исламизации «номинальных» христиан.

С середины 1860-х гг. движение за возвращение в ислам среди «новокрещеных» татар<sup>2</sup> становится не просто массовым, а, по сути, всеобщим и необратимым процессом. Значительные изменения в жизни татар, вызванные модернизацией страны в пореформенный период, усиление национального самосознания и формирование единой, этноконфессиональной общности привели к росту консолидационных процессов внутри татарского общества.

Важнейшим фактором интеграции и включения в единое татарское культурно-национальное поле становится принадлежность к мусульманской конфессии, что ставило перед крещеными татарами вопрос о четком определении своей религиозной идентичности. Именно национальный фактор стал играть все большую роль в конфессиональной идентификации крещеных татар, а желание исповедовать ислам связывается с желанием стать «полноценными татарами». Таким образом, имеет смысл рассматривать данные «отпадения» не только как движение крещеных татар за восстановление своей религиозной, но и национальной идентичности.

В начале 1865 г. среди крещеных татар начинают муссироваться слухи о вышедшем царском указе, в котором якобы разрешалось крещеным исповедовать ислам, что вызвало среди них сильное брожение, а вскоре и открытое движение за возвращение в ислам<sup>3</sup>. Тетюшский уездный исправник в своем рапорте от 22 декабря 1865 г. отмечал, что проживающие в данном уезде крещеные татары «в количестве 2509 мужского и 2594 женского пола в настоящее время почти все... хотят оставить православие, желают присоединиться к магометанству»<sup>4</sup>.

В 1866 г. движение охватывает Чебоксарский, Цивильский, Свияжский,

Царевококшайский, Казанский, Мамадышский уезды Казанской губернии (125 селений)<sup>5</sup>, Симбирский и Буинский уезды Симбирской губернии (35 селений, включая г. Буинск)<sup>6</sup>, Елабужский и Малмыжский уезды Вятской губернии (дер. Кырындали, Турдали, Хороший Ключ, Бетсемес, Мукмур, Сукман, Кадрали, Тайма, Ярмурзино, Починок Березовская, Нижние Шуни, Салаус, Куштабаш)<sup>7</sup>.

Наиболее массовый характер движение приобрело в Казанской губернии, в которой, по официальным данным, количество «отпавших» достигает цифры в 9000 человек<sup>8</sup>. Только в Казанском уезде из всех крещено-татарских приходов, в которых до «отпадения» насчитывалось 2500 «номинальных» христиан, верным церкви остался лишь один приход<sup>9</sup>.

Отправив прошение о разрешении исповедовать ислам и заявив об этом местной администрации, «неофициальные» мусульмане отказывались исполнять православные обряды, называть свои русские имена, выплачивать церковные сборы, хоронить умерших по православному обряду, принимать христианскую присягу, носить нательные кресты и др.<sup>10</sup> Не желая признавать себя даже номинально христианами, «отпавшие» перестали принимать у себя священнослужителей, слушать их увещания. Как отмечалось в отчетах миссионеров, «хотя все они поручены надзору и увещаниям приходских священников, но не подчиняются этим увещаниям, и даже не слушают их. Не имея права открыто исповедовать мухаммеданство, они тем с большею ревностью исполняют втайне мухаммеданские обряды и живут совершенно по-мухаммедански»<sup>11</sup>. Любые попытки со стороны местных властей вернуть татар в православие наталкивались на их ожесточенное сопротивление, доходившее до открытых выступлений<sup>12</sup>. Довольно красочной иллюстрацией упорства «неофициальных» мусульман в отстаивании своего права исповедовать ислам являются их ответы на требования администрации и право-

славного духовенства вернуться в лоно православной церкви. Так, жители деревни Кибяк-Кози Лаишевского уезда Казанской губернии на все угрозы и увещания со стороны местного пристава заявили: «Если будут в нас из ружья стрелять, тогда мы умрем скоро и на нас никакого греха не будет. Если придет в нашу деревню обжорная команда, т.е. начальство с казаками, то поедят только нашу скотину и опять уберутся в свое место. Если нас переселят к русским, то и там все равно жить. Если посадят в каземат, так же можно жить на готовом хлебе»<sup>13</sup>.

Наряду с «новокрещеными» в движении 1860–1870-х гг. активное участие принимали «старокрещеные» татары<sup>14</sup>. В 1866 г. в ислам «уклоняются» «старокрещеные» татары деревень Кибяк-Кози Лаишевского уезда, Елышево Мамадышского уезда Казанской губернии<sup>15</sup>, Сорока-Сайдак, Нижний Чепкас, Утево, Ишмурзино, Большие Аксы Буинского уезда Симбирской губернии<sup>16</sup>. Еще большее количество случаев «отпадения» «старокрещен» отмечается во время движения 1870–1872 гг., охватившего Казанский, Мамадышский, Лаишевский уезды Казанской, Елабужский и Малмыжский уезды Вятской, Бугульминский и Симбирский уезды Симбирской губерний<sup>17</sup>. Прощения о признании их мусульманами подали «старокрещеные» деревень Верхние Билятлы, Яныли, Отары<sup>18</sup>, Янасал<sup>19</sup>, Живут себе Усадом<sup>20</sup>, Шеморданы<sup>21</sup>, Три сосны, Большие и Малые Савруши, Сытлыган Ключ, Сосновый ключ<sup>22</sup> Мамадышского уезда, Верхний и Нижний Азяк Казанского уезда Казанской губернии<sup>23</sup>, сел Мещеряково и Алнаш Елабужского уезда Вятской губернии<sup>24</sup>.

Одной из основных причин роста исламизации «старокрещеных» татар, которые до этого считались более укрепленными в христианстве, чем «новокрещены», стало усиление их культурного взаимодействия с татарами-мусульманами<sup>25</sup>. Повышение трудовой мобильности, рост отхожих промыслов, которые начинают играть все

большую роль в жизни крещеных татар в пореформенный период, привели к разрушению их замкнутости внутри своей патриархальной общины и, как следствие, повышению их культурных контактов со своими соплеменниками из числа мусульман. Большинство «отпавших» от православия «старокрещеных» татар деревень Елышево, Кибяк-Кози, Верхние и Нижние Азяки, Отары занимались портняжничеством среди татар-мусульман Казанской и соседних губерний. Подолгу живя среди последних, они попадали под их культурное влияние, стали одеваться по-«татарски», брить головы, посещать мечеть, отдавать своих детей на обучение мусульманскому духовенству<sup>26</sup>. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от «новокрещен», которые «отпадали» всем сельским обществом, среди «старокрещен» в ислам переходило преимущественно молодое поколение, занятое на отхожих промыслах. «Эта молодежь», по словам казанского архиепископа Антония, «обращаясь с магометанами, очень легко усваивала обычаи и учение их, переняла совершенно магометанский костюм и делалась особой партией в деревне»<sup>27</sup>. В то же время старое поколение преимущественно оставалось в православии, «желая жить так, как жили их отцы и деды». В отличие от «новокрещен», «старокрещены» при «отпадениях» не отрицали своего христианского прошлого, но при этом подчеркивали, что «они татары, а у татар должна быть вера татарская, то есть мусульманская, а не русская православная»<sup>28</sup>. Не случайно, «старокрещеные» (как, впрочем, и другие нерусские народы) для обозначения своего отхода от православия использовали такие понятия, как «вышедший», «ушедший в татары», ставший «настоящим татарин»<sup>29</sup>.

В целом, согласно наблюдениям православных миссионеров с 1860-х гг., в повседневной жизни «старокрещеных» татар наблюдается повышение уровня присутствия исламской обрядовости, отмечается повышение куль-

турного влияния татар-мусульман. По отзыву студента «противомусульманского» отделения Казанской духовной академии М.А. Машанова, совершившего летом 1874 г. поездку по селениям «старокрещеных» татар Мамадышского уезда, «все крещеные (имеются в виду «старокрещеные» татары. — *Р.И.*) без исключения имеют громадное знание мухаммеданства. Часто высказывая мухаммеданское понятие или исполняя мухаммеданский обряд, крещеный и не подозревает, что тут таится мухаммеданство, а считают его христианским наследием... Вся жизнь крещеного проникнута этим мухаммеданским элементом. Стоит только посмотреть на религиозные отправления крещеных, чтобы убедиться в этом; стоит только прислушаться к молитвенным воззваниям, и вы увидите, что мухаммеданство занимает довольно большой уголок в сердце крещеного. От крещенина никогда не услышишь христианской молитвы... а между тем везде слышатся мухаммеданские молитвы предначинательные и заключительные»<sup>30</sup>.

Глубокое проникновение исламской традиции в бытовую и религиозную жизнь «старокрещеных» татар привело к значительному росту их исламизации. С 1870-х гг., наряду со случаями открытых «отпадений», среди «старокрещен» повсеместно фиксируются случаи тайного отхода от христианства<sup>31</sup>. Многие из этих «тайных» мусульман, для исправления духовных треб, совместно с «отпавшими» начинают пользоваться услугами мусульманского духовенства, тайно соблюдать предписания исламского вероучения<sup>32</sup>.

Похожие процессы протекали в «подверженных исламскому влиянию» чувашских, марийских, удмуртских, бесерменских селениях Казанской, Симбирской и Вятской губерний. Особо заметное влияние ислама отмечается в смешанных этноконфессиональных районах<sup>33</sup>. Важнейшим механизмом исламизации представителей нерусских народностей становятся смешанные браки с татарами-мусульманами, уста-

новление тесных культурных и семейных контактов<sup>34</sup>. Живя вместе с татарами-мусульманами, они оказывались под сильным влиянием организованного, грамотного, твердого в убеждениях соседа. При этом со стороны татар не требовалось специальной миссионерской работы. Многолетние наблюдения за обычаями, бытом мусульман действовали на «инородцев» лучше любой пропаганды. Будучи более близки к татарам по языку и культуре, нерусские народы быстро усваивали элементы ислама<sup>35</sup>. Важное место в распространении исламской традиции среди нерусских народов играло мусульманское приходское духовенство. Татарские муллы пользовались большим авторитетом среди местного нерусского населения. К ним обращались за советом и наставлением, часто мулла выступал в роли местного лекаря и учителя. Отсутствие в исламе разделения между духовными и светскими компонентами жизни позволяло местным жителям воспринимать муллу как представителя «своей» социальной группы, близкого им по духу, понимавшего их насущные проблемы<sup>36</sup>.

Для многих «номинальных» христиан и анимистов переход в ислам был формой протеста против действий властей по их принудительной христианизации<sup>37</sup>. Усиление административного и миссионерского давления, с целью религиозной унификации, привело к росту антицерковных настроений среди местных народов. В этой ситуации многие язычники и «номинальные» христиане, понимая сложность сохранения прежнего традиционного религиозного состояния, предпочитали переходить в более близкую и отвечающую их мировоззрению и бытовому укладу жизни «татарскую» веру. В отличие от христианства, ислам легко встраивался в традиционную мировоззренческую систему «инородцев», не разрушал их семейных и родовых связей. В этом нам видится главная причина быстрой исламизации представителей местных нерусских народов. Если длительный

процесс христианизации вплоть до начала XX в. не смог вытеснить из жизни большинства местных «номинальных» христиан языческих религиозных традиций, формируя определенную модель религиозного синкретизма с доминирующим положением анемических представлений, восприятие ислама сопровождалось быстрым изменением не только религиозных представлений неопитов, но и важнейших жизненных и культурных установок. Быстрому религиозному сближению коренных народов Волго-Камского региона с татарами-мусульманами в немалой степени способствовали многовековое совместное проживание, наличие общего исторического прошлого, отсутствие языкового барьера, тесные культурные контакты, уходящие корнями во времена Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Процесс исламизации среди представителей местных национальных меньшинств происходил параллельно с процессом нивелирования их прежней национальной идентичности<sup>38</sup>. Вместе с исламом мусульмане-неопиты воспринимали татарский язык, культуру, внешне становились мало отличимыми от татар-мусульман<sup>39</sup>. Наиболее заметный процесс исламизации в середине 1960-х гг. отмечается среди чувашей Буинского уезда Симбирской губернии. В 1866 г. в ислам «отпадают» крещенные чуваша селений Средние Алаши, Дувановка, Три избы Шемурши<sup>40</sup>, Трех-Болтаево<sup>41</sup>, Новоиркеево, Чепкас Ильметьево, Старое Шаймурзино, Новое Дуваново, Буинка, Саушево, Чекильдям<sup>42</sup>. В Казанской губернии случаи перехода в мусульманство отмечаются среди чувашей деревень Кукушма, Белые Волошки и Утеево Тетюшского уезда<sup>43</sup>. Сильное влияние ислама отмечается среди бесермен деревень Иманаво, Дососа, Кашур, Ворце Глазовского уезда Вятской губернии<sup>44</sup>, жителей чувашских селений Татарский Сунчелей, Салдаткаево Чистопольского уезда, Теневой, Полевой Байбахинной, Водоял (Уты) Цивильского уезда<sup>45</sup>, удмуртов

деревень Новые Куморы, Малой Юмь, Иштурганов, Сутер, Вежешур, Нижняя Русь, Лыя Пойкино Казанской губернии<sup>46</sup>.

В условиях все возрастающего движения «неофициальных» мусульман за легализацию своего религиозного положения, роста исламизации коренных народов Среднего Поволжья, после первых неудачных попыток кардинально решить данную проблему путем административных мер, которые привели к значительной дестабилизации ситуации и вылились в акции открытого неповиновения<sup>47</sup>, администрация начала подходить к этому вопросу более осторожно. В соответствии с судебной реформой, «высочайше» утвержденным положением Кабинета министров от 16 сентября 1868 г. все дела об «отпадениях» были изъяты из ведения администрации и переданы судебным органам<sup>48</sup>. Судебная реформа лишала органы церковного ведомства административных механизмов воздействия на «неофициальных» мусульман. В то же время в условиях массовости движения производство судебного следствия по каждому случаю «отпадения» становится невозможным<sup>49</sup>. Как признавал судебный следователь Тетюшского уезда Казанской губернии (1866 г.), «процесс исследования (судебного. — *Р.И.*)... совершенно полезен в этом деле. Он может открыть причины, главных виновников, но пресечь и остановить отпадения, развеять упорное заблуждение крещеных татар и возвратить их православной церкви он не в силах»<sup>50</sup>. Наказание отдельных лиц — лидеров движения — не оказывало на основную массу «неофициальных» мусульман должного влияния. Напротив, как отмечал Н. Одигитриевский, «в глазах народа эти вожаки были мученики, а не преступники. Их место всегда заступали другие, которые, в свою очередь, так же смело продолжали волновать народ... потерпевшие наказание, при отбытии срока, возвращались на место своего жительства. То окружавший их ореол святости и мученического подвига еще более

возвышал их в глазах народа и способствовал успеху их пропаганды»<sup>51</sup>.

Окончательно отказавшись от активного применения репрессивных методов воздействия на «неофициальных» мусульман, светские и духовные власти стали уделять основное внимание нейтрализации влияния ислама среди крещеных «инородцев». Основываясь на 262 статье «Устава строительного», местная администрация и епархиальное начальство вводят значительные ограничения на строительство мусульманских культовых сооружений в смешанных конфессиональных районах: мечети разрешалось строить только в случае отсутствия опасности «соблазна» в вере для живущих совместно с мусульманами христиан. С ростом исламизации «номинальных христиан», их массовым отходом от христианства православная церковь начинает уделять особое внимание ограничению строительства мечетей в контактных зонах, где местные православные жители находились под сильным религиозным влиянием татар-мусульман. В 1866 г. по решению симбирской духовной консистории была закрыта «пятивременная» мечеть в дер. Воржах Симбирского уезда Симбирской губернии, существовавшая здесь более 40 лет<sup>52</sup>. Поводом к ее упразднению стала опасность «сращения» крещеных татар в ислам, которое, по мнению местного священника Баратынского, могло произойти только одним фактом его существования в этом селении<sup>53</sup>. Случаи закрытия мечетей и отказа в их строительстве, вызванные опасением их «отрицательного» влияния на религиозное состояние «номинальных» христиан, отмечаются на протяжении всей второй половины XIX в. Так, в 1871 г. на просьбу симбирского купца Тимербулата Акчурина возвести мечеть при своей фабрике в сельце Гурьевке Корсунского уезда Симбирской губернии администрация, после консультаций с духовной консисторией и православным духовенством, ответила отказом, хотя здесь работало более 200 мусульман<sup>54</sup>. Несмотря на

многочисленные ходатайства мусульман в 1890-х гг., положительные резолюции местной городской думы, так и не было дано разрешение на постройку мечети в г. Малмыж Вятской губернии, против строительства которой активно выступил местный священник и миссионер Ф. Гаврилов<sup>55</sup>. В 1876 г. в деревне Татарской Убей Буинского уезда была закрыта и опечатана мечеть. Данное решение объяснялось тем, что старое и ветхое здание мечети представляло опасность для прихожан. При этом в возведении новой мечети жителям деревни было отказано<sup>56</sup>. В резолюции консистории по данному делу отмечалось, что «разрешение это (в строительстве мечети. — Р.И.) магометанам агитаторам подаст повод и основание распространять в среде отпадающих от христианской веры татар вредные для православия и ложные толки о благосклонности в ущерб православию внимания, и может послужить причиною еще большего упорства отступающих» и кроме того, для проживающих в соседней деревне Новой Дувановой «новокрещен» и анимистов «построение новой вблизи них мечети не может не быть соблазнительно»<sup>57</sup>. С похожей формулировкой в 1897 г. были отклонены прошения о строительстве мечетей жителям деревень Альбус-Сюрбеевой<sup>58</sup>, Бюрганы<sup>59</sup> Буинского уезда Симбирской губернии.

Для предотвращения миссионерской деятельности мусульманского духовенства среди «номинальных» христиан с 1868 г. местной администрацией вводится практика письменной подписки последних, по которой они обязались не допускать числящихся православными в мечеть, совершать у них мусульманские, религиозные обряды, не обучать их основам исламского вероучения<sup>60</sup>. С этой же целью по инициативе обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева с середины 1880-х гг. в местностях совместного проживания мусульман и христиан начинается замена волостных старшин из мусульман на крещеных «инородцев»<sup>61</sup>.

Наряду с административными мероприятиями предпринимаются шаги по активизации миссионерской деятельности среди «номинальных» христиан. Массовое движение крещеных татар за возвращение в ислам 1865–1868 гг. показало церковно-самодержавной власти, что без системной, осмысленной христианско-просветительской деятельности нельзя нейтрализовать влияние ислама среди местных народов, которое в дальнейшем может привести к еще более массовым «отпадениям», грозящим «уже опасностью поглотить все население края в мусульманскую культуру и в татарской народности»<sup>62</sup>. Этим можно объяснить стремительный рост «противомусульманских» миссионерских институтов в Волго-Камском регионе, создание новой более продуктивной миссионерской политики, основанной на просветительской деятельности.

4 октября 1867 г. под председательством казанского архиепископа Антония в Казани открывается «Церковное братство во имя святителя Гурия при казанском кафедральном соборе»<sup>63</sup>. С 1870-х гг. наряду с «Братством св. Гурия» в Волго-Камском регионе начинают действовать и другие миссионерские объединения. После реорганизации в конце 1869 г. «Миссионерского общества» (теперь оно начало именоваться Православным миссионерским обществом) (ПМО)) и принятия нового устава происходит значительное увеличение его отделений в регионах империи<sup>64</sup>. 28 мая 1870 г. открылся комитет ПМО в Вятской, 28 февраля 1871 г. — в Самарской<sup>65</sup>, 23 ноября 1872 г. — в Пермской<sup>66</sup>, 7 декабря 1875 г. — в Симбирской, 14 мая 1878 г. — в Нижегородской епархиях<sup>67</sup>. К концу 1870-х гг. миссионерские комитеты были организованы практически во всех епархиях Среднего Поволжья. Основным направлением деятельности новых миссионерских институтов стало развитие православного, конфессионального образования среди местных народов. Созданные в ответ на массовые «отпадения», новые

миссионерские организации были призваны улучшить постановку христианского посвящения, противостоять усилению влияния ислама в крае. Именно «противомусульманская» деятельность становится приоритетным направлением в работе этих организаций. Для борьбы с исламизацией «инородцев» миссионеры, основываясь на идеях Н.И. Ильминского, начинают привлекать к просветительской деятельности представителей местных народов, воспитанных посредством школьного конфессионального образования в православном духе. Одним из первых православных миссионеров из крещеных татар становится В.Т. Тимофеев. После посвящения в священнический сан В.Тимофеев начинает активно заниматься утверждением своих соплеменников в православии. С 1873—1874 гг. по указанию казанского и вятского епархиального начальства на В. Тимофеева официально возлагаются обязанности по миссионерской деятельности среди татарского населения этих епархий<sup>68</sup>.

С открытием в 1863 г. Казанской центральной крещено-татарской школы (КЦКТШ) к миссионерской деятельности среди татар начинают привлекать и ее воспитанников. Весной 1864 г. три ученика школы вместе со своим учителем совершают миссионерское путешествие по Мамадышскому уезду Казанской губернии. В дальнейшем практика миссионерских поездок стала составной частью обучения в стенах КЦКТШ. В середине 1866 г. несколько ее воспитанников вместе с бакалавром «противомусульманского» отделения КазДА Е.А. Маловым целый месяц провели у «отпавших» в ислам крещеных татар дер. Елышево Мамадышского уезда. Согласно мнению Е.А. Малова, эти «маленькие миссионеры» всячески содействовали ему в возвращении «уклонившихся» в ислам крещеных татар: читали в домах Евангелие и другие богослужебные книги на татарском языке, старались привлечь детей «неофициальных» мусульман для

учебы в школу<sup>69</sup>. Результатом этой поездки стало согласие нескольких семей отдать своих детей на обучение в казанскую школу<sup>70</sup>. По оценке миссионеров, использование учеников школы имело заметные результаты. Священник К. Прокопьев впоследствии писал, что «эти юные апостолы своим чтением священных-исторических рассказов и пением православных молитв по новым книжкам на живом родном языке, производили неотразимое впечатление на своих соплеменников и значительно способствовали этим ослаблению отступнического движения»<sup>71</sup>.

Еще более заметную роль в «противомусульманской» деятельности РПЦ в Волго-Камском регионе начинают играть ученики КЦКТШ, становясь учителями миссионерских школ. Преследуя практические цели, эти школы открывались преимущественно в тех селениях, где чувствовалась острая необходимость в противодействии усилению ислама<sup>72</sup>. Как отмечалось в одном из отчетов «Братства св. Гурия», «школы братства как учреждения миссионерские, имеют главную свою целью не простую грамотность детей и даже не простое образование народа, а религиозно-нравственное образование инородцев в духе веры Христианской или, лучше сказать, перевоспитание инородцев, погруженных еще во многих местах во мрак языческих суеверий и зараженных мухаммеданством и охранение крещеных и язычествующих инородцев от пагубного влияния мухаммеданской пропаганды». Не случайно, что большинство школ открывалось в татарских и чувашских селениях, наиболее подверженных влиянию ислама, а их резкий количественный рост в первые годы существования «Братства св. Гурия» связан с усилением процесса «отпадения» от православия местного населения. Этим же можно объяснить неравномерность распределения сети миссионерских школ по уездам, значительные колебания их числа в разные годы.

Численность школ напрямую зависела от уровня «мусульманской угро-

зы», при этом, выполнив свою основную задачу — нейтрализацию влияния ислама и укрепления местных жителей в православии, эти учебные заведения могли быть закрыты или переданы на баланс Министерства народного просвещения и местных земских организаций<sup>73</sup>. Большинство крещено-татарских школ открывались в селениях, где была большая вероятность «отпадения» местных жителей в ислам, или уже были зафиксированы такие случаи. Так, в конце 1860-х — начале 1870-х гг. миссионерские школы открываются в селе Апазово (учитель Д. Максимов), деревнях: Нижний Азяк (А. Васильев) Казанского уезда, Старая Ишкурма (А. Сергеев), Три Сосны (Н. Герасимов), Шеморданы (М. Максимов), Ельшево (Ф. Гаврилова), Большие Савруши (С. Кузьмин) Мамадышского уезда, Шемурбаши (Н. Гаврилов), Толкиш (М. Андреева) Лаишевского уезда, Нижняя Никитинка (С. Тупай) Чистопольского уезда, Баймурзино (С. Николаев) Тетюшского уезда Казанской губернии, Шурняки (Д. Демидова), Старое Гришкино (А. Григорьев) Елабужского уезда Вятской губернии, жители которых принимали участие в «отходническом» движении.

Учителя этих школ становились основными проводниками православной религиозной традиции, миссионерского движения православной церкви среди «номинальных» христиан. По словам казанского архиепископа Антония, воспитанники КЦКТШ «не учителя только, но в месте и усердные служители церкви.... куда бы и на какое святое дело их не посылали они везде являются во всеоружии — со словом богооткровенной истины»<sup>74</sup>. Не ограничиваясь исполнением своих учебных обязанностей, учителя занимались утверждением местного населения в православии, вели «противомусульманские» собеседования среди своих соплеменников<sup>75</sup>. В летнее время они назначались в местности, подверженные сильному влиянию мусульман, в помощь местным священникам для организа-

ции христианско-просветительской деятельности среди местных жителей<sup>76</sup>. Учителя старались распространить свое влияние и на «официальных» мусульман. В источниках зафиксированы случаи привлечения в миссионерские школы детей татар-мусульман, которые впоследствии принимали крещение<sup>77</sup>.

Сами школы представляли собой в определенном роде миссионерский центр «школу-церковь», в которой татары «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку»<sup>78</sup>. Школы начинают выступать как важнейшие институты «бытового миссионерства», через которые идет проникновение в среду крещеных «инородцев» православной культуры, христианской обрядовости, русских обычаев и традиций, оказывают заметное влияние на изменения образа жизни «номинальных» христиан. Весь образовательный процесс в них был направлен на воспитание в учениках христианской религиозности. Главными предметами преподавания здесь были: православный катехизис, священная история, объяснение молитв и песнопений церковных и церковное пение и др.<sup>79</sup> Большинство учеников после окончания этих школ становились искренними последователями православия. Как отмечалось в отчете обер-прокурора Св. Синода Д. Толстого за 1877 г., «воспитанники братских школ — как бы перерождаются в новых людей, самоотверженно отдающихся делу христианского просвещения между своими соплеменниками»<sup>80</sup>. Получив христианское образование в школе, ученики начинают оказывать заметное религиозное влияние на своих родителей и односельчан, превращаясь в «домашних» миссионеров.

По примеру КЦКТШ в миссионерских школах из числа учеников организуются церковные певческие хоры. В воскресные и праздничные дни для местных жителей здесь совершались церковные богослужения на татарском языке, служились молебны, проводились пастырские собеседования<sup>81</sup>. С

разрешения Св. Синода (1884 г.) миссионерами и приходскими священниками в зданиях школ начинают совершаться литургии на переносных антиминсах и престолах<sup>82</sup>.

Из числа наиболее ревностных к миссионерскому делу учителей миссионерских школ с 1870-х гг. начинает комплектоваться церковный причт крещено-татарских приходов. Одновременно с этим в центрах «отступнического» движения идет открытие новых православных приходов, строительство новых церквей. В 1869 г. открывается церковь в деревне Елышево, в 1874 г. — в Средних Арняшах<sup>83</sup>, в 1875 г. — часовня в Отарах<sup>84</sup>, в 1884 г. — церковь в Янцоварах Казанской епархии<sup>85</sup>.

Развитие переводческой деятельности позволило расширить использование языков местных нерусских народов при совершении православного богослужения. Указом Св. Синода от 15 января 1883 г. епархиальному начальству разрешалось по своему усмотрению вводить богослужение на местных языках при соблюдении следующих условий: «а) где есть более или менее значительное число крещеных инородцев, допускать церковное богослужение, общественное или частное... б) при богослужении должны быть употребляемы издания Православного миссионерского общества, напечатанные существующей при братстве св. Гурия в Казани Переводческой комиссией... г) если с инородцами в церкви присутствуют русские, то полезно соединять пополам или в известных пропорциях на славянском и инородческих языках»<sup>86</sup>. Согласно сведениям М.А. Машанова, к началу 1890-х гг. богослужение на татарском языке совершалось в 37 селах и 100 деревнях Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Симбирской епархий<sup>87</sup>.

Законодательное закрепление права на совершение богослужения на татарском языке способствовало значительному увеличению количества православного духовенства из числа крещеных татар<sup>88</sup>. В отличие от русских кандидатов татарам для зачисления в

духовное ведомство на основе указа Св. Синода от 19 июля 1867 г. не требовалось наличие семинарского образования (которое им было не так-то легко получить в связи с их низкой учебной подготовкой и плохим знанием русского языка), достаточно было показать свое миссионерское рвение и заручиться поддержкой совета «Братства св. Гурия» и лично Н.И. Ильминского. В 1890-х гг. общее количество крещеных татар рукоположенных в священники и диаконы, достигло 54 человек<sup>89</sup>.

Введение в практику миссионерской деятельности богослужения на татарском языке, замещение национальных приходов священнослужителями из числа крещеных татар, организация широкой сети миссионерских школ способствовали укреплению части крещеных татар в православии, предотвращению их исламизации. Как отмечали миссионеры, благодаря систематической христианско-просветительской деятельности, «старокрещеные» татары в религиозно-нравственном отношении стали стоять намного выше, чем другие крещеные «инородцы»<sup>90</sup>.

Одним из показателей роста христианской конфессиональной идентичности среди «старокрещеных» татар стало развитие у них духовно-религиозного движения, монашества. С 70-х гг. XIX в. крещено-татарские богомольцы стали совершать ежегодные паломничества в Казань на встречу особо почитаемой в епархии Седмиозерской Смоленской Божьей Матери (18–26 июня), в другие регионы страны к известным православным святыням и монастырям<sup>91</sup>. Благодаря применению системы Н.И. Ильминского среди крещеных татар появляется большое количество ревностных последователей православия, которые по своей личной инициативе начинают заниматься христианским просвещением своих соплеменников, проводить публичные религиозные чтения, распространять православные понятия в народе.

Укрепление православной традиции среди «старокрещен» способство-

вало росту их этноконфессионального самосознания, что стало важнейшим фактором в ликвидации опасности их «отпадения» в ислам и национально-культурной интеграции с татарами-мусульманами<sup>92</sup>. В этой связи довольно показательна судьба крещеных татар деревни Три Сосны (Оч нарат) Мамадышского уезда. Вследствие тесных контактов с татарами-мусульманами жители этой деревни сильно тяготели к исламу. В 1871 г. часть трехсосенцев (29 человек) открыто «отпадают» от православия. Ситуация меняется с организацией здесь миссионерской школы и назначением учителя Якима Никифора — человека «православно-религиозного почти до фанатизма»<sup>93</sup>. В ходе миссионерской деятельности ему удается не только предотвратить исламизацию местных крещеных татар и утвердить их в православии, но и прервать их культурные контакты со своими соплеменниками из числа мусульман. Вот как доносил в 1890 г. местный приходской священник Константин Богоявленский: «До открытия школы крещеные татары деревни Трех-Сосен кроме татар и отступников ни с кем никаких сообщений не имели, и если с религиозной целью на св. Пасхе со святыми иконами в их деревню приходили из соседних деревень и русские, то трехсосенцы относились к ним всегда враждебно. Теперь же положение изменилось: русские к трехсосенцам стали ближе, а татары удалились на задний план; приятельские отношения к мухаммеданам прекратились, соседние муллы, имевшие прежде громадное влияние на жителей Трех-Сосен, совершенно прекратили свое посещение деревни; сами трехсосенцы не посещают татарские деревни с целью совместного празднования татарских праздников джиенов и сабанов и в своей деревни этих праздников не исполняют. В христианские праздники... они ходят на молитву в школу, а многие посещают церковь»<sup>94</sup>.

Похожая ситуация складывается во многих других «старокрещеных» селениях Казанской губернии, где были

открыты миссионерские учебные заведения. Значительное влияние школ братства в деисламизации крещеных татар отмечается в деревнях: Нижнее Никитинское<sup>95</sup>, Шеморбаши<sup>96</sup>, Томасов-Починок<sup>97</sup>, Урясь-Баш<sup>98</sup>, Молькеево, Баймурзино Казанской губернии<sup>99</sup>. Еще более существенные результаты применения системы Ильминского отмечаются в Вятской епархии, где миссионерской деятельности среди «старокрещеных» татар в немалой степени способствовали благоприятные внешние факторы. В силу бытовых условий — отдаленности от крупных мусульманских центров, отсутствия практики «отхожих» промыслов, более тесных контактов с православным населением, наличия в местах компактного проживания православных храмов и широкой сети миссионерских школ, работавших по системе Ильминского, — среди местных крещеных татар сравнительно быстро происходит укрепление православной традиции. В отличие от Казанской епархии с середины 1880-х гг. в Вятской практически не отмечаются массовые случаи перехода крещеных татар в ислам, напротив, намечается тенденция по некоторому сокращению количества «отпавших»<sup>100</sup>. Например, благодаря благотворному воздействию местной школы и миссионерской деятельности приходского священника из татар, в 1895 г. в православие возвращаются «старокрещены» дер. Бектешевой Малмыжского уезда<sup>101</sup>.

Новые миссионерские институты оказывали заметное влияние и на религиозную идентификацию других народов Среднего Поволжья. Так, миссионерская школа в дер. Средние Алгаши Буинского уезда Симбирской губернии (открыта в 1877 г.), где большинство местных чувашей «уклонилось» в ислам и язычество, по словам местных священнослужителей, за короткий срок своего существования нейтрализовала влияние мусульман, способствовала возвращению в православие «отпавших» чувашей. В 1889 г. алгашевцы обратились в духовную консисторию с просьбой по-

строить в их деревне церковь и учредить отдельный православный приход<sup>102</sup>. В конце 1890-х гг. в Алгашевской школе религиозное образование получало до 50 чувашей со всего Буинского уезда, причем более половины учеников были детьми «неофициальных» мусульман и язычников. Положительные результаты применения системы Ильминского отмечались и среди удмуртов и марийцев Вятской губернии. Как подчеркивалось в отчете Вятского комитета ПМО за 1893 г., благодаря христианско-просветительскому воздействию миссионерских школ местные «инородцы» прекращают праздновать пятницу и другие татарские праздники, носить татарскую одежду, совершать мусульманские молитвы и держать пост<sup>103</sup>.

В то же время открытие школ в поселениях, где большинство жителей нелегально исповедовало ислам, а влияние мусульманской общины было значительным, не имело существенного эффекта. «Отпавшие» отказывались отдавать своих детей в миссионерские школы, препятствовали их открытию, отказывались слушать и вести религиозные собеседования с учителями<sup>104</sup>. По словам вятского миссионера Ф. Гаврилова (1894 г.), «отступники чуждаются школ православных, как русских, так и инородческих. Большею частью отдают своих детей в школы магометанские, делая это более или менее тайно. Если же не представляется для них возможность отдавать детей в школы, то они имеют у себя тайные школы с учителями-начетниками из природных магометан, которые в то же время служат у них муллами»<sup>105</sup>.

Даже там, где удавалось открыть школы, они вскоре закрывались. Так, в частности, произошло в селе Елышево (мужская школа), дер. Старой Икшурме, Саврушах (женская школа), Сосновом Мысе, Шеморданах Мамадышского уезда, Казаклар Лаишевского уезда, Нижних Азяках Казанского уезда Казанской губернии<sup>106</sup>, Нослах (женская школа) Малмыжского уезда Вятской губернии<sup>107</sup>.

Как показала практика, применение новых христианско-просветительских методов миссионерского воздействия не оказывало на мусульман того эффекта, на которое рассчитывало церковное руководство. Все попытки миссионеров вернуть в православие «неофициальных» мусульман села Елышево Мамадышского уезда – строительство здесь церкви, назначение священнослужителя из крещеных татар<sup>108</sup>, открытие двух миссионерских школ (мужской и женской), привлечение детей, «отпавших» в КЦКТШ, не оказывали никакого заметного влияния на местных жителей. В конце 1870-х гг. большинство ее жителей окончательно «уклонилось» в ислам<sup>109</sup>. В противовес «братской» школе в 1875 г. елышевцы открывают у себя несколько низших мусульманских профессиональных школ (мектебе), где их дети получали исламское, религиозное образование<sup>110</sup>. По словам местного священника Козьмы Прокофьева, «в эти мухаммеданские школы... привлекаются и дети православных старокрещеных татар из соседних деревень, а потому со времени появления этих школ в братских школах в деревнях Саврушах и Сытлыган-Ключе год от году учеников становится меньше»<sup>111</sup>. Мусульманские учебные заведения появились и в других крупных центрах «неофициальных» мусульман: дер. Нижний Азяк Казанского уезда, Кибяк-Кози, Шемордан, Отары Мамадышского уезда Казанской губернии<sup>112</sup>.

В начале 1880-х гг. среди «старокрещеных» татар Казанской губернии происходят новые «отпадения». В 1880 г. движение за возвращение в ислам отмечается среди «старокрещеных» татар дер. Никофорово Мамадышского уезда, села Апазово Казанского уезда<sup>113</sup>, в 1881 г. деревень Карадуван Казанского уезда<sup>114</sup>, Шемордан, Яньли<sup>115</sup>, крещеных удмуртов – деревни Каинсар Мамадышского уезда<sup>116</sup>.

Хотя православной церкви посредством учреждения новых миссионерских институтов и развитием христианского просветительства среди «номиналь-

ных» христиан удалось добиться определенных результатов в деисламизации коренных нерусских народов края, а также вернуть в православие часть мусульман-неофитов, но полностью решить проблему «отпадений» в ислам она объективно не могла. Сама борьба с исламизацией, по образному выражению Н.И. Ильминского, напоминала починку ветхих построек: «едва успеет починить в одном месте, глядишь разваливаются другие места»<sup>117</sup>. Усиление интегративных процессов внутри татарского общества способствовало дальнейшему росту конфессиональной дифференциации в среде «старокрещеных» татар. Часть из них под влиянием миссионерских школ, ввода христианского богослужения на родном языке перестала быть «номинальными» христианами и превратилась в искренних последователей православия, другая же предпочла религиозное и национальное объединение с татарами-мусульманами. К 1892 г., по данным местных губернских статистических комитетов, «отпавших» в ислам крещеных татар и их некрещеных потомков насчитывалось в Казанской губернии 26614 чел., в Симбирской — 3433 чел., в Вятской губернии — 729 чел.<sup>118</sup>

Интенсивная религиозная дифференциация «старокрещеных» татар в контактных зонах, при которой часть жителей возвращалась в ислам, а другая оставалась в православии, затронула многие крещено-татарские селения Среднего Поволжья, сопровождалась ростом напряженности между прозелитами двух религиозных течений. В документах фиксируются случаи отчужденности и недоверия между «неофициальными» мусульманами и крещеными татарами<sup>119</sup>, разделения жителей одной деревни на две группы с образованием самостоятельных сельских обществ на почве нежелания жить совместно с представителями другой конфессии<sup>120</sup>, притеснения религиозного меньшинства (как со стороны православного, так и мусульманского большинства<sup>121</sup>) и др.

Если попытки православной церкви в утверждении в православии «номинальных» христиан, их деисламизации приносили некоторые положительные результаты, то развитие христианско-просветительской деятельности среди «отпавших» в ислам не имело заметного успеха. Несмотря на активную миссионерскую деятельность православных проповедников, христианские идеи не находили отклика в душе «неофициальных» мусульман.

Более существенными последствиями деятельности проповедников и функционирования новых миссионерских институтов стало усиление межконфессиональных противоречий в регионе. Мусульмане довольно болезненно воспринимали появление миссионерских организаций в смешанных этноконфессиональных районах, справедливо считая, что их основной целью были христианизация и русификация местного населения. Рост напряженности в среде татар-мусульман, спровоцированной слухами о якобы готовящейся новой волне насильственной христианизации, вызванной усилением миссионерского движения РПЦ в крае, необдуманными действиями местной администрации, вынудил власти издать при поддержке ОМДС в конце 1870-х гг. специальный циркуляр, в котором разъяснялась несостоятельность данных слухов<sup>122</sup>. Волнения среди татар, так или иначе связанные с деятельностью православных проповедников и слухами о намерении государства насильно крестить мусульман, отмечаются в Волго-Камском регионе и в 1880–1890-х гг.<sup>123</sup> Массовые антиправительственные выступления среди поволжских мусульман, связанные с распространением этих слухов, отмечаются в Казанской, Вятской, Самарской, Симбирской, Оренбургской губерниях во время проведения Первой всероссийской переписи населения в 1897 г.<sup>124</sup>

Другим важным результатом миссионерской и русификаторской политики самодержавия стал рост оппозиционных настроений среди татар по отно-

шению к власти, выразившийся в росте популярности среди них суфизма (ишанизма)<sup>125</sup>, появлении «ваисовского» движения<sup>126</sup>. Развитие этих движений было «защитной реакцией» мусульман, направленной на сохранение своей татаро-мусульманской национальной идентичности, одной из форм пассивного сопротивления действиям церкви и государства. Само появление оппозиционных государственной власти религиозных течений сигнализировало о понижении уровня лояльности поволжских мусульман по отношению к государству.

В этих условиях светская власть, ставя на первый план общественную стабильность в регионе, сохранение лояльного отношения татар-мусульман, а не мнимые возможности по их религиозной унификации, была вынуждена не только полностью отстраниться от участия в миссионерской деятельности, но и отказаться от поддержки курса проводимого РПЦ в отношении мусульман. «Высочайшим» манифестом от 24 ноября 1894 г. было заявлено о прекращении преследования некрещеных «отступников»<sup>127</sup>. Данная законодательная инициатива стала первым шагом к легализации правового положения «неофициальных» мусульман, показала изменение позиции государства в религиозной

сфере, получившее логическое продолжение в начале XX в.

Оценивая результаты деятельности православных миссионеров и местной администрации по ослаблению социокультурного влияния мусульман на коренные народы Волго-Камья, необходимо подчеркнуть, что эта деятельность не имела того результата, на который рассчитывало государство. Несмотря на прилагаемые усилия, церкви не удалось добиться возвращения в православие основной массы «отпавших», полностью прекратить процесс исламизации представителей местных народов. К началу XX в. в губерниях Волго-Камского региона существовала многочисленная группа «неофициальных» мусульман, которая, несмотря на позицию государства, смогла сохранить свою мусульманскую конфессиональную идентичность. В то же время, благодаря внедрению новых методов миссионерской деятельности, разработанных известным просветителем и миссионером Н.И. Ильминским, в религиозной жизни большинства «номинальных» христиан наблюдались заметные качественные изменения. На протяжении второй половины XIX в. происходит интенсивный процесс проникновения в массовое сознание коренных народов региона православной традиции и культуры, понижения уровня их исламизации.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Батунский М.А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // Общественные науки и современность. — 1996. — № 2. — С.81.

<sup>2</sup> «Новокрещенными» в дореволюционной историографии было принято считать представителей коренных народов Среднего Поволжья, принявших православие после первой ревизии 1722 г. Основная часть «новокрещенных» татар были предками лиц, подвергшихся насильственной христианизации в 30–50-е гг. XVIII в. Несмотря на номинальное принятие христианства, большинство «новокрещенных» татар продолжало считать себя мусульманами в их повседневной и религиозной жизни, практически отсутствовала православная религиозная традиция.

<sup>3</sup> Малов Е.А. Нынешнее религиозное состояние крещеных татар Заволжского края / Е.А. Малов // Православное обозрение. — 1866. — Т.20. — С.62.

<sup>4</sup> Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.1. Оп.3. Д.222. Л.83.

<sup>5</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.229, 230.

<sup>6</sup> Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / А.В. Кобзев. — Н. Новгород: Медина, 2007. — С.190.

<sup>7</sup> Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. — СПб., 1870. — С.56–57.

<sup>8</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. — С.8.

<sup>9</sup> Малов Е.А. Отпадения крещеных татар от православия // Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Дневник миссионера: сб. ст. / Е. Малов. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. — С.329.

<sup>10</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.1252. Л.1-5, Д.1837. Л.1-1 об.

<sup>11</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1872 года по 4 октября 1873 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1874. — С.20.

<sup>12</sup> Многочисленные волнения среди «неофициальных» мусульман, спровоцированные действиями полиции и православного духовенства, отмечаются в Казанской и Симбирской губерниях на протяжении всего 1866–1868 гг. (См.: НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.227, Д.230, Д.1252, ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.578).

<sup>13</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2813. Л.31.

<sup>14</sup> «Старокрещены» татары (кряшены) — группа крещеных татар, принявшая православие вскоре после покорения Казанского ханства — во второй половине XVI — начале XVII вв. «Старокрещены» в религиозном отношении считались более привержены влиянию православия, уровень их исламизации был значительно ниже, чем у «новокрещеных» татар.

<sup>15</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.226. Л.1. Более подробно об этом см.: Заһидуллин И.К. Жылыш авылы макъруһлары / И.К. Заһидуллин // Мирас. — 1995. — №9. — Б.111-115; №10. — С.109–113; №11-12. — Б.138-148.

<sup>16</sup> Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.134. Оп.7. Д.149,155.

<sup>17</sup> Во время этого движения по Казанской губернии от православия в ислам уклонилось до 3 тысяч крещеных татар, а общее количество «отпавших», по разным данным, достигло 12–15 тысяч человек. По Симбирской губернии числилось до 2 тысяч «уклонившихся» в ислам. В Елабужском и Малмыжском уезде Вятской губернии в ислам вернулось 404 крещеных татарина (Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1872 года по 4 октября 1873 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1874. — С.20; НА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.12167; ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.827; Вятские епархиальные ведомости. — 1872. — №15. — С.357).

<sup>18</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2813. Л.1.

<sup>19</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2563. Л.59.

<sup>20</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2813. Л.14.

<sup>21</sup> НА РТ. Ф.4. Оп.98. Д.9. Л.9.

<sup>22</sup> Малов Е.А. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых других епархий. В Волжском бассейне... — С.380–382.

<sup>23</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2812. Л.27.

<sup>24</sup> Вятские епархиальные ведомости. — 1872. — №15. — С.357.

<sup>25</sup> Остроумов Н.П. Заметка об отношении мухаммеданства к образованию крещеных татар / Н.П. Остроумов // Отдельный оттиск без библиографических данных. — С.94–95.

<sup>26</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.1818. Л.4.

<sup>27</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.3068. Л.19.

<sup>28</sup> НА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.121647. Л.217 об.

<sup>29</sup> Андреев И. Дневник учителя Трехсосенской школы Ильи Андреева за октябрь, ноябрь и декабрь 1874 г. / И. Андреев // Известия по Казанской епархии. — 1877. — № 18. — С.488-498; Малов Е. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства (миссионерский дневник) / Е. Малов. — Казань: Университетская тип., 1872. — С.75.

<sup>30</sup> Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда / М.А. Машанов. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. — С.14, 20.

<sup>31</sup> Эту категорию крещеных татар в миссионерской литературе было принято называть «татарсмаками», т.е. такие, как татары, подвержены татарскому (мусульманскому) влиянию.

<sup>32</sup> НА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.121647. Л.132.

<sup>33</sup> Одним из показателей интенсивности процесса исламизации в смешанных национальных районах является тот факт, что под влияние мусульман подпадало даже местное русское

население. Как отмечал инспектор народных училищ Казанской губернии И.А. Износков, в начале семидесятых годов XIX в. русские крестьяне отдаленных русско-татарских деревень Мамадышского уезда Казанской губернии отдавали своих детей на обучение в мусульманские учебные заведения (мектебе) (Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского. Вып.3 / И.А. Износков. — М.: Тип. Снегиревой, 1895. — С.23). Редкие факты принятия ислама русскими крестьянами отложились и в архивных документах (НА РГ. Ф.1. Оп.3. Д.1829. Л.1).

<sup>34</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1888 года по 4 октября 1889 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. — С.4; *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края / Я.Д.Коблов // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. — Казань: Центральная тип., 1910. — С.358–360.

<sup>35</sup> *Таймасов Л.А.* Этнорелигиозные движения среди крещеных народов Волго-Камья во второй половине XIX — начале XX века / Л.А. Таймасов // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы 8 Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. — М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. — С.455.

<sup>36</sup> Отмечая различие в восприятии бесерменами православного и мусульманского духовенства, вятский миссионер А. Емельянов писал следующее: «вопрос о том, кто большим уважением пользуется среди бесермен — священник или мулла — во многих... селениях может быть решен не в пользу нашего духовенства, и это вполне понятно: мулла для бесермен свой человек, прекрасно говорит по-бесерменски, а в бытовом отношении тот же земледелец — мужик. Спросит ли его о чем, он тебя поймет, и ты его поймешь (Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.237. Оп.222. Д.463. Л.93).

<sup>37</sup> Например, чуваша дер. Средней Алгаши Симбирской губернии, подавшие в 1866 г. прошение о разрешении им исповедовать ислам, свое решение аргументировали нежеланием впредь оставаться в православии, которое они были вынуждены принять в 40–50-х гг. XIX в., под давлением администрации и местных русских помещиков.

<sup>38</sup> Необходимо отметить, что процесс «татаризации» местных народов, связанный с принятием ими ислама, хотя и имел место, но не носил массового характера, как пытаются показать ряд исследователей (В.Д. Дмитриев, Г.Е. Кудяшов), что вполне обоснованно доказано в работах Д.М. Исхакова (*Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII — начало XX вв.) / Д.М.Исхаков. — Казань: ИЯЛИ, 1993. — С. 130–133). Так, количество чувашей, сменивших свою этническую идентичность вследствие исламизации во второй половине XIX — начале XX в., не оказало существенного влияния на демографическую ситуацию среди чувашей. По нашим данным, к 1905 г. на территории Казанской и Симбирской губерний общее количество чувашей-мусульман не превышало 2 тысяч человек. В то же время, по мнению дореволюционного исследователя чувашеведа Н.И. Золотницкого, в ходе христианизации ряд татаро-мишарских селений подвергались интенсивной «чувашизации», инициатором которой выступило местное православное духовенство, которое этими действиями хотело прервать их контакты с татарами-мусульманами: «крестившее их духовенство, затрудняясь в истолковании им христианских догматов и в видах отчуждения их от татар-магометан, внушило им, что посредством крещения они перестали быть татарами, а обратились в чувашей (которые были крещены ранее). Признав и усвоив название чуваша, заменившее для них принятое в других местностях крещеными татарами слово кряшен, они действительно стали чуждаться татар, или собственно религиозных обрядов их и, не покидая природного наречия, стали подражать чувашам в costume, образе жизни, и особенно в религиозных обрядах: обзавелись кереметями, йырыхами, торями» (*Золотницкий Н.И.* Коренной чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н.И. Золотницкий. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1873. — Приложение XII. — С.223–224).

<sup>39</sup> *Багин С.А.* Об отпадании в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и причинах этого печального явления / С.А. Багин. — Казань: Центральная тип., 1910. — С.4.

<sup>40</sup> ГАУО. Ф.76. Л.1. Д.22. Л.1.

<sup>41</sup> Интересно, что до «отпадения» в ислам крещеные чуваша села Трех-Болтаево считались вполне укрепленными в православии. Большинство жителей регулярно посещало церковь, знало православные молитвы, хорошо разговаривало на русском языке, а один из

активных лидеров движения за переход в ислам Филимонов до этого в течение пяти лет исполнял обязанности пономаря при церковном богослужении (НА РТ. Ф.4. Оп. 2. Д.1283. Л.187).

<sup>42</sup> *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки / С.В.Чичерин. – СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1906. – С.142.

<sup>43</sup> *Ильминский Н.И.* Казанская центральная крещено-татарская школа / Н.И. Ильминский. – Казань: Центральная тип., 1887. – С.302, 309.

<sup>44</sup> По словам вятского миссионера А. Емельянова, «татарские муллы привыкли смотреть на бесермен как на своих духовных детей, собирая с прихожан положенную часть доходов, они не проходят мимо домов бесермян: последние же считают долгом дать мулле также, как они дают и священнику». (ГАКО. Ф.237. Оп.222. Д.463. Л.92 об.).

<sup>45</sup> *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края... – С.370.

<sup>46</sup> НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3960. Л.25, 36.

<sup>47</sup> Более подробно об этом см.: *Загидуллин И.К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года / И.К. Загидуллин // Национальный вопрос в Татарии в дооктябрьский период: сб. ст. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С.66–78.

<sup>48</sup> *Юзифович Б.М.* Христианство, магометанство и язычество в Восточных губерниях России / Б.М. Юзифович. – СПб.: Тип. А. Граншеля, 1883. – С.26–27.

<sup>49</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.222. Л.101 об.

<sup>50</sup> Там же. Л.102 об.

<sup>51</sup> *Одигитриевский Н.* Крещеные татары Казанской губернии. Этнографический очерк / Н. Одигитриевский. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1895. – С.19.

<sup>52</sup> ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.203. Л.3–5.

<sup>53</sup> Там же. Л.1–2.

<sup>54</sup> ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.192. Л.1–6 об.

<sup>55</sup> ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2204. Л.99 об.

<sup>56</sup> ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.353. Л.1–1 об.

<sup>57</sup> Там же. – Л.10.

<sup>58</sup> ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.692. Л.1–1 об.

<sup>59</sup> ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.661. Л.1–2.

<sup>60</sup> Представление Казанского губернатора господину министру внутренних дел от 20 августа 1866 года за № 3545 // *Ильминский Н.И.* Казанская центральная крещено-татарская школа / Н.И. Ильминский. – Казань: Центральная тип., 1887. – С.276.

<sup>61</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д. 5720. Л.40; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра III. 1884 год. – СПб., 1893. – Т.9. – Ст.94. – С.676.

<sup>62</sup> *Ильминский Н.И.* Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности / Н.И. Ильминский // Русский вестник. – 1892. – № 2. – С.108.

<sup>63</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.48. Л.17.

<sup>64</sup> Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. – СПб.: Синодальная тип., 1870. – С.87.

<sup>65</sup> Отчет Православного миссионерского общества за 1870. – М., 1871. – С.12–13.

<sup>66</sup> Отчет Православного миссионерского общества за 1872. – М., 1873. – С.40.

<sup>67</sup> Отчет Православного миссионерского общества за 1878. – М., 1879. – С.36.

<sup>68</sup> *Знаменский П.В.* Василий Тимофеевич Тимофеев / П.В. Знаменский. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1896. – С.13.

<sup>69</sup> НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.2557. Л.2.

<sup>70</sup> Всего в 1866 г. из этой деревни в школу было принято 5 мальчиков.

<sup>71</sup> *Прокопьев И.П.* Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX века. (Исторический очерк) / И.П. Прокопьев. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1904. – С.36.

<sup>72</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. – С.18.

<sup>73</sup> Например, в 1875 г. из-за финансовых затруднений Братство св. Гурия было вынуждено передать в ведение МНП 10 миссионерских школ.

<sup>74</sup> Извлечение из отчета Высокопреосвященного Антония, архиепископа Казанского и Свияжского, о состоянии Казанской епархии за 1872 год // Известия по Казанской епархии. — 1873. — № 16. — С.511.

<sup>75</sup> В КЦКТШ с 1870-х гг. наряду с изучением основ православия и христианского богослужения вводится курс «противомусульманской» полемики, преподавание которого берет на себя М.А. Машанов.

<sup>76</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1884 года по 4 октября 1885 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. — С.69.

<sup>77</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать шестой учебный год. С 4 октября 1891 года по 4 октября 1892 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1893. — С.39.

<sup>78</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1873. — С.15.

<sup>79</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1890 года по 4 октября 1891 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. — С.22.

<sup>80</sup> Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1872 год. — СПб.: Синодальная тип., 1873. — С.31.

<sup>81</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1878 года по 4 октября 1879 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880. — С.15.

<sup>82</sup> Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1885 год. — СПб.: Синодальная тип., 1887. — С.42.

<sup>83</sup> Устройство и освещение церквей в крещено-татарских местностях // Казанская центральная крещено-татарская школа / Н.И. Ильминский. — Казань: Центральная тип., 1887. — С.364–371.

<sup>84</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1876. — С.29.

<sup>85</sup> Построение и освещение храма в селе Янцоварах // Известия по Казанской епархии. — 1885. — № 2. — С.48–55.

<sup>86</sup> Цит. по: *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.) / М.А. Машанов. — Казань: Тип. Имп. ун-та. 1892. — С.167.

<sup>87</sup> Там же. — С.168.

<sup>88</sup> Наряду с планом усиления просветительской деятельности за счет увеличения количества крещено-татарских церковнослужителей, которые должны были стать основными проводниками православной традиции среди своих соплеменников, местной церковной властью двигало желание решить проблему нехватки православного духовенства (особенно церковного причта) в поликонфессиональных местностях, связанную с увеличением количества приходов и уменьшением выпускников духовных семинарий, желающих замещать «проблемные» и малоодоходные татарские приходы (См.: Переписка архиепископа Казанского Антония с Духовно-училищным комитетом Св. Синода. НА РТ. Ф.10. Оп.5. Д.881. Л.68-77).

<sup>89</sup> *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.) / М.А. Машанов. — Казань, 1892. — С.179–182.

<sup>90</sup> ГАКО. Ф.237. Оп.222. Д.316. Л.1059.

<sup>91</sup> В частности, в 1893 г. на торжественную встречу этой иконы в город прибыло до 300 татарских богомольцев (Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать шестой учебный год. С 4 октября 1892 года по 4 октября 1893 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1895. — С.6).

<sup>92</sup> Примечательно, что с 1880-х гг. для обозначения крещеных татар, закрепленных в православии, все чаще начинает использоваться субконфессионализм кряшен, кара (черный) кряшен, «урысмак» (т.е. такой, как русский).

<sup>93</sup> *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.) / М.А. Машанов. — Казань, 1892. — С.68.

<sup>94</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1875 года по 4 октября 1876 года. — Казань, 1876. — С.20.

<sup>95</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1888 года по 4 октября 1889 года. — Казань, 1889. — С.20.

<sup>96</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1885 года по 4 октября 1886 года. — Казань, 1886. — С.36.

<sup>97</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1891 года по 4 октября 1892 года. — Казань, 1892. — С.27.

<sup>98</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1897 года по 4 октября 1898 года. — Казань, 1898. — С.61.

<sup>99</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия. С 4 октября 1898 года по 4 октября 1899 года. — Казань, 1899. — С.58.

<sup>100</sup> Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1897 г. — Вятка: Изд-во Малашева, 1898. — С.44–45.

<sup>101</sup> ГАКО. 237. Оп.222. Д.316. Л.1065.

<sup>102</sup> Отчет Православного миссионерского общества за 1895. — М.: Тип. А.Ф.Снегирева, 1896. — С.55.

<sup>103</sup> Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1888. — Вятка: Изд-во Малашева, 1889. — С.9-10; Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1894. — Вятка: Изд-во Малашева, 1895. — С.22–23.

<sup>104</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.3068. Л.12.

<sup>105</sup> Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1893. — Вятка: Изд-во Малашева, 1894. — С.10.

<sup>106</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 30 октября 1876 года по 30 октября 1877 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878. — С.72.

<sup>107</sup> Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1892 год. — Вятка: Изд-во Малышева, 1893. — С.9.

<sup>108</sup> Сюда на священническое место был назначен один из лучших воспитанников В. Тимофеева «старокрещеный» татарин деревни Ташкирмень Козьма Прокофьев, бывший сначала несколько лет деревенским школьным учителем, потом диаконом и помощником учителя в КЦКТШ.

<sup>109</sup> Из 112 семейств этой деревни в православии остается только 7 (Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать девятый учебный год. С 4 октября 1895 года по 4 октября 1896 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1897. — С.46).

<sup>110</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.3697. Л.5 об.

<sup>111</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1876. — С.42.

<sup>112</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за пятнадцатый 1882–1883 братский год. — Казань, 1883. — С.32.

<sup>113</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за пятнадцатый 1879–1880 братский год. — Казань, 1881. — С.19–20.

<sup>114</sup> *Ильминский Н.И.* Записка Н.И. Ильминского по вопросу об отпадениях крещеных татар Казанской губернии 1881 года / Н.И. Ильминский // Православный собеседник. — 1895. — № 1. — С.258.

<sup>115</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за пятнадцатый 1880–1881 братский год. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. — С.15.

<sup>116</sup> *Малов Е.* Крестом и мечом. Дневник миссионера / Е. Малов // Идель. — № 6. — 1993. — С.39. Всего в ходе этого движения в Казанской губернии в ислам перешло до 1500 человек (НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д. 5720. Л.2–20).

<sup>117</sup> *Ильминский Н.И.* Записка Н.И. Ильминского по вопросу об отпадениях крещеных татар Казанской губернии 1881 года / Н.И. Ильминский // Православный собеседник. — 1895. — № 1. — С.272.

<sup>118</sup> Приложение к всеподданнейшему отчету Казанского губернатора за 1892. — Казань, 1893. — С.37; *Кобзев А.В.* Расселение и численность мусульман Симбирского края во второй половине XIX — начале XX вв. / А.В. Кобзев // Файзхановские чтения: материалы четвертой ежегодной научно-практической конф. — Н. Новгород: Медина, 2008. — С.73–74; ГАКО. 237. Оп.222. Д.316. Л.1066.

<sup>119</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.3697. Л.5; Д.6541. Л.1-2; Д.6810. Л.2 об.-15; Д.9740. Л.1–6.

<sup>120</sup> В 1886 г. православная часть крестьян деревни Баймурзино (единственная татарская деревня Тетюшского уезда, подавляющее число жителей которой осталось в христианстве)

составила приговор о своем «нежелании более терпеть магометанство в своем православном обществе», вследствие чего деревня была разделена на две части — православную и мусульманскую (НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.6810. Л.3). В 1897 г. по этой же причине произошел раздел сельского общества в дер. Чекильдеево Буинского уезда Симбирской губернии (ГАУО. Д.134. Оп.7. Д.625. Л.4).

<sup>121</sup> Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать седьмой учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. — Казань, 1884. — С.28; Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать седьмой учебный год. С 4 октября 1885 года по 4 октября 1886 года. — Казань, 1886. — С.36.

<sup>122</sup> НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д. 4469. Л.4.

<sup>123</sup> В это время важнейшим фактором в росте слухов и волнений среди татар-мусульман наряду с миссионерской деятельностью православной церкви было введение в 1888 г. обязательного ценза по знанию русского языка для мусульманского духовенства.

<sup>124</sup> Более подробно об этом движении см.: *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии / И.К. Загидуллин. — Казань: Тат. кн. изд-во, 2000.

<sup>125</sup> *Малов Е.* Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Дневник миссионера: сб. ст. / Е. Малов. — Казань, 1892. — С.203; Одигитриевский Н. Указ. соч. — С.12; *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX вв. / А.Ю. Хабутдинов. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — С.108.

<sup>126</sup> Особую популярность эти религиозные движения приобретают среди «неофициальных» мусульман. Нежелание государства и части официального мусульманского духовенства признавать «отпавших» мусульманами (что входило в противоречие с нормами ислама и шариата) отталкивало их от «официального» ислама, в пользу оппозиционных к нему мусульманских движений. Так, одним из активных сторонников Багаутдина Ваисова (Хамзин) был ишан-проповедник Мухаммед Саид-Джагфаров («жырлаучы Жәфар»), лидер движения за возвращение в ислам 1866—1868 гг. (родом из «старокрещенской» деревни Елышево Мамадышского уезда Казанской губернии) (НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1948. Л.4; *Глухов М.С.* Судьба гвардейцев Сеюмбике / М.С. Глухов. — Казань: Ватан, 1993. — С.31).

<sup>127</sup> *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки / С.В. Чичерина. — СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1906. — С.133.

#### Аннотация

Предлагаемая статья посвящена изучению проблемы исламизации и христианизации коренных народов Волго-Камского региона в пореформенный период. В публикации рассматриваются методы противодействия росту социо-культурного влияния татар-мусульман, результаты этой деятельности.

**Ключевые слова:** исламизация, христианизация, пореформенный период.

#### Summary

The article is devoted to studying of the problem of perception the native peoples of the Volga-Kama region to Islamic and Orthodox religious traditions. In this article the methods of counteraction to the growth of religious and cultural influence of the Tatars-Moslems, the results of this activity are considered.

УДК 355:94“1939/1945”

## ТАТАРЫ И УРОЖЕНЦЫ ТАТАРСТАНА НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук*

В памяти народа навсегда сохранится зловещая дата – 22 июня 1941 года – день, когда фашистская Германия, нарушив договорные обязательства, начала военные действия против Советского Союза. Война вошла в каждую семью, каждый дом, сея вокруг боль, отчаяние, смерть.

Сегодня многие факты и события, долгие годы замалчивавшиеся в советской историографии, стали известны широкому кругу читателей. В монографиях, статьях, газетных публикациях, посвященных периоду 1941–1945 гг., профессиональные историки и журналисты пытаются дать объяснение катастрофическому началу войны, выяснить истинные причины крупных поражений советских войск. Среди них называются массовые репрессии против военачальников, нанесших огромный ущерб дееспособности армии; недальновидность и в некоторой степени благодущие Сталина, который зная о явных признаках возможной фашистской агрессии против СССР, запретил военному командованию осуществлять мобилизационные мероприятия и приводить в боевую готовность приграничные районы. Дезавуировалось и само население: в средствах массовой информации усиленно муссировался тезис только о наступательном характере боевых действий со стороны Красной Армии; вариант оборонительной войны даже не рассматривался, тем более на своей территории.

Ошибки и просчеты высшего руководства дорого стоили советскому на-

роду. Многие погранзаставы и соединения, принявшие на себя первые удары врага, погибли. Десятки, сотни тысяч военнослужащих, попавших в плен, затем долгие годы не могли освободиться от прикрепленного к ним ярлыка предателя.

Можно ли оправдать эти напрасные жертвы? Должны ли мы понять и простить правительство, хладнокровно бросившее своих сограждан на смерть? Ответ, думается, однозначно отрицателен и не требует обсуждения.

Конечно, ни одна война не обходится без кровопролития. Но феномен страны социализма состоял в том, что за короткое время (всего два с небольшим десятилетия) существования Советской власти государственному аппарату с помощью умело поставленной идеологической пропаганды удалось заставить советских людей беспрекословно и безусловно выполнять любые приказы партии и правительства, отдавая в жертву самое дорогое – жизнь.

Но понимание этого, сама возможность объективного анализа предвоенных и военных событий пришли к нам значительно позже, только в конце XX столетия – в период, когда история стала болевой точкой общественного сознания и стремление узнать «всю правду» о прошлом заставило историков по-новому переосмысливать уже известные факты, изучать и выявлять доселе «закрытые зоны» и «белые пятна».

Тогда же, в трагическом 1941 г., для всех советских людей слова «коммунистическая партия», «Сталин» отожд-

дествлялись с понятием «Отечество». Поэтому, как только в стране стало известно о нападении фашистской Германии, весь народ встал против врага. Возможно, небольшая часть граждан взяла в руки оружие под воздействием партийно-пропагандистских лозунгов, но большинство населения, несмотря на языковые, культурные, национальные, наконец, различия, ощущало внутреннюю потребность, необходимость подняться на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Ежедневно, ежечасно рискуя жизнью, презрев смерть, они защищали Родину – единую большую страну, ассоциировавшуюся для них в тот период с Союзом Советских Социалистических Республик.

Активное участие в вооруженной борьбе с фашизмом приняли и жители Татарстана. До недавнего времени во всех работах, посвященных военному периоду, указывалось, что на фронт из республики было отправлено 560 тысяч человек, 87 тысяч из них погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками<sup>1</sup>. Однако современные источниковые исследования, огромная кропотливая работа составителей республиканской «Книги Памяти» во главе с ее главным редактором А.А. Ивановым позволили уточнить некоторые данные, касающиеся военного времени<sup>2</sup>. Сегодня достоверно известно, что в годы войны в действующей армии сражались около 700 тысяч сынов и дочерей республики, более 350 тысяч из них (каждый второй) не вернулись к своим родным. Их имена занесены в многотомную Книгу Памяти, цель которой – увековечить ратные подвиги татарстанцев, донести до будущих поколений память о тех, кому мы обязаны мирным небом над головой. На сегодняшний день выпущено уже 27 томов этого скорбного мартиролага.

Военно-мобилизационная работа в республике развернулась сразу же после объявления о начале войны. 22 июня 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ о мобилизации на территории 14 военных округов военнообязанных граждан, родивших-

ся с 1905 по 1918 г. включительно. Татарстан входил в состав Поволжского военного округа.

Кроме того, в пополнении действующей армии боевыми резервами важную роль сыграло патриотическое движение трудящихся по созданию народного ополчения. Заявления с просьбами о добровольном зачислении в ряды Красной Армии стали поступать в военкоматы Татарстана уже в первые дни и часы войны. Типичны были заявления следующего содержания: «Подлость фашистской своры, осмелившейся напасть на нашу Родину, вызвала у меня великую ненависть к заклятому врагу... Прошу Вас, тов. военком, направить меня в действующую армию. За дело любимой Родины не пожалею себя и своей жизни», – так писала работница управления связи А.Н. Лывина<sup>3</sup>.

Закир Галиев, выступая на митинге в колхозе «Дирижабль» Альметьевского района, указывал: «Отечественная война – это священная война, война за свободу и независимость. В настоящее время двое моих сыновей сражаются за Родину, за Сталина. Несмотря на то, что мне сейчас 53 года, я и сам готов вместе с моими сыновьями бороться за то, чтобы уничтожить фашистские банды»<sup>4</sup>.

Аналогичные заявления подали Мулланур Гарипов, Михаил Фомин, Петр Сафронов, Мубарак Фазлеев, Зайтуна Халиуллина и др. Всего за 6 дней с начала войны (с 23 по 29 июня 1941 г.) от граждан республики было подано свыше 5 тысяч заявлений об отправке их в действующую армию<sup>5</sup>.

Большинство татарстанцев уходило на фронт с чувством глубокого удовлетворения. Стремление защитить землю, на которой они родились, жизнь родных и близких двигало их делами и помыслами.

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что на фоне массового всплеска патриотизма в республике имели место отдельные случаи дезертирства и антисоветских высказываний. Так, 29 июля 1941 г. из рядов ВКП(б) был исключен бывший директор Абдрахмановской

средней школы Альметьевского района Татарстана Кашиф Галимов за «контрреволюционные разговоры»<sup>6</sup>. После тщательной проверки было установлено, что «...в период мобилизации в Красную Армию К.З. Галимов ударился в панику и распространял контрреволюционные высказывания, такие как, например: «Мы победить не можем, Германия нас победит, нас туда отправляют как пушечное мясо...» Довольно скоро по отношению к возмутителю душевного спокойствия сельчан были приняты надлежащие меры. К.З. Галимов был арестован и заключен в тюрьму<sup>7</sup>.

Высказывания такого рода были довольно редки, но совсем не единичны. Они свидетельствовали о противоречивости массового сознания граждан в военное время. Но в тяжелые годы военного лихолетья власти не дифференцировали причин, побудивших людей высказываться не по-советски, не по-коммунистически. Все подобные случаи в соответствующих органах расценивались однозначно, как «происки классово чуждых элементов», с которыми в чрезвычайных условиях следует бороться согласно законам военного времени.

В целом же, необходимо отметить, что военкоматы Татарстана вполне справились с поставленными перед ними в военный период задачами. Мобилизационные наряды выполнялись в указанные сроки и в основном в полном объеме.

Однако, несмотря на огромный масштаб военно-мобилизационной работы, размах войны вызывал необходимость пополнения Красной Армии все новыми и новыми бойцами. Поражения советских войск в ее начальный период заставили руководство страны искать новые возможности для подготовки значительных военных резервов. Было принято решение о формировании новых частей и соединений непосредственно на территории национальных республик в глубоком тылу. К началу войны в Татарстане уже дислоцировались 18 и 86 стрелковые дивизии. В ав-

густе 1941 г. в городе Бугульме началось укомплектование 352 с.д., в сентябре 1941 г. — 334 с.д. В декабре 1941 г. была начата работа по формированию 146 и 147 с.д., в марте 1942 г. — 120 с.д.

Всего за годы войны из республики на решающие участки фронта было направлено 7 стрелковых дивизий, 91-я отдельная танковая бригада, отдельный инженерно-саперный батальон, две авиационные дивизии, десятки отдельных полков. Эти воинские формирования были многонациональными по составу. Вместе с тем работа по комплектованию их на территории республики предопределила тот факт, что значительную долю в них составляли татары. Например, в 334 стрелковой дивизии служили представители 33 национальностей, в том числе татары составляли 9,5% дивизии. 352 стрелковая дивизия была укомплектована представителями 27 национальностей, среди них татары составляли 7,9%<sup>8</sup>.

Лица татарской национальности были в значительной степени представлены и среди воинских частей, формировавшихся на территории других областей и республик СССР, отмеченных компактным проживанием татарского населения накануне войны. Например, в 195 стрелковой дивизии, созданной в марте 1942 г. в Чкаловской (ныне Оренбургской) области, 1945 человек были татары. А в 8-й гвардейской стрелковой дивизии, комплектование которой проводилось на территории Казахстана, татары составляли 2,1% ее состава<sup>9</sup>.

К сожалению, пока состояние источниковой базы не позволяет нам выяснить точное количество лиц татарской национальности, призванных на фронты войны. Тем не менее можно предположить, что из Татарстана — места наиболее компактного расселения татар (насчитывая 1422 тыс. человек, они составляли 48,8% к общей численности населения республики)<sup>10</sup> — в военные годы было мобилизовано около 390 тысяч татар<sup>11</sup>.

Кроме того, исследования известных союзных историков Ю.И. Кораблева,

Г.А. Куманева, А.П. Артемьева показывают, что в 1943 г. в составе только 200 стрелковых дивизий, изученных ими, татары составляли до 2,6% их состава, тогда как доля татарского населения по отношению к общей численности граждан СССР в этот период составляла 2,54%<sup>12</sup>.

На полях сражений воины-татары и уроженцы Республики Татарстан показали себя отважными и мужественными бойцами. Летопись Великой Отечественной полна примерами их бесстрашия и героизма.

В первый же день войны пришлось столкнуться с врагом бойцам погранотряда в Карелии под командованием старшего лейтенанта, уроженца села Прости Нижнекамского района Никиты Фадеевича Кайманова. Против них были брошены два вражеских батальона. На каждого пограничника приходилось по 10–15 вражеских солдат. В сложных условиях отсутствия связи с внешним миром, нехватки боеприпасов, продуктов, застава целый месяц сдерживала натиск врага. Только в ночь на 22 июля отряд Кайманова оставил занимаемые позиции и, вырвавшись из окружения, вышел к своим. 26 августа 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Н.Ф. Кайманову было присвоено звание Героя Советского Союза<sup>13</sup>. После войны он продолжил службу в погранвойсках, окончил Военную академию им. Фрунзе и в звании полковника вышел в запас.

Долгое время считалось, что Н.Ф. Кайманов первым среди татарстанцев был удостоен высшего знака отличия. Однако тщательное изучение архивных документов, сопоставление их с другими источниками показывает, что первым кавалером Золотой Звезды в республике в военные годы стал уроженец Казани, майор Федор Алексеевич Баталов. Ему звание Героя Советского Союза было присвоено уже 9 августа 1941 г.<sup>14</sup>

Кадровый офицер, Ф.А. Баталов в 1918 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии, участвовал в граждан-

ской войне и в боях с белофиннами. Великая Отечественная война для капитана Баталова началась также в первый день нападения фашистов. Отражая яростные атаки врага, воины его стрелкового батальона действовали в обороне с большим упорством и стойкостью. В июле-августе 1941 г. батальон, а затем и весь 437-й стрелковый полк под командованием ставшего майором Баталова отличился в жарких наступательных боях на территории Белоруссии в районе г. Жлобин. 17 августа 1941 г. в сражениях на белорусской земле Ф.А. Баталов был тяжело ранен и погиб на поле боя смертью храбрых.

Никогда не померкнет в памяти народа подвиг легендарных защитников Брестской крепости. Среди них был и сын татарского народа – уроженец Пестречинского района республики, командир 44-го стрелкового полка, майор Петр Михайлович Гаврилов. Он руководил обороной Восточного форта Кобринского укрепления крепости.

«Нам приходилось отражать по нескольку атак в день, ходить врукопашную, – вспоминал Петр Михайлович впоследствии, – каждый раз гитлеровцы отходили с большими потерями». Целый месяц продолжалась беспримерная оборона крепости. Измученный длительной напряженной борьбой, голодом и жаждой, Гаврилов стоял до последнего. На 32-й день он в бессознательном состоянии был захвачен в плен.

Русские врачи лагерного госпиталя для пленных сделали все, чтобы вернуть к жизни умирающего майора. Позже они рассказывали, что в лагерь несколько дней подряд приезжали гитлеровские офицеры, чтобы посмотреть на советского командира.

Однако парадокс истории заключается в том, что человек, поразивший воображение гитлеровцев негибимой силой духа, для Сталина и всего советского народа долгое время оставался «под подозрением». После фашистского плена Гаврилову пришлось доказывать свою невиновность в соответствующих

инстанциях. Только после смерти Сталина, в период т.н. «хрущевской оттепели», П.М. Гаврилов был реабилитирован, а в 1957 г. удостоен звания Героя Советского Союза<sup>15</sup>.

Главным событием первого года войны стала битва за Москву. Чтобы не допустить врага к столице, советским людям пришлось заплатить огромную цену. Война с жадностью поглощала новые свежие силы, молодую поросль, цвет народа. Но именно здесь гитлеровская армия, до этого триумфально шествовавшая по Европе, потерпела свое первое значительное поражение.

Героизм в эти дни был массовым. Отважными воинами зарекомендовали себя бойцы 18-й, 146-й, 334-й, 352-й стрелковых дивизий из Татарстана.

18-я Казанская стрелковая дивизия, сформированная на территории республики еще в 1939 г. и отправленная на фронт в первые дни войны, преградила врагу путь к Москве в полосе Орша – Шклов. Оказавшись в полном окружении, она отбила бесчисленные атаки врага, удержала позиции, нанесла чувствительный урон противнику.

В ожесточенных боях отличились многие наши земляки. Храбро сражался и вывел из окружения дивизион гаубиц майор Шаги Садыков. Заменяв раненого командира роты, вместе с политруком Поськовым повел бойцов в контратаку младший лейтенант Иван Ионенко. Рискованную операцию по налаживанию связи с советскими войсками осуществил С.А. Тагиров. Оценивая подвиг дивизии, генерал армии П.А. Курочкин писал: «У меня, как у командующего 20-й армией, навсегда сохранится самое лучшее впечатление о 18-й дивизии, о всех ее солдатах, командирах и политработниках. Трудные испытания начального периода минувшей войны казанцы прошли с честью»<sup>16</sup>.

После провала плана молниеносной войны под Москвой гитлеровский штаб решающей на Восточном фронте считал летнюю кампанию 1942 года. Воспользовавшись отсутствием второго фронта, немецко-фашистское командование

организовало новое мощное наступление, в результате которого армиям противника удалось выйти к предгорьям Кавказа и в район Сталинграда. Началась оборона волжской твердыни – одна из самых героических страниц Великой Отечественной войны.

Именно в дни Сталинградской битвы советское командование опубликовало приказ № 227 «Ни шагу назад!». Долгое время в исторической литературе он трактовался как необходимый в жестоких военных условиях, призванный сыграть решающую роль в поднятии боевого духа солдат и офицеров, в укреплении их решимости стоять до конца. Между тем все более утверждающаяся среди ученых цивилизационная парадигма в освещении исторических событий требует нового подхода при рассмотрении уже известных фактов и положений. В контексте данной теории, признающей приоритетной значимость жизни каждого человека, указанный приказ можно считать преступным. По нему ни для кого не допускалось ни малейших послаблений. Минутная, секундная слабость молодого, еще не обстрелянного в боях 18–20-летнего безусого юнца могла стоить ему жизни, так как согласно приказу «паникеры и трусы должны были истребляться на месте» своими же братьями по оружию.

«Поддерживаемые» в том числе и такого рода приказами, советские войска громили фашистские полчища. В сражениях на Сталинградской земле отличились многие татарстанцы. На весь фронт гремела слава известного снайпера, бывшего казанского рабочего Анатолия Чехова, лично уничтожившего 265 гитлеровцев. Среди легендарных защитников «Дома Павлова», более 58 суток удерживавших здание, были наши земляки: бронебойщик ефрейтор Рамазанов и боец Шкуратов.

Целые боевые подразделения, сформированные в республике, участвовали в обороне Сталинграда. В составе войск 62-й армии храбро сражались воины 147-й стрелковой дивизии под командованием А.А. Вольхина. Значитель-

ный урон врагу нанесла 91-я отдельная танковая бригада Я.И. Якубовского.

Умелыми и отважными воинами показали себя под Сталинградом бойцы 38-й стрелковой дивизии под командованием нашего земляка, уроженца Арского района, полковника Гани Беккиновича Сафиуллина.

Им удалось пленить более 18 тысяч солдат и офицеров, захватить 22 самолета, 3 бронепоезда, более 400 орудий и минометов, уничтожить 108 танков, более 1 тысячи автомашин. За образцовое выполнение приказов командования дивизии было дано почетное наименование гвардейской, а Г.Б. Сафиуллина присвоено звание генерал-майора<sup>17</sup>.

Необходимо отметить, что в боях под Сталинградом участвовало много воинов-татар не только из нашей республики, но и из других регионов. На 10 сентября 1942 г. в личном составе Сталинградского фронта насчитывался 6671 татарин<sup>18</sup>. Фашистам хорошо были известны их самоотверженность и отвага. Немецкий ефрейтор в разгар Сталинградской битвы писал своему брату в тыл: «Здесь против нас много татар. Это сумасшедшие люди, и я не хотел бы встретиться с татаринном даже во сне»<sup>19</sup>.

Мужество и смелость татар высоко оценивали их боевые товарищи. «Этот — татарин, он не подкачает», — часто можно было услышать на фронте», — отмечал Илья Эренбург в своих корреспонденциях о татарских солдатах<sup>20</sup>.

Дни Сталинградской битвы примечательны еще и тем, что в это время с целью объединения бойцов, консолидации их усилий в боях с немецко-фашистскими захватчиками Верховным Главнокомандованием было принято решение организовать выпуск фронтовых газет на языках народов СССР.

В советской историографии утвердилась точка зрения, что в военные годы издавалось 8 фронтовых газет на татарском языке<sup>21</sup>. Однако тщательные исследования казанского журналиста и ученого А.К. Айнутдинова привели к выявлению вдвое большего числа таких газет. На сегодняшний день мы зна-

ем о 16 татарских фронтовых газетах<sup>22</sup>. Для усиления состава их редакций уже в 1942 г. из Татарстана была командирована группа писателей. В частности, литсотрудниками газеты «Ватан очен» («За Родину») Северо-Западного фронта работали Х. Усманов, Ш. Мударрис, Г. Насрый. В творческую командировку в редакцию этой газеты приезжали писатели Г. Баширов, М. Амир. Активно работали в редакции газеты «Кызыл Армия» («Красная Армия») 1 Белорусского фронта И. Гази и А. Кутуй. В газете «Ватан очен сугышка» («В боях за Родину») Карельского фронта сотрудничал А. Абсалямов.

Татарские фронтовые газеты выпускались форматом 30 на 42 см, периодичностью 2 раза в неделю. Вначале их тираж колебался от 5 до 8 тыс. экземпляров, а затем стал устанавливаться исходя из того, чтобы одна газета приходилась на 5 или 10 человек.

Фронтовые газеты на татарском языке были призваны активно вести идеологическую обработку солдат: звать на новые подвиги, напоминать о правильности решений Сталина и Ставки... И все же, даже при резко конъюнктурном характере этих газет, они были нужны бойцам, т.к. чтение газет и листовок на родном языке сплачивало бойцов, повышало настроение, укрепляло моральный дух, помогало выжить.

Победа под Сталинградом явилась кульминационным моментом в борьбе за коренной перелом в ходе войны. Контрнаступление советских войск переросло в мощное наступление на большей части советско-германского фронта. В последующих наступательных операциях враг был отброшен от Волги на 600–700 километров. В январе 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда. Началось массовое изгнание фашистских оккупантов с территории Советского Союза. Для закрепления победного духа воинов Коммунистическая партия в духе лучших советских традиций организовала широкомасштабную кампанию — трудящиеся союзных и национальных республик должны

были составлять письма-наказы своим землякам, которые публиковались на страницах центральных периодических изданий. В течение первого полугодия 1943 г. были отправлены письма жителей Узбекистана, Казахстана, Армении, Киргизии и др.

5 марта 1943 г. в «Правде» было опубликовано письмо трудящихся Татарской АССР всем фронтовикам-татарам. Письмо подписали 1511137 человек. В нем говорилось: «Татарские джигиты! Вам, кто, не щадя своих сил и жизни, грудью защищает каждую пядь родной земли на фронтах, от моря Белого до моря Черного..., в дни замечательных побед наших войск шлет татарский народ свой пламенный салам! ...Мы крепко верим, что вы не дадите передышки врагу, будете гнать его все дальше на запад и до конца истребите немецких захватчиков»<sup>23</sup>.

Несмотря на спланированный, в определенной степени заказной характер этой акции, инициированный высшим руководством страны для поддержания патриотического духа бойцов, письмо фронтовикам-татарам вызвало большое воодушевление среди солдат и офицеров, стимулировало их на новые подвиги.

В сражениях 1943–1945 гг. татары и татарстанцы с честью выполняли наказ своих земляков. Особо ожесточенные бои разгорелись на Орловско-Курском направлении. Здесь отличились войска 13-й армии. По данным Министерства Обороны, только в семи стрелковых дивизиях этой армии на 1 июля, наряду с русскими, украинцами и воинами других национальностей, насчитывалось 1276 татар<sup>24</sup>. В сражениях на Курской дуге замечательно проявил себя уроженец Рыбно-Слободского района Татарстана, наводчик орудия Закий Шаймарданов. В июле 1943 г. возле села Красная Дубрава ему пришлось участвовать в отражении вражеской танковой атаки. На орудие Шаймарданова шли 12 танков. Первым же выстрелом он поджег головную машину. Когда загорелся второй танк, отряд противника пришел

в смятение и обрушил залпы нескольких орудий на досаждавшую им пушку. Семь раз взрывной волной отбрасывало сержанта от орудия, но, поднявшись с земли, он каждый раз продолжал поединок. Мужество и бесстрашие советского бойца оказались сильнее броневой мощи врагов. Потеряв три «тигра» и два средних танка, гитлеровцы отошли<sup>25</sup>. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 г. З. Шаймарданову присвоено звание Героя Советского Союза.

В знаменитом танковом сражении в районе села Прохоровка в составе 10-го танкового корпуса отважно сражались воины из республики Ф. Шарипов, В. Халиков, К. Уразов, М. Новиков. Все бригады корпуса были оснащены танками Т-34 с надписью на борту «Колхозник Татарии». 200 боевых машин, построенных на средства трудящихся республики, были переданы прославленному корпусу под командованием уроженца Елабужского района, генерал-лейтенанта Василия Герасимовича Буркова. В районе Белгорода громили врага пикирующие бомбардировщики Пе-2, переданные жителями республики полкам 202-й бомбардировочной авиационной дивизии. На фюзеляжах боевых машин была выведена надпись «Совет Татарстаны».

Находчивость и отвагу продемонстрировали наши земляки в период форсирования Днепра. Среди 2500 солдат и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза за преодоление этой мощной водной преграды, 40 человек – уроженцы Татарстана. Под непрерывным огнем противника, днем и ночью переправлялись через Днепр Гали Закиров, Шамиль Рахматуллин, Вилен Бурмистров, Накип Сафин, Фатых Шарипов и др.

В январе 1944 г. Газинур Гафиятуллин, уроженец дер. Сугушла Бугульминского района, совершил подвиг, о котором знают сегодня все жители республики. Было это в Псковской области. 20-й стрелковый полк, в котором служил Гафиятуллин, получил приказ

выбить противника из селения Овсище, превращенного гитлеровцами в мощный опорный пункт. Путь советским воинам преграждали траншеи, проволочные заграждения. Под развалинами домов маскировались дзоты, огневые точки. Когда наступающие подошли к окраине Овсища, бойцы Гафиатуллина первыми прорвались к немецким траншеям. Они подобрались к дзоту и позициям батареи противотанковых орудий и забросали их гранатами. Но дальнейшему продвижению отделения мешал пулемет, губительным огнем поливавший все вокруг. Бойцы залегли. Газинур, спросив разрешения у командира роты, взялся уничтожить вражескую огневую точку. Под пулями он подполз к дзоту и бросил гранату. Но пулемет врага продолжал стрелять. До укрепления оставалось лишь несколько метров, а у бойца уже не было гранат. И Газинур решился. Лежавшие в снегу солдаты видели, как перед дзотом выросла фигура сержанта. С призывом «За Родину» он схватился руками за дуло вражеского пулемета и своим телом закрыл амбразуру. Пулемет замолчал. 3 июля 1944 г. Газинуру Гафиатулловичу Гафиатуллину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза<sup>26</sup>.

В годы Великой Отечественной войны 13 татарстанцев пожертвовали жизнью, закрыв своими телами амбразуры пулеметных точек противника. Побратимами по великому ратному подвигу Александра Матросова стали Газинур Гафиатуллин, Барый Шавалиев, Хафиз Зарипов, Алексей Исаев, Нур Идрисов, Николай Липатов, Арсений Карташов, Абдулла Салимов, Мингали Губайдуллин, Мансур Валиуллин, Салахутдин Валиуллин, Ахмет Мухамедов, Афанасий Панарин.

В ряду незабываемых имен, прославивших республику и ее народ, имя Николая Георгиевича Столярова – летчика авиационного штурмового полка, воспитанника Казанского аэроклуба Осоавиахима. Он – единственный в Татарстане, кто был удостоен звания Героя Советского Союза дважды. Его

послужной список за 2,5 года участия в боях выглядит внушительно: совершено 185 боевых вылетов, уничтожено 52 танка, 24 артиллерийские батареи, более 200 автомашин, до тысячи фашистских солдат и офицеров. Кроме того, склады, аэродромы, сбитые в воздушных боях фашистские самолеты. По Указу Президиума Верховного Совета СССР на родине Столярова, в г. Казани, был установлен его бронзовый бюст, выполненный известным скульптором В.М. Мухиной<sup>27</sup>.

780 боевых вылетов совершила отважная дочь татарского народа, Герой Советского Союза Магуба Хусаиновна Сыртланова. Начав воевать осенью 1942 г. рядовой летчицей, она выросла до заместителя командира эскадрильи полка. На боевом счету Магубы – почти 1000 часов в воздухе, за это время она обрушила на врага 140 тонн бомб. Командир эскадрильи гвардейского Таманского авиаполка М.П. Чечнева, давая блестящую характеристику Магубе Хусаиновне, восхищенно говорила: «Лучших летчиков-мужчин у нас в стране называют соколами. Таким соколом в нашем женском полку по праву слыла М.Х. Сыртланова. Она являлась полновластной владычицей неба: всегда с большой точностью выводила группы самолетов в заданные районы. Даже в самых сложных метеорологических и боевых условиях у ее экипажа никогда не было неудачных вылетов»<sup>28</sup>.

Татарстанцы отличились и в завершающих сражениях войны. В составе войск 1-го Белорусского фронта в захвате г. Пренцлау участвовала 76-я гвардейская дивизия под командованием казанца, генерал-майора Александра Васильевича Кирсанова. Больше 100 кварталов Берлина освободила и закончила войну в центре города – на Александрплац – 146-я Казанская стрелковая дивизия.

Символом окончательной победы над фашизмом в сознании всего советского народа и каждого бойца Красной Армии стал штурм рейхстага. Известно, что штурм последней цитадели

фашизма, несмотря на ожесточенный характер схваток, проходил очень быстро. С занятием каждого этажа войны устанавливали на колоннах красные флаги. Наш земляк, татарин Гази Загитов вместе с группой своих боевых товарищей был одним из тех, кто первым водрузил знамя на крыше рейхстага<sup>29</sup>. Согласно сохранившимся документам, он это сделал на несколько часов раньше, чем отмеченные во всех военных изданиях М.А. Егоров и М.В. Кантария. На наш взгляд, факт водружения Знамени Победы бойцами разных национальностей — русским и грузином — являлся одной из многочисленных идеологических подтасовок, целью которой было доказательство нерушимого братства народов СССР, «закаленного в горниле войны». Так и повторялись эти две фамилии из монографии в монографию, из статьи в статью... Имена же других, неизбранных героев, к сожалению, были благополучно «забыты».

Отважно сражались наши земляки в годы войны и в тылу врага. Только на Смоленщине в партизанских отрядах насчитывалось более 200 сынов Татарстана. Одну из групп Герчиковского подполья возглавлял майор Бари Кадьрметов. Партизанский отряд «Саша» был организован Ахнефом Бикбаевым. В рядах белорусских партизан громили врага бугульминский парень Борис Пахомов, выпускница Чистопольской средней школы Рита Загирова.

Имена выходцев из Татарстана встречаются и среди героических подпольщиков. Самые рискованные, опасные операции Минского подпольного горкома партии поручались Ивану Константиновичу Кабушкину, известному фашистам под кличкой «Жан». За проявленные героизм и мужество он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Подвиги И.К. Кабушкина отражены в повести татарского писателя Шамиля Ракипова «Откуда ты, Жан?».

Даже в невыносимо жестоких условиях концентрационного режима вражеского плена советские люди продолжали бороться всеми доступны-

ми средствами. Всему миру сегодня известен подвиг сына татарского народа, поэта-патриота Мусы Джалиля. Между тем вплоть до 1952 г. его имя было окружено густым туманом оскорбительных предположений.

Летом 1942 г., будучи раненым, М. Залилов (Джалиль) попал в плен к фашистам. В это время гитлеровцы начали формирование так называемых «национальных легионов», готовясь использовать их в военных действиях против Красной Армии. В числе других в польском местечке Едлино был создан легион «Идель-Урал» из пригнанных насильно военнопленных из числа народностей Поволжья татар, башкир, марийцев и др. В связи с тем, что подавляющую часть легиона составляли волжские татары, фашисты иногда называли его Волго-татарским легионом.

Муса Джалиль мечтал повернуть оружие легионеров против самих фашистов. С этой целью он с товарищами организовал группу сопротивления среди узников-татар. Деятельность джалильцев явилась важным фактором в срыве планов фашистского командования. Первый же батальон, посланный на Восточный фронт, поднял восстание и, перебив немецких офицеров, влился в отряд белорусских партизан.

Ободренные успехом, Джалиль и его соратники начали готовить общее восстание военнопленных. Но фашистские шпионы выследили подпольщиков, руководители движения были арестованы, заключены в Моабитскую тюрьму и затем казнены. Вместе с Джалилем в тюрьме Плетцензее в Берлине погибли смертью героев Гайнан Курмаш, Абдулла Алиш, Фуат Булатов, Гариф Шибаетов, Ахмет Симаев, Абдулла Баттал, Зиннат Хасанов, Фуат Сайфельмулюков, Ахат Атнашев, Салим Бухаров.

Но дело джалильцев не пропало даром. Ни один из батальонов легиона не принял участия в военных действиях на стороне вермахта. В 1956 г. Мусе Джалилю посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а через год, в 1957 г., ему первому среди поэтов

была присуждена Ленинская премия за цикл стихов «Моабитская тетрадь»<sup>30</sup>.

2 мая 1945 года гарнизон Берлина окончательно капитулировал. Тысячи подписей оставили на колоннах и стенах рейхстага воины-победители. «Мы из тех, кто насмерть стоял у стен Сталинграда и штурмовал логово фашизма – Берлин, Малкин П.И., 1918 г. рождения, из Татарии», – так подписался полный кавалер ордена Славы Петр Иванович Малкин. «Казанская татарка приехала сюда с боями с Волги», – написала Р.Ш. Насырова из Казани, служившая старшим врачом гвардейского полка. «Таких записей, – отмечал в своей корреспонденции «Стена рейхстага» Ш. Мударрис, – десятки, сотни»<sup>31</sup>.

Эти подписи ярко демонстрируют вклад татар и уроженцев Республики Татарстан в священное дело разгрома фашизма и достижения Победы.

Итак, изученный комплекс источников показывает, что в годы Великой Отечественной войны татарский народ и народы Татарстана с честью выдержали все испытания военного времени. Они участвовали во всех крупных и небольших сражениях. В летопись Великой Отечественной навечно вписаны имена Героев Советского Союза: поэта-патриота Мусы Джалиля, защитника Брестской крепости Петра Гаврилова, летчика штурмового полка Николая Столярова, танкиста Виктора Григорьева, женщины-героя Магубы Сыртлановой.

Правительство высоко оценило подвиги своих сынов и дочерей. Среди награжденных орденами и медалями на 1 ноября 1947 г. были воины 193 национальностей. Из общего числа 9284199 наград – 174886 были вручены татарам<sup>32</sup>.

Звания Героя Советского Союза за военные годы были удостоены 11519 людей, представители 100 наций и народностей. По численности Героев – 161 человек – татарский народ занимает 4-е место после русских, украинцев и белорусов. В 1984 г. в Воениздате вышел историко-статистический очерк «Герои Советского Союза», в котором

приводятся цифровые данные по всем периодам войны. Так, в I период Великой Отечественной (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) звания Героя Советского Союза были удостоены 625 человек, в том числе 3 татарина. Во II период (19 ноября 1942 г. – 31 декабря 1943 г.) – общее количество награжденных Золотой медалью Героя составило 3658 человек. Из них татар – 63 человека. В III период (1 января 1944 г. – 9 мая 1945 г.) из общего числа награжденных – 7008 человек татар – 94 человека. Еще один татарин получил звание Героя Советского Союза за участие в партизанской войне в тылу врага<sup>33</sup>.

Однако жизнь не стоит на месте. И после войны историки и журналисты продолжают свои научные изыскания, делом доказывая, что призыв «Никто не забыт, ничто не забыто» является руководством к действию. Причем в поисках активно участвуют студенты, школьники. В республике огромный размах получило патриотическое движение, в рамках которого были созданы отряды «Снежных десантов», молодежное движение «Долина», «Отечество». Потомки ветеранов из года в год проводят поисковые экспедиции, приобщаются к исследовательской работе в архивах, военкоматах, учатся сопоставлять и думать. Сегодня благодаря их неравнодушному отношению к памяти фронтовиков достоянием общественности становятся все новые факты о легендарных подвигах сынов татарского народа. Так, например, в настоящее время хорошо известно, что Александр Матросов, как ранее писали в прессе, «русский чудо-богатырь», в действительности является Шакиржаном Мухаметжановым, уроженцем Башкортостана, татарин по национальности; русским же именем он был назван в детдоме в городе Мелекесе<sup>34</sup>. Имя Гази Загитова, участвовавшего в водружении Знамени Победы, тоже было реанимировано из забвения совсем недавно, хотя звание Героя Советского Союза, несмотря на ходатайство, ему так и не было присвоено.

В целом, за годы, прошедшие после войны, список легендарных татар значительно пополнился. В итоге, по последним сведениям, число татар среди Героев Советского Союза составляет 179 человек<sup>35</sup>.

В региональном плане заслуги татарстанцев отмечены следующим образом: более 200 наших земляков в военные годы были удостоены Золотой Звезды Героя Советского Союза, более 100 тысяч – награждены орденами и медалями СССР<sup>36</sup>. Среди 2457 полных кавалеров ордена Славы 50 человек – выходцы из республики. Трех орденов солдатской Славы удостоились разведчики Даян Булатов и Рифкат Гайнуллин, артиллеристы Каюм Забаров и Николай Зотов, танкисты Рустам Хамитов и Павел Михеев и мн. др.<sup>37</sup>

Война раскрыла полководческий талант замечательных командиров Советской Армии, генералов Леонида Говорова, Александра Кирсанова, Ивана

Конева, Михаила Кирпоноса, Дмитрия Карбышева, Гани Сафиуллина.

Таким образом, татары и татарстанцы достойно проявили себя на фронтах Великой Отечественной войны. Высоко оценивая героизм воинов республики, маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский писал: «Я, как старый солдат, много видел на фронте бойцов и командиров-татар и всегда восхищался их непреклонным упорством, железной волей в бою. Этот народ снискал к себе уважение за выдающееся мужество...»<sup>38</sup>.

Мы гордимся нашими ветеранами. Но как жаль, что жизнь многих из них после окончания той страшной войны не изобиловала «благополучной роскошью». Вместе с тем окружить их почетом и уважением вполне в наших силах. И наша задача – успеть сказать ветеранам слова искренней и глубокой благодарности за все, что они совершили ради нас, ради жизни на земле.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Гильманов З.И. Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. – Казань, 1977. – С. 4–5.

<sup>2</sup> История Татарстана: Учебное пособие для основной школы. – Казань, 2001. – С. 414.

<sup>3</sup> Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. – Казань, 1963. – С. 27.

<sup>4</sup> Социализмга. – 1941. – 6 июля.

<sup>5</sup> ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 22. Д. 43. Л. 157.

<sup>6</sup> ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 146. Л. 15.

<sup>7</sup> Там же. Д. 178. Л. 19.

<sup>8</sup> Дюрягин Р.М. Боевой путь и подвиги воинов дивизий, сформированных в Татарии: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1984. – С. 88; Бузяков З.С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам Марийской, Татарской и Чувашской автономных республик): дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1987. – С. 63.

<sup>9</sup> Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. – М., 1975. – С. 41–55.

<sup>10</sup> Всесоюзная перепись населения: Основные итоги. – М., 1992. – С. 59.

<sup>11</sup> Подсчеты автора.

<sup>12</sup> Корблев Ю.И., Куманев Г.А. Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне // СССР – великое содружество народов-братьев. – М., 1972. – С. 200; Артемьев А.П. Указ. раб. – С. 58.

<sup>13</sup> Герои Советского Союза – наши земляки: Сборник документальных очерков и зарисовок в 3 книгах. Кн. 2. – Казань, 1984. – С. 32–35.

<sup>14</sup> Герои Советского Союза... Кн. 1. – Казань, 1982. – С. 54–56.

<sup>15</sup> Советская Татария. – 1956. – 28 августа; 1965. – 21 февраля; 1970. – 18 января; 1979. – 9 мая; Социалистик Татарстан. – 1970. – 8 мая, 28 августа; Герои Советского Союза... Кн. 1. – Казань, 1982. – С. 99–101.

<sup>16</sup> Казанцев Ю.В. Восемнадцатая дивизия. – Казань, 1968. – С. 4.

- <sup>17</sup> Герои Советского Союза... Кн.3. — Казань, 1985. — С. 38.
- <sup>18</sup> Военно-исторический журнал. — 1982. — № 12. — С. 20.
- <sup>19</sup> За Родину. — 1942. — 3 ноября.
- <sup>20</sup> Советская Татария. — 1970. — 8 мая.
- <sup>21</sup> *Мурадян П.А.* Боевое братство. — М., 1978. — С. 84.
- <sup>22</sup> *Айнутдинов А.К.* Летопись подвига: исторический очерк по страницам фронтовых газет. — Казань, 1984. — С. 8.
- <sup>23</sup> Татария в период Великой Отечественной войны... — С. 280–283.
- <sup>24</sup> *Артемьев А.П.* Указ. раб. — С. 142.
- <sup>25</sup> Кзыл Татарстан. — 1944. — 26 марта.
- <sup>26</sup> Герои Советского Союза... Кн. 1. — Казань, 1982. — С. 115–118.
- <sup>27</sup> Герои Советского Союза... Кн.3. — Казань, 1985. — С. 76–79.
- <sup>28</sup> Советская Татария. — 1982. — 16 июля.
- <sup>29</sup> *Пискарев В.* Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом // Гасырлар авазы=Эхо веков. — 1996. — № 1/2. — С. 92–107.
- <sup>30</sup> Муса Джалиль. Красная ромашка / Вступительная статья Р. Мустафина. — Казань, 1981. — С. 36.
- <sup>31</sup> Фронт хакыйкате (Фронтовая правда). — 1945. — 12 июля: Советская Татария. — 1968. — 4 февраля: 1970. — 12 мая.
- <sup>32</sup> *Артемьев А.П.* Указ. раб. — С. 176.
- <sup>33</sup> Герои Советского Союза: Историко-статистический очерк. — М., 1984. — С. 288.
- <sup>34</sup> Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. — С. 347.
- <sup>35</sup> Подсчеты автора на основании книги И.Ф. Исмагилова «Герои татарского народа». На с. 166 И.Ф. Исмагилов указывает, что в ходе подготовки материалов книги были выявлены новые имена героев татарской национальности. Таким образом, как он отмечает, реальное количество татар — Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны и военных событий стало 184. В свою очередь, учитывая, что в это число вошли не только ветераны Великой Отечественной войны, но и участники других военных операций, мы совершили необходимые арифметические действия, высчитав разность между приводимой цифрой и вычитаемым, определенным нами по ходу изучения текста (мы исключили №№1, 56, 171, 182): 184–4=180. Далее: на с. 90 под № 142 ошибочно в список включен Столяров Н.Г. — по национальности русский. В итоге число фронтовиков, по нашим подсчетам, равняется 179 (с учетом людей, получивших это звание и в довоенный период 1938–1940 гг., но принимавших участие в вооруженной борьбе с фашизмом). См.: *Исмагилов И.Ф.* Герои татарского народа. — Казань, 2007. — С. 166, 15, 44, 90, 171, 182.
- <sup>36</sup> *Гильманов З.И.* Трудящиеся Татарии на фронтах... — С. 5.
- <sup>37</sup> История Татарской АССР. — Казань, 1980. — С. 179.
- <sup>38</sup> Книга Героев: О героизме татарского народа в Великой Отечественной войне. — Казань, 1946. — С. 25.

#### Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты участия татар и татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Предпринята попытка определить роль и значение татарского национального фактора в военный период, выявить количественные характеристики татарской составляющей в контингенте боевых подразделений, показать ратные подвиги наших земляков.

**Ключевые слова:** Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, ратные подвиги, воинские подразделения, национальный фактор.

#### Summary

The article is devoted to the question of the participation of the tatar people and people from Tatarstan in the armed struggle with Fascism during the years of the great Patriotic War. We tried to define the role and importance of the Tatar national factor in the war period, to clear out the quantity characteristics of their participation in the structure of the battle subdivisions. We also tried to show the war feat of the Tatar people in the Second World War.

УДК 658. 6(091)

## ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКИХ КУПЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ В 1817 И 1820 гг.

*Н.А. Кореева, аспирант*

Первая половина XIX столетия в истории отечественного предпринимательства занимает особое место не только в силу возросших масштабов, сфер и всех количественных показателей предпринимательской деятельности, но и, что особенно важно, благодаря достигнутым успехам в создании условий для промышленного предпринимательства в собственном смысле. Однако этот процесс протекал сложно и неоднозначно. Торговая деятельность, господствовавшая в это время в сфере предпринимательства, способствовала расширению сферы обмена, вовлечению в нее новых производителей и видов производства, формированию единого рынка. В процессе обращения торгового капитала происходили накопление и концентрация денежного имущества. Огромную роль в торговле играли ведущие ярмарки страны, одной из которых являлась Нижегородская.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению участия торговцев Казанской губернии во внутренней торговле России на примере Нижегородской ярмарки.

Начальный этап деятельности ярмарки практически не освещается современными исследователями, тем более отсутствуют сведения о казанских купцах, принимавших активное участие в торгах. Тема представляет большой научный интерес, т.к. крупнейший центр внутренней и внешней торговли – Нижегородская ярмарка – имел в хозяйственной жизни страны огромное значение. Свой торговый год российский

купец начинал и заканчивал в Нижнем. Прибывавшие сюда из разных регионов торговцы привозили сведения о том, как идет торговля на местах и каковы виды на предстоящий год. Каждый предприниматель, если он хотел, чтобы его товар сделался предметом широкого потребления, должен был непременно показать его на Нижегородской. Она являлась местом денежных расчетов за торговые сделки, совершенные на других ярмарках. Все это превращало Нижегородскую, с одной стороны, в выставку достижений российской промышленности, и притом главным образом тех ее отраслей, которые обслуживали потребности самых широких слоев населения, а с другой – в своеобразную всероссийскую биржу, устанавливающую на целый год цены на важнейшие предметы потребления.

Точкой отсчета Нижегородской ярмарки – правопреемницы Макарьевской – является 1817 г. После пожара, случившегося по завершении Макарьевской ярмарки в 1816 г., в экстренном порядке на новом месте, на противоположном берегу реки Ока, рядом с Нижним Новгородом были сооружены торговые ряды. Правительству удалось открыть торговый сезон 20 июля 1817 г. В последующие годы ярмарка действовала с 15 июля по 15 августа. До сооружения новых зданий ярмарочная торговля в 1817–1821 гг. производилась во временных балаганах, устраиваемых ежегодно [1, с.7–9]. В географическом отношении Нижегородская ярмарка имела выгодное месторасположение,

рядом с впадением Оки в Волгу. В рассматриваемый период Волга являлась основной транспортной артерией для перевозки грузов.

В 1819 г. правительство выкупило необходимую для сооружения ярмарочных зданий землю, находившуюся во владении частных лиц, государственных крестьян, купцов и т.д. В 1821 г. территория торжища была обмежевана в дачу Нижегородской ярмарочной конторы [6, с.34].

Обеспечение общественного порядка во время ярмарки было вверено нижегородскому гражданскому губернатору, который должен был неотлучно находиться на территории «торжища». Здесь же располагалась ярмарочная контора, главной обязанностью которой являлись раздача лавок и сбор за них установленной суммы денег, ремонт торговых помещений, составление отчета о ходе торговли и торговых оборотов. В административном отношении ярмарка была разделена на 10 кварталов, делами которых ведали специальные надзиратели. Кварталы, в свою очередь, делились на торговые ряды, во главе которых стояли рядские старосты, ежегодно избиравшиеся прибывшими торговцами. В обязанность рядского старосты входили сбор и подача сведений квартальному надзирателю о количестве привезенных и проданных товаров в своей торговой линии. При ярмарочной конторе находились пожарная и воинская команды. Кроме того, для обеспечения безопасности на период торговли ежегодно присылались городская полиция и казачья команда [1, с.9].

Товары, прежде чем попасть на ярмарку, проделывали большой путь и завозились задолго до открытия ярмарки.

В начале июля приплывали с верхних и нижних пристаней Волги и Оки расшивы и баржи, груженные разного рода товарами. Сухим путем шли со всех сторон купеческие обозы, сначала с украинских ярмарок, затем из Москвы, Казани и других мест.

Архивные материалы представляют несомненный интерес в плане выявления специализации предпринимателей, прибывавших на торги из различных регионов России. В частности, ассортимент товаров купцов из Казанской губернии в 1817 г. был весьма разнообразным. Татары привезли пушной товар, бахчу, бумагу, бухарский товар, кумач<sup>1</sup>. Они имели лавки в «мьльной линии», «татарском» и «астраханском» рядах. Русские купцы торговали кожей, «панским товаром»<sup>2</sup>, шапками и картузами, золотом, серебром, бумажным товаром. Они арендовали рогожные балаганы, торговые места в черевичном, гуртовом, табачном, овощном и фруктовом рядах [9]. Спустя три года, в 1820 г., ассортимент товаров у татарских купцов значительно расширяется: арские купцы торгуют «панским товаром», «бухарскими тулупами», китайкой, осуществлялась традиционная торговля фруктами, бахчевыми, мылом, ситцами, «красным товаром»<sup>3</sup>. В лавках русских торговцев замечены москательные товары, восковые свечи, шелк, сафьян, шапки, сапоги, «армейки», фарфоровая и каменная посуда, бумажный, шорный, бакалейный, «панский товар», а также бахчевые, овощи. Официальный источник — ведомость Нижегородской ярмарочной конторы о количестве товаров в продаже на ярмарке 1820 г. — позволяет утверждать, что товары привозились из Казани, Москвы, Астрахани, Бухары.

<sup>1</sup> «Бухарский товар», по мнению историков, это азиатский товар: чай, китайка, серебро, бумага, мерлушка, верблюжья шерсть, халаты и лошади, привозимые с Ирбитской ярмарки, попадавшие туда с Оренбургской и Ишимской линий. См.: Резун Д.Я., Беседина О.Н. Ворота в Сибирь (Верхотурье, Ирбит, Туринск, Пелым) // Городские ярмарки Сибири XVIII– п.п.XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. — Новосибирск, 1992. — С.40.

<sup>2</sup> Под «панским товаром» понимается модный товар, произведенный на мануфактуре или фабрике, главными покупателями которого были помещики.

<sup>3</sup> «Красный товар» — ткани, мануфактура.

Удалось установить, что в Москву за товаром ездили только русские торговцы — 8 человек из 116 (7%). Отмечены единичные случаи привоза товаров из Астрахани русскими торговцами. Татарское купечество предпочитало Астрахань — 16 человек из 105 (15%), а также Бухару — 11 человек (10%) [10]. Эти сведения неполные — не во всех случаях квартальные надзиратели указывали происхождение товара.

Среди уроженцев Казанской губернии, на первый взгляд, было мало лиц, занятых в сфере услуг. В списках 1820 г. значится казанский мещанин Хамит Исхаков, занимавшийся починкой часов, а также мамадышский служилый татарин Сабит Садинов, торгующий часами [10, л.70 об.]. Между тем их было значительное количество, особенно среди татар. По отзыву современников, на ярмарке среди чернорабочих и мелкой прислуги татары Казанской губернии и Сергачского уезда Нижегородской занимали первое место, являясь самыми выносливыми работниками [7, с.27].

Некоторые сведения о торговом обороте предпринимателей из Казанской губернии дают материалы о численности занятых ими лавок и балага-

нов. Количество занимаемых татарами лавок в 1820 г. увеличивалось на 45%, по сравнению с 1817 г., и на 8% — занятых русскими [9].

В 1817 г. на ярмарке было занято всего 2962 лавки [2, с.218], из них 224 (7,5%) арендовали торговцы из Казанской губернии. Среди них русские торговцы занимали 143 лавки (64%), а татары — одну треть, или 81 лавку (36%) [9]. К 1820 г. количество арендованных русскими лавок увеличилось до 154, татарами — до 118. Однако их удельный вес в занятых торговых площадях несколько уменьшился (до 6,5%), что, видимо, связано с появлением новых торговых рядов на Нижегородской ярмарке [10]. В 1820 г. на ярмарке было занято 4132 лавки [2, с.218].

В документах о передаче лавок и складских помещений для хранения товаров коммерсантам во временное пользование записывались имена и звание арендаторов, место их проживания по паспорту (город, уезд и губерния), стоимость привезенного товара и его ассортимент, а также полученный доход. Несмотря на неполноту, эти сведения представляют большой интерес.

Увеличение за три года численности торговцев из татар с 71 до 105 (на 48%)

Таблица 1

Словно-социальный и этноконфессиональный состав торговцев из Казанской губернии на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 гг. [9; 10]

Словно-социальные группы торговцев	1817 год		1820 год	
	татары	русские	татары	русские
Всего:	71	119	105	116
В том числе:				
купцы	57	62	46	62
купеческие сыновья	1	6	9	7
крестьяне	—	—	—	1
мещане	9	51	21	44
служилые татары	—	—	3	—
торговые татары	4	—	13	—
прочие	—	—	13 <sup>1</sup>	2 <sup>2</sup>

<sup>1</sup> В документе указано «татары».

<sup>2</sup> В документе указано «торговый ямщик».

с учетом занятия ими новых торговых мест позволяет уверенно говорить о расширении их объема торговли и торговых оборотов. Преимущественно на ярмарке торговали купцы, купеческие сыновья, а также мещане. В ведении торговых дел у некоторых наблюдается семейственность. Можно проследить динамику этого явления. Если в 1817 г. на ярмарку у татар вместе с отцом прибыл 1 купеческий сын, то в 1820 г. уже — 9, у русских торговцев — 6 и 7 купеческих сыновей соответственно [9; 10]. Если в 1817 г. среди русских соотношение купцов и купеческих сыновей, с одной стороны, и мещан, с другой, составляло 68 к 51 (1,3:1), у татар (торговые татары, купцы, купеческие сыновья, с одной стороны, и мещане — с другой) — 62 к 9 (6,9:1), то в 1820 г. эти показатели изменились соответственно 69 к 44 (1,6:1) и 68 к 21 (3,2:1). Иначе говоря, в торговую деятельность с выездом на ярмарку включалась группа мещан; торговцев из крестьян и служилых татар было очень мало.

Из каких уездов и городов уроженцы Казанской губернии съезжались на ярмарку и откуда свозились в Нижний Новгород товары, иначе говоря, как велика была сфера влияния Нижегородской ярмарки внутри России?

Как видно из таблицы 2, среди коммерсантов доминировали торговцы из Казани, а также Арска. Если среди казанских коммерсантов в сезон 1817 г. русские составляли  $\frac{2}{3}$  приезжих, то к

1820 г. численность татар выросла с 61 до 87 человек, а численность русских не претерпела существенных изменений (114 человек). Из других уездных городов (Чистополь, Царевококшайск, Мамадыш) приходится по одному коммерсанту, и по одному торговцу из селений Ковали и Ключищи.

В этническом плане торговцы из Арска были представлены исключительно татарами. Развитию торговли, безусловно, способствовало расширение производства товаров первой необходимости. Еще в середине 80-х годов XVIII в. в Арском уезде возникают две мануфактуры по производству ткани, которые работают на готовой бухарской пряже, получаемой через Оренбург.

В первой половине XIX века дальнейшее развитие получают промыслы сельской местности. В деревнях Атня, Мендели, Берези большое место занимает ткание циновок, рогож. Широкое развитие получают сапожничество, шерстобитное производство (в самом Арске, кроме того, делают кушаки, пояса и пр.), ювелирное мастерство (выделяются различные мелкие вещицы из серебра, кольца, браслеты, серьги и т.д.). В Арске занимались также выделкой крупных кож, приготовлением красной юфти [8, с.107–108]. Это позволяло выйти на торги за пределами Казанской губернии.

Купцы приезжали с грузчиками и приказчиками. Численность этого персонала зависела от величины и объема

Таблица 2

Участие в Нижегородской ярмарке уроженцев Казанской губернии в 1817 и 1820 гг. [9; 10]

Поселения	1817 год		1820 год	
	татары	русские	татары	русские
Казань	61	119	87	114
Арск	9	—	15	—
Чистополь	1	—	1	—
Царевококшайск	—	—	—	1
Мамадыш	—	—	1	—
Ковали	—	—	1	—
Ключищи	—	—	—	1

товара. При регистрации не отмечалось, сколько у каждого купца было помощников. В рассматриваемый период известен лишь единичный случай подобной отметки: в 1817 г. у казанского купца Павла Петровича Рыбникова имелся приказчик Заусайлов [9, л.68 об.]. В 1820 г. отмечено прибытие «торговых ямщиков».

Среди торговцев из Казанской губернии значились и женщины – купчихи и мещанки. Как свидетельствуют источники, в 1817 г. в мыльном ряду в Казани торговали купеческая жена Марья Жаркова и мещанка Марья Савинская [9, л.75 об.]. В 1820 году среди татарских торговцев также появляются женщины: из Казани – купчиха Габидей Китаева (в мыльном ряду занимала две лавки) [10, л.81 об.] и из Арска – купеческая жена Сайтова (торговала бухарским пушным товаром) [10, л.119].

В книге ярмарочной конторы за 1820 г. зафиксированы количество торговцев, прибывших на ярмарку, а также сумма, полученная предпринимателями с торгов. Кстати, многие современные ученые небезосновательно с большой осторожностью относятся к подобного рода сведениям, ведь купцы зачастую давали заведомо искаженную информацию, стремясь уменьшить налоговое бремя. Купцы имели привычку принимать свои торговые обороты, реальные показатели разнились с официальной

статистикой. Проконтролировать весь процесс торговли на ярмарке, проследить за всеми торговыми операциями было невозможно. Критики выделяют в качестве одной из причин данного явления недостаточную компетентность и старательность полицейских чиновников, собиравших сведения об оборотах ярмарок после завершения торговли, когда основная масса коммерсантов уже разъехалась. Информация о торговых оборотах собиралась путем опроса торговцев [4, с.43;5, с.251]. Тем не менее эти сведения представляют познавательный интерес и позволяют увидеть основные тенденции коммерческих операций.

Так, в 1817 г. торговцами Казанской губернии было привезено товаров на общую сумму 3693000 рублей, что составляет от общего привоза 14%. В 1820 г. на ярмарке увеличился объем привоза (до 42399513 рублей). Из этой суммы 5911700 рублей приходится на долю предпринимателей Казанской губернии (14%). За три года произошло увеличение объема привоза товаров торговцами из Казанской губернии на 60%. Следует учесть, что часть привезенного товара не учитывалась в наличных рублях [9, лл. 64 об. –75 об.].

Доходы, получаемые от продажи привезенных товаров, складывались из следующих статей: в 1817 г. коммерсанты из Казанской губернии продали за

Таблица 3

**Товарооборот торговцев из Казанской губернии на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 гг. (в руб.) [3, с. 138–140; 9; 10]**

Статьи доходов/ расходов торговцев	1817 год			1820 год		
	всего по ярмарке	торговцы из Казанской губернии	в %	всего по ярмарке	торговцы из Казанской губернии	в %
Привезено на сумму	26458857	3693000	14	42399513	5911700	14
Продано на сумму (наличные деньги)	14675714	1672200	11,3	30562180	3637000	12
Продано на векселя	–	518300			–	
Доход	4121360	–	–	10666468	283997	2,6
Осталось непроданных товаров	11783143	1502500	12,6	11837333	2274700	19

наличные деньги 45%, на векселя — 15% привезенного товара. В 1820 г. удалось за наличные деньги реализовать 62% товара. При этом следует иметь в виду, что официальный источник — Книга конторы строения Макарьевского гостиного двора при Н.Новгороде — не выделяет из общей суммы доход, получаемый от обмена одних товаров на другие.

Что касается объема непроданных товаров, то в 1817 г. в целом по ярмарке он составлял 45%. Нереализованными остались 40% товаров, привезенных предпринимателями Казанской губернии. В 1820 г. ситуация меняется: если в целом по ярмарке осталось нереализовано 27% товаров, то казанские предприниматели не продали 38%. Непроданные товары складывались на самой ярмарке — в магазинах либо увозились обратно. Кроме того, коммерсанты посещали Ирбитскую, Коренную ярмарки страны и, вероятно, часть товаров увозили туда. Мы располагаем сведениями о непроданных на ярмарке 1817 г. товарах, принадлежащих 122 коммерсантам из Казанской губернии. Из этого количества подавляющее большинство — 118 торговцев (97%) — увозили свой непроданный товар в Казань, 4 человека (3%) — в Москву. Среди коммерсантов, увозивших товар в Казань, преобладали русские купцы и мещане — 71 человек (60%), родом из Казани; в числе татарских предпринимателей были в том числе выходцы из Арского уезда (3 татарских купца), Чистополя (1 татарский купец). В Казань с ярмарки торговцы увозили часть нераспроданных шапок, картузов, сафьянов, шелков, фарфоровой посуды, кожи, «панского» и «бухарского товара», пушного товара, бумаги, бахчевых культур [9].

Из 4 человек, увозивших товар в Москву, 3 человека были русского происхождения и 1 татарин — казанский купец Муса Измайлович Апанаев.

В 1807 г. в правительстве наметился новый взгляд на среднеазиатско-русское торговое сотрудничество, предполагавший допуск мусульманс-

ких купцов за таможенную линию, на внутренний рынок. Бухарским купцам было разрешено посещать три главные ярмарки страны — Макарьевскую, Ирбитскую и Коренную — и создавать там необходимые условия для производства торговых операций [6, с.17].

Коммерсанты из стран Востока и Азии, не знавшие русского языка, всегда держались вместе, арендуя соседние лавки и те, которые располагались на противоположной стороне, формируя торговую улицу или даже квартал. Подобная корпоративность была характерна и для татарских торговцев. В отличие от татар, русские купцы из Казанской губернии арендовали лавки и балаганы отдельно друг от друга, смешиваясь с торгующими из Ярославля, реже — Москвы и других городов.

Как отмечал нижегородский гражданский губернатор С.А. Быховец, бухарцы вынуждены были прибегать к услугам переводчиков и ходатаев и вверять торговые дела неизвестным людям, подвергаясь риску. Поэтому нижегородский губернатор решил привлечь посредником знающего русский язык и обычаи российской торговли казанского купца Юсупа Галеева, который на торгах на Макарьевской ярмарке своей посреднической деятельностью успел снискать доверие и уважение иностранных купцов [11, лл.1—4 об.]. Действительный статский советник С.А.Быховец ходатайствовал в 1816 г. перед министром внутренних дел об утверждении Галеева в звании переводчика и «ходатая по делам бухарцев» и о награждении его золотой медалью для ношения на Анненской ленте, ссылаясь на многочисленные обращения купцов-бухарцев, хивинцев и других «азиатцев», а также самого посланника бухарского хана Диван Беги-Азимджана Муминджанова: «...Бухарские купцы, съехавшиеся на Макарьевскую ярмонку с товарами от разных портов, как-то: Астрахани, Оренбурга, Троицка, Петропавловска и Семипалатинска, приходя к нему, отзывались насчет Галеева, что он по доброму своему расположению и

усердию во всякую ярмарку оказывает им по торговым и другим делам большое ходатайство в их пользу, будучи всегда за переводчика, без всякого стеснения и обиды» [11, лл.1—4 об.]. С Галеевым был лично знаком и оренбургский военный губернатор Г.С.Волконский (по словам последнего, Галеев оказывал содействие азиатским купцам, прибывшим на Оренбургскую линию в караванах). Волконский составил прошение о допуске казанского купца к посредничеству по делам бухарцев на Макарьевской ярмарке и направил его нижегородскому губернатору. Нижегородский губернатор, со своей стороны, поддержал эту идею<sup>1</sup>. Его ходатайство о награждении было рассмотрено на заседании Комитета Министров, согласившегося на награждение медалью татарского купца. Однако признать за Галеевым звание переводчика и ходатая только на основании доверия бухарцев Комитет Министров не посчитал возможным. В 1817 г. купец получил золотую медаль для ношения на шее на Анненской голубой ленте.

Подписи татарских купцов на документах свидетельствуют о том, что большинство их не знало русской грамоты, что, безусловно, создавало препятствия в ведении коммерческих операций. Поэтому при обращении в государственные учреждения им приходилось прибегать к помощи переводчиков и писцов.

В связи с увеличением численности торговцев-мусульман, в том числе иностранных подданных, большую значимость приобрела организация питания предпринимателей по нормам шарриата<sup>2</sup>. В условиях конфессионального меньшинства они вынуждены были организовать питание за свой счет. Поэтому представляется закономерным,

что некоторые из приезжих брали на себя заботу об организации питания единоверцев, возможно, некоторые из них специализировались в этой сфере. Однако вследствие ограниченной численности торговцев в коммерческом плане это не всегда было выгодным мероприятием. Об этом, в частности, свидетельствуют конкретные факты. На ярмарке действовали татарские харчевни. В 1820 г. они занимали 12 торговых мест, расположенных рядом друг с другом, формируя своеобразный татарский торговый ряд; в них работали преимущественно казанские торговые татары — Исхак Якупов, Якуп Измаилов, Аптекий Аптряшитов, Магамет Рахматуллоу, Кавайдулла Камареев, Сулейман Мусин, Амин Нагаев, Хасан Манасипов, одно место занимал Абдрешит Баибек из Пензенской губернии. Документы свидетельствуют о том, что доход от харчевен был пропорционален вложенным средствам и составлял, как правило, десятую часть от первоначальной суммы. Так, при вкладе в 1000 рублей продажа И.Якупова составила 1100 рублей, доход всего 100 рублей. Аналогичную картину мы наблюдаем и у тех, кто вложил гораздо меньшую сумму: при вкладе 200 рублей доход А.Аптряшитова составил 20 рублей [10, л.130]<sup>3</sup>. В харчевнях продавали не только готовые блюда, но и продовольственные припасы. Дело в том, что помимо торговцев на торжище в качестве чернорабочих, грузчиков на заработки приезжали мусульмане из ближайшей округи. Возможно, в летний период, когда продукты быстро портились, хозяева этих лавок обеспечивали продукцией всех мусульман, прибывших на ярмарку.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет утверждать, что в

<sup>1</sup> По свидетельству нижегородского губернатора, он знал Ю. Галеева уже четыре года своего управления ярмарочными делами, т.е. с 1812 г.

<sup>2</sup> На ярмарке было запрещено разводить огонь и держать самовары в самих торговых лавках из-за опасности возникновения пожара.

<sup>3</sup> Эти цифры не вызывают, на наш взгляд, полного доверия ввиду несовершенства ярмарочной статистики.

этот период предприниматели Казанской губернии были всегда активными ярмарки, продолжая традиции активных коммерческих операций Макарьевской ярмарки. Количество привезенного ими товара за трехлетие 1817–1820 гг. увеличилось на 60%, составляя 14% от общего привоза. Определенную роль в этом сыграли татарские купцы — в 1820 г., когда количество русских торговцев сократилось (на 3%), в 1,5 раза возросло количество торгующих татар. Предметами торговли выступали как произведения собственной промышленности, изготовленные из отечественного или импортного сырья, так и привозные товары. Развивающаяся промышленность и государственная система поощрения торговли с Азией позволили вывозить из страны шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Купцы Казанской губернии активно содействовали внешней торговле

России с Азиатскими странами благодаря знанию языка.

Нижегородская ярмарка консолидировала купечество. Признаком этноконфессиональной корпоративности и землячества можно считать тот факт, что купцы-татары из Казанской губернии занимали целые ряды, лавки таким образом, чтобы находиться рядом друг с другом, создавая для себя привычную языковую, культурную среду. В торговую деятельность было вовлечено преимущественно купечество. Предприниматели Казанской губернии рассматривали Нижегородскую ярмарку как место для закупки сырья, продажи готовых товаров, заключения договоров, сделок. Как источник обогащения, она способствовала дальнейшему развитию производительных сил страны, стимулируя развитие отечественной промышленности и торговли.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка — карман России. — Н.Новгород, 2008.

<sup>2</sup> Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка. Исторический очерк. — Н.Новгород, 1991.

<sup>3</sup> Гациский А. Нижегородский летописец. — Н.Новгород, 2001. — С. 138–140.

<sup>4</sup> Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981.

<sup>5</sup> Рожкова М.К. Торговля. Ярмарки в первых десятилетиях XIX века // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. — М., 1959.

<sup>6</sup> Сеньюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть — центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX— начало XXвв.). — Н. Новгород, 2006.

<sup>7</sup> Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку. — М., 1827.

<sup>8</sup> Фукс К. Статистическое обозрение всех в Казанской губернии находящихся фабрик и заводов // Карл Фукс: Научно-биографический сб. — Казань, 2005.

<sup>9</sup> ЦАНО, ф.489, оп.286, д. 280, лл.2 об. — 85 об.

<sup>10</sup> Там же, д. 378, лл.4 об. — 130.

<sup>11</sup> РГИА, ф.18, оп. 4, д.123, лл.1 —17 об.

УДК 94“04/14”

## ЯРЛЫКИ ХАНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ РУССКОЙ ЦЕРКВИ: К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И КОЛИЧЕСТВЕ

*Р.Ю. Почекаев, кандидат юридических наук*

Собрание (сборник) ханских ярлыков, которыми русская церковь освобождалась от уплаты ордынских налогов, сборов и несения повинностей (далее – «Собрание»), уже более полутора веков является источником для исследования истории взаимоотношений правителей Золотой Орды с русской православной церковью и русско-ордынских отношений в целом. Собрание, впервые введенное в научный оборот Н.Н. Новиковым и М.М. Щербатовым еще в 1773 г.<sup>1</sup>, с тех пор неоднократно становилось объектом исследования специалистов, которые исследовали как историю создания этого сборника<sup>2</sup>, так и его содержание<sup>3</sup>. Петербургский востоковед А.П. Григорьев в течение десяти лет занимался реконструкцией изначального содержания ярлыков Собрания, сохранившихся до нашего времени только в русских переводах, к тому же неоднократно «редактировавшихся» канцелярией русских митрополитов<sup>4</sup>.

Первый вариант Собрания появился, как установлено исследователями, еще в середине XV в.<sup>5</sup> В дальнейшем Собрание неоднократно редактировалось, и с середины XVI в. существовало уже в двух редакциях – краткой и пространной. Краткая редакция включает в себя ярлыки русской церкви, выданные ханами Менгу-Тимуром (1267 г.), Бердибеком (1357 г.) и Мухаммадом-Булаком (или Туляком, 1379 г.), а также три грамоты ханши Тайдулы (1347, 1351 и 1357 гг.). Пространная редакция, сложившаяся к середине XVI в., включает

также ярлык Узбека (1313 г.), однако, как было установлено специалистами еще в начале XX в., этот ярлык в его варианте, приведенном в Собрании, является русской фальсификацией<sup>6</sup>. Поэтому большинство современных исследователей предпочитает опираться на краткую редакцию.

Однако не будет открытием, что Собрание включало далеко не все ярлыки, которые золотоордынские ханы выдавали русской церкви. Согласно золотоордынской законодательной традиции, каждый новый хан при вступлении на трон подтверждал (или отменял) ярлыки своих предшественников, издавая собственные ярлыки порой совершенно идентичного содержания. Несомненно, ярлыки русской церкви не были исключением, что подтверждается и составителем Собрания: «Суть же и инии мнози ярлыци предани быша к церкви божию». Невключение же «иных» ярлыков в Собрание составитель объясняет тем, что их «не възмогахом превести, зане неудобь позналаемою речью писании быша»<sup>7</sup>. Однако, на наш взгляд, реальные причины включения в Собрание только определенных ярлыков были связаны не только с трудностями перевода.

В настоящей статье мы намерены выяснить, в течение какого времени золотоордынские ханы жаловали ярлыки русской церкви, а также какие именно ханы и когда выдавали такие ярлыки. Кроме того, мы намерены попытаться ответить на вопрос, почему именно вышеупомянутые ярлыки вошли в Соб-

вание, а остальные — нет. Сразу стоит оговорить, что наша попытка «выйти за пределы» Собрания не является первой в науке: ряд исследователей уже предпринимал такие попытки<sup>8</sup>. Поэтому своей основной задачей мы видим также систематизацию результатов и критический анализ ранее проведенных исследований.

Согласно заключению к Собранию, написанному его составителем, «Суть же и инии мнози ярлыци предани быша к церкви божией и пречистыя его матере от ъбезбожных оных царей и крепость бысть митрополиту и всему причту о нем [Не реку от Саина, иже бе попленил Рускую землю, но паче рещи и всех цареи, еже по нем царствоваша]»<sup>9</sup>. Таким образом, из слов составителя Собрания вытекает, что ярлыки русской церкви жаловали все правители Золотой Орды после Бату («Саина»). Однако ряд сведений противоречит этому утверждению.

Первые ярлыки русской церкви могли быть выданы еще до того, как золотоордынские правители приобрели титул ханов («царей») и, соответственно, получили право жаловать ярлыки. Полагаем, такие ярлыки могли быть пожалованы в 1240–1260-е гг. великими монгольскими ханами. Указание на это мы находим в самих текстах дошедших до нас ярлыков. Так, в ярлыке Менгу-Тимура: «Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их да правм сердцем богови за нас и за племя наше молятся и благословляють нас. Тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов»<sup>10</sup>. В выданном почти столетие спустя ярлыке Бердибека содержится сходное положение: «Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьский»<sup>11</sup>. О каких же ярлыках идет речь?

В средневековом китайском сочинении «Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад» приведен текст ярлыка Чингис-хана (1206–1227), который был выдан в 1223 г. и которым основатель

Монгольской империи освобождал даосов от налогов, сборов и повинностей<sup>12</sup>. Возможно, именно он послужил исходным прецедентом, на основании которого последующие ханы выдавали тарханные ярлыки различным конфессиям<sup>13</sup>. Однако вряд ли Чингис-хан имел возможность пожаловать ярлык русской церкви, поскольку в его время Русь не находилась в составе владений Монгольской империи. А вот уже его ближайшие преемники — ханы Угедэй (1229–1241), Гуюк (1246–1248), Мунке (1251–1259) и, возможно, на начальном этапе своего правления Хубилай (1260–1294) вполне могли жаловать привилегии православной церкви. Почему их ярлыки не вошли в Собрание? По всей видимости, после отделения Золотой Орды от Монгольской империи ярлыки великих ханов оказались не востребованными, поскольку теперь православная церковь имела дело только с ханами-Джучидами и, следовательно, опиралась на акты их волеизъявления.

Нам удалось найти также и своеобразное опровержение утверждения составителя Собрания о том, что «Саин», т.е. Бату, не выдавал русской церкви ярлыков. Еще в XIX в. в монастыре св. Иоанна Богослова (с. Богословское) находилась некая «золотая Батыева печать», наложенная «в охранение монастыря по собственному Батыеву приказу»<sup>14</sup>. Впрочем, есть серьезные основания считать эту «Батыеву печать» позднейшей фальсификацией, поэтому официально первым золотоордынским ярлыком, выданным русской православной церкви, следует считать ярлык, который выдал Менгу-Тимур (1267–1280), внук Бату, первым официально принявший ханский титул. Его ярлык русской церкви датируется именно годом его прихода к власти в Золотой Орде (1267 г.), хотя формально он был признан другими Чингизидами в ханском достоинстве лишь два года спустя — в 1269 г., по итогам Таласского курултая<sup>15</sup>. Несмотря на то, что сам Менгу-Тимур в своем ярлыке сослался на ярлыки Чингис-хана и его преемни-

ков, для последующих ханов Золотой Орды прецедентным, по-видимому, стал ярлык самого Менгу-Тимура.

Современный исследователь Ю.В. Сочнев, вслед за русским церковным историком начала XX в. П.П. Соколовым, полагает, что за время правления Менгу-Тимура было выдано два ярлыка, и датирует их 1267 г. (вскоре после вступления первого золотоордынского хана на трон) и 1279 г. (после переписи населения на Руси 1275 г.), причем именно второй, по мнению исследователей, и вошел в Собрание. Основанием для такого вывода послужила фраза из ярлыка Менгу-Тимура, в которой упоминается «первая грамота»: П.П. Соколов и Ю.В. Сочнев посчитали, что Менгу-Тимур в своем втором ярлыке сослался на первый свой же ярлык<sup>16</sup>. Однако, на наш взгляд, исследователи не учли тот факт, что этот ярлык многократно редактировался и вошел в Собрание (краткую редакцию) как третий документ. И «первая грамота» в таком случае — не что иное, как ярлык «Туляка», т.е. Мухаммада-Булака, выданный в 1379 г., но в Собрании расположенный первым (либо же ярлык Узбека, датируемый 1313 г. и стоящий первым в пространной редакции Собрания). Соответственно, нет оснований считать, что Менгу-Тимур выдал два ярлыка, тем более что в течение всего его правления во главе русской церкви стоял один и тот же иерарх — Кирилл (ум. 1280).

Следующий ярлык русской церкви был пожалован преемником Менгу-Тимура — его братом Туда-Менгу (1280—1287) митрополиту Максиму, сменившему Кирилла. Датировать этот ярлык следует 1283 г.: именно в этом году, согласно русским летописям, митрополит Максим совершил поездку в Орду<sup>17</sup>. Историки русской церкви утверждают, что причина этой поездки была неизвестна, но никак не связана с получением ярлыка, поскольку ни сам этот документ не сохранился, ни какие-либо сведения о нем<sup>18</sup>. А между тем есть все основания полагать, что Туда-Мен-

гу выдал ярлык Максиму. Во-первых, вступив на престол, новый хан должен был либо подтвердить, либо отменить все ярлыки своего предшественника. Во-вторых, в результате кончины митрополита Кирилла сменился держатель ярлыка, что также являлось основанием для выдачи нового. Почему же этот ярлык не вошел в Собрание?

Полагаем, дело в том, что хан Туда-Менгу, а по некоторым сведениям — и его бекляри-бек Ногай (фактически управлявший всеми делами в Золотой Орде при этом хане) приняли ислам<sup>19</sup>. И вполне возможно, что ярлык русской церкви, выданный ханом-мусульманином (и, вероятно, не без участия всесильного временщика Ногаем), сохранил гораздо меньше льгот русской церкви, нежели ярлык Менгу-Тимура, нейтрально относившегося ко всем конфессиям. Надо полагать, именно по этой причине составители Собрания решили не включать этот ярлык, поскольку были заинтересованы в документах, благодаря которым церкви предоставлялись максимально широкие льготы.

Источники не содержат сведений о ярлыке, который должен был бы выдать митрополиту Максиму следующий хан — Тула-Буга (1287—1291), сначала возведенный на трон Ногаем, а затем коварно умерщвленный им. Учитывая бурную внешнюю политику Тула-Буги и начавшееся вскоре его противостояние с Ногаем<sup>20</sup>, полагаем, что этот хан просто-напросто не успел пожаловать ярлык русской церкви. Да и сам русский митрополит, вероятно, опасался ехать в Золотую Орду, стоявшую на грани гражданской войны: он в это время предпочел навести порядок в южнорусской части митрополии и пребывал в Киеве<sup>21</sup>.

Но уже следующий хан, Токта (1291—1312), возобновил традицию и пожаловал ярлык очередному русскому митрополиту. Скорее всего, его ярлык был выдан не митрополиту Максиму, умершему в 1305 г., а его преемнику Петру: с начала своего правления и до 1302—1303 гг. Токта вел трудную борьбу

с собственным бекляри-беком Ногаем, а затем и с его сыновьями; несомненно, в этот период ему было не до пожалования льгот русской церкви. Кроме того, согласно предположению М.Д. Приселкова, ярлык Токты датируется 1308 г., когда именно митрополит Петр уже возглавил русскую православную церковь.

Основанием для предположения М.Д. Приселкова послужило упоминание в ярлыках Бердибека и Мухаммада-Булака («Тюляка»), вошедших в Собрание, наряду с датой по тюркомонгольскому «животному» календарю также одной и той же даты по мусульманскому летосчислению — «семьсот осмое лето сылгата месяца в десятый нова»<sup>22</sup>, поскольку эта дата по христианскому летосчислению означает 12 апреля 1308 г. На основании этого упоминания исследователь пришел к выводу, что оба хана сослались в своих ярлыках на ярлык хана Токты<sup>23</sup>. Почему же и этот ярлык не вошел в Собрание?

Думается, ответ, как и в случае с Туда-Менгу, может быть связан с вероисповеданием хана: ряд современных исследователей полагает, что Токта мог придерживаться буддизма<sup>24</sup>. И в самом деле, современные Токте арабские авторы отмечают, что он «любил... лам и волшебников и оказывал им большой почет»<sup>25</sup>, т. е. покровительствовал буддийским священнослужителям. В связи с этим можно предположить, что ярлык Токты митрополиту Петру мог содержать куда меньшее число льгот, нежели ярлык его отца Менгу-Тимура, поэтому и был опущен составителями Собрания при его создании.

В правление преемника Токты, хана Узбека (1313–1342), русская церковь, по-видимому, получила два ярлыка. Первый мог быть выдан митрополиту Петру в 1313 г., т. е. сразу после вступления Узбека на трон, в качестве подтверждения аналогичного ярлыка Токты: русские летописцы сообщают о поездке Петра в Орду под этим годом<sup>26</sup>. Второй же был выдан новому митрополиту Феогносту во время его визи-

та в Золотую Орду, который, согласно летописным источникам, имел место в 1333 г.<sup>27</sup>

Однако эти документы ни в оригинале, ни в переводе до нас не дошли. Зато в пространной редакции Собрания появился ярлык Узбека митрополиту Петру, датированный почему-то 1213 г. и, как уже отмечалось выше, еще в начале XX в. признанный более поздней фальсификацией. Причины невключения оригинальных ярлыков Узбека в Собрание, полагаем, в очередной раз имеют конфессиональный характер: согласно средневековой историографической традиции, Узбек не только сам принял ислам, но и к 1320 г. сделал его официальной религией Золотой Орды<sup>28</sup>. Несомненно, новообращенный мусульманин не стал бы создавать для какой-то другой религии, кроме ислама, «режим наибольшего благоприятствования»<sup>29</sup>. Именно поэтому составители Собрания предпочли подделать ярлык этого хана, поскольку с его правлением принято связывать расцвет могущества Золотой Орды: несомненно, было бы странным, если бы этот выдающийся монарх не пожаловал ярлыка русской церкви!

О фальсификации ярлыка Узбека свидетельствуют и речевые обороты, нехарактерные для других ярлыков, и путаница с датами (1213 г. вместо 1313, да еще и «заячье лето», которое произошло не на 1313, а на 1315 г.). Кроме того, хотя в этом ярлыке присутствуют все необходимые элементы формуляра, характерного для золотоордынских ярлыков, дошедших до нас в оригинале (инвокация/богословие, интитуляция/адресант, инскрипция/адресат, вступительно-повествовательная часть, диспозиция, санкция, дата и место выдачи<sup>30</sup>), вступительно-повествовательная часть и диспозиция в поддельном документе как бы поменялись местами — это нарушение стандартной формы золотоордынских ярлыков также позволяет говорить о подложности рассматриваемого документа. Однако вряд ли стоит считать этот документ грубой и откровенной подделкой, не имевшей реаль-

ных прототипов: составители Собрания позаботились о том, чтобы положения ярлыка выглядели правдоподобно. Так, например, согласно этому документу, митрополит Петр «правымъ сердцем и правоу мыслю вся своя церковная управляетъ, и судить и ведаеть ... Да не вступаются никто же, ничемъ, въ церковныя и митрополичы, ни въ города ихъ, ни въ волости ихъ...»<sup>31</sup>, в полной мере отражено в более поздней грамоте ханши Тайдулы «митрополиту Иоану» (1347 г.), которая также запрещает русским князьям вмешиваться в митрополичий суд<sup>32</sup>. Остальные положения «тарханства» русской церкви в той или иной степени соответствуют положениям других ханских ярлыков, вошедших в сборник и признаваемых подлинными. Что же касается ряда разночтений (права церкви в «ярлыке Узбека» расписаны более подробно и многословно, чем в ярлыках, например, Бердибека и Туляка), то подобные разночтения имеются и между подлинными ярлыками. Так, например, в первом из золотоордынских ярлыков русской церкви (ярлык Менгу-Тимура от 1267 г.) также весьма многословно и с многочисленными повторами перечислены права русской церкви, пожалованной ханом, что объяснялось многократными переписываниями его текста в различных редакциях Собрания<sup>33</sup>.

Следующий ярлык русской православной церкви был выдан ханом Джанибеком (1342-1357) митрополиту Феогносту в 1342 г. Несмотря на то, что его текст до нас также не дошел, о его содержании в историографии имеется довольно четкое представление. А упоминавшийся выше М. Д. Приселков даже попытался реконструировать его. Исследователь использовал летописные сообщения о том, что в 1342 г. хан, выдавая ярлык митрополиту Феогносту, потребовал с него «полетныя дани», т.е. ежегодный «выход», который следовал в Золотую Орду со светских русских властителей. Митрополиту сразу же пришлось выплатить 600 рублей, а о дальнейших выплатах летописцы не

сообщают, однако есть основания полагать, что дань с православной церкви (хотя бы формально, в тексте ярлыка) была сохранена. Весьма обоснованным представляется довод М. Д. Приселкова о том, что не случайно в ярлыке Бердибека, преемника Джанибека, выданном русской церкви в 1357 г., хан ссылается на ярлыки «отцов наших», но не непосредственно на ярлык своего родного отца Джанибека — следовательно, условия пожалования в нем были существенно изменены в пользу русской церкви. Опираясь на эти аргументы, М. Д. Приселков пришел к выводу, что ярлык Джанибека мог содержать следующее положение: «Из давних из добрых времен и доселе, что молятся богомольцы и весь поповский чин — и те никаких не ведают пошлин, самому Богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают. Так молвя, Феогноста митрополита царь пожаловал, с алою тамгою ярлык дал». Таким образом, ярлыком хана Джанибека от 1342 г. русская церковь была освобождена от уплаты пошлин, но не других налогов, сборов и повинностей (от которых ее традиционно освобождали другие ханы)<sup>34</sup>.

Ко времени правления Джанибека относятся три грамоты ханши Тайдулы, матери этого хана, также вошедшие в Собрание. Составитель Собрания и последующие историки ошибочно называют эти документы ярлыками<sup>35</sup>. Однако фактически это — «подзаконные», т.е. вторичные акты, выдавая которые ханша опиралась на ярлык своего сына хана Джанибека («По Ченибекову ярлыку Тайдулино слово»), и именно в этом качестве они представляют интерес для исследователя<sup>36</sup>. Грамоты Тайдулы епископу Иоанну (1347 г.)<sup>37</sup>, митрополиту Феогносту (1351 г.) и митрополиту Алексию (1354 г.) в известной степени позволяют дополнить сведения о ярлыке Джанибека, а также составить более полное представление о взаимоотношениях ханов Золотой Орды и русской церкви в его правление<sup>38</sup>. Несмотря на то, что хан попытался существенно ограничить льготы и привилегии русской

церкви, грамоты его матери позволяют сделать вывод о своеобразной «компенсации» за ограничение этих льгот: лишив русскую церковь налогового иммунитета, хан и его мать предоставили ей иммунитет судебный, т. е. независимость от суда русских светских князей. Об этом прямо говорится в грамоте Тайдулы епископу Иоанну: «Или что в городех какие пошлины или какие дела или сила будет им, а тебе скажут, и ты слово их выслушай да по истине дело их управи... А вы, русские князи, Семеном почен всеми митрополиты, как наперед сего кои дела делали, а нынеча также делают»<sup>39</sup>. Тем не менее тот факт, что церковь в правление Джанибека все же лишилась значительного числа льгот, позволяет высказать недоумение относительно того, что древнерусские летописцы (как известно, являвшиеся представителями православного духовенства) все же охарактеризовали Джанибека как «добраго царя», а его мать — как «христианскую заступницу»<sup>40</sup>.

Тем не менее уже в правление следующего хана Бердибека (1357–1359), сына Джанибека, митрополиту Алексию удалось добиться полного восстановления льгот и привилегий русской церкви в полном объеме. Исследователи не без оснований связывают это с тем, что митрополит не успел прибыть вовремя в Сарай, чтобы вылечить хана Джанибека<sup>41</sup>, и его сын-наследник, таким образом, выразил главе русской церкви признательность за то, что благодаря его «неудаче» сумел занять трон<sup>42</sup>. Неудивительно, что ярлык Бердибека, восстановивший статус русской церкви, пожалованный ей в ярлыке Менгу-Тимура, также вошел в Собрание.

Последовавшая после смерти Бердибека многолетняя смута в Золотой Орде (называемая русскими летописцами «Великой замятней») внесла существенные изменения во взаимоотношения золотоордынских ханов с русской церковью. «Кратковременные» ханы 1359–1363 гг. (Кульна, Науруз, Хызр, Тимур-ходжа, Орду-Мелик, Кильдибек, Мюрид, Хайр-Пулад), занятые борьбой

за трон с многочисленными соперниками, просто-напросто не успели выдать ярлыки русской церкви. Да и сам глава русской церкви — тот же митрополит Алексей — вероятно, не спешил навещать в Сарай, каждые два-три месяца захватываемый новым претендентом на трон, а предпочитал опираться на ярлык, выданный Бердибеком. Ведь как бы ни оценивать личные качества и правление этого хана, на тот момент он считался последним законным ханом-Батуидом на троне!

Обстановка несколько изменилась в 1362–1363 гг., когда на политическую сцену вышел темник Мамай, провозгласивший ханом Золотой Орды некоего Абдаллаха (1362–1369) — также потомка хана Узбека, т. е. представителя наиболее легитимной ветви Джучидов<sup>43</sup>. В 1363 г. митрополит Алексей и беклярибек Мамай заключили докончание, по условиям которого Дмитрий Иванович Московский (будущий Донской) признавался великим князем, обещая, в свою очередь, признавать своим сюзереном хана Абдаллаха, а не сарайских ханов. Вслед за А. П. Григорьевым полагаем, что тогда же митрополиту был вручен тарханный ярлык русской церкви<sup>44</sup>. Однако, по-видимому, он включал не полный перечень льгот и привилегий, какие имелись в ярлыке Бердибека, что было связано с некоторыми событиями предшествующих лет.

Как известно, в 1358–1359 гг. митрополит Алексей, отправившийся с визитом в свои южнорусские епархии, попал в плен к литовцам и содержался под стражей в Киеве, пока не бежал, благодаря помощи неких таинственных помощников, которых летописцы не называют. Согласно одному из новейших исследований, помощь в организации побега митрополита мог оказать именно Мамай (вероятно — по поручению хана), к которому в Крым и бежал Алексей, уже оттуда сумевший вернуться в 1369 г. в Москву<sup>45</sup>. В благодарность митрополит обязался совершать некоторые выплаты ордынским правителям, причем впоследствии право на эти

выплаты унаследовали и преемники ханов Золотой Орды — крымские ханы. Согласно Г.К. Котошихину, подъячему Посольского приказа при царе Алексее Михайловиче, «х крымскому хану...посылают с посланники шубы собольи, куньи, бельи,... А уложил те поминки давать Алексей, митрополит Московской, после того времени, как он был в Крыму в полону, тому много лет назад»<sup>46</sup>. Вполне вероятно, что именно эти выплаты и были оговорены в ярлыке Абдаллаха русской церкви, выданном в 1363 г. На наш взгляд, именно обязательство выплачивать определенные суммы ханами заставило составителей не включать этот ярлык в Собрание.

Тем не менее, несмотря на некоторое ухудшение условия пожалования в ярлыке Абдаллаха по сравнению с ярлыком Бердибека, митрополит Алексей не предпринимал никаких шагов для получения ярлыка от противников Мамаю — сарайских ханов. В связи с этим представляется необоснованной гипотеза М. Д. Приселкова о ярлыке сарайского хана Азиза (1364-1367) из династии Шибанидов, якобы выданном митрополиту Алексию в 1365 г. Исследователь мотивировал свое предположение тем, что в русском переводе ярлыка Мухаммад-Булака («Туляка») от 1379 г. имеется ссылка на ярлыки «Азиза и Бердибека»<sup>47</sup>. Допуская ранее вероятность выдачи такого ярлыка<sup>48</sup>, в настоящее время мы полностью разделяем мнение А. П. Григорьева о том, что русский переводчик ярлыка «Туляка» ошибся, приняв «Азиз Бердибека» (т.е. покойного хана Бердибека) за двух ханов — Азиза и Бердибека<sup>49</sup>. В самом деле, было бы странным, если бы Мухаммад-Булак, законный хан из династии Бату и Узбека, решил сослаться на волю представителя противоборствующей с ним ветви Джучидов-Шибанидов, да еще и поставил в ярлыке его имя впереди Бердибека — не только законного хана, но еще и царствовавшего ранее Азиза! Таким образом, считаем вполне доказанным, что в течение «Великой

замятни» ни от одного сарайского хана русская церковь ярлыки не получала.

Нет сведений и о ярлыке митрополиту Алексию от очередного ставленника Мамаю — хана Мухаммада-Булака (1370–1380). Вероятно, это было связано с тем, что в начале 1370-х гг. Мамай был слишком занят борьбой за Сарай, а в 1374 г. у него началось «розмирье» с русскими князьями, и о ярлыке церкви речи уже не шло. Незадолго до Куликовской битвы Сергей Радонежский освободил русских князей от вассальных клятв ханам Золотой Орды под тем предлогом, что эти клятвы были вынужденными<sup>50</sup>.

Тем не менее, после смерти митрополита Алексея Мухаммад-Булак выдал ярлык его потенциальному преемнику — Михаилу («Митяю»), ставленнику великого князя Дмитрия Московского. Несмотря на то, что Москва в это время уже пять лет находилась в состоянии «розмирья», т. е. прямого вооруженного противостояния с Мамаем (и даже нанесла ему серьезное поражение в битве на р. Воже в 1378 г.), ее ставленник на митрополичий трон все же получил ярлык от «Мамаева» хана, причем с восстановлением всех льгот и привилегий, имевшихся в ярлыке Бердибека и позднее несколько ограниченных в ярлыке Абдаллаха. В чем же была причина такого странного шага Мамаю, причем всего за год до Куликовской битвы?

Несомненно, «розмирье» с Москвой не устраивало Мамаю, чьи доходы очень резко упали за счет сокращения поступления «выхода» с Руси (который после 1374 г. уплачивали, вероятно, лишь Тверское и Рязанское княжества). И он различными способами старался восстановить сюзеренитет Золотой Орды над Русью. Потерпев первую неудачу решить эту проблему военным способом в битве на р. Воже, Мамай решил привлечь на свою сторону русскую церковь, традиционно обладавшую значительным политическим влиянием. Момент для этого оказался весьма подходящий: в 1378 г. умер митрополит Алексей, и Дмитрий Московский решил сделать новым главой русской

церкви своего духовника Михаила-Митяя, который должен был ехать на поставление в Константинополь. Мамай развил активную деятельность по привлечению Митяя на свою сторону. Уже в феврале 1379 г. от имени Мухаммада-Булака кандидату в митрополиты был направлен «проезжий» ярлык, дающий ему право беспрепятственного проезда через золотоордынские владения<sup>51</sup>. А когда Михаил-Митяй проезжал через владения Мамай, он виделся с ханом и бекляри-беком, от которых получил ярлык, в полной мере восстанавливающий льготы и привилегии русской церкви<sup>52</sup>. В связи с этим Мухаммад-Булак в этом ярлыке ссылается на ярлык Бердибека, содержащий также полное освобождение русской церкви от всех налогов и повинностей, но не на ярлык своего предшественника Абдаллаха, содержащий меньший перечень льгот<sup>53</sup>.

Впрочем, «жест доброй воли» Мамай не принес ему никаких политических выгод: как известно, Михаил-Митяй скончался при невыясненных обстоятельствах на корабле по пути в Константинополь в том же 1379 г. и, таким образом, не смог никак поспособствовать восстановлению прежних отношений Золотой Орды с Москвой, даже если и намеревался это сделать. Тем не менее выданный ему ярлык вошел в Собрание, да еще и был поставлен на первое место в его краткой редакции.

О последующих ярлыках золотоордынских ханов русской церкви сведений не имеется. Зато есть сведения, что уже в правление Дмитрия Донского, в 1370–1380-е гг., русские князья начинают заимствовать из золотоордынской правовой практики институт тарханных (льготных) грамот и сами начинают жаловать привилегии и льготы конкретным монастырям и церкви в целом. Немногочисленные до конца XIV в. такие грамоты церкви становятся гораздо более распространены в следующем столетии<sup>54</sup>. Надо полагать, этот шаг был связан с «розмирьем с Мамаем», происшедшим в 1374 г. Таким образом, русские князья, отказавшись

повиноваться золотоордынским ханам, присвоили себе их право даровать тарханные грамоты — в т.ч. и церкви. И хотя зависимость Руси от Орды была восстановлена во время правления Токтамышша (1379/1380–1395), после взятия им Москвы в 1382 г. о прежнем характере взаимоотношений речи уже не шло. Не случайно летописцы больше не сообщают о поездках русских церковных иерархов в Орду за ярлыками.

Таким образом, мы датируем период, в течение которого русская церковь получала ярлыки от ханов Золотой Орды 1267–1379 гг. За это время были выданы следующие ярлыки:

- ярлык Менгу-Тимура митрополиту Кириллу (1267 г.);
  - ярлык Туда-Менгу митрополиту Максиму (1283 г.);
  - ярлык Токты митрополиту Петру (1308 г.);
  - ярлык Узбека митрополиту Петру (1313 г.);
  - ярлык Узбека митрополиту Феогносту (1333 г.);
  - ярлык Джанибека митрополиту Феогносту (1342 г.);
  - ярлык Бердибека митрополиту Алексию (1357 г.);
  - ярлык Абдаллаха митрополиту Алексию (1363 г.);
  - ярлык Мухаммада-Булака митрополиту Михаилу (1379 г.),
- т.е. всего девять ярлыков, содержащих тот или иной перечень льгот и привилегий православного духовенства.

Собрание же включает в себя:

- ярлык Менгу-Тимура — как первый из пожалованных русской церкви золотоордынскими ханами;
- ярлык Бердибека — как полностью восстанавливающий все льготы и привилегии православной церкви, которые в той или иной степени ограничивали преемники Менгу-Тимура;
- ярлык Мухаммада-Булака (Туляка) — как последний из ханских ярлыков, пожалованных русской церкви.

Причины включения в Собрание целых трех грамот Тайдулы для нас пока остаются до конца не выясненными.

Но, скорее всего, эти документы вошли в Собрание, потому что эта ханша, как уже отмечалось выше, в древнерусской летописной традиции характеризуется как «христианская заступница». Соответственно, ее акты должны были, по-видимому, свидетельствовать о конструктивном характере отношений золотоордынских правителей и русской церкви, склонности представителей правящего рода Золотой Орды к христианству.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Новиков Н. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Ч. VI. М., 1788. С. 10–26 (2-е изд.); см. также: Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. Л., 1985. С. 93–94.

<sup>2</sup> Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. СПб., 1842; Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; Зимин А. А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962; Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам; Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV – первой трети XIV вв. Вып. III. М., 1987.

<sup>3</sup> Беляев И. Д. О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. М., 1850. С. 97–110; Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Российского археологического общества. Ч. VIII. СПб., 1864. С. 387–494; Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 84–102; Белозеров И. В.: 1) Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2002; 2) Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения-V. Муром. 14–16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 71–72; Сочнев Ю. В. Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской православной церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 137–150.

<sup>4</sup> Реконструкции А. П. Григорьевым шести документов Собрания были опубликованы в сборниках Ленинградского (впоследствии – Санкт-Петербургского) государственного университета «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки» в период с 1990 по 2000 гг. и впоследствии объединены в монографию: Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

<sup>5</sup> См.: Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 133.

<sup>6</sup> См.: Соколов П. П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Российский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.

<sup>7</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам: Краткое собрание / Ист.-прав. обзор, текстол. коммент. А. А. Зимины // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 471.

<sup>8</sup> См., напр.: Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам; Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Тимура // Российский исторический журнал. 2007. № 2. С. 11–18.

<sup>9</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 471.

<sup>10</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 467. А. П. Григорьев реконструирует исходный вариант этой фразы в следующем виде: «Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: “Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не

видя, пусть богу за нас молятся, благопожелания нам возносятся!» – выдавали им ярлыки» (Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 44).

<sup>11</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 467. А.П. Григорьев реконструирует исходный вариант этой фразы в следующем виде: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов – наших предшественников было сказано, что христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и сборов, молились за них богу и возносили им благопожелания» (Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 114).

<sup>12</sup> Палладий. Си ю цзи или Описание путешествия на Запад // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 375–376.

<sup>13</sup> См.: Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 72–73.

<sup>14</sup> Макаров М. Заметки о землях рязанских // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. № 1. М., 1846. Отд. IV. С. 10.

<sup>15</sup> См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 310–311.

<sup>16</sup> См.: Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Тимура.

<sup>17</sup> Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 161.

<sup>18</sup> См., напр.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. 1-я половина тома. М., 1900. С. 90–91.

<sup>19</sup> История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы, 2005. С. 91–92, 95.

<sup>20</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л., 1960. С. 83–84; История Казахстана в арабских источниках. Т. I. С. 96–98.

<sup>21</sup> См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 92.

<sup>22</sup> Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 66–67. Ср.: Ярлыки татарских ханов русским митрополитам. С. 466, 470. Примечательно, что Н.И. Веселовский (на чье мнение сослался М.Д. Приселков) при анализе этого момента вполне однозначно трактовал это «семь сот осмое лето» как ошибку переписчика и считал, что должно быть «семь сот осмидесятое» (Веселовский Н.И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханам Золотой Орды русскому духовенству // Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. СПб., 1909. С. 527).

<sup>23</sup> Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 68.

<sup>24</sup> См.: Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009. С. 198–200.

<sup>25</sup> История Казахстана в арабских источниках. Т. I. С. 143; см. также: Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды. С. 198.

<sup>26</sup> Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 178.

<sup>27</sup> Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 206; Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 171.

<sup>28</sup> История Казахстана в арабских источниках. Т. I. С. 132; История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М.Х. Абусеитовой, Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. С. 172–173, 253, 277. См. также: Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 354. Ср.: Юрченко А.Г. Какой праздник отметил хан Узбек в июне 1334 г. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 110–126.

<sup>29</sup> См.: Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. С. 94.

<sup>30</sup> См.: *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. С. 184–267; *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII-XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 16, 17, 33, 55 и след.; *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. С. 68–75.

<sup>31</sup> Цит. по: *Новиков Н.* Древняя Российская вивлиофика... С. 12.

<sup>32</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам... С. 466–467.

<sup>33</sup> См.: *Введенский А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI-XVII вв. // Труды Историко-археологического института АН СССР. Т. IX. Проблемы источникововедения. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 104; *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 7, 44.

<sup>34</sup> *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 70–73. См. также: *Борисов Н.С.* Церковные деятели Средневековой Руси XII–XVII вв. М., 1988. С. 56; *Черный В.Д.* Куликовская битва: запечатленная память. М., 2008. С. 47. См. также: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 215.

<sup>35</sup> Интересно отметить, что в заголовках грамот Тайдулы в Собрании они названы составителем «ярлыками», тогда как в самом тексте они правильно именуется «словом», т.е. грамотой, не являющейся актом волеизъявления верховного правителя – золотоордынского хана (Ярлыки татарских ханов русским митрополитам... С. 466, 468, 470; ср.: *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 70).

<sup>36</sup> См., напр.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 55.

<sup>37</sup> В самой грамоте Тайдулы «Иоан» назван митрополитом, однако современные исследователи обоснованно считают, что составители Собрания допустили ошибку, и речь идет о епископе Иоанне-сарайском (*Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 49, 52), либо нижегородским (*Сочнев Ю.В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992. С. 54–55).

<sup>38</sup> См. подробнее: *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 69–79.

<sup>39</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам... С. 466–467. Ср.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 50.

<sup>40</sup> См.: *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 79; *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 127. Можно предположить, впрочем, что эпитет «добрый», применяемый в русских летописях по отношению к Джанибеку, есть не что иное, как перевод-«калька» тюркского «азиз», которым ханы в своих ярлыках обычно обозначали покойных к тому времени ханов-предшественников (см.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 186).

<sup>41</sup> В древнерусской летописной и житийной традиции распространен сюжет о визите митрополита Алексия в Сарай, якобы для лечения зрения ханши Тайдулы (см., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 229). Однако современные исследователи вполне обоснованно понимают этот сюжет иносказательно: несомненно, митрополит был вызван для оказания помощи самому хану Джанибеку, заболевшему во время похода в Азербайджан (*Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 86–87; *Кучкин В.А.* Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду? // А се его серебро. Киев, 2002. С. 184).

<sup>42</sup> См.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 87; *Борисов Н.С.* Церковные деятели Средневековой Руси... С. 69.

<sup>43</sup> Ряд современных исследователей высказывают сомнения в происхождении Абдаллаха от Узбека, но их аргументы (*Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Н. Новгород, 2002. С. 23–24; *Костюков В.П.* Шибаниды и тукатимуриды во второй половине XIV в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 39–40), на наш взгляд, недостаточно убедительны, чтобы усомниться в сообщениях средневековых источников.

<sup>44</sup> *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 148–149.

<sup>45</sup> *Каурицев А.А.* К вопросу о политических контактах Москвы и Мамая на рубеже 1350–1360-х гг. // Молодежь третьего тысячелетия: XXXII региональная научно-практическая студенческая конференция: Тезисы докладов. Омск, 2008. С. 115–118.

<sup>46</sup> *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 47. См. также: *Каурцев А.А.* К вопросу о политических контактах Москвы и Мамае... С. 116–117.

<sup>47</sup> *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 67–69.

<sup>48</sup> *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. С. 95.

<sup>49</sup> *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 186.

<sup>50</sup> См.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. Мифологемы и факты. М., 2001. С. 505; *Дулов А.В.* Средневековое иго на Руси. Было ли оно? За что воевали на поле Куликовом? // Сибирь. 2004. № 1. С. 46.

<sup>51</sup> *Григорьев А.П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 100–101. См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 95.

<sup>52</sup> Ярлыки татарских ханов русским митрополитам... С. 465–466. Автор летописной «Повести о Митяе», придерживаясь тенденциозной версии о постоянном противостоянии Москвы и Орды, сообщает, что архимандрит Михаил «ять бысть Мамаем, и не много державь его паки отпусти и» (Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 198). Однако подобному варианту развития событий противоречат, как минимум, два факта: во-первых, вряд ли Митяй поехал бы через владения Мамае, если бы заранее не имел гарантий безопасности; во-вторых, он все-таки получил ярлык, и, вероятно, именно это стало причиной его задержки в ставке Мамае. Также интересно отметить, что современные историки русской православной церкви вообще предпочитают не упоминать о том, что Митяй по пути в Константинополь побывал у Мамае и получил от него ярлык: они сообщают лишь о его путешествии в Константинополь и внезапной кончине (см., напр.: *Петрушко В.И.* История Русской церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2007. С. 135–136).

<sup>53</sup> См.: *Григорьев А.П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам. С. 101.

<sup>54</sup> См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875. С. 6–14. См. также: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 256–258; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 148–150; *Кашианов С.М.* Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI в. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 754.

#### Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения ханов Золотой Орды и русской церкви. Автор предпринял попытку определить хронологические рамки периода, в течение которого золотоордынские ханы жаловали льготные ярлыки русским митрополитам, а также выяснить, какие именно ханы и когда жаловали конкретные ярлыки. Также автор предлагает ответ на вопрос, почему не все из этих ярлыков вошли в Собрание ханских ярлыков русскому духовенству.

**Ключевые слова:** Золотая Орда, ханы, Монгольская империя, ярлыки, русская православная церковь.

#### Summary

The subject of article is relations between khans of the Golden Horde and Russian Orthodox Church. Author attempts to ascertain the chronological period in which khans granted the church with their privilege yarliks as well as to clarify which khans and when granted concrete yarliks. Also the author offers his answer to the question why not all of these yarliks were included in the Collection of khans' yarliks to the Russian clergy.

УДК 7.072.2

## ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ КНИГИ 1920–1930-х ГОДОВ

*О.Л. Улемнова, кандидат искусствоведения*

В становлении искусства графики Татарстана 1920–1930-х гг., представляющего собой сложное сочетание видов и жанров, стилей и направлений, сконцентрированных в небольшом временном отрезке, особое место принадлежит национальному книжному искусству. Расцвет его в этот период обусловлен, с одной стороны, общим подъемом графических искусств в России и Западной Европе, оказавшихся наиболее созвучными эпохе кардинальных социальных изменений, с другой стороны, – наличием древних традиций графической культуры ислама, распространенной в регионе, творчески переработанных молодым поколением национальных художников-графиков. Центрами их формирования были художественные учебные заведения нового типа в Казани – АРХУМАС\* [1, с.9–10] и Полиграфическая школа им. А.В. Луначарского, в Москве – ВХУТЕМАС.

В конце 1910-х – начале 1920-х гг. татарская книга сохраняла внешние формы дореволюционного периода, для которого была характерна шрифтовая наборная обложка, с минимумом украшений (рамок, линеек, виньеток, которые часто заимствовались из русских изданий, а также инициалов, специально созданных для татарских книг) преимущественно в стиле модерн. Эти книжные украшения вплоть до нача-

ла 1930-х гг. более или менее активно применялись при оформлении книг и журналов. Но уже в середине 1920-х гг. наметились тенденции к изменению облика татарских книг и журналов и определились три направления развития: *орнаментально-шрифтовое*, продолжающее дореволюционные традиции оформления татарской книги; *фигуративное*, активно использующее описательно-повествовательный подход в иллюстрировании текста книги и раскрытии ее содержания на обложке; *конструктивистское*, основанное на новом понимании задач, стоящих перед художником и оперирующее новыми формальными методами.

Новые тенденции поначалу находили выражение в оформлении обложки, затем в иллюстрации и менее всего в общем ансамбле книги, в котором наряду с новыми формами продолжали зачастую наличествовать и устаревшие принципы оформления и декоры. Наиболее ярко в фигуративном направлении проявили себя Г. Арсланов, А. Коробкова, Д. Красильников, Б. Урманче и др. Эти художники создавали интересные композиции, находили новые образные решения, удачно соединяли выразительный пластичный рисунок, отличающийся достаточно высокой степенью обобщения, с вязью арабского шрифта.

\* АРХУМАС – Казанские архитектурно-художественные мастерские. Одно из названий бывшей Казанской художественной школы (1895-1918), которая с 1918 г. неоднократно реорганизовывалась и переименовывалась, с 1935 г. – Казанское художественное училище [12, с.9-10].

С самого начала 1920-х гг. татарская периодическая и книжная печать остро нуждались в профессиональных графиках. Поэтому художник, знающий татарский язык, владеющий каллиграфией и имеющий даже минимальную профессиональную художественную подготовку, мог оказаться незаменимым. Таким художником стал приехавший в Казань в 1922 г. Гусман Валеевич Арсланов (1897–1941), получивший азы художественного образования в Пермских художественных мастерских. В начале 1920-х гг. он был единственным художником татарской печати и сотрудничал с целым рядом журналов и издательств. Не все, что создал Г. Арсланов в графике, равноценно по художественному качеству: порою сказывалась и спешка в работе, и недостаточная профессиональная подготовленность. Но его рисунки обладают едиными стилистическими признаками, его манера легко выделяется среди других авторов, может быть, потому, что они однообразны по исполнению, насыщены деталями, на взгляд современника, «в них мало оригинального, самобытного и современного» [3, с.11]. Но они ценны тем, что отражают реалии повседневной жизни, фиксируют разнообразие национальные типы. Особая заслуга принадлежит Г.Арсланову в создании и развитии советской татарской сатирической графики на страницах журнала «Чаян» [14, с.227–230].

Профессиональной удачей Г. Арсланова является обложка книги «Наша печать», решенная декоративно, на сопоставлении строгого ритма белых и красных вертикальных полос и витиеватости черных линий арабской вязи названия, четко выделяющегося на белом фоне, оставленном прерванными красными полосами, образующими фигурное поле.

В 1926 г. Г. Арсланов создал иллюстрации к «Собранию сочинений» Г. Тукая. В его рисунках преобладали юмористические и сатирические интонации, однако в целом издание было мало удачным, возможно, не столько

из-за низкого уровня самих рисунков, сколько из-за неудовлетворительного качества перевода их в типографские клише. В 1927 г. поэмы Г. Тукая «Шурале», «Новый Кисекбаш», «Мияубике» вышли в свет отдельными изданиями с теми же иллюстрациями. В них рисунки Г. Арсланова были переведены в ксилографию профессиональным гравером, что придало им большую выразительность, остроту и законченность.

Среди книжной продукции Татарстана начального периода выделяется «Шурале» Тукая, оформленное Баки Урманче (1893–1990), изданное в 1923 г. в типографии «Восток». Это издание не до конца оценено искусствоведами. П. Дульский в своем исследовании, посвященном татарской книге, не сообщает о нем вовсе [3], другие исследователи лишь вскользь упоминают о нем, не определяя значение этого издания для татарского искусства книги [10, с.33; 15, с.6; 6, с.164]. Между тем это первое и единственное в 1920-е гг. книжное издание Г. Тукая на татарском языке, в котором осуществлена профессиональная попытка его решения как целостного художественного произведения, в котором гармонично сочетаются разнообразные элементы книжных украшений со шрифтом, учитывается соотношение текстовых блоков, иллюстраций и размеров листа. В стилистике оформления очевидно влияние стиля модерн и русской детской книги начала XX в., в то же время ярко выражено национальное своеобразие. Уже здесь найдены многие образные и композиционные решения, которые Б. Урманче будет развивать в дальнейшем.

Другим ярким мастером книжной обложки и книжно-журнальной иллюстрации середины 1920-х гг. был Дмитрий Николаевич Красильников (1903–1952). Он активно сотрудничал с казанскими и московскими издательствами и татарскими журналами «Аул яшьляре» («Сельская молодежь»), «Азат хатын» («Свободная женщина»), «Ударниклар» («Ударники»), «Октябрь баласы» («Дитя Октября»). Большая за-

слуга принадлежала Д.Красильникову в формировании облика татарской детской книги в конце 1920-х гг. Цветная обложка в 2–3 краски, серия страничных черно-белых иллюстраций, отличающихся реалистическим подходом в раскрытии темы, – общие черты для оформленных им книг. В то же время обложки, выполненные художником почти одновременно, разностильны, в них ощущаются разнообразные влияния от конструктивизма (Н. Исанбет. «Маленькие техники», 1928) до «пламенеющей графики» С. Чехонина (И. Хайруллин. «Золотые колосья», 1928) и др. Тем не менее обложки Д. Красильникова интересны своими композиционными решениями, ритмической и пространственной организацией. Иллюстрации основаны на современном художнику жизненном материале, полны острой наблюдательности, отличаются уверенной и выразительной пластикой.

Заметную роль в развитии татарской книжно-журнальной графики сыграла Александра Николаевна Коробкова (1905–1998), много работавшая в журналах «Аул яшьляре» и «Азат хатын» в 1925–1927 гг. над созданием обложек, типовых заставок, иллюстраций к рассказам и повестям, печатавшимся на страницах журналов. Ей особенно удавались женские образы, сочетающие национальную пластику с реалиями современности, мягкость и лиричность с эмоциональным напором неофитов новой феминистической идеологии.

Пионером конструктивистского направления в татарской графике стал Фаик Шакирджанович Тагиров (1906–1978), органично соединивший в своем творчестве древние традиции арабграфичной книги, арабской каллиграфии, свойственное искусству ислама неизобразительное мышление с приемами европейского авангарда. «Восточный конструктивизм» Тагирова – наиболее значительное явление в татарской книге 1920-х гг. и одна из интереснейших страниц истории советской конструктивистской книги.

За 10 лет работы в области книжного оформления (1924–1933) Ф. Тагировым было оформлено немногим более 30 книг, а также 4 книги – совместно с А. Коробковой [11], но каждая из них стала явлением в искусстве оформления книги. В начальный период у Ф. Тагирова преобладали рисованные обложки, в которых использовались только шрифт и простейшие декоративные элементы: горизонтальные и вертикальные линейки и полосы, стрелки. Уже в 1924 г. в его работах появился новый прием – фотомонтаж, который стал важнейшей составляющей художественного языка конструктивизма и которому в 1920-е и в начале 1930-х гг. в советском агитационно-массовом искусстве придавалось большое значение (А. Мазитов. «Сборник для деревенских клубов» (1925), В. Уразай. «В желудке годов» (1925), А. Кутуй. «Кровавое воскресенье» (1925)).

К концу 1920-х гг. арсенал художественных средств Ф. Тагирова пополнился новыми приемами, среди которых: акциденция, в том числе мозаичный набор, который он широко применял как в книге, так и в плакате (С. Тагирова. «Научная библиография», 1925, 1929; Ф. Гладков. «Цемент», 1928); ритмический набор; выворот (Г. Мансуров. «Татарские провокаторы», 1927) и др.

Если сначала новаторство у Ф. Тагирова проявлялось преимущественно в книжной обложке, то в конце 1920-х гг. он стал настоящим конструктором книги, отвечая за все этапы ее оформления: макет, набор, акциденция, фотомонтаж, подбор и создание иллюстраций и др. Этот подход был реализован Ф. Тагировым в русскоязычных книгах, изданных в Москве: К. Эдшмид «Баски, быки, арабы» (1929), «Нью-Йорк» (1933). Не имея возможности вернуться в Казань из Москвы, где он учился с 1925 г., Ф. Тагиров все меньше мог влиять на развитие татарской книги Казани.

Тем не менее в начале 1930-х гг. конструктивистская книга, базирующаяся на акцидентной печати, оперирующей элементарными геометрическими

формами, ритмическим набором и другими авангардными приемами, получает в Казани широкое распространение. Это происходит во многом благодаря конструктору книги И.Я. Иванову (1904 г.р.), приехавшему из Москвы в 1930 г.

В Татполиграфе И. Иванову «пришлось проделать большую работу по перевоспитанию рабочей массы, преимущественно среди наборщиков, которые в первое время, еще не привыкшие к конструктивному стилю, к обложке без рисунка, к наборному шрифту дубового гарнитура, к композиции строк, переключенных на технику выворота – белые буквы на черном фоне, были очень консервативны. Все это сравнительно с прежней сухой, академической обложкой явилось для Казани большой новацией и произвело целую революцию в местном полиграфическом мире («От большевистской весны к большевистской осени», 1931) [5, с.43–44].

Особой заслугой И. Иванова было то, что он приобщал к новым методам художников и типографских рабочих Татполиграфа и оставил в Казани последователей, активно работавших до середины 1930-х гг. Среди них наиболее способным оказался наборщик по профессии Рахим Мухутдинов (1902 г.р.). Не имевший специального художественного образования, он настолько овладел новыми приемами оформления книги, что «легко справлялся с труднейшими проблемами компоновки» [5, с.44], оформил ряд изданий различного характера, гордо именуя себя в выходных данных «конструктором книги» (Н. Красавин. 30 передовых колхозов Татарии. 1934). Надо отметить, что в 1920–30-е гг. термин «конструктор книги» был общепринятым названием этой специальности, используемым и в официальных документах типографских учреждений, и в выходных данных, и как самоопределение художника.

Большую роль в развитии искусства книги в Казани играл Петр Максимилианович Дульский (1879–1956). Он был и первым историком татарского

книжного искусства, и художником-новатором русской и татарской книги Казани, и педагогом, воспитавшим плеяду молодых мастеров татарской книги как в Казанском художественно-театральном техникуме на художественно-графическом факультете, давшем в 1928–1929 гг. ускоренный выпуск художников-полиграфистов, так и в Полиграфической школе ФЗУ им. А.В. Луначарского (1922–1941), где печатникам и наборщикам прививались азы художественного образования и творческий подход к производственным процессам, где их знакомили и учили оперировать современными наборными методами оформления.

П. Дульский не только в теории, а большей частью на практике готовил новые кадры для полиграфических учреждений Казани. Под его руководством, непосредственным наблюдением, часто по его собственным эскизам выходили в свет издания Полиграфшколы. Особое внимание в школе уделялось изучению восточного искусства, восточных шрифтов, нового татарского шрифта яналиф. В татарских классах выполнялись композиционные работы на основе восточных мотивов, изучались характерные особенности восточных узоров, которые применялись в украшениях обложек. Эти задания прорабатывались и в гравюре на линолеуме [2, с.21–22]. В одном из отзывов проверяющей школы инстанции констатировалось: «Школа в особенности имеет крупную будущность по линии татарского отделения, которое в татарском мире является единственным культурным источником в области создания красивой и изящной книги» [2, с.23].

В целом художественное оформление изданий Полиграфшколы конца 1920-х – начала 1930-х гг. строилось на применении акцидентного набора. Причем из элементов типографского набора строились не только декоративное убранство обложек, декоративные линейки и заставки, но и конструировались изобразительные мотивы. К числу особенно интересных образцов

акцидентного набора относятся книжные знаки, исполненные учениками Полиграфшколы [7, с.16].

Уже в 1929 г. при Татполиграфе действовал производственный кружок, активное участие в работе которого принимали П.М. Дульский и П.Е. Корнилов (возможно, ими же этот кружок и был инициирован). На заседаниях, на которых присутствовали от 10 до 25 человек, заслушивались доклады на разнообразные темы, как производственные, так и художественные, представляющие широкий спектр книжного и графического искусства России. Например, П. Корниловым были представлены доклады: «О гравере И.Н. Павлове», «О достижениях татарской книги за годы революции», «Художественные достижения Нижполиграфтреста». На заседаниях кружка также устраивались выставки работ художников-полиграфистов [12, с.17]. Таким образом, в процессе полиграфпроизводства осуществлялось знакомство работников с новейшим художественным опытом, происходило повышение профессионального уровня.

П. Дульский как действующий художник книги тоже отдал дань акцидентии, оформив в конструктивистском стиле ряд изданий, среди которых особенно любопытна его собственная книга «Актуальная графика» (1935). В ней в контекст советского графического искусства введены наиболее интересные образцы казанской книжно-журнальной и промышленной графики. В. Кричевский выделяет эту книгу как одну из последних конструктивистских книг в советском искусстве 1930-х гг.: «обложка выполнена сбитым шрифтом грубовато, что только украшает ее, усиливая ощущение технической сути». Название книги – результат авторского поиска термина для того, что ныне называют графическим дизайном. Удивительно, но факт: это первая, последняя и, наверное, самая неизвестная русская книга на столь широкую (без жанровых сужений) тему. В 1935 г. такая вещь могла появиться только на правах рукопи-

си, в ничтожно малом тираже (200 экз.) и в провинции [8, с.84].

В начале 1930-х гг. в татарскую печать приходит все больше татарских художников: Джагфар Булат (1903–1981), Гусман Мусин (1908–1942), Мукадас Рахматуллин, Габдулла Гали, Исхак Сулейманов, Яхин, Тиригулов и др. Это были в основном учащиеся и выпускники Казанского художественно-театрального техникума (КХТТ) второй половины 1920-х гг. В формировании этого поколения татарских художников важную роль сыграл Баки Урманче, который преподавал в КХТТ с 1927 по 1929 г. и большое внимание уделял графическому образованию, был инициатором организации производственной графической группы в техникуме.

Как наиболее сильный и самостоятельный мастер выделялся в этом новом поколении татарских художников книги Шакир Нигматович Мухамеджанов (1900–1972). В начале 1930-х гг. он был приглашен на работу в Татгосиздат, где стал организатором графического бюро (художественной редакции), объединив в единый творческий коллектив лучшие кадры казанских графиков [9, с.15]. Обложки книг, выполненные Мухамеджановым для Татгосиздата в начале 1930-х гг., выделялись в многочисленной продукции издательства профессионализмом, оригинальными композиционными находками, индивидуальной манерой, созвучной эпохе ар-деко (Б. Доминов. «Учись рисовать», 1929; В. Хосой. «Текстильщик Ходзи», 1931).

К сожалению, множество татарских иллюстрированных книг 1920–1930-х гг. остались безымянными. В одних из них применены современные способы книжного оформления: фотомонтаж (А.Ахмат, А.Алиш. «Йолдыз», 1935), выворотный набор («Покоренный Кабан», 1932), найдены интересные композиционные решения (Рубин. «Мы в детстве», 1931). Другие характеризуются слабостью рисунка, наивностью образных решений и не поднимаются выше самодельного уровня.

Надо отметить, что на рубеже 1920–1930-х гг. в оформлении книг в Татарстане наблюдается разнообразие применяемых техник: гравюра на линолеуме, на дереве, литография, типографский набор и др. Ш. Мухамеджанов был одним из первых ксилографов-татар [4, с.78]. В миниатюрных видах Казани, украшающих «Спутник туриста по Казани» С.П. Сингалевича (1929), проявляются высокий уровень подготовки его как гравера, умелое владение резцом, стремление создать в листах особое художественное пространство, насытить лиризм даже индустриальные сюжеты. Эту тему Ш. Мухамеджанов стал осваивать одним из первых среди татарских художников.

Преподавателем гравюры на графическом отделении КХТТ в 1928–1929 гг. был Федор Семенович Быков (1885–1966), представитель дореволюционной школы ксилографов, в 1920-е гг. продолжавший активно работать в казанских издательствах. Его работы отличаются точностью натурального рисунка, ясными, уравновешенными композиционными построениями, твердой, уверенной линией, применением классических приемов гравирования. Основным жанром, в котором работал Ф. Быков, был портрет. Им созданы образы классиков татарской литературы Г. Тукая, Г. Ибрагимова, украшающие обложки собраний сочинений этих писателей (1929).

Особенно интенсивно в середине 1930-х гг. развивалась татарская иллюстрированная детская книга, над оформлением которой работали такие художники, как Г. Поляков, Р. Халиков, Г. Мусин, Н. Карпов, Б. Альменов. Применение цветной, многокрасочной литографии позволяло им создавать яркие, эмоциональные лирические образы природы, запоминающиеся сказочные персонажи.

В 1927 г. в Татарии начался переход на латинский шрифт – яналиф. Многие художники, в том числе Ф. Тагиров, принимали участие в разработке новых латинских шрифтов, новых ти-

пографских украшений, пропагандировали новые формы письменности. В новых условиях татарским художникам еще удавалось сохранять национальное своеобразие, проявляющееся в условности изобразительного языка рисованных обложек, в оперировании абстрактными формами, в преобладании орнаментально-декоративных композиций обложек, в активном использовании каллиграфических надписей, сохраняющих генетическую связь с арабской каллиграфией. Перевод татарской письменности в конце 1930-х гг. на кириллицу оказался губительным для татарской национальной графики и особенно для татарского искусства книги, лишив их важнейшей составляющей – арабской каллиграфии, которая являлась хранителем вековых традиций татарского искусства и потенциалом его развития.

К середине 1930-х гг. конструктивистские принципы оформления книги (так же, как конструктивизм в других видах искусства) были практически изжиты из художественной практики. Повсеместно внедрялся метод «социалистического реализма», реанимировавший нормы академического искусства, тяготевшего к большим художественным формам, ведущим к однообразию в оформлении (следованию «образцам»). Советское искусство становилось все более идеологизированным и унифицированным. Органичное преломление национальных графических традиций в татарской книге в 1920-е – начале 1930-х гг. заменилось этнографическим подходом в иллюстрировании и утерей татарской книгой своей национальной специфики. В литературе, в том числе национальной, короткие рассказы и очерки сменяли повести и романы, издавались собрания сочинений, порождающие серийный подход в их иллюстрировании. Книжные иллюстрации сближались с жанрово-бытовой картиной, национальная тема раскрывалась в сюжете, costume.

Художники или перестраивались на новый лад, как Ш. Мухамеджанов

(Издание сочинений Г. Тукая, 1938) и другие, или уходили в другие области искусства, где официоз не был столь ошутим. Так, Ф. Тагиров перешел в область создания шрифтов, соединяющую искусство, науку и производство, продолжая и в 1930–1950-е гг. осуществлять одну из основных установок конструктивистов: «художник – на производство!».

Ярким представителем неоакадемического направления стал Байназар Мустафьевич Альменов (1909–1976), приехавший в Казань в 1935 г. после окончания Пензенского художественно-педагогического техникума, где он учился у А.И. Постнова, ученика Д.Н. Кардовского, «мастера высокой культуры оформления книги в традициях петербургской школы графики» [13, с.153]. Для Б. Альменова, получившего художественное образование уже в 1930-е гг., неоакадемизм был ограничен, ему не приходилось «ломать себя», как, например, Ш. Мухамеджанову и др. На долгие годы Б. Альменов стал ведущим художником Татарского книжного издательства, создав множество иллюстраций к произведениям татарских писателей и поэтов.

Главной в творчестве Б. Альменова стала тукаевская тема. Художник неоднократно обращался к сказкам и стихам поэта (1936, 1939), «проявляя оригинальность и самостоятельность в разработке сюжетов и иконографии образов сказок Г. Тукая, а порою подлинную поэтичность и тонкость» [14, с.196]. Любимой техникой художника на долгие годы оставался рисунок пером, отличающийся точностью и выразительностью, наследующий лучшие традиции русской рисовальной школы. Художник сосредоточивал внимание не на разнообразии форм и художественных приемов, а на передаче нюансов, психологической характеристике персонажей, что свойственно лучшим произведениям Б. Альменова – иллюстрациям к произведениям Г. Тукая, Ш. Камала, ставшим класси-

кой татарской реалистической книжной графики.

Таким образом, в середине 1920-х гг. наступил принципиально новый этап в развитии татарского книгопечатания. Художественные учебные заведения нового типа, сама практика полиграфического производства воспитали целый ряд художников-графиков, создавших национальную школу книгопечатания, своеобразие которой определило взаимодействие канонов европейского изобразительного искусства и неисчерпаемого богатства национальной татарской графической культуры.

Татарская книга второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. была широко представлена на всесоюзных и международных выставках, где получала высокую оценку специалистов, выводила татарское искусство на мировую арену. Укажем лишь основные выставки: выставка декоративного искусства в Париже (1925), Всесоюзная полиграфическая выставка в Москве (1927), Выставка графического искусства (1917–1929) в Академии художеств в Ленинграде, выставка «Искусство книги» (Париж, 1931; Лион, 1932), «Современное искусство СССР» в США (Сан-Франциско, Чикаго, Филадельфия, Нью-Йорк) в 1932–1933 гг., выставка объединения «Октябрь» в Москве, Берлине и городах Рейнской области (1930).

Новая татарская книга, прежде всего, конструктивистская, рожденная на стыке европейской и восточной традиций, явилась органичным развитием авангардистского потенциала национального искусства, основанного на древней арабской графике. Перевод татарской письменности на латинскую графику в конце 1920-х гг. и на кириллицу в конце 1930-х гг. оказался губительным для татарской национальной книжной графики, лишив ее важнейшей составляющей – арабской каллиграфии, которая являлась залогом сохранения вековых традиций татарского искусства и мощным потенциалом его развития.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> АРХУМАС: казанский авангард 20-х: ГМИИ РТ, Арт-Диваж галерея / И.И. Галеев [сост., текст], О.Л. Улемнова [сост., текст] и др. — М.: Издательство «Скорпион», 2005. — 168 с.: цв.ил.

<sup>2</sup> *Афанасьев А.* Полиграфическая школа в 1921–1927 гг. / А. Афанасьев // Полиграфическая школа ФЗУ имени А.В. Луначарского Т.С.С.Р.: Сб. — Казань, 1929 (на обложке — 1928). — 71 с.: ил.

<sup>3</sup> *Дульский П.М.* Оформление татарской книги за революционный период / П.М. Дульский: Татар. науч.-иссл. эконом. ин-т, Кабинет искусств. — Казань, 1930. — 24 с.: 14 л.ил.

<sup>4</sup> *Дульский П.М.* Несколько слов по поводу иллюстраций / П.М. Дульский // Спутник туриста по Казани: Сб. / Под общ.ред. Сингалевича С.Г. — Казань: Дом татарской культуры, 1929. — 78 с.: ил.

<sup>5</sup> *Дульский П.М.* Актуальная графика / П.М. Дульский. — Казань, 1935. — 47 с.: ил.

<sup>6</sup> *Зарипов Э.Я.* Художники книги / Э.Я. Зарипов // Здравствуй, книга! / Сб. Сост. и общ. ред. М.С. Глухова. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — 252 с.: ил.

<sup>7</sup> *Корнилов П.Е.* Акцидентные книжные знаки (Из практического опыта Полиграфшколы в Казани) / П.Е. Корнилов // Полиграфист. — 1930. — № 1–2. — С.16.

<sup>8</sup> *Кричевский В.Г.* Типографика в терминах и образах: В 2-х т.: Том 2: 158 образов / В.Г.Кричевский. — М.: Издательство «СЛОВО» / SLOVO Publishing House, 2000. — 158 с.: ил.

<sup>9</sup> *Лобашева И.Ф.* Шакир Мухамеджанов. Альбом-монография / И.Ф. Лобашева. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 163 с.: цв.ил.

<sup>10</sup> *Новицкий А.И.* Баки Урманче / А.И. Новицкий. — Казань, Татар. кн. изд-во, 1994. — 192 с.

<sup>11</sup> Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагирова. Каталог выставки. Книжная графика. Рисунок. Гравюра: Национальная художественная галерея «Хазине» — филиал ГМИИ РТ: 24 ноября 2006 — 15 января 2007 / В.Г. Кричевский [текст], О.Л. Улемнова [сост., текст]. — Казань: «Заман», 2006. — 63 с.: цв.ил.

<sup>12</sup> Полиграфист. — 1929. — № 10-11. — С. 17.

<sup>13</sup> *Соловьев В.Д.* Русские художники XVIII — XX веков. Справочник / В.Д. Соловьев. — 3-е изд., доп. и испр. — М.: Эксперт-клуб, 2005. — 1024 с.: ил.

<sup>14</sup> *Червоная С.М.* Искусство Советской Татарии. Живопись, скульптура. Графика / С.М.Червоная. — М.: Издательство «Изобразительное искусство», 1978. — С. 227-230.

<sup>15</sup> *Шагеева Р.Г.* Баки Урманче. Каталог юбилейной художественной выставки / Р.Г. Шагеева [вст.ст.] и др.: ГМИИ РТ. — Казань, 1987.

## Аннотация

В статье рассматриваются этапы развития художественного оформления татарской книги в 1920–30-е гг. Прослеживается стилистическая эволюция татарской книжной графики. Раскрывается ее связь с европейской и арабо-графической традициями. Выделяются орнаментально-шрифтовое, фигуративное и реалистическое направления. Отмечается негативное влияние на развитие татарского национального искусства книги смены арабской письменности на латиницу и затем на кириллицу. Выявляются особенности художественного языка книжного оформления на примере творчества ведущих татарских художников книги Б. Альменова, Г. Арсланова, Ш. Мухамеджанова, Ф. Тагирова и др.

**Ключевые слова:** искусство книги, книжная графика, татарский, арабская каллиграфия, конструктивизм, реализм.

## Summary

The article deals with the stages of the development of the design of the Tatar book in the 1920–30s. We can observe the stylistic evolution of the Tatar graphics of a book. Its connection with the European and Arabic graphical traditions is revealed. The author distinguishes the ornamental-type, figurative and realistic directions. The author points out the negative influence on the development of the Tatar national art, books, change of the Arabic writing into the Roman alphabet, and then — to the Cyrillic alphabet. By the example of the works of the leading Tatar artists of a book, such as B. Almenov, G. Arslanov, S. Mukhamedjanov, F. Tagirov and others, the peculiarities of the artistic language of the design of a book are revealed.

УДК 378:001.891

## О СУДЬБЕ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*М.А. Усманов, академик АН РТ**Предыстория*

Становление университетской научной ориенталистики в России неразрывно связано с историей Казани и Казанского университета<sup>1</sup>, в котором был создан первый в стране востоковедческий центр – Восточный разряд (ВР).

Основание самого университета в 1804 г. в Казани, являвшейся своеобразными «восточными воротами» империи, продиктовано стремлением России далее расширять свою территорию, укрепляя позиции в направлении Центральной Азии, Дальнего и Среднего Востока. Такое устремление предполагало накопление соответствующих знаний о странах и народах названных регионов, с чем и было связано основание специального востоковедческого центра в университете. Казань являлась наиболее оптимальным местом для этой цели: в ее пределах жили носители нескольких восточных (тюркских) языков; у населения (татар) в большом количестве имелись необходимые, хотя бы частично подходящие для использования в учебном процессе текстовые материалы – рукописи на арабском, персидском языках и различных тюркских наречиях.

На значение этих рукописей здесь обращается внимание потому, что как на Руси периода ее зависимости и обретения самостоятельности от Улуса Джучи (до конца 15 в.), так и в позднейшей России (почти до 20-х годов 19 столетия) из восточных языков наиболее освоенным был тюрко-татарский, то есть старотатарский письменный язык. Он

сложился в золотоордынский период<sup>2</sup>, в 13–15 вв., а также во времена существования самостоятельных татарских ханств и являлся языком межгосударственного общения почти во всей северо-западной Евразии. На этом языке велась переписка при дипломатических отношениях с рядом восточных государств и народов; его активно использовали и в России<sup>3</sup>, чему способствовало, как отмечал В.В. Бартольд, наличие готовых кадров из татарского населения<sup>4</sup>, включенного в 16 в. в состав Российского государства. Можно сказать, что практическая тюркология в России имеет глубокие корни. Поэтому при основании нового университета предпринимались меры по преподаванию этого языка и составлению учебных пособий<sup>5</sup>.

Относительно быстрому становлению и успешному развитию научного востоковедения в Казанском университете (КУ) способствовало, прежде всего, то, что в этом процессе в качестве ведущих специалистов и заведующих только что открытых кафедр принимали непосредственное участие приглашенные из Германии крупные ученые<sup>6</sup>. Вообще Казанский университет (КУ) в первой половине 19 в. формировался и развивался под сильным влиянием **германской** научно-образовательной культуры, то есть во многом он являлся **европейско-немецко-русским** университетом с высоким научным уровнем<sup>7</sup>. В этом плане показательны следующие факты: в 1813 г. Специальный совет, уполномоченный выбрать ректора, состоял из 17 ординарных и экстраординарных профессоров, из которых 14

были выходцами из Германии, а еще один являлся полунемцем<sup>8</sup>. Немцев не было лишь на богословском отделении университета<sup>9</sup>.

В становлении Казанского научного востоковедения в ВР в КУ бесспорна выдающаяся заслуга профессора восточной словесности арабиста Христиана Мартина Френа (1782–1851). В Казани он учил татарский язык, обследуя нумизматические материалы; создал первые научные труды по политической истории Булгарского царства и Золотой Орды; разрабатывал принципы текстологии тюркоязычных письменных памятников. Х.М.Френ фактически определил пути дальнейшего развития ориенталистики в университете, в дальнейшем успешно продолженное А. Казем-Беком (1802–1870). Френ является также бесспорным основателем восточной нумизматики в России<sup>10</sup> — той специальной исторической дисциплины, без которой почти невозможно полноценное изучение социальной и политической истории северо-западной Евразии 10–16 вв.

Однако востоковедению в КУ не суждено было существовать долго. В 1854–1855 гг. ВР со всем контингентом преподавателей и студентов, а также с учебными пособиями, включая ценнейшие рукописные коллекции, был переведен в Санкт-Петербургский университет, где таким образом в 1855 г. был создан Факультет восточных языков (ФВЯ). Это было связано с тем, что правительство, с одной стороны, хотело укрепить ориенталистику в столице, а не в провинции, с другой, — надо полагать, имея квалифицированных востоковедов «под рукой», желало усилить контроль над их деятельностью. Тем самым, как писал В.В. Бартольд, «требования научного востоковедения всецело приносились в жертву действительным или мнимым требованиям государственной жизни»<sup>11</sup>. Таким образом, в результате руководящей деятельности бывших казанских востоковедов, прежде всего энергичного и невероятно инициативного А.К. Казем-Бека, два-

ды избиравшегося деканом (1854–1858 и 1866–1870 гг.), его ученика И.Н. Березина (1870–1873) и пятнадцатилетнего (1878–1893) деканства В.П. Васильева, «в большей степени, чем Березин, примыкавшего к взглядам Казем-Бека и казанской школе ориенталистов»<sup>12</sup>, сложился фундамент того знаменитого и подлинно академического центра ориенталистики в России, который известен под названием петербургской (ленинградской) школы российского востоковедения, кузницей кадров которой стал ФВЯ.

Правда, научная общественность КУ и тогда и позднее относилась отрицательно к факту перевода ВР в столицу. Она оказывала некоторое сопротивление этому процессу, пытаясь сохранить у себя хотя бы часть востоковедческой литературы, особенно рукописи.

Во второй половине 19 в. небольшие признаки востоковедения в КУ «теплились» лишь в деятельности арабиста И. Готвальда (1813–1897), предпринявшего меры по восстановлению коллекции восточных книг и рукописей. Несколько позднее оно продолжилось в тюркологических исследованиях Н.Ф. Катанова (1862–1922)<sup>13</sup>. Потерю ВР в какой-то степени попытались компенсировать члены Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при КУ, функционировавшего с 1878 г., хотя в их трудах преобладала местная тематика в виде археологических поисков и некоторых тюркологических изысканий.

Некоторые элементы научной ориенталистики имели место в трудах сотрудников Казанской духовной академии, являвшейся, прежде всего, религиозно-миссионерским учреждением. Следует специально отметить, что именно в Казани рядом ученых во главе с Н.И. Ильминским (1822–1891) была создана известная грамматика алтайских языков, ознаменовавшая зарождение нового направления востоковедения — алтаистики<sup>14</sup>.

Здесь необходимо отметить, что после ликвидации ВР в КУ и организации

при нем ОАИЭ основным объектом изучения ориенталистов на долгие годы становятся преимущественно вопросы внутреннего, то есть российского Востока, особенно Волго-Уральского региона.

Влияние казанской ориенталистики, сложившейся в первой половине и середине 19 в., испытывали на себе представители татарской научно-просветительской мысли. Это влияние усилилось в период становления и развития обновленческого движения, ставшего известным несколько позднее под названием **джадидизм**. Так, в некоторые исследования основоположника татарской исторической мысли, крупного теолога Шигабаддина Марджани (1818–1889), формировавшегося в традиции восточной историографии, начинают проникать отдельные элементы русско-европейской научной культуры, также сведения западных источников и исследований<sup>15</sup>. Этому способствовало активное посредничество его ученика Хусаина Фаизханова (1828–1866), тесно общавшегося с ориенталистами как в Казани, так и в Петербурге. В столицу Х. Фаизханов переехал по предложению А.К. Казем-Бека, где он работал на факультете восточных языков и активно сотрудничал одновременно с востоковедами из Академии наук (в их числе были Б.А. Дорн, В.В. Вельяминов-Зернов и др.)<sup>16</sup>.

Намного радикальнее, чем Марджани, в плане обновления формы, стиля и содержания научных трудов, оказался его последователь по убеждениям Риззэтдин Фахретдин (1859–1936). Перу этого крупного богослова, историка, журналиста, писателя и педагога принадлежат десятки книг, сотни статей, посвященных жизни и духовно-культурному наследию многих знаменитых деятелей мусульманской культуры из различных стран (Ибн Рушд, аль-Ма'арри, аль-Газали, аль-'Араби, Ибн Таймия, Ибн Халдун, аль-Макризи, Ибн Халлякан, Акбар, хан Узбек и мн.др.). Он является также автором многотомного библиографического

свода «Асар» («Следы»), содержащего материалы о деятелях духовной культуры татарского народа за четыре-пять столетий<sup>17</sup>.

В начале 20-го столетия заметное развитие получают исламоведческие работы, которые, в свою очередь, продолжают философские традиции Ш. Марджани. Наиболее крупным представителем этого направления был известный знаток Корана, ислама и мусульманской культуры Муса Джарулла Бигиев (1875–1949). Его перу принадлежит ряд трудов по арабской филологии и отдельным проблемам исламоведения. Например, он одним из первых в России уделит пристальное внимание творчеству и философским воззрениям великого мыслителя аль-Ма'арри, опубликовал биографию поэта (ч. I) и оригиналы его стихов с переводами-толкованиями (ч. II). Его перу принадлежат также специальные публикации, посвященные спорным вопросам религиозного обряда и философии ислама<sup>18</sup>.

Этот период ознаменовался также появлением нескольких татарских тафсиров Корана (наиболее широко распространенным был тафсир Нугмани, 1907); из религиозных периодических изданий более долгосрочным и известным был «Дин ва ма'ишат» («Религия и жизнь», 1906–1918).

В первом десятилетии 20 в. стали появляться первые, светского характера, исследования по истории, культуре и филологии самих татар, принадлежавшие перу в то время сравнительно молодых авторов, таких как историк Хади Атласи (1876–1938), Абдулбари Батгал (1883–1969), Джамаладдин Валиди (1887–1932), Газиз Губайдуллин (Г.Газиз – 1887–1938), Али Рахим (1892–1943) и др. Из них до революции 1917 г. наиболее активно публиковался Х.Атласи<sup>19</sup>. Следует отметить, что в деятельности последних авторов основное место занимала тюркологическая, точнее, татароведческая проблематика.

В связи с изложенным вкратце материалом необходимо специально подчеркнуть, что отмеченное оживле-

ние татарской научно-общественной жизни во второй половине 19 — начале 20 вв., особенно усиление в ней светского начала и русско-европейского методического компонента в подаче материалов происходило в известной степени под непосредственным влиянием трудов казанских востоковедов, поэтому на данный сюжет обращено, хотя и пунктирно, особое внимание. Без этой предыстории, как увидим далее, трудно будет понять своеобразие ряда дальнейших явлений в сфере гуманитарно-научной действительности Казани 20-го столетия.

Ликвидация Восточного разряда в КУ, как оказалось, стала лишь половиной или даже малой долей беды для развития ориентально-гуманитарных дисциплин в Казани и регионе. Настоящая беда, даже подлинная катастрофа, постигла гуманитарно-культурную действительность (а следовательно, и востоковедческие знания) после 1917 г. При дальнейшем изложении материала будет обращено внимание на, так сказать, «околовостоковедческие» научные разработки, поскольку проблемы истории, культуры и филологии татарского народа давали возможность продолжить борьбу (в какой-то степени скрытую борьбу) за возрождение в Казани ориенталистики, что проходило «красной нитью» через все 20-е столетие.

### *Времена попыток и пыток*

Вторая четверть 20 в. в истории России была самым сложным и неблагоприятным периодом для развития гуманитарных научных дисциплин. Трудности времен Первой мировой войны сменились последствиями революционно-разрушительных событий 1917 г., кровопролитной гражданской войны, массовой «утечки мозгов» — эмиграции значительной части интеллектуалов, в том числе историков (например, А.Баттал), а также страшного голода 1921—1922 гг. Некоторые элементы относительно мирной и нормальной жизни появились лишь во вре-

мена НЭПа в середине 20-х гг., когда население получило частичную свободу в сфере экономической деятельности и культурной жизни. С конца этого десятилетия началась коллективизация, сопровождавшаяся дальнейшим разрушением как хозяйственной, так и духовно-культурной жизни. Поэтому некоторое оживление в сфере научно-исследовательской деятельности имело место лишь в начальный период НЭПа.

Первыми результатами такого оживления в области историко-филологических изысканий, отдельными разделами выходящих за рамки татароведческих исследований, были книги Али Рахима и Г. Губайдуллина по истории татарской литературы. Одна из них вышла в 1922 г., следовательно, была написана ранее, другая опубликована несколько позднее<sup>20</sup>. Значительными оказались содержательные, относительно выдержанные по объективности «Очерки» М.Г. Худякова<sup>21</sup> и Дж. Валиди<sup>22</sup>. Вскоре Г. Губайдуллину удалось опубликовать в Москве свою «Историю татар»<sup>23</sup>. Затем вышла литературоведческая книга Абдрахмана Сагди<sup>24</sup>.

В начале 20-х гг., когда еще сохранялась вера в торжество «исторической справедливости» в результате революции и победы в гражданской войне, интеллектуалы надеялись на свободное развитие культуры, науки, в том числе и востоковедения, хотя бы некоторых направлений его в системе высших учебных заведений. Об этом свидетельствуют факты основания в 1922 г. Восточной академии, которая вскоре была включена в состав Восточно-педагогического института. Исходя из реальных возможностей начали преподавать языки и историю тюркских народов региона с надеждой развить научную тюркологию. С этой целью было организовано «Общество татароведения», к деятельности в котором привлекались молодые историки и филологи<sup>25</sup>. Как известно, вскоре обстановка в стране резко изменилась. В результате со второй половины 20-х гг. публикация

обобщающих трудов по истории и филологии татар сходит на нет.

Такое изменение объясняется тем, что в середине 20-х гг., точнее с 1923 г., начинается тотальная борьба с национальными кадрами. «Первым звонком» этой кампании были обвинения в «национал-уклонизме», «антипартийной деятельности» и снятие со всех занимаемых постов Мирсаида Султан-Галиева, затем неоднократно арестованного, подвергнутого жестоким пыткам и казненного в 1940 г. Кампания эта постепенно распространялась на татарских и башкирских деятелей партии, культуры и науки на местах, которых стали обвинять в «буржуазном национализме», так называемой «султангалиевщине»<sup>26</sup> и т.д.

Формальным поводом для систематических репрессий было сопротивление значительной части национальных интеллектуалов процессу латинизации письменности татар, то есть переходу с арабской графики на латиницу. Одной из первых жертв из интересующих здесь нас авторов был постоянно критикуемый и арестованный в 1929 г., затем повторно взятый под арест Х. Атласи (расстрелянный в 1938 г.)<sup>27</sup>. В 1931 г. были арестованы Дж. Валиди и А. Рахим. Из них первый, подвергавшийся жестоким пыткам из-за нежелания давать показания на других, попытался покончить с собой и в 1932 г. умер в тюремном лазарете. А. Рахим, инвалидом вернувшийся из лагеря, замерз в холодном полуподвальном помещении. Лишь А. Сагди удалось спастись: он уехал в Среднюю Азию. Но такое же бегство не спасло Г. Губайдуллина, в 1938 г. он был казнен бакинскими чекистами...<sup>28</sup>

Крупные, международного масштаба, авторитетные знатоки восточных языков (арабского, персидского и османско-турецкого) и культуры мусульманского Востока, такие как Р. Фахрадин, М.Дж. Бигиев и др., будущи религиозными деятелями, были лишены всякой возможности заниматься научными исследованиями. Р. Фахрадин, против его воли, был назначен со-

ветской властью на должность муфтия (главы) Духовного управления мусульман в г.Уфе и до конца жизни был лишен всех гражданских прав. Продавая книги из своей личной библиотеки, он платил положенные служителям культа высокие налоги<sup>29</sup>. Если неудобные вечера он коротал, занимаясь исследованиями, то работал лишь «в стол».

Муса Бигиев, не нашедший работы кроме должности имама, постоянно подвергался всяческим притеснениям и каждую ночь ожидал ареста. Поэтому в 1930 г. тайно, через Среднюю Азию и Восточный Туркестан эмигрировал. (Научная литература о нем, его трудах будет представлена ниже. Однако здесь считаем необходимым сообщить следующее: в 1931 г., проездом находясь в Кашгаре, он общался с интеллектуалами из уйгуров, интересовался состоянием их просвещения и давал некоторые советы, о чем свидетельствует его развернутое письмо, опубликованное недавно в Китае<sup>30</sup>.)

В аналогичном положении оказались и другие, более молодые, знатоки восточных языков и культур, получившие до 1917 г. соответствующее образование в учебных заведениях Турции и других восточных стран. Зато, пользуясь всяческой поддержкой властей, проявляли необузданную воинственность авторы антирелигиозной публицистики, которые полностью отрицали права людей на религиозное убеждение и мировоззрение, последовательно подвергая сомнению культуру и историю мусульманских стран и народов, в особенности населения Центральной Азии.

В 1929 г. была полностью прекращена деятельность ОАИЭ, которое после 1918 г. фактически влачило жалкое существование, ибо было лишено всякой инициативы и материальной базы. Следовательно, начиная с середины 20-х гг. в Казани не было никаких реальных условий не только для развития, даже появления востоковедческих, в особенности исламоведческих изысканий. Хотя авторам вульгарно-атеистических публикаций жилось вольготно<sup>31</sup>.

Разумеется, труды вышеназванных репрессированных авторов изымались из обращения, уничтожались, в лучшем случае оказывались в специальных хранилищах. В Казани такое хранилище, куда вход был закрыт или строго ограничен, имелось лишь в Научной библиотеке (НБ) университета. Вообще начиная с конца 20-х гг. все арабографические книги изымались из всех библиотек, за исключением университетской. Как показывают результаты наших археографических экспедиций, старопечатные (арабографические) книги и рукописи у населения сохранились случайно, причем лишь те, которые оказались на чердаках старых домов или в забытых уголках чуланов, хозяйственных сараев<sup>32</sup>.

За репрессиями 1930-х гг. последовали тяжелые времена военных лет, когда было не до гуманитарных наук. Надежды на облегчение жизни, улучшение духовно-материальной обстановки после войны также не оправдались. Даже получилось наоборот. Многие нерусские, неславянские народы СССР, принимавшие участие в изгнании из страны фашистских интервентов, то есть внесшие вклад в победу над врагом, были «отблагодарены» советской властью весьма своеобразно. В 1944 г. были депортированы балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, чеченцы и т.д. Как будто в армии русского генерала-изменника А.А. Власова и в бендеровских отрядах Западной Украины на стороне фашистов воевали представители именно только что перечисленных народов...

На повестке дня у «отца народов» стоял вопрос и о казанских татарах, к которым у Сталина было, как вспоминал С.И. Липкин, современник событий, особое отношение<sup>33</sup>. Для татар у «великого вождя всех времен и народов», согласно некоторым сведениям, также было желание подыскать новое «местожительство». Предполагались два варианта: болотистые районы Западной Сибири или каменистые горы аннекси-

рованной в 1944 г. и до этого зависимой от СССР Тувы... Но как собрать для осуществления поголовной депортации разбредшееся по всему Советскому Союзу, от Прибалтики до Сахалина, пятишестимиллионное население? Поэтому и пришлось «ограничиться» принятием известного постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г., призванного подвергать данный народ социально-психологическому, духовно-культурному давлению и моральному унижению.

В этом наукообразном по форме, но репрессивном по содержанию и полурасистском, в сущности, постановлении<sup>34</sup> формально речь идет «об ошибках» в изучении эпоса «Идегей», памятника фольклора ряда тюркских народов, входивших в прошлом в состав Золотой Орды. Если в эпосе речь шла о трагических последствиях междоусобицы, то в постановлении фольклорный герой механически отождествляется с исторической реальной личностью и таким способом изобретается криминал<sup>35</sup>. В действительности постановление преследовало другую далекоидущую цель: объявить Золотую Орду «паразитическим», диким по природе и происхождению государственным образованием, возникшим как бы случайно, поэтому лишенным всякой культурности, закономерности развития, занимавшимся исключительно грабежом, разорением Руси и русских. То есть Восток, тюркский мир, мусульманская культура Золотой Орды, татары-мусульмане противопоставляются Западу, а также Руси и русским. Тем самым логически под сомнением оказалось историческое право на существование тех народов, которые являлись наследниками Золотой Орды и других татарских ханств, возникших при ее распаде. Следовательно, постановление, с одной стороны, было призвано задним числом идеолого-политически обосновать «законность» депортации крымских татар и др., с другой стороны, историко-морально, «научно» унижить татар Поволжья и Приуралья,

которых по объективным причинам не удалось депортировать.

В результате не только всестороннее изучение проблемы прошлого ряда тюркских народов, являющихся частью восточного мира Евразии, но и освещение истории самих татар было отодвинуто на второй план или же осуществлялось односторонне, частично, даже искаженно. О широком развитии востоковедения не приходится говорить вообще<sup>36</sup>.

Что же касается истории татарского народа, то она в свете постановления 1944 г. стала разрабатываться прежде всего в этногенетическом плане. В дальнейшем делалось все, чтобы доказать, что «татары – не татары», а «только лишь булгары», тем более они «не имеют никакого отношения» к ... крымским татарам, к ... Золотой Орде!

Первая наукообразная, но, в сущности, политизированная, попытка решения вопросов этногенеза казанских татар имела место в 1946 г., когда в самой Москве на специальной сессии отделения АН СССР был вынесен официальный вердикт по данной проблеме<sup>37</sup>. Тем самым целенаправленными усилиями многих авторитетов исторической науки страны была сделана попытка отвести возможную угрозу сталинской репрессии против казанских татар в целом.

Несмотря на односторонность и спорность основных выводов сессии, это было в целом благородное по намерениям мероприятие. Следует лишь отметить, что лицо принципиального и научно объективного, честного ученого до конца сумел сохранить профессор (будущий академик) М.Н. Тихомиров (1893–1965)<sup>38</sup>.

Таким образом, изучение многих аспектов не только истории, этнографии, археологии, но и филологии (лингвистики), фольклора казанских татар было подчинено прежде всего муссированному обсуждению вопросов этногенеза данного народа. В результате проблемы происхождения татар превращаются в стержень, основное содержание мно-

гих исторических, филологических исследований в Казани. Как будто лишь вопросы этногенеза составляют суть исторического знания о прошлом данного народа. В историях многих народов проблемы этногенеза, как правило, вмещаются в два-три констатирующих факта абзаца и все, ибо этого достаточно. А в Казани же, «в свете постановления» ЦК ВКП(б) 1944 г., они превратились в объект бесконечных, причем достаточно некрасивых споров как между самими татарскими авторами, так и между учеными из соседних регионов<sup>39</sup>. Некоторые пожилые филологи до сих пор пытаются продолжать эту постыдную традицию, о чем речь будет ниже...

Что касается проблем истории Золотой Орды – составной части тюркологической дисциплины, то они в Казани почти никем специально не изучались. Их разработка вообще не поощрялась, фактически находилась под негласным запретом. И такое положение сохранялось долго. Нарушители запрета подвергались политизированной критике, иногда серьезной обструкции по месту работы.

При такой политизированной обстановке, когда в Казани не было возможности объективного освещения истории даже одного из восточных народов страны, излишне говорить об отсутствии условий для разработок общевостоковедческих проблем. Тем более здесь полностью отсутствовали ориенталисты со специальным образованием. Вообще в СССР (в России) изучение истории, языков и культуры восточных стран и народов было монополизировано учеными из столичных городов – Москвы и Ленинграда. Хотя и между ними имелись определенные проблемы...

### *Робкие шаги в сторону перемен*

После смерти «отца народов» и критики культа личности Сталина на XX и XXI съездах КПСС, то есть под влиянием хрущевской оттепели, вернее

исторически раннего, незрелого, половинчатого предвестника горбачевской перестройки, были предприняты отдельные попытки исправить некоторые «перегибы» сталинских времен. Одной из таких попыток стало стремление активизировать инициативность ученых, вернуть относительную самостоятельность их мышлению. С этой целью попытались возродить деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете (КГУ). О судьбе этого проекта необходимо дать более подробную информацию.

Судя по всему, в конце 1960 — начале 1961 гг. идея эта стала будоражить умы отдельных представителей исторического сообщества университета. Вполне возможно, что она нашла поддержку и у руководства КГУ. Как было отмечено, ученые университета всегда были недовольны как переводом ВР из Казани в Петербург, так и прекращением деятельности ОАИЭ после революции. Во всяком случае, в мае 1961 г. для подготовки учредительного съезда Общества был создан организационный комитет во главе с авторитетным в республике проректором КГУ по научной работе проф. М.И. Абдрахмановым. Учредительный съезд проходил в Казани 16–20 апреля 1962 г. Открыл его приветственным словом ректор университета проф. М.Т. Нужин (1914–1983), который, надо полагать, был одним из основных инициаторов этого начинания.

В работе съезда кроме местных историков, филологов и представителей широкой общественности активное участие приняли многочисленные гости, в том числе из Москвы, Ленинграда, Ижевска, Куйбышева, Саратова, Саранска, Пензы, Перми, Уфы, Чебоксар и др., всего более пятидесяти участников — гостей из полутора десятка городов, преимущественно Поволжско-Уральского региона. Были избраны из 17 человек Совет общества (председателем стал проф. Н.И. Воробьев, заместителем — доцент Ш.Ф. Мухамедьяров), редакционная коллегия (главный ре-

дактор — доцент И.М. Ионенко). Было принято решение съезда, объявившее о начале официального функционирования общества.

Естественно, был принят новый устав общества, в котором подчеркивалась актуальность изучения истории Октябрьской революции, советского строя, особенно периода «великого десятилетия» (то есть периода хрущевского правления, такое понятие интенсивно вводилось в последние годы правления генсека). Исходя из этих «насуточных» требований несколько изменилось и название — Общество истории, археологии и этнографии (ОИАЭ). Печатный орган его должен был называться не «Известиями...», как прежде, а «Трудами...».

Пленарные и секционные заседания возрожденного общества, на которых прозвучали десятки новых по духу («в свете решений XX и XXI съездов КПСС») докладов, проходили весьма оживленно. Например, яркий доклад Н. Гумилева «Каспий, климат и кочевники Евразии» был вынесен на одно из объединенных заседаний всех секций...

В 1963 г. увидел свет первый выпуск «Трудов...» с указанием о том, что, будучи первым номером, он является одновременно продолжением 35 номеров (томов) прежних «Известий»<sup>40</sup>.

Как только первые экземпляры «Трудов...» были разосланы по различным библиотекам страны, так разразился «гром среди ясного дня»; строжайшим образом было велено уничтожить весь тираж журнала и вообще прекратить деятельность общества. Все разосланные по библиотекам экземпляры издания были отозваны. Как говорили тогда на кафедре, где начал работать автор этих строк, лишь одна библиотека им. В.И. Ленина («Ленинка») в Москве не вернула требуемый экземпляр<sup>41</sup>.

Судя по прослушанным докладам и содержанию уничтоженного томика «Трудов...», общество намеревалось наравне с преимущественным освещением истории советского периода продолжить, по возможности, традиции своего

предшественника, уделяя определенное внимание местной археологии, этнографии и некоторым междисциплинарным проблемам. Кроме названного доклада Л.Н. Гумилева с его соавтором<sup>42</sup>, об этом свидетельствует и небольшая статья П.Е. Матвиевского, посвященная торговым контактам оренбургских татар с Индией<sup>43</sup>. При учете того обстоятельства, что в Казани тогда не было ни одного востоковеда с соответствующим образованием, эти работы могли стать небольшим шагом вперед.

Следует специально отметить, что крах возрождаемого общества и уничтожение его печатного органа не были связаны с какими-либо конкретными идеологическими ошибками. Тот факт, что не было никакого официального обвинения кого-либо, характерного для советского строя, даже какой-либо печатной критики, говорит о том, что причина запрета сводилась к нежеланию руководства страны иметь какую-либо инициативу, исходящую из низов, в том числе со стороны научной общности. Такова была суть отношения тоталитарной системы к инициативе, системы, создавшей и стремившейся сохранить лишь массу покорных, безынициативных исполнителей «воли партии». Но, по сравнению с недалеким прошлым, был и бесспорный прогресс: никого не арестовали, никого не сняли с занимаемой должности. Вместо физических наказаний, характерных для прежних десятилетий, ограничились лишь моральным унижением научной общности.

Все-таки хрущевская оттепель, вопреки всевозможным позднейшим критикам самого Н.С. Хрущева, сыграла свою определенную историческую роль...

С другой стороны, инициаторы и сторонники идеи возрождения деятельности общества также проявляли определенную наивность, которая все равно привела бы заманчивое начинание к неминуемому провалу. Потому что в стране, где нет и не было элементарной базы для гражданского общества, не го-

воря уже о социально-экономических условиях для его развития, в том числе устойчивой частной собственности, свободных собственников, никакая инициатива не могла бы реализоваться без политической и материальной поддержки (подачки!) со стороны государства. Наконец, там, где не было и нет никакой автономии университетов, стремление возродить (или создать) добровольческое сообщество ученых объективно является не только утопией, но и трагической ограниченностью и социально-политической слепотой стремившихся к свету группы интеллектуалов<sup>44</sup>.

Параллельно с попытками возродить общество на кафедре истории СССР университета ее руководителем Ш.Ф. Мухамедьяровым, при поддержке ректора М.Т. Нужина, были предприняты меры по подготовке специалистов по дефицитным в то время специальностям. С этой целью заведующий кафедрой начал заниматься по индивидуальному плану с двумя студентами из отделения татарской филологии, чтобы один из них специализировался по тюркоязычным письменным источникам, другой – по археологии и нумизматике<sup>45</sup>. Они должны были принимать участие в археологических раскопках городищ Золотой Орды, начатых в самом начале 60-х гг. по инициативе московского археолога А.П. Смирнова<sup>46</sup> и осуществленных в основном его последователем Г.А. Федоровым-Давыдовым со своими учениками<sup>47</sup>.

Следующая попытка возрождения востоковедения в Казани также имеет поучительную историю.

В первой половине 1970-х гг. в университете стала обсуждаться идея о необходимости открытия востоковедческой кафедры. Инициатором этого проекта вновь стал ректор М.Т. Нужин. Он, видимо, учитывая печальный опыт несостоявшегося возрождения ОИАЭ в качестве общественного научного учреждения, решил начинать дело с другой стороны – с создания в составе

университета учебно-научного подразделения, то есть кафедры.

Вопрос, на мой взгляд, в определенной степени был согласован на уровне Министерства высшего образования СССР. Об этом свидетельствует намерение установить и развивать контакты с одним университетом из арабских стран. Ректор прямо сказал об этом, назвав для начала Ливан. Поэтому он порекомендовал мне подумать о научном направлении будущей кафедры. Привлечение меня к этому проекту было связано, вероятно, с тем, что начиная с 1963 г. при кафедре истории СССР успешно функционировала археографическая экспедиция по выявлению и сбору среди населения восточных (арабографических) рукописей. Среди них было много и арабоязычных сочинений. Экспедиция была организована мною при активной поддержке Ш.Ф. Мухамедьярова (1924–2006)<sup>48</sup> и проф. Х.У. Усманова (1908–1992), в то время руководившего отделением татарской филологии<sup>49</sup>. К этому времени также было опубликовано исследование татарских письменных исторических источников до 19 в.<sup>50</sup> Можно сказать, что в университете в какой-то степени началось постепенное возрождение отдельных направлений прежнего казанского востоковедения<sup>51</sup>.

На вопрос ректора, чем могла бы заниматься в научном плане новая кафедра, я с неуверенностью ответил, что пока отсутствуют специально подготовленные ориенталисты, придется заниматься, по-видимому, историографией истории российского востоковедения и вопросами тюркологии. Ректор, осторожно одобрив это, заметил, что, хотя первый опыт направления своих студентов в Ленинградский университет по известным причинам не дал желаемых результатов, придется еще раз добиваться от министерства лимита для учебы наших студентов в Ленинграде. При этом Михаил Тихонович с хитрой улыбкой добавил: «Нужно будет, видимо, подобрать парней с каким-либо небольшим физическим ущербом, на-

пример, хромым, что ли... и, конечно, девочек»<sup>52</sup>. Беседу свою он закончил поручением подготовить все необходимые документы для оформления визы, так как осенью делегация из трех человек (предполагался еще проф. Б.И. Кочелаев) должна была поехать в Бейрут.

Помнится, на составление всевозможных документов, в том числе развернутых анкет с точным указанием, где живут, чем занимаются близкие родственники и родители, если они умерли, то точно указать, когда и где они похоронены; наконец, нет ли родственников за рубежом и т.д., на бесконечные исправления и переписывания подобных унизительных бумаг ушло много времени. Но все оказалось напрасным: открытие кафедры не состоялось, поездка в Ливан также была сорвана, потому что летом того же года началась война, Бейрут был разрушен, часть страны оккупирована Израилем. В итоге ситуация на Ближнем Востоке в корне изменилась. Поэтому утверждение, что идея М.Т.Нужина «не была поддержана Татарским обкомом КПСС и подготовленные работы пришлось свернуть»<sup>53</sup>, верно лишь отчасти.

Несмотря на очередную неудачу, в университете продолжались предприниматься усилия по разработке востоковедческих тем, преимущественно по историографии<sup>54</sup> и тюркологии<sup>55</sup>. Гораздо успешнее шли дела по выявлению и сбору среди населения арабографических рукописей<sup>56</sup>. В 1970–1980 гг. восточная археография стала модной дисциплиной не только в Казанском государственном университете, но и в других научных центрах<sup>57</sup>.

Значительно продвинулось изучение письменных источников. Выяснилось, что если в обычных исторических сочинениях в СССР почти невозможно было открыто говорить о негативных аспектах в истории народа новейшего времени, то в источниковедческих исследованиях в ходе анализа информации и качества источников о тех же проблемах можно было сказать больше. Например, в исторических трудах

общего характера ликвидацию государственности у татар в 1552 г. было принято квалифицировать как исключительно позитивное, прогрессивное явление, принесшее татарскому народу исключительно выгоду. Один из «идеологов» из числа татарских ученых того времени писал: «Присоединение Казанского ханства к России в 1552 году явилось актом величайшей исторической важности, событием чрезвычайно прогрессивным, отвечающим как экономическим и культурным интересам татарского народа, так и интересам обороны страны»<sup>58</sup>. В источниковедческих работах, при анализе и «критике» содержания памятников письменности прежних столетий, удалось косвенным путем показать и отрицательные последствия гибели государства, например, его регресс, плачевное состояние историко-научной мысли, в частности, духовной культуры в целом<sup>59</sup>.

Если историю Золотой Орды было принято представлять как историю исключительно дикого, лишенного всякой культурности общества, то источниковедческое и историко-сравнительное изучение содержания и формы тюркоязычных оригиналов официальных документов этого государства, а также отколовшихся от него татарских ханств, нарисовало совершенно иную, даже противоположную картину<sup>60</sup>.

Одним словом, несмотря на наличие различных препятствий, тюркологическое, точнее, татароведческое крыло научного востоковедения понемногу развивалось, хотя долгое время его шаги в целом были достаточно робкими, а тематически — значительно узкими, ограниченными. Естественно, были и исключения. Например, изданное в Москве исследование Н.Ш. Хисамова, посвященное анализу известной поэмы Кул 'Али (13 в.), по своему качеству отвечало требованиям научной ориенталистики<sup>61</sup>.

Несмотря на отмеченные успехи, подобные публикации, особенно исторического характера (1960 — начала 1980-х гг.), за редким исключением,

имели характерные черты, которые можно было бы трактовать как отражение политико-идеологической атмосферы реалий советской действительности или же как серьезную методологическую ущербность научных работ того времени. Дело в том, что во многих публикациях, претендующих на научность в освещении творчества, наследия и мировоззрения деятелей прошлого, авторы были вынуждены умалчивать и скрывать от современных читателей некоторые аспекты их биографии. Прежде всего, речь идет о религиозно-богословской стороне их деятельности, в результате чего обеднялась и фактически искажалась сложная действительность. Как отмечал в своем письме один неплохо осведомленный в истории татар пожилой читатель из Астрахани, Ш. Марджани в одном казанском исследовании был изображен «почти атеистом» и даже «полукоммунистом»<sup>62</sup>.

Следует признать, что упрек вообще-то не был далек от истины, потому что долгое время о таких деятелях, как Ш. Марджани, трудно было что-либо сказать положительное, объективное без умалчивания религиозных аспектов их деятельности. Если в рукописях имелись такие положительные суждения, то они, как правило, вычеркивались редакторами, даже лояльно настроенными, хотя критические суждения, негативные эпитеты, наоборот, поощрялись. Такой примерно «обработке», то есть частичному выхолащиванию в свое время подвергались и мои статьи, например, посвященные 150-летию Ш. Марджани<sup>63</sup> и 125-летию Ризаэтдина Фахретдина<sup>64</sup>. Другая наша статья, в которой впервые делалась попытка спокойно, без каких-либо негативных оценок осветить литературную и журналистскую деятельность Р. Фахретдина и Фатиха Карими<sup>65</sup>, подверглась суровой идеологической критике на страницах официальной печати<sup>66</sup>.

Таково было в то время официальное отношение к культурному наследию в целом, следовательно, и к востоковедческим разработкам, в частности.

Эти частично выхолощенные или резко раскритикованные статьи — если не считать отдельных высказываний начала 1920-х гг. — были за весь предыдущий советский период первыми попытками объективнее осветить деятельность названных мыслителей...

О такой специфике значительной части наших публикаций 1960-х — начала 1980-х гг. я подробно пишу потому, что отмеченная особенность имела место во многих публикациях и после краха большевистского строя. Это являлось результатом длительной «выдрессированности» большинства авторов, у многих из которых привычка умалчивать истину постепенно превратилась «во вторую натуру», то есть в убеждение.

Следующей особенностью многих публикаций этого периода является то, что в них (опубликованных, как правило, в литературных журналах, других доступных печатных органах просто не было) преобладало публицистическое начало при изложении материала.

Проявление такой стилистической «воинственности» связано с тем, что в то время, когда еще все же тлели некоторые признаки предыдущей «оттепели» конца 1950-х — начала 1960-х гг., приходилось бороться за каждое имя, за каждый памятник, даже просто факт прошлого, тотально отвергнутых до этого коммунистической идеологией как «старые, реакционные, вредные, враждебные»...

Следовательно, вышеотмеченный избирательный прием в подаче материала был обусловлен расчетом на легкопроходимые аргументы. Что касается стилистических средств изложения, то при их помощи предполагалось оказать психологическое давление на сторонников идеологического ограничения, умалчивания, с одной стороны, и позитивное влияние на дезинформированных, оболваненных большевистской пропагандой обывателей, то есть широкой публики, с другой.

*(Продолжение следует)*

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Наиболее подробные материалы о Казанском университете представлены в следующих работах: *Загоскин Н.П.*: а) История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань, 1902–1904. Тт.1–4; б) Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета (1804–1904) в 2-х частях. Казань, 1904; *Булич Н.Н.* Из истории первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. Ч.1–2. — СПб., 1904. — Изд. 2-е; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5–1929/30). Казань, 1930. — Т.1–II. Следует отметить, что у Н.П.Загоскина исследование доведено до 1828 г.; Н.Н.Булич также освещает первые 15 лет истории университета. Труд М.К.Корбута носит обзорный характер, в нем более подробно освещены те периоды, которые остались неисследованными предыдущими авторами. Новейшие исследования: Казанский университет. 1804–1979. Очерки истории, Казань, 1979; История Казанского университета. 1804–2004, Казань, 2004; *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами). Т.1. 1804–1945 гг., Т.П. 1946–2004 гг. Казань — Лондон, 2004–2005; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

<sup>2</sup> О языковой ситуации см.: *Наджип Э.Н.*: а) О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. — №1. — С.87–92; б) Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. Кн.1. — М., 1979; об этническом процессе в Золотой Орде см.: Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее население. М., 2002. — С.101–109.

<sup>3</sup> *Усманов М.А.* О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып.2. — С.123–138.

<sup>4</sup> Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т.9. М., 1977. – С.372–373.

<sup>5</sup> Загоскин Н.П. История... Т.I. – С.220–223 и далее.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Усманов М.А.: а) Ученые из Германии в Казанском университете и их вклад в развитие науки, культуры (первая половина 19 в.) // *Das mittlere Wolgagebiet in Geschichte und Gegenwart*. Edit. Klaus Heller / Herbert Jelitte (Hr.sg.). Frankfurt Main, 1994. – S.177–203; б) Из истории сотрудничества ученых Казанского университета и Германии (первая половина 19 в.) // Грани сотрудничества между Казанским и Гиссенским университетами. Казань, 1999. – С.21–39.

<sup>7</sup> Усманов М.А. Казанский университет: становление научной ориенталистики в России и регионоведения // Международный семинар: «Университеты, культурное развитие и региональная самобытность» при содействии Конгресса местных и региональных властей Совета Европы. Казань, 2008. – С.120–121; подробный обзор проблемы см.: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.). Казань, 1998.

<sup>8</sup> Усманов М.А. Из истории сотрудничества... С.29.

<sup>9</sup> Там же. – С.28.

<sup>10</sup> Загоскин Н.П. Словарь... Ч.1. – С.180–192; Булич Н.Н. Из истории... Ч.1. – С.163; Федоров-Давыдов Г.А. Монеты рассказывают. М., 1981. – С.16–18.

<sup>11</sup> Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т.9. – М., 1977. – С.48.

<sup>12</sup> Там же. – С.118–119, 173.

<sup>13</sup> О его деятельности см.: Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. М., 1973; Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов. Абакан. 1993; Н.Ф.Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. Казань – Абакан, 2008–2009.

<sup>14</sup> Не случайно в 2007 г. 50-я юбилейная сессия РИАС была проведена в Казани: Репортаж о работе 50-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РИАС): «Казань и алтайская цивилизация». Казань, 2007.

<sup>15</sup> См.: ۱۸۸۵–۱۹۱۰، قزان، قسم، ۱–۲، بلغار. استفاد الاخبار في احوال قزان و بلغار.

Усманов М.А. Источники книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сб.ст. Вып.2–3. Казань, 1969. – С.144–154; Юсупов М.Х. Шигабуди Марджани как историк. М., 1981.

<sup>16</sup> Подробнее см.: Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980; тексты документов о Х.Фаизханове и его сочинений, также писем см.: Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жьыентык. Казан, 2006.

<sup>17</sup> Перечень многочисленных трудов ученого в двух следующих публикациях: Рахимкулова Мадина. Ризаэддин бин Фәхрэддингә 140 ышь тулу мөнәсәбәте белән (1859–1936). Оренбург, 1998. – С.137–140 и 157–170 (содержит отдельные неточности); Госманов М., Мәрданов Р. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000. О некоторых аспектах творчества и наследия см.: Госманов М.: а) Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Каз.ут., 1984. – № 1. – С.142–157; в) Ризаэддин Фәхрәддинов мирасы // В кн.: Үткәннән – киләчәккә. Казан, 1990. – С.51–70; Башиев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахрәддинова. Уфа, 1996; Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахрәддина: источниковая основа и значение свода. Казань, 2006. В книге имеются: библиография трудов ученого (С.112–114), литература о нем (С.114–122), а также указатели (С.122–174).

<sup>18</sup> Из ранних трудов М.Дж. Бигиева наиболее интересными являются:

(1) موسى بن جابر الله بكييف. اللزوميات. ابي العلاء احمد بن عبدالله المعري حضر تارينتك ترجمه حالي .

Казань, 1907

اول اوق. فيلسوف كبير امام ابي العلاء المعري حضر تارينتك اللزوميات نامنده اولان بيوك اثر نندن انتخابا ترجمه.

Казань, 1907

Первая часть на 56, вторая – на 208 страницах.

(2) اول اوق. اوزون كونلرده روضا. Оренбург, 1911

(3) اول اوق. رحمت الهييه برهائلرى. Оренбург, 1911

<sup>19</sup> Монографические исследования Х.Атласи:

اطلاسى هادى. سير تاريخى. قزان. ۱۹۱۲

اول اوق. سيون بيكه. قزان. ۱۹۱۴

اول اوق. قزان خانلىقى. قزان. ۱۹۱۴ (2-е изд. Казан, 1920)



<sup>36</sup> Эта политика имеет устойчивую тенденцию. Например, о сомнительном значении мусульманской культуры, о «коварстве» мусульманского духовенства и лидеров исламских «партий» в судьбах, а также конкретной истории татар чрезвычайно политизированное и наукообразное «объяснение» дается начиная с 20–30 годов: *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. – С.5–60; В дальнейшем «философское» обоснование такой интерпретации нашло отражение в другой книге: *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955.

<sup>37</sup> Специальный отчет о работе сессии: Происхождение казанских татар: Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 года в г. Москве (по стенограмме). Казань, 1948.

<sup>38</sup> Там же. – С.119–123.

<sup>39</sup> Об этом в какой-то степени свидетельствуют извлечения из писем А.П.Смирнова, см.: *Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: *Смирнов А.П.* Казань, 2008. – С.273–278. Следует отметить, что подборка извлечений осуществлена автором книги явно однобоко, с целью дискредитировать прежде всего казанских ученых, в действительности же проблема была намного сложнее.

<sup>40</sup> Труды Общества истории, археологии и этнографии. Т.1 (36). Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 140 с. (тираж 500 экз.). Журнал открывался документальными материалами о работе съезда: редакционная информация (С.3–4); извлечения из приветствий, присланных оргкомитету (С.5–6); состав совета Общества, редакционной коллегии, ревизионной комиссии (С.6–7); текст решения съезда (С.7–8); именной список почетных членов из числа академиков и новых членов-учредителей (160 человек – С.8–13). Далее следуют тексты содержания журнала по следующим рубрикам: статьи (С.14–82), сообщения (С.83–129), обзоры и рецензии (С.130–137), письма и заметки (С.138), сведения о четырнадцати авторах (С.134) и, наконец, «содержание» (С.140).

<sup>41</sup> Мне, в 1961–1963 гг. студенту старших курсов, посчастливилось видеть и впервые послушать доклады таких известных в те времена историков-медиевистов, как Л.Н.Гумилев, М.Г.Сафаргалиев, А.П.Смирнов, Г.А.Федоров-Давыдов и др. В 1963 г., являясь сотрудником кафедры истории СССР, я был свидетелем вышеописанного краха возрождающегося общества. Помогая заведующему кафедрой Ш.Ф.Мухамедьярову (научному руководителю моего дипломного проекта на тему «Записки Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию в 18 в.») в оформлении некоторых документов по уничтожению несчастливых «Трудов...», я позволил себе «грех» припрятать один экземпляр журнала. Этот ныне раритет (экземпляр, возвращенный из Вильнюса, о чем имеется отметка на внутренней стороне обложки) до сих пор хранится в моей личной библиотеке, что и позволило мне так подробно и документально изложить вышеописанную грустную и одновременно поучительную историю.

<sup>42</sup> *Алексин А.А., Гумилев Л.Н.* Каспий, климат и кочевники Евразии // Труды ОИАЭ. Т.1(35). – С.41–55.

<sup>43</sup> *Матвиевский П.Е.* Сношения оренбургских татар с Индией в XVIII в. // Там же. – С.112–119.

<sup>44</sup> Следует отметить, что и в наши дни в Казани кое-кто время от времени распространяет слухи о возрождении ОИАЭ при КГУ и путем самовыдвижения пытается стать его председателем, хотя ничего реального не предпринимается для созыва нового учредительного съезда или хотя бы собрания ученых. С другой стороны, не учитывается то обстоятельство, что при современных условиях и технических возможностях общение, сотрудничество ученых не только одного города, региона, но и всей страны, даже в международном плане вполне возможны без повторного «изобретения велосипеда», то есть «возвращения» архаичного научного института, безвозвратно канувшего в Лету.

<sup>45</sup> По археологии и нумизматике Улуса Джучи (Золотой Орды) начал специализироваться под руководством Г.А.Федорова-Давыдова из Московского университета студент Азгар Гатауллович Мухамадиев, ныне профессор КГУ; *Мухамадиев А.Г.*: а) Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983; б) Древние монеты Поволжья. Казань, 1990; в) Древние монеты Казани. Казань, 2005.

<sup>46</sup> Помнится, что зимой 1960–1961 гг. профессор А.П.Смирнов в Государственном музее ТАССР выступил перед историками города с обоснованием необходимости систематического

изучения истории и археологии Золотой Орды, призывая казанцев принимать участие в этом деле. О многогранной деятельности и трудах А.П.Смирнова см.: *Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история... С.200–258.

<sup>47</sup> О научной деятельности и наследии Г.А.Федорова-Давыдова см.: *Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т.* Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. – С.6–14; *Полубояринова М.Д.* Список научных трудов Г.А.Федорова-Давыдова // Там же. – С.14–20.

<sup>48</sup> В 1965 г. Ш.Ф.Мухамедьяров уехал из Казани.

<sup>49</sup> О начале археографических поисков и первых успехах экспедиций см.: *Усманов М.А.* В поисках неутраченного // Восточная коллекция. М., 2002. – №4 (11). – С.14–16.

<sup>50</sup> *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», Татарские шаджара. Казань, 1972.

<sup>51</sup> История Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004. – С.507.

<sup>52</sup> Эти слова ректора запомнились не случайно. Из трех отправленных в 1959 г. по инициативе проф. Х.У.Усманова и при поддержке М.Т.Нужина в Ленинградский университет студентов двое парней не вернулись в Казань, так как они были завербованы в спецслужбы и в дальнейшем работали в зарубежных странах. О М.Т.Нужине см.: Михаил Тихонович Нужин. Воспоминания современников. Казань, 1999; Ректоры Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004. – С.325–341. О Х.У.Усманове см.: *Госманов М.Г.* Остасз кайгысы // Каз.ут., 2008. – №5. – 132–149 бб.

<sup>53</sup> Такое утверждение содержится в новейшей работе: История Казанского университета... С.507.

<sup>54</sup> Например: *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972; *Михайлова С.М.*: а) Казанский университет в просвещении народов Поволжья. Казань, 1979; в) Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. Казань, 1991; *Усманов М.А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980; *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М.Ковалевский. Казань, 1983 и др.

<sup>55</sup> В 1970–1980 гг. ученые стали активнее обращаться к текстам (обработанным лучше, чем прежде) ранних тюркоязычных литературных памятников: Борынгы төрки һәм татар әдәбиятынын чыганаclarы. Төзүче Х.Госман. Уку-укуты әсбабы. Казан, 1981; *Акмулла.* Шигырьләр. Төзүче М.Госманов. Казан, 1981; Кол Гали. Кыйссай Йосыф. Төзүче Ф.С.Фәсиев. Казан, 1983; *Габдерәхим Утыз Имәни Әл-Болгари.* Шигырьләр, поэмалар. Төзүче Ә.Шәрипов. Казан, 1983; *Габделжәббар Кандалий.* Шигырьләр һәм поэмалар. Төзүче М.Госманов. Казан, 1988 и др.

<sup>56</sup> О результатах этой работы подробнее см.: *Усманов М.А.* Итоги и перспективы археографических работ в Казанском университете // Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1988 год. (Доклады на пленарных заседаниях). Казань, 1990. – С.3–20; *Усманов М.А.* В поисках неутраченного. – С.14–16. В течение 1963–1989 гг. было выявлено, собрано и сдано на хранение в НБ КГУ более 9000 (девяти тысяч) рукописных единиц, а также более 1500 единиц редких старопечатных изданий. Материал позднее более подробно был изложен в книге: *Госманов М.* Каурый каләм эзеннән. Казан, 1994. 2-нче басма.

<sup>57</sup> С 1970-х гг. такие поиски стали проводиться сотрудниками Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Казанского филиала АН СССР (ныне Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова при АН РТ). Примерно в это же время стали выявляться и собираться восточные рукописи историками и филологами академического Института истории и филологии в г.Уфе. С 1990-х гг. аналогичные материалы собираются сотрудниками Национальной библиотеки РТ. В хранилищах этих научных учреждений находятся тысячи рукописей и документальных памятников, а также личные архивы многих татарских интеллектуалов нового времени.

<sup>58</sup> *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX вв.). Казань, 1955. – С.16 и далее. Основа для подобных крайне глупых утверждений имелась в официальных исторических изданиях: История Татарской АССР. Т I (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань, 1955. – С.135–141 и далее. Подобная интерпретация приводилась и в позднейших изданиях по истории татар.

<sup>59</sup> См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники... С.9–32.

<sup>60</sup> Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. Нелишне процитировать мнение и другого исследователя: «...доказательством большой сферы тюркского влияния на русскую документальную письменность служит высокий уровень организации делопроизводства в Золотой Орде, более совершенной, чем на Руси и в европейских государствах того времени» (Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV–XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. – С.517).

<sup>61</sup> Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества. М.: Наука, 1979.

<sup>62</sup> В письме, адресованном автору, речь шла о следующей книге: Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976. В действительности издание этой книги было в то время определенным успехом, так как в Казани до этого времени в качестве просветителя признавался лишь один Каюм Насыри (1825–1902), а Марджани преподносился как противник светского просвещения.

<sup>63</sup> Госманов М. Мәржани турында берничә сүз // Каз. ут., 1968. – №1. – С.116–121.

<sup>64</sup> Госманов М. Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Каз. ут., 1984. – №1. – С.142–157.

<sup>65</sup> Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // Каз. ут., 1967. – №7. – С.124–131.

<sup>66</sup> Социалистик Татарстан. – 1968. – 4 февраля. – №30 (14277).

УДК 37 (091)

## МЕКТЕБ ИЛИ ШКОЛА: ПРОШЕНИЯ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ ЗА 1870–1890-е ГОДЫ

*М.Н. Фархитов, кандидат исторических наук*

### **I. Усиление «сверху» интеграционных процессов башкир и татар в состав Российской империи в пореформенный период**

Поволжские, а затем приуральские тюркские народы были первыми мусульманскими подданными Русского государства. Казанские татары были покорены Москвой силой оружия еще в середине XVI в. Приуральские же башкиры частично признали царскую власть добровольно еще тогда или были насильственно «присоединены» позже. Но интеграция этих народов в общественно-экономическую жизнь страны затянулась на века. В период «больших» реформ второй половины XIX в. власти предприняли ряд довольно радикальных мер, призванных ускорить «сближение», а по возможности и «слияние» российских мусульман с «господствующим» русским народом для более полного включения их в сферу «государственных интересов».

Были проведены коренные административные реформы, непосредственно коснувшиеся как татар, так и (особенно) башкир. В Уфимско-Оренбургском крае, например, в их числе были отмена кантонной системы управления (1863–1865 гг.), учреждение самостоятельных Уфимской губернии (1865 г.) и Оренбургского учебного округа (1874 г.), изменение системы комплектования членов Оренбургского духовного собрания (1889 г.) и т.д. Началось изъятие «земельных излишков»

у башкир. Это в свою очередь активизировало переселение на Южный Урал велико- и малороссов из центральных губерний. Появились первые железные дороги (1887–1888 гг.), пароходное сообщение (1891 г.). В пореформенный период произошло становление правительственной системы школьного образования, охватившей и часть детей башкир и татар и призванной со временем вытеснить их традиционные конфессиональные школы (*мектебы* и *медресе*)<sup>1</sup>, которых к началу 1860-х гг. в 13 губерниях Волго-Уральского региона<sup>2</sup> насчитывалось более одной тысячи.

В результате глубина «включенности» мусульманского населения Волго-Уральского региона в социально-экономическое пространство царской империи неизмеримо выросла<sup>3</sup>. Башкиры и татары начали активно и даже охотно приобщаться и к некоторым плодам европейской цивилизации: почте, банкам, телеграфу, паровому транспорту и сельскохозяйственным машинам, страховому делу, театру, «городской» мебели, утвари и одежде и т.п. Но, с другой стороны, мусульманское население края видело в усилении вмешательства «русского» правительства в его жизнь угрозу своей национальной самобытности. Действия властей оно квалифицировало как отход от «привычных», имперских принципов управления, более или менее учитывающих местную специфику, и желало оставить все «по-прежнему», противопоставляя неуклонному наступлению ново-

го, светского религиозное мышление и практику, отрицающих с порога все «чужое». Татары и башкиры выступали тогда совместно как единая *умма* — сообщество единоверцев-мусульман, их «племенные» особенности в политическом дискурсе почти не проявлялись.

## II. «Административные», интеллектуальные и информационные ресурсы пореформенных российских мусульман для самовыражения

В 1860—1890-е гг. возможностей и средств для выражения чувств морально-социального дискомфорта и вступления в контакт с правительством для обсуждения и конструктивного решения злободневных вопросов, как и в целом участия в идейно-политической жизни страны, у российских мусульман (как, впрочем, и у многих народов, включая русских) было немного. Башкиры и татары были, нередко в силу установленных законом квот, весьма незначительно представлены в органах городского и земского самоуправления, административном аппарате управления, прокуратуре, суде или армии<sup>4</sup>. Некоторое исключение составляло лишь Оренбургское магометанское духовное собрание как среднее правительственное присутственное место по управлению делами мусульман: его председатель (*муфтий*) и три члена (*кадии*) были из местных башкир или татар<sup>5</sup>.

Очень тонок был слой светской национальной интеллигенции: учителей, чиновников или офицеров. Представителей же «свободных» профессий (писатели, журналисты, адвокаты и др.) практически не было. В этих условиях их место занимали *муллы* («мусульманское духовенство»), которые выступали не только как духовные руководители *махаллы* (мусульманский «приход»), но и заведующими (*мударрисы*) школами при *мечетях*, а также (по закону и фактически) низшими государственными служащими (вели метрические книги) и судьями (на основании *шариата* ре-

гулировали мелкие семейно-бытовые вопросы)<sup>6</sup>.

Фактически отсутствовала периодическая печать [издаваемая с 1883 г. в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским (1851—1914) газета *Тарджиман* (Переводчик)<sup>7</sup> только-только начала проникать в татарские и башкирские *аулы*, большинство жителей которых по неграмотности не могли ее читать и тем более стать ее корреспондентами]. А слабое распространение знания русского языка делало недоступным для местного населения русскоязычную прессу, находящуюся тогда в провинции в стадии становления. Отечественное светское книжное дело на восточных языках делало только первые шаги и к тому же находилось под жестким контролем цензуры<sup>8</sup>. Его продукция в силу различия алфавита и языкового барьера абсолютно не доходила до русского читателя.

## III. Прошения как канал коммуникации «низов» с властями и политическое действие

При отсутствии многих необходимых условий и средств для выражения и отстаивания национальных интересов на общественно-политическом уровне башкиры и татары достаточно часто прибегали к практике подачи прошений. И раньше для установления письменного контакта с властями мусульмане края брались за перо. Так, из XVIII в. нам известны такие яркие образцы их письменного творчества, как написанное из тюрьмы в ноябре 1756 г. программное письмо мишарского *муллы* Батырши Алиева (Габдулла Галиев, 1709 или 1717—1762), идейного руководителя башкирского восстания 1755—1756 гг., на имя императрицы Елизаветы Петровны или указы мусульманским депутатам Екатерининской Уложенной комиссии 1767—1768 гг.

Но в пореформенный период письменные обращения в органы власти принимают массовый характер. Известно несколько их крупных волн. В се-

редине 1860-х гг. массовую «петиционную» акцию провели крещенные татары, отпадавшие целыми селениями в «веру праотцов», что потрясло своей организованностью и упорством просителей воображение не только местных и столичных чиновников, но и всей тогдашней «общественности». Спустя более чем десятилетие новый поток прошений мусульман края вызвал слух о предстоящем крещении, основанный на небрежно составленной 27 января 1878 г. Казанским губернским по крестьянским делам присутствием инструкции сельским обществам.

В самом конце позапрошлого столетия волну письменных ходатайств во властные структуры вызвали организация и проведение Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.), которая наглядно показала всю напряженность государственно-исламских отношений и громадный внутренний потенциал мулл-традиционалистов в местном мусульманском обществе для настраивания своих единоверцев против безобидных, даже вполне разумных мероприятий правительства. В полном смысле слова «петиционная кампания» охватила мусульман региона в период Первой русской революции, когда самодержавная власть проявила свою слабость и вынуждена была расширить политические права своих подданных.

Указанные выше акции письменного «соприкосновения» местных мусульман с властями послужили для них мощным мобилизационным фактором, вовлекли многих из них лично в «большую» (с точки зрения тогдашнего жителя башкирского или татарского *аула*) политику. События 1865–1867<sup>9</sup>, 1878–1879<sup>10</sup>, 1897<sup>11</sup> или 1904–1905<sup>12</sup> гг., как и письмо Батырши<sup>13</sup> или наказы башкир и татар в Уложенную комиссию<sup>14</sup>, уже находили более или менее полное отражение в специальной литературе. Менее известны массовые прошения пореформенных российских мусульман по школьным вопросам, которые также являлись неизменной частью политической коммуникации татар и башкир с

властями на фоне все обостряющегося в стране так называемого «мусульманского вопроса». Поэтому ниже будут отражены некоторые малоизвестные страницы истории «школьных» прошений тюрко-мусульманского населения Волго-Уральского региона (преимущественно на материалах Казанской, Оренбургской, Вятской и Уфимской губерний) за 1870–1890-е гг.

#### IV. «Школьные» прошения: поводы для подачи, «организационные моменты», авторы/составители и переводчики

За рассматриваемый период пики подачи «школьных» прошений мусульманами Волго-Уральского региона пришлись на 1870–1875 и 1888–1894 гг., когда последовали законы или министерские инструкции, непосредственно коснувшиеся традиционных народно-религиозных башкир и татар. Это, прежде всего, «Правила об образовании населяющих Россию инородцев» от 20 марта 1870 г., которые обязывали создавать при всех мечетских школах за счет самого населения «русские классы» и запрещали впредь открытие новых *мектебов* и *медресе* без преподавания русского языка, а также устанавливали порядок учреждении особых русскоязычных русско-башкирских и русско-татарских школ<sup>15</sup>. Через четыре года они были дополнены законом о подчинении всех «инородческих», в том числе и мусульманских, школ Министерству народного просвещения<sup>16</sup> (раньше *мектебы* и *медресе* формально находились в ведении Министерства внутренних дел).

В 1882 г. последовал новый закон, предписывающий учебному начальству приступить к «фактическому контролю» за *мектебами* и *медресе*<sup>17</sup>. В конце этого десятилетия был установлен образовательный ценз для *мулл* (= заведующих мечетскими школами). Он предписывал, чтобы с 1891 г. все кандидаты на духовные должности сдавали специальные экзамены на знание

русского языка<sup>18</sup>. 30 июня 1891 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов уведомил попечителей учебных округов о том, что новые коранические школы могут открываться только с разрешения губернских директоров народных училищ<sup>19</sup>. Спустя всего год, точнее 10 июля 1892 г., он же разослал циркуляр об изъятии из мусульманских школ рукописных и заграничного издания учебников и учебных пособий и запрещении допускать к преподаванию лиц, получивших образование за рубежом или не являющихся российскими подданными<sup>20</sup>.

Разумеется, разрозненные школьные ходатайства от башкир и татар поступали и в другие годы, но затрагивали они преимущественно частные вопросы (действия того или иного местного чиновника, односельчанина или коллеги-*муллы* и т. п.). Массовые же прошения интересны тем, что поводом для их составления и подачи служили законы или распоряжения высших правительственных учреждений, которые нельзя было оспорить лишь как обычные «злоупотребления». Поэтому они содержали ряд специфических аргументов и утверждений, которые при внимательном чтении могут «рассказать» о многом из жизни российских мусульман и их взаимоотношении с «верхами».

Российские законы довольно детально и четко определяли порядок составления и подачи прошений. Например, они должны были быть написаны на русском языке, причем понятно и без употребления оскорбительных выражений, а также на хорошей бумаге. Нарушение этих требований заранее обрекало просителей на неудачу или даже оборачивалось для них наказанием, вплоть до крупного денежного штрафа, ссылки и тюремного заключения<sup>21</sup>. Мусульманское население империи должно было также соблюдать этот порядок.

Единственным, пожалуй, исключением для башкир и татар являлось разрешение письменно обращаться в Оренбургское магометанское духовное

собрание на татарском языке. Как показывают архивные материалы, мусульмане края этим правом действительно широко пользовались. Тем не менее в штате Духовного собрания имелись должности переводчиков, которые и переводили перед обсуждением на заседании присутственного места то или иное ходатайство с мест на русский язык. Очень редко прошения, поступавшие на имя *муфтия*, составлялись параллельно на татарском и русском языках. Их тексты практически были идентичными.

Закон требовал, чтобы любое прошение содержало персональные сведения о ходатайствующем лице: фамилию, имя, отчество, сословную принадлежность, служебное или профессиональное звание, место жительства и т.п.<sup>22</sup>. Поэтому формальный автор письменных обращений всегда известен. Юридически крестьяне как «низшее» сословие не имели права лично обращаться в государственные органы. Их интересы должно было представлять сельское общество, которое, обсудив актуальный вопрос, избирало своего доверенного лица. Затем на сельском или волостном сходе выносились и оформлялись письменно соответствующее решение (= приговор) с подписями присутствующих, служившее одновременно и доверенностью. Избранные «уполномоченные» и подавали от имени своих «доверителей» ходатайство за своей подписью, прилагая и сами приговоры<sup>23</sup>. Но это еще совсем не означало, что именно они были и составителями текстов самих обращений «во власть».

Но и истинных авторов нетрудно установить, хотя и не всегда с точными фамилиями и именами. Как показывают содержание и стиль изложения башкирских и татарских «школьных» ходатайств (естественно, иногда и персональные данные просителей, приписанные в конце документов) второй половины XIX в., они создавались преимущественно духовными лицами. Это и неудивительно, ведь именно мечетские служители составляли тогда основ-

ное ядро интеллектуальных сил местного мусульманского общества.

Очень часто *муллы* брались за перо сами, исходя из «общественных» интересов и не боясь возможных последствий — ведь они были фактически на государственной службе (правда, без никакого жалования), то есть были «указными», официально утвержденными мечетскими функционерами. Иногда же их движущим мотивом были узкокорпоративные интересы (как, например, было во время протеста против образовательного ценза). Бывало и так, что *муллы*, как выборные лица, поддавались давлению *махаллы*, от которой они немало зависели в материальном отношении. Лишь немногие *имамы* находили смелость открыто отказаться от посреднической роли.

Во второй половине XIX в. в общественной жизни татар и башкир заметную роль стало играть купечество, которое также не осталось в стороне от «петиционного» движения по школьным вопросам. К этому времени оно сосредоточило в своих руках, особенно через меновую торговлю в Средней Азии и Казахстане, значительные капиталы и было в целом настроено проимперски, занимая довольно выгодную нишу на всероссийском рынке. Но после завоевания Россией Туркестана и соединения его железной дорогой с Центром башкирские и татарские купцы как единовольцы казахов или сартов потеряли свои привилегии в посреднической торговле, встретив сильных конкурентов в лице более образованных русских собратьев, пользовавшихся к тому же покровительством правительства. При поиске путей сохранения былых социально-экономических позиций среди них произошел раскол. Одни стали ратовать за европеизацию всех сфер общественной жизни российских мусульман, другие, наоборот, видели выход в консервации прежних порядков.

Идейно-политическое разделение среди мусульманских купцов не всегда было четким, но оно в какой-то мере нашло отражение и в немногих со-

хранившихся документах, в которых речь идет о прошениях мусульманских купцов. Так, в самом начале 1879 г. казанские купцы Юнусов, Апанаев, Азимов, Галеев, Утямышев стали просить у местного губернатора разрешения послать «депутацию» к министру внутренних дел Л.С. Макарову, чтобы передать ему лично требования местных мусульман. В числе поднимаемых ими вопросов, конечно же, был и вопрос о национальных школах: «Освободить *медрессе, мударрисов, имамов* и вообще всех духовных лиц магометанской веры от ведения Министерства народного просвещения и чтобы не считалось обязательным знание русского языка для вышеозначенных духовных лиц»<sup>24</sup>. Содержание требований этих купцов ничем не отличалось от выдвигаемых требований, скажем, приходских *мулл* — то же отстаивание «своего» от посягательств «чужого». Время купцов-модернистов братьев Хусаиновых, Рамеевых, Акчуриных или Яушевых наступит чуть позже, в 1880–1890-е гг.

В написании «школьных» прошений участвовали и другие привилегированные или образованные элементы мусульманских обществ: башкирские дворяне и *тарханы*, а также татарские *мурзы* (преимущественно обедневшие, так называемые мурзы в лаптях), почетные граждане<sup>25</sup> и немногочисленное чиновничество<sup>26</sup>. Прошений по школьным вопросам, написанных ими, сохранилось немного. Тем не менее определенно можно сказать, что такие лица, как немногие знатоки русского языка среди башкир и татар, приняли активное участие при переводе прошений на «государственный» язык. Об этом свидетельствует, например, «татаро-башкирский акцент» текстов многих ходатайств.

Есть сведения, что некоторые этим занимались «профессионально». Так, в ходе петиционного движения 1892–1893 гг. в Оренбургском уезде выделился житель д. Имангуловой одноименной волости Газиз Туганов, бывший волостной писарь. Он, по словам волостного

старшины Кутлубаева, «должно быть по врожденной склонности» занимался «писанием всевозможных прошений, до нельзя кляузного характера, на что..., к чести его сказать, замечательно способен»<sup>27</sup>. Далее в рапорте старшины от 21 марта 1893 г. на имя Оренбургского губернского прокурора красочно описываются «преступные действия» Г. Туганова: «Как человек неглупый» он-де еще до официального объявления «закона об изъятии книг» «проведал» о нем и «сейчас же смекнул, что из этого закона он может извлечь для себя изрядную выгоду, извратив сущность закона», «начал распространять слухи, что скоро изымут книги из школ и уничтожат ислам и будут крестить». В результате окружные мусульмане «как народ легковверный» «заволновались» и начали составлять прошения и приговоры, которые и «строчил указанный Туганов, от чего ему еженедельно перепадает пять-семь рублей»<sup>28</sup>. Что приключилось далее с «подпольным адвокатом» Г. Тугановым неизвестно, но случай более чем примечательный<sup>29</sup>.

Можно уверенно сказать, что другими переводчиками башкирских и татарских прошений выступали русские интеллигенты. Основанием для данного утверждения служат также тексты самих прошений, изложенные на хорошем чиновничьем, а иногда и литературном языке с указанием соответствующих статей законов и т. п. аргументов<sup>30</sup>.

Документов, проливающих свет на «организационные моменты» составления и подачи прошений, сохранилось немного. Тем не менее мы можем узнать, например, об источниках информации башкирского и татарского населения о принятых законах, касающихся их школьного образования, или предполагаемых действиях администрации, которые давали непосредственный повод к подаче прошений. Это чиновничьи инструкции, доводимые до сведения населения через низшие, как правило, полицейские чины в их пересказе, что служило нередко причиной отказа мусульман верить в правоту ус-

лышанного и требования ими «самого» письменного документа, в чем, кстати, им, как правило, отказывали<sup>31</sup>. Иногда сведения получались из печати как столичной (*Новое время, Русский мир, Правительственный вестник, Московские ведомости, Биржевые ведомости, Церковные ведомости*), так и местной (*Самарские епархиальные ведомости, Тарджиман*)<sup>32</sup>. Очень часто башкирские и татарские аулы приводили в состояние «брожения умов» слухи, которые по скорости распространения намного опережали, по крайней мере, тогдашнее почтовое сообщение.

В отличие от петиционного движения середины 1860-х гг.<sup>33</sup> непосредственных сведений о том, как производились сборы средств на уплату расходов, связанных с подачей прошений, или кто их брал на себя, у нас пока нет<sup>34</sup>. Кстати, по тем временам эти расходы были немалыми. Так, только за каждую страницу письменного ходатайства нужно было платить так называемый гербовый сбор в размере 80 копеек плюс вознаграждение труда составителей прошений, составляющее в сельской местности от пяти до десяти, а в городах около одного рубля<sup>35</sup>.

#### **V. Адресаты прошений, стратегия и тактика их подачи**

Как уже отмечалось, существовал установленный законом порядок подачи любых прошений. В нем были перечислены и государственные органы, которые имели право рассматривать те или иные письменные обращения населения. На местах по религиозно-культурным вопросам мусульман ответственными были канцелярии губернаторов и попечителей учебных округов, губернские правления и дирекции народных училищ и Оренбургское духовное собрание. А в столице эту сферу курировали Министерства народных училищ и внутренних дел с его Департаментами духовных дел иностранных исповеданий и полиции, а также «Канцелярия е. и. в. по принятию прошений, на вы-

сочайше имя приносимых». В случае, когда просители не соглашались с решениями вышеуказанных инстанций, они могли их оспорить в Правительствующем Сенате. В соответствии с этим действовало и мусульманское население края при определении адресатов своих посланий по школьным делам.

Сплошной просмотр архивных материалов на местах (в Уфе и Оренбурге) показал относительно неплохую сохранность прошений башкир и татар. Немалое число их отложилось в фондах Оренбургского губернского правления и Оренбургского губернского жандармского управления (ГАОО. Ф. 11 и 21), а также Оренбургского магометанского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295]. Судя по литературе<sup>36</sup>, соответствующие ходатайства имеются и в канцелярии Казанского губернатора и попечителя Казанского учебного округа [Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1 и 42].

По прежним нашим разысканиям известно, что в Санкт-Петербургском Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах Министерства народного просвещения (Ф. 733) и Департамента духовных дел иностранных исповеданий (Ф. 821) сохранилось также немалое количество прошений мусульман по школьным вопросам. Письменные ходатайства башкир и татар должны быть и в фондах Министерства внутренних дел (Ф. 1281, 1282, 1284, 1286 и т. д.) и «Канцелярии е. и. в. по принятию прошений, на высочайше имя приносимых» (Ф. 1412). Но в связи с затянувшимся переездом РГИА в другое помещение произвести нам новые поиски не удалось.

Тем не менее имеющийся материал позволяет сделать некоторые предварительные наблюдения по тактике подачи прошений. Например, об их массовости, территориальном охвате (откуда поступали), а также настойчивости просителей, то есть насколько упорным был тот или иной «уполномоченный» башкир и татар в достижении поставленной цели, обращался ли он повторно или писал

новое ходатайство уже в вышестоящую инстанцию и т. д.

В этом плане, прежде всего, бросается в глаза, что прошения по тому или иному «казусному», по определению мусульман, школьному закону шли в массовом порядке (сотнями, а иногда и тысячами<sup>37</sup>), наверняка, в том числе в надежде, что количество перерастет обязательно в качество. К тому же ходатайства шли практически отовсюду, даже из самых захолустных башкирских деревень Оренбуржья и Зауралья. Как добивались такая массовость и территориальный охват, в деталях неизвестно. Но наличие нескольких образцовых текстов («матриц») соответствующих прошений дает основание полагать, что в «петиционных кампаниях» был немалый организационный момент. Трудно сказать, как выглядел «штаб» по составлению прошений. Но, несомненно, интеллектуальные верхи башкирского и татарского общества по мере возможности пытались координировать петиционное движение и оказать властям помощь именно с огромным потоком прошений.

Второй момент, который нетрудно заметить, это подача прошений во всевозможные инстанции, которые по закону были доступны мусульманским подданным. В этом прослеживается также определенная тактика — «поднять на ноги» всех, чтобы в конечном счете «достучаться до трона». Вместе с тем заметно и то, что очень часто татары и башкиры искали защиты и партнера для диалога прежде всего в лице Оренбургского магометанского духовного собрания. Нет никакого сомнения в том, что они исходили при этом из убеждения, что Оренбургский *муфтий* является духовной главой мусульман округа и *априори* призван отстаивать их интересы. С другой стороны, как уже отмечалось, Духовное собрание было единственным, по крайней мере, по своему персональному составу, официальным учреждением империи по делам ее мусульманских подданных. Поэтому у башкир и татар закрепился за ним оре-

ол «своего» учреждения, где они непременно найдут понимание и поддержку. Однако такое представление очень часто оказывалось ошибочным.

Одним из тактических приемов при подаче прошений был учет настроения и ожиданий своих адресатов. Например, практически во всех без исключения прошениях башкир и татар можно найти выражения и целые предложения, подчеркивающие их преданность «обожаемому Монарху», любовь к «могущей России», которой они оказали немалые услуги, неизменно останутся верными данной своей присяге и всегда готовы «приносить себя в жертву родине для защиты Престола и отечества»<sup>38</sup>.

«Исповедуя же веру магометанскую, мы по долгу присяги: по праздникам, пятницам и послепятивременных молебствий приносим теплые молитвы Всевышнему Аллаху о долгоденствии и благополучном царствовании ныне благополучно царствующего нашего государя Императора Александра Александровича с его Августейшим домом», — читаем мы, например, в приговоре башкир-вотчинников д. Кинзебулатовой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии от 25 февраля 1889 г.<sup>39</sup> В тексте «доверенности», выданной 15 марта 1893 г. сходом жителей деревень Кузобаковой, Мурзабаевой и Ик Назыровой Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда Гаибзяну Юлдашеву, чтобы он ходатайствовал об оставлении в мечетских школах рукописных книг, содержались такие строки: «Государю Императору нашему Александру Александровичу по долгу нашей присяги мы должны служить не жалея последней капли крови ...»<sup>40</sup>.

Немало пышных, даже с некоторым восточным оттенком слов произносится и в адрес царей («великий государь, наш император, держатель всякого величия, который [есть] источник всех милостей») и правительства («милостивых, сострадательных, пронизательных и мудрых правителей») <sup>41</sup>. Применение таких высокопарных эпитетов и соб-

людение таких «правил игр» при обращении «низов во власть» наблюдается практически везде у всех народов и во все времена<sup>42</sup>.

По своей внешней форме «школьные» прошения 1870-х гг. во многом напоминали обычные творения чиновничьей канцелярии. Многие ходатайства, поступившие, например, в Духовное собрание, не только назывались «рапортом», но и по стилю изложения были настоящим донесением нижестоящего чиновника (такowymi мечетские служащие — авторы большинства обращений частично были на самом деле) вышестоящему на одной или максимум двух страницах. Перемены наступают на рубеже 1888—1890-х гг., когда от тех же *мулл* в *муфтият* стали поступать более «живые» ходатайства, настоящие объемные (иногда до восьми и 14 страниц текста<sup>43</sup>) трактаты. За неимением достаточного материала пока трудно что-либо определенное сказать о языковых различиях в прошениях в зависимости от адресата или упорности в достижении своих целей тех или иных мусульманских обществ. В этом направлении нужно еще провести дальнейшие архивные изыскания.

Наверное, не погрешим против истины, если скажем, что петиционные кампании мусульман оставались за редким исключением неизвестными широкой российской общественности. Сплошной просмотр некоторых влиятельных и осведомленных столичных (*Голос*, *Правительственный вестник*, *Новое время* и *Московские ведомости*), а также местных (*Оренбургский край*, *Оренбургский листок*, *Уфимские* и *Оренбургские губернские ведомости*) газет показал почти полное отсутствие в них материалов о судьбе, например, упомянутых законов 1874 и 1892 гг.<sup>44</sup>. Известно, что неофициальная Казанская пресса уделяла больше места освещению жизни мусульманского населения<sup>45</sup>. Но она была крайне малочисленной и скорее всего не могла ощутимо влиять на умонастроения читающей русской публики.

И голос упомянутого единственного в 1880—1890-х гг. тюркоязычного *Тард-жимана* не всегда доходил до русского общества. Незнание русского языка, а также отсутствие материальных средств и нужной полиграфической базы не позволяли подавляющему большинству мусульманских интеллектуалов непосредственно обращаться к нему через печатное слово. Это стало практиковаться более или менее широко в начале XX в. Органы земских или городских самоуправлений тогда только-только начинали интересоваться постановкой школьного образования среди мусульманского населения. Поэтому отдельные обращения татаро-башкирских «гласных» (депутатов), как, например, известного башкирского общественного деятеля и просветителя Мухаммад-Салима Уметбаева (1841—1907), с предложением создавать государственные школы для башкир и татар с преподаванием на родном языке<sup>46</sup> не находили еще живого отклика. Так что в 1870—1890-е гг. в русской публике мусульмане еще не могли найти себе достаточно заинтересованного союзника в ведении диалога с царской администрацией с целью отстаивания своих законных интересов.

#### VI. Содержание школьных прошений: аргументы и просьбы мусульман

Обычно в литературе башкирские и татарские прошения, в том числе по школьным вопросам, рассматриваются без детального раскрытия их содержательной части как одно из доступных местному населению и действенных средств «пассивного» протеста «народной борьбы» против притеснений со стороны самодержавия<sup>47</sup>. Такая точка зрения имеет, конечно же, основание. Но если заглянуть «во внутрь» письменных обращений «во власть», то можно почерпнуть неизмеримо больше полезной для историка (и не только для историка) информации.

Интересны, прежде всего, аргументы просителей мусульман Волго-Уральского региона. Первые из них

носят «юридический» характер. Почти во всех прошениях в обоснование выданных пожеланий указывается на их «законность». Причем ссылки делаются как на российско-светское («установленная законом веротерпимость») законодательство, так и на *шариат* («по *Алкорану*» или «нашему *шариату*») и на *адат*, то есть на обычное право («как было раньше»).

Со ссылкой на закон о веротерпимости и многовековую местную традицию в ходатайствах настойчиво указывалось, что у российских башкир и татар есть религиозно-культурное «самоуправление». Например, в прошении в числе прочего и об оставлении мечетских школ в «прежнем положении» доверенного крестьян д. Старой Ибрайкиной Чистопольского уезда Казанской губернии Гильмана Абдулгафарова на имя *муфтия*, полученном Духовным собранием 27 ноября 1878 г., утверждается: «... Мы [мусульмане] ... счастливы в самой высшей степени в том, что нам дано равное Автономие (так! — *М.Ф.*) ..., и мы снабжены равноправною защитой о[б] исполнении нами требований своей религии...»<sup>48</sup>. В прошении же упомянутого выше Уфимского *имама* М.-З. Галикеева от 7 января 1893 г. есть такие строки: «...Дело обучения детей прихожан правилами веры в *мектебе* и *медресе* по *шариату* относится к обрядам веры, свободное отправление коих не возбранялось до сего времени в силу Основных законов нашей Империи»<sup>49</sup>.

Во многих ходатайствах об отмене образовательного ценза от 1888 г. в качестве основного аргумента в пользу «законных» требований о невмешательстве в религиозно-школьную сферу мусульман указывалось, что по *Корану* и *шариату* *имамы* «до погроб своей жизни» должны изучать и знать в первую очередь мусульманские науки и право<sup>50</sup>. «...Что же касается до образованности и учености по христианскому языку, то того нет ни пол слова в *Коране...*», — писали, например, в своем приговоре от 1889 г. упомянутые выше башкиры-вотчинники д. Кинзебула-

товой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии<sup>51</sup>. А *имам* Шестой *мечети* г. Оренбурга Габдул-Галим Давлетшин в своем прошении от 21 декабря 1892 г. на имя Оренбургского духовного собрания указывал: в случае осуществления циркуляр И. Д. Деянова «приведет к тому, что наш мусульманский народ... очутится в полном невежестве... Кроме того мы мусульмане, будучи лишены с сознанием исполнять предписываемый нам *шариатом* обязанностей, престанем пред Всевышнем Аллахом в грехах преступника...»<sup>52</sup>.

Любопытно и то, что в зависимости от ситуации или пожеланий приоритет отдается башкирами и татарами тому или иному праву. Так, когда в 1871 г. *муфтий* Салим-Гарей Тевкелев по предложению Министерства внутренних дел составил «Наставление» о пользе изучения русского языка, мусульманское население не приняло его. Хотя по канонам *шариата* решения *муфтия* являются *фетвой*, то есть обязательными для исполнения. В начале 70-х гг. XIX столетия просители мусульман Волго-Уральского региона обосновывали свой отказ прислушаться к мнению своего духовного главы со ссылкой на российские законы и местные традиции.

Из реакции же властей на письменные обращения (об этом речь пойдет ниже) видно, что и они не могли, а иногда и не желали детально регламентировать все сферы общественной жизни своих мусульманских подданных. Сознательно или интуитивно они не спешили заполнить все социальное поле только светским правом, справедливо опасаясь тем самым нарушить установившийся во многих сферах баланс интересов. Одной из таких сфер являлась именно чрезвычайно политизированная область просвещения башкир и татар, где правительство, идя на создание для них светских русскоязычных казенных училищ, по большому счету терпело и существование развитой сети мечетских школ.

Отмеченная чрезвычайно интересная черта школьных прошений, а так-

же реакция на них со стороны официальных кругов наглядно подтверждают действительное наличие правового плюрализма как в сознании российских мусульман, так и в имперской практике<sup>53</sup>. Все три указанные правовые системы или части из них в представлении и действиях башкирского и татарского населения органически сосуществовали, неразрывно дополняя друг друга. Детальное исследование прошений в таком ключе может помочь более полному пониманию правовой культуры башкир и татар, соотношения в местной жизни общеимперского права и религиозно-народных традиций.

Вторым общим для всех прошений аргументом было подчеркивание башкирами и татарами своей бесспорной принадлежности к Российской империи, где они пользуются, по их мнению, «автономией». Это утверждение-аргумент находило свое концентрированное отражение в выражении «мы, верноподданные российского монарха»<sup>54</sup> или «благонадежные граждане отечества»<sup>55</sup>. Для мусульман пореформенного периода «Россия» уже не является «*дар аль-харб*» (= враждебная, чужая страна), а есть их «отечество», которому они верно служат, а также готовы «как привязанные всем сердцем к Обожжаемому монарху» встать в его защиту<sup>56</sup>. В упомянутом выше коллективном прошении казанских мулл [18 подписей, в том числе таких известных духовных лиц, как Шигабутдин Марджани (1818–1889) и Галимджан Баруди (1857–1921)] отмечалось: мусульмане – подданные «могущественной России» «никогда против Российского правительства не были, о чем [и] впредь нельзя думать»<sup>57</sup>. Потому что, уверяли многие просители, башкиры и татары по закону пользуются равными с другими народами правами и могут «по-своему» организовать культурно-религиозную жизнь *махаллы*.

В прошениях новые пореформенные школьные законы квалифицировались однозначно как нарушение религиозно-культурной «автономии» мусульман, что, по мнению просителей, самым па-

губным образом отразится на государственно-исламских отношениях. Таким образом, мусульмане ставили под большое сомнение политическую целесообразность и эффективность унификации и централизации Российской империи в ходе ее модернизации в пореформенный период. В учете региональных особенностей и многовековых этнических и религиозных традиций мусульман, как и всех других российских народов, они видели залог процветания и «могущества страны». Словом, башкиры и татары протестовали против отхода от имперских традиций в организации и управлении государством, превращения последнего в мононациональное (русское) образование, которое стремилось «сблизить», а затем и «слить» периферийные народы в первую очередь через подконтрольное школьное образование с «господствующим» русским народом.

Наряду с такими «высокими» материями в прошениях довольно много места отводилось и «деловым» аргументам — показу действительного положения дела в сфере традиционного просвещения башкир и татар. При этом просители исходили из факта ужасающей неосведомленности властей всех уровней о культурно-религиозной жизни и чаяниях своих мусульманских подданных. Так, в отмеченном выше прошении Уфимского *имам* М.-З. Галикева есть такие строки: «Нет никакого сомнения, что все эти сведения (об рукописных книгах и некоторых *мударрисах*. — М.Ф.), доставленные в Министерство [народного просвещения] неверны, и как я положительно в том убежден, умышленно придуманы и пущены в ход людьми, преследующими миссионерские цели, ... прибегающими в видах успеха в достижении своих целей к умышленному натравливанию Правительства и администрации на русских мусульман вообще, на их мирные школы, содержимые ими без всякого обременения государственного бюджета и на ни в чем неповинное мусульманское духовное ведомство в особенности»<sup>58</sup>.

Такие сведения просителей содержат много любопытных сведений о внутреннем устройстве *мектебов* и *медресе*, их программе, учебном персонале, применяемых учебниках и т.д. Они однозначно представляют пореформенные *мектебы* и *медресе* как типичные конфессиональные учебные заведения, имеющие целью прежде всего религиозное воспитание населения и подготовку духовных кадров. Поэтому авторы прошений имели все основания утверждать, что мечетские школы никак не соприкасаются с современными, прежде всего политическими, «теориями». Показательно и то, что начавшееся в 1880-х гг. движение за реформу мечетских школ «снизу», по инициативе и силами самих мусульман (*джадидизм*), начало находить отражение в доступных нам прошениях лишь в начале XX в.<sup>59</sup>

Требования же, изложенные в прошениях, носили вполне определенный характер — в конечном счете отменить и лишь в немногих случаях отсрочить введение в действие новых законов правительства, касающихся *мектебов* и *медресе* и оставить их внутренний строй, учебный персонал и административную подведомственность в «прежнем положении». На первый взгляд кажется, что пожелания-предложения мусульман затрагивали лишь «узкий» вопрос: сферу народного образования. Однако по существу они имели, касаясь в той или иной мере кардинальных вопросов основного вектора политического развития Российской империи в эпоху ее обновления, более широкий характер. Мусульмане хотели не только сохранения, но и расширения своих прав.

Так, «поверенный» деревень Тикерменовой и Иски Текерменовой Мензелинского уезда Уфимской губернии башкир Гизатулла Хайбуллин из Мензелинского уезда в своем прошении от 4 декабря 1878 г. в Оренбургское духовное собрание в связи с появлением слухов о крещении мусульман писал: «Если же мы не предъявим сомнение свое в против, то не найдено ли будет в молчании согласие [наше] на изме-

нение веры?». Он просил *муфтия* довести мнение башкир и татар до царя, «дабы повелено было уничтожить все меры, клонящиеся к уничтожению магометанской веры, с тем, чтобы дать нам новые свободы (подчеркнуто нами. — *М. Ф.*) для устройства *медресе* и *мечетей*, как мы сами хотим»<sup>60</sup>. Видно, что поставленную на повестку дня центром модель построения централизованного мононационального государства мусульманское население края однозначно считало неприемлемой для себя.

Популярным было ходатайство об изъятии мусульманских школ из ведения учебного начальства вообще и передачи их под опеку Оренбургского духовного собрания. Так, в приговоре башкир-вотчинников дд. Кузубаковой, Мурзабаевой и Ик Назировой Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда от 15 марта 1893 г. была выражена просьба к Оренбургскому губернатору распорядиться «о недозволении инспекторам и полицейским урядникам вмешиваться в наши духовные дела и о подчинении нас и начальных училищ, на прежнем основании, в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, чем и успокоить наши сердца»<sup>61</sup>. В приговоре башкир восьми деревень Каракипчакской волости Оренбургского уезда от 18 марта того же года добавлялось к этому требование не допустить никаких изменений в мечетских школах без соглашения *муфтията*<sup>62</sup>.

Настойчиво выдвигалось также требование полного соблюдения принципа веротерпимости и обеспечения культурно-религиозных прав мусульманских подданных. Так, уполномоченные башкир-вотчинников деревень Верхнего и Нижнего Муталовой Таймасовской волости Оренбургского уезда Мухаммад-Садык Юлдашев и Гибадулла Хисматуллин в своем прошении от 17 марта 1894 г. просили Оренбургского губернатора посодействовать, «чтобы мусульман оставить в свободном исповедании», не трогая «ни в каком смысле» их религиозные учреждения:

Духовное собрание, *мечети* и школы при них<sup>63</sup>. И указанные выше казанские *муллы* просили об оставлении «по-прежнему без стеснения свободу учения веры, религиозные книги и *медресе*» и чтобы «не было стеснений со стороны учебного начальства, как в отношении самой религии, так и религиозных книг и *медресе*, а они *имамы* не были бы приписаны к лицам, не имеющим прав и подозрительным»<sup>64</sup>.

В целом содержание школьных прошений башкир и татар свидетельствует о бесспорном господстве среди них религиозного мировоззрения, которому, как известно, присущи в числе прочего признание превосходства веры над разумом, обязательное деление всего на «свое» и «чужое», духовный изоляционизм, нетерпимость, резкое отвержение инаковости. Иногда это проявлялось открыто, когда просители, например, отвергали с порога казенные светские школы, обучающих «русской» грамоте и «христианскому» языку и отстаивали мечетские школы, где детям прививается «истинная» религия<sup>65</sup>. Мы против «устройства русских училищ», отмечал, например, в 1878 г. упомянутый «поверенный» башкир Г. Хайбуллин из Мензелинского уезда Уфимской губернии Оренбургскому *муфтию*, «ибо справедливо это уничтожает [мусульманскую] грамотность, стало быть, и веру»<sup>66</sup>.

Все это, несомненно, свидетельствовало и о том, что башкиры и татары в основной своей массе отвергали побуждения «сверху» к европеизации их социально-культурной жизни (необходимой и разумной с точки зрения Российского государства в эпоху индустриализации и острой конкуренции европейских держав). Но российские мусульмане были не против учения вообще: «... Всякому человеку желательно возвышение, власть и знание в науках и совершенство в умственном развитии всякому приятно ...» — читаем мы, например, в упомянутом приговоре жителей д. Тюнтерь от 1873 г.<sup>67</sup>. Пореформенные башкиры и татары не были в целом и против реформ. С конца

1880-х гг. они начали «снизу» коренное преобразование даже своих национальных святынь — *мектебов* и *медресе*.

### VII. Реакция властей на школьные прошения, результаты письменных ходатайств

Власти не могли игнорировать массовые «школьные» прошения мусульман. Но официальная первоначальная реакция в начале каждой петиционной кампании была резко негативной. При этом администрация неизменно проявляла свою поразительную некомпетентность о положении дел в мусульманском обществе, в том числе сфере образования, а также желание избежать гласности о своих намерениях, неизменно маркируя свою корреспонденцию приписками «секретно» или «конфиденциально»<sup>68</sup>. Полный информационный вакуум порождал у башкир и татар навязчивые слухи об «уничтожении мусульманской религии» и насильственном крещении<sup>69</sup>. А в провинциальном русском обществе навязчиво циркулировали самые нелепые толки о подготовке мусульман к «вооруженному восстанию» (так! — *М.Ф.*)<sup>70</sup> под руководством турецких эмиссаров<sup>71</sup> и т.д.

Многие чиновники воспринимали ходатайства башкир и татар как «совершенно необосновательные»<sup>72</sup>, «агитация» против законов, беспочвенные «домогательства» или «явное ослушание»<sup>73</sup>, проверка власти на прочность<sup>74</sup> и были не прочь найти и строго наказать «зачинщиков» выступлений против «законных требований начальства»<sup>75</sup>. Тем не менее затем государственные органы начинали вникать в суть пожеланий башкир и татар. Но это обычно происходило после долгих споров и обмена «мнениями» между различными «экспертами» и заинтересованными ведомствами<sup>76</sup>. В целом же можно с уверенностью сказать, аргументы мусульманских просителей открыли правительству глаза на многое<sup>77</sup>. В результате официальная школьная политика в отношении мусульман претерпевала

постоянные и весьма существенные корректировки<sup>78</sup>.

В конце концов, из упомянутых выше пяти законоположений только одно (введение для *мулл* образовательного ценза) вступило в силу в указанный срок и то с существенными коррективами. Еще одно — циркуляр министра просвещения об изъятии из обращения в мечетских школах рукописных и заграничного издания книг — было через два года фактически полностью отменено. Законы об обязательном учреждении за счет средств местного населения «русских классов» в мечетских школах и запрещении впредь открывать новые, если в них не будет преподавания русского языка, а также подчинения *мектебов* и *медресе* Министерству просвещения практически остались на бумаге. Ограниченную реализацию получили лишь предусмотренные «Правилами» 1870 г. планы по созданию русско-башкирских и русско-татарских школ. Притом они появились в более или менее массовом порядке в 1890-е гг. в Уфимско-Оренбургском крае<sup>79</sup>, в то время как в Поволжье их было крайне немного<sup>80</sup>.

Такие результаты подачи прошений свидетельствуют о достаточной ответственности и эффективности коммуникации «низов» с «верхами». Они также показывают, что имперские власти были готовы и способны в какой-то мере слышать «глас народа» и что российский самодержец был далеко не «самодержавным» правителем. Башкиры и татары, как и все другие народы страны, имели видимые возможности «торговаться с властями» (В. Шперлинг<sup>81</sup>) для ограничения или корректировки практических действий правительства, если оно пыталось установить тотальный контроль над мусульманским обществом и подмять под себя все его социально-культурные институты. Мусульманское население, идя на диалог с администрацией, необратимо втягивалось в общественную и политическую жизнь страны<sup>82</sup>, что, безусловно, расширяло его мировоззренческие горизонты.

### VIII. Выводы

Итак, в 1870–1890-е гг. мусульмане Волго-Уральского региона выступили единым фронтом против новых школьных реформ, направленных на установление всеобъемлющего правительственного контроля над *мектебами* и *медресе*, внедрение в них преподавания русского языка, открытие особых русскоязычных «инородческих» школ. Чтобы защитить свои интересы, они установили посредством прошений довольно интенсивную связь с властями, поставив их в известность о своих пожеланиях. В этом письменном диалоге участвовали, с одной стороны, в качестве «привилегированных актеров» различные, имеющие зачастую совершенно иные позиции государственные структуры, а с другой — практически все слои башкирского и татарского населения, которые «за столом переговоров» с администрацией имели несравненно худшие карты.

Тем не менее для имперского правительства большие или малые петиционные кампании послужили своеобразным барометром верности взятому политическому курсу, социально-политическим настроениям своих мусульманских подданных. А для башкир и татар же практика письменного общения с правительственными органами явилась важным каналом опосредованного, правда, очень ограниченного, в пределах лишь местного уровня, участия в «управлении» государством и тем самым повышения своей политической культуры.

Школьные прошения мусульман пореформенного волго-уральского населения отчетливо показывают, что они были отнюдь не абсолютно пассивным элементом в социальной структуре Российского государства. С другой стороны, массовые письма «во власть» и реакция на них со стороны правительства свидетельствуют, что имперские органы сознательно оставляли открытыми некоторые, довольно эффективные каналы политической коммуникации и политического участия башкир и татар, как и других народов страны, в общественно-

политической жизни страны. «Верхи» были жизненно заинтересованы в «диалоге» с мусульманскими подданными, хотя с углублением системного кризиса самодержавия они все меньше и меньше проявляли способность вести его в конструктивном русле.

По большому счету школьные «дебаты» мусульманского населения пореформенного Волго-Уральского региона с властями закончились компромиссом. Башкиры и татары отстаивали свои традиционные *мектебы* и *медресе*, правительство же создало для них более или менее густую сеть русскоязычных русско-башкирских или русско-татарских школ. Обе модели народного образования существовали параллельно, но остро конкурируя между собой. В процессе же состязания каждая из них медленно, но видоизменялась. В мечетских школах начался ожесточенный борьба с *кадимистами* (= мусульманские староверы) поворот к светским дисциплинам и европейским принципам организации учебного процесса. А в казенных училищах постепенно, при остром противодействии многих «твердолобых» представителей Министерства народного просвещения расширился национальный компонент: преподавание родного языка и мусульманского вероучения. В обоих случаях получился своеобразный и сравнительно жизнеспособный симбиоз *мектеба* и школы.

В этом долгосрочном, но в целом позитивном процессе немалую роль сыграли и прошения местного мусульманского населения, которые способствовали обмену мнениями, взглядами и административно-педагогическим опытом между заинтересованными сторонами. Тем самым письма башкир и татар «во власть» помогали не только выработать компромиссные пути в развитии народного образования, но и в известной мере препятствовали радикализации социально-политической ситуации на окраинах и вносили положительную лепту в стабилизацию многонационального пореформенного российского общества в целом.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См., например: *Малиновский Н. П.* Законодательство об инородческой школе // *Инородческая школа: Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы.* Пг., 1916. С. 119–157; *Kreindler I. T.* Educational policies toward the eastern nationalities in tsarist Russia: a study of Ilminski's system. Ph.D. Dis. **Columbia University, 1969**; *Фархиаатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 36–53.

<sup>2</sup> По данным переписи 1897 г., в этих 13 губерниях проживало 3, 3 млн. башкир и татар, то есть примерно четверть (точнее: 23, 7 %) всех мусульманских подданных Российской империи (См.: *Исхаков Д. М.* Историческая демография татарского народа. Казань, 1993; *Bauer H., Kappeler A., Roth B.* (Hrsg.) Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1997. 2 Bde. Stuttgart, 1991. Bd. 2. S. 317–320; *Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917. Stuttgart, 2000. С. 42–44, 562). По удельному весу мусульманского населения лидировали Уфимская (50,3%), Казанская (29,2%) и Оренбургская (21,1%) губернии. За ними со значительным отставанием шли Самарская (10,0%), Симбирская (8,8%), Пермская и Астраханская (по 5,3%), Вятская (4,4%), Пензенская и Саратовская (по 4,0%), Нижегородская [Gouvernement Nizhnij Nowgorod] (2,6%), Тамбовская (0,6%) и Рязанская (0,3%) губернии.

<sup>3</sup> См., например: *Воробьева Е. Н.* Мусульманский вопрос в имперской политике самодержавия (Вторая половина XIX в.–1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; *Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus...

<sup>4</sup> См., например: *Смыков Ю. И., Гончаренко Л. Н.* Национальный состав кадров административного аппарата самодержавия в Казанской губернии в конце XIX века // Развитие культуры Татарстана в дооктябрьский период. Казань, 1988. С. 73–83; *Салихов Р. Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Панорама-Форум.* 1996. № 2. С. 41–54; *Кантимирова Р. И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX–начале XX вв. Уфа; Стерлитамак, 2000; *Häfner L.* Gesellschaft und lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln u. a., 2004. S. 91, 279, 286, 333–336.

<sup>5</sup> См.: *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

<sup>6</sup> См.: *Kemper M.* Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998 (Пер. на рус. яз.: *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И. Гилязова. Казань, 2008; *Фархиаатов М. Н.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 286–292.

<sup>7</sup> Из множества литературы укажем лишь на: *Lazzerini E. J.* **Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878–1914. Ph.D. Dis. Seattle University of Washington, 1973**; *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.

<sup>8</sup> См.: *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги (От начала возникновения до 60-х годов XIX века): Казань, 1971; *Он же.* Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983.

<sup>9</sup> *Загидуллин И. К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // *Национальный вопрос в Татари дооктябрьского периода* Сб. статей / Под ред. С. Х. Алишева. Казань, 1990. С. 66–78.

<sup>10</sup> *Чернышев Е. И.* Волнения казанских татар в 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 175–202; *Рахим А.* К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 года // *Там же.* 1928. № 8. С. 143–152.

<sup>11</sup> *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и причины выступления против нее татарских крестьян Казанской губернии // Ученые записки / Татарский государственный гуманитарный институт. Казань, 1997. № 2. С. 52–96; *Он же.* Прошения татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Там же. С. 219–245; *Он же.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 184–185.

<sup>12</sup> *Ардашев И.* Отступническое движение в Уфимском крае после указа 1905 года // Миссионерское обозрение. 1909. № 8. С. 1126–1141; *Ганелин Р. Ш.* Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 15; *Он же.* Петиции по указу 18 февраля 1905 г. // Там же. Л., 1989. Т. 20. С. 150–163; 1990. Т. 21. С. 119–136.

<sup>13</sup> См., например: *Письмо* Батырши императрице Елизавете Петровне. Текст. Транскрипция. Перевод на рус. яз. [Н. К. Дмитриева] Факсимиле / Сост., автор введения, комм. и глоссария Г. Б. Хусаинов. Уфа, 1993.

<sup>14</sup> См., например: *Васильев И. М.* Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. В 2 ч. Уфа, 2000.

<sup>15</sup> *Постановление* Совета министра народного просвещения. Заседание 2 февраля 1872 г. Журнал № 42 // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 3. С. 47–63; *Высочайше* утвержденный 20 марта 1870 г. Журнал Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. // *Сборник* распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1874. Т. 4: 1865–1870 гг. С. 835.

<sup>16</sup> *Высочайше* утвержденное мнение Государственного совета от 26 ноября 1874 г. // Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 1149. Оп. 8, 1874 г. Д. 59. Л. 41 (То же в: Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1874. № 12. С. 550–551).

<sup>17</sup> *Высочайше* утвержденное 5 февраля 1882 г. положение Комитета Министров // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 809. Л. 79 об.; Оп. 133. Д. 466. Л. 323 (То же в: *Сборник* законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и магометанских учебных заведениях. Казань, 1899. С. 49–50).

<sup>18</sup> *Высочайше* утвержденное 16 июля 1888 г. мнение Государственного совета об установлении образовательного ценза для духовных лиц по округу Оренбургского магометанского духовного собрания // *ПСЗ* III. Т. 8. № 5419 (То же в: Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1889. № 1. С. 3–4); *Высочайше* утвержденные 11 октября 1890 г. «Правила об установлении образовательного ценза для духовных лиц по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» // *ПСЗ* III. Т. 10. Отд. 1. № 7120); *Koch H.* Die Russische Gesetzgebung über den Islam bis zum Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1918. S. 51–52.

<sup>19</sup> См.: *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 67; *Загидуллин И. К.* Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // *Народное* просвещение у татар в дооктябрьский период. Сб. статей / Под ред. Р. У. Амирханова. Казань, 1992. С. 76.

<sup>20</sup> *Сборник* законов о российском мусульманстве... С. 57; РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 90.

<sup>21</sup> См. подробнее: *Правила* о порядке принятия и направления прошений, жалоб, на высочайшее имя приносимых (Свод законов. Т. 1. Ч. 2. Изд. 1892 г.), с изменениями на основании законов 26 февраля и 20 марта 1895 г. и с приложением дополнительных узаконений. Сост. Н. И. Ареф. СПб., 1895; *Sperling W.* Bittschriften als Form und Medium der politischen Partizipation im ausgehenden Zarenreich. Unpublizierte Magisterarbeit. Universität Bielefeld, Fakultät für Geschichtswissenschaft und Philosophie, Abteilung Geschichte. Bielefeld. 2002. S. 30–33.

<sup>22</sup> См.: *Sperling W.* Bittschriften... S. 28.

<sup>23</sup> См.: Там же. Заметим, что иногда приговоры сельских обществ куда более содержательны, чем прошения их уполномоченных, поэтому они обязательно должны учитываться при рассмотрении последних.

<sup>24</sup> *Материалы* по истории Татарии второй половины XIX века. М.–Л., 1936. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. (в дальнейшем: *Материалы* по истории Татарии). С. 421.

<sup>25</sup> В Государственном архиве Оренбургской губернии (в дальнейшем: ГАОО) сохранилось, например, прошение потомственного почетного гражданина Ганиахмета Китикова – поверенного от жителей деревень Джитибулаковой, Давлеткуловой, Максютовой, Ижзаевой, Саз Белекей, Абызовой, Белекей Абызовой и Зирикли Каракипчакской волости Оренбургского уезда, поданное им 28 марта 1893 г. на имя Оренбургского губернатора (см.: *ГАОО*. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 34).

<sup>26</sup> Так, известно, что в 1893 г. доверенным башкир д. Таймасовой одноименной волости Оренбургского уезда, ходатайствующих об оставлении в мусульманских школах рукопис-

ных книг, был урядник Суфийан Максютлов (см.: *Там же*. Л. 19). А в 1888 г. в Казани образцовую форму прошения в связи с введением образовательного ценза для *мулл* составил отставной коллежский регистр Ахметзян Кульмаметов (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992. С. 165).

<sup>27</sup> ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 80.

<sup>28</sup> Там же. Л. 80–81.

<sup>29</sup> И. К. Загидуллин в своей солидной кандидатской диссертации описывает интенсивную деятельность в начале 1890-х годов других «народных адвокатов»: жителя Казани А. Кульмухаметова и крестьянина одной из близлежащих деревень А. Кирсанова. Первый из них за свои «труды» по составлению прошений в связи с введением образовательного ценза для *мулл* был подвергнут административной высылке на три года, а второй предупрежден (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 165–168).

<sup>30</sup> В работе И. К. Загидуллина упомянут, например, некий Студенецкий, которого нанял указанный А. Кульмухаметов (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 167).

<sup>31</sup> См., например: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 119–120, 121.

<sup>32</sup> См.: Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее: ЦГИА РБ). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076. Л. 25–26; ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 36, 95 об.

<sup>33</sup> См.: *Загидуллин И. К.* К вопросу отпадения крещеных татар...

<sup>34</sup> Но судя по сохранившимся в местных архивах многим прошениям, которым не было дано хода из-за отсутствия на листах прошений гербовых марок (см., например: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334), можно полагать, что вопрос о «финансовом обеспечении» петиционных кампаний по школьным вопросам среди башкир и татар остался, особенно в сельской местности, не совсем решенным.

<sup>35</sup> См.: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 80–81; *Sperling W.* Bittschriften... S. 29–30; *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 167.

<sup>36</sup> *Загидуллин И. К.* Татарская школа...; *Он же.* Татарские крестьяне... С. 163, 165–168, 170; *Он же.* Прошения... С. 226.

<sup>37</sup> Так, по некоторым сведениям, только в 1888 г. в Министерство внутренних дел, канцелярии Казанского губернатора и Оренбургское магометанское духовное собрание поступило около 1500 прошений об отмене образовательного ценза для *мулл* (см.: ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 533. Б. п.; Д. 535. Л. 1, 4, 19; РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 166–171; *Риззэтдин бин Фэхретдин.* Исламлар хақында хөкүмәт тәдбирләре. 2 жилдтә (Мероприятия [царского] правительства по отношению мусульман. В 2 т.). Оренбург, 1907. Ж. 1. Б. 33; *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 165–168). Не меньше, если не больше прошений последовало и в связи с циркуляром министра просвещения И. Д. Делянова об изъятии из *мечетей* рукописных и заграничного издания книг, а также отстранении *мударрисов* с заграничным образованием или иностранным паспортом. Они отложились целыми томами как в фондах Департамента духовных дел МВД (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 818. 274 л.), Оренбургского губернского правления (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 344. 128 л.), Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 3359. Б. п.; Оп. 11. Д. 611. Б. п.; Д. 622. Б. п.; Д. 659. Б. п.), канцелярии Казанского губернатора (*Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 170). Значительное количество «деляновских» прошений имеется и в фонде Департамента народного просвещения (см., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2271. Л. 166, 168, 169–171; Д. 2272. Л. 52–62, 185). Некоторые прошения сохранились в отдельных делах Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 13359. Б. п.; Оп. 11. Д. 348. Б. п.), Уфимской губернской дирекции народных училищ (Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 469. Л. 145).

<sup>38</sup> Верность России, на которую столь часто указывалось в прошениях, конечно же, не была чистым вымыслом, как и заслуги мусульман перед Российским правительством. Но просители их сознательно инструментализировали, чтобы оказать желаемое воздействие на получателей их прошений.

<sup>39</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6 об.–7. См. также: Там же. Д. 524. Л. 104–104 об., Л. 108, 110.

<sup>40</sup> ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 21.

<sup>41</sup> *Материалы* по истории Татарии. С. 309.

<sup>42</sup> См., например: *Bräuer von H.* Persönliche Bittschriften als sozial- und mentalitätsgeschichtliche Quellen: Beobachtungen aus frühneuzeitlichen Städten Obersachsens. In: *Ammerer G., Rohr Ch., Weiß A. S.* (Hrsg.) Tradition und Wandel: Beiträge zur Kirchen-, Gesellschafts- und Kulturgeschichte. Festschrift für Heinz Dopsch. Wien, München, 2001. S. S. 300–304.

<sup>43</sup> Таковы, например, «рапорты»-прошения *имам* Второй мечети г. Уфы Мухаммад-Зарифа Галикеева (7 января 1893 г.) и *ахуна* Сеитовского посада Оренбургского уезда и губернии Исхака Исмаилова (1 февраля 1893 г.), поданные ими на имя Оренбургского духовного собрания (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 68–71 об.; Д. 523. Л. 36–42 об.).

<sup>44</sup> Можно указать лишь на следующие два интересные сообщения: *Нигматуллин*. Мухамеданская заметка. Оренбург, 26 октября // Оренбургский листок. 1892. 8 ноября. С. 3; *Жакмон А.* Оренбург. По поводу печатных инсинуаций по адресу оренбургских мусульман [В связи с заметкой Нигматуллина в «Оренбургском листе»] // Московские ведомости. 1892. 24 ноября. № 326. Внутренние известия. С. 4. В целом же пореформенная русская печать больше писала о «неспокойных» мусульманских регионах, как Туркестан и Крым, чем о проблемах давно «усмирённых» башкир и татар.

<sup>45</sup> См., например: *Хамитбаева Н. С.* Национальный вопрос в освещении Казанской русской периодической печати в конце XIX века (На материалах «Волжского вестника») // *Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода*. С. 79–97.

<sup>46</sup> См.: *Заявление* гласного Мухаметсалима Уметбаева в Уфимское VII очередное уездное земское собрание // *Вестник Уфимского земства*. Уфа, 1882. Вып. 4. С. 226–228.

<sup>47</sup> См., например: *Ризаэтдин бин Фәхретдин*. Исламлар хакинды... Ж. 1–2. Оренбург, 1907–1908; *Горохов В. М.* Реакционная школьная политика царизма по отношению татар. Казань, 1941. С. 180, 223, 225, 238; *Загидуллин И. К.* Татарская школа...; *Он же*. Татарские крестьяне... С. 163, 165–169, 176–177; *Он же*. Прошения татарских крестьян...; *Он же*. Перепись 1897 года... С. 184.

<sup>48</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 524. Л. 104–104 об. См. также: Там же. Л. 108, 110.

<sup>49</sup> Там же. Д. 348. Л. 69–69 об.

<sup>50</sup> ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 101. Л. 24–25, 40–42, 45–47; ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6–8; Д. 535. Л. 1, 19 об.

<sup>51</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 6 об.

<sup>52</sup> Там же. Д. 348. Л. 66–67 об.

<sup>53</sup> Некоторые исследователи уже обратили на это внимание на основе другого фактического материала. См., например: *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. М., 2002. С. 98–103; *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Dagestan. Von den Khanaten und Gemeinschaften zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005. **Kapitel 6**; *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в Российском парламенте: 1906–1917 гг. Казань, 2005. С. 11–12; и др.

<sup>54</sup> Подчеркивая «верноподданство» башкир и татар, просители, конечно же, учитывали и определенные ожидания своих адресатов. Поэтому так часто встречающиеся в прошениях пассажи типа «глубоко чтим мы своего Государя» не всегда следует принимать за чистую монету.

<sup>55</sup> См.: *Приговор* сельского общества жителей деревень Джитибулаковой, Давлеткуловой, Максютовой, Ижзаевой, Саз Белекей, Абызовой, Белекей Абызывой и Зирикли Каракипчакской волости Оренбургского уезда от 18 марта 1893 г. // ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 36.

<sup>56</sup> См., например: *Прошение* поверенного от общества д. Четырех Дворов Муслимкинкой волости Чистопольского уезда Казанской губернии Замалетдина Мухаметзянова от 21 ноября 1878 г. в Оренбургское духовное собрание // ЦГИА РБ. Ф. И-195. Оп. 11. Д. 524. Л. 114.

<sup>57</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-195. Оп. 11. Д. 348. Л. 72–74.

<sup>58</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 69–69 об.

<sup>59</sup> См., например: *Фархиатов М. Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX в. (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С. 31–32.

<sup>60</sup> Цит. по: *Журнал* заседания присутствия Оренбургского духовного собрания от 15 января 1879 г. // ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400. Б. п.

<sup>61</sup> ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 21. См. также, например: Прошения доверенных башкир д. Мустафино Рождественской волости Габдрахмана Забирова и Самигуллы Файрушина от 8 марта, а также Бурангуловского сельского общества 2-й Усергановской волости Орского уезда Саитгалия Булгаирова от 28 марта 1893 г. (Там же. Л. 17, 92).

<sup>62</sup> Там же. Л. 36.

<sup>63</sup> Там же. 100 об.

<sup>64</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 348. Л. 72 об.

<sup>65</sup> Например, указанные уполномоченные башкир-вотчинников деревень Верхнего и Нижнего Муталовой М.-С. Юлдашев и Г. Хисматуллин без обиняков писали 17 марта 1894 г. в Оренбургское духовное собрание: суть мероприятий правительства убеждает их, что «мусульманская вера в конце концов придет в упадок, татарская грамотность исчезнет и явится одно обрусение» (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 20).

<sup>66</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400. Б. п. См. также приговоры башкир-вотчинников д. Кинзебулатовой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии от 25 февраля 1889 г. (Там же. Д. 523. Л. 6 об.) и жителей д. Тюнтерь Малмыжского уезда Вятской губернии — одного из центров традиционной мусульманской образованности в регионе, от 21 мая 1873 г. (*Материалы по истории Татарии*. С. 308).

<sup>67</sup> Цит. по: *Материалы по истории Татарии*. С. 309.

<sup>68</sup> См., например, «секретное распоряжение» Уфимского губернатора от 29 сентября 1870 г. уездным исправникам о выполнении циркуляра попечителя Казанского округа от 15 июля того же года о принятии необходимых мер по претворению в жизнь «Правил об образовании инородцев» 1870 г. (ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 54–55).

<sup>69</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 400: Журналы заседаний присутствия Оренбургского духовного собрания за 1879 г. Т. 2. Б. п. Журнал заседания от 15 января 1879 г.

<sup>70</sup> См., например, письмо Оренбургского муфтия С.-Г. Тевкелева от 8 ноября 1876 г. на имя Оренбургского губернатора «о нелепых толках, распространившихся в Уфе, о будто бы враждебных настроениях и помыслах российских мусульман против русских» (ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076. Л. 25–26).

<sup>71</sup> ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1076: Переписка о появлении турецких эмиссаров среди мусульманского населения. 1876 г. 82 л.; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 33: О мерах по задержанию турецких подданных-агитаторов, 1876–1889 гг. 48 л.

<sup>72</sup> См., например, отношение товарища министра внутренних дел И. Н. Дурново от 21 августа 1883 г. на имя Оренбургского муфтия С.-Г. Тевкелева по поводу поданных Казанскими татарами 26 всеподданнейших прошений, в котором опровергал «опасения» просителей, что закон 5 февраля 1882 г. о надзоре за *мектебами* и *медресе* «стесняет религиозную свободу». Завершалось письмо просьбой к муфтию «разъяснить муллам Казанской губернии неосновательность вышеприведенных опасений татарского населения, а также необходимость подчиняться «законным требованиям начальства» (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 10381. Л. 14 об.).

<sup>73</sup> ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–1 об.; Ф. 11. Оп. 2. Д. 3366. Л. 113, 148.

<sup>74</sup> Так, Казанский губернатор Н. Я. Скарятин в связи с намерением некоторых Казанских купцов передать лично в составе «депутации» министру внутренних дел Л. С. Макарову ходатайства по религиозно-учебным делам мусульман предлагал своему начальнику отвергнуть их. Он писал: эти «домогательства татар есть не что иное, как проба — какой взгляд высшего правительства на магометанское население и имеет ли оно надобность оказывать этому населению снисходительность» (Цит. по: *Материалы по истории Татарии* [wie Anm. 24]. С. 422).

<sup>75</sup> Так, предполагаемый «зачинщик» приговора-ходатайства жителей д. Тюнтерь от 1873 г. *имам* Шамсутдин Рахматуллин подвергся «увещеваниям» Оренбургского муфтия (см.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 131. Л. 140–141; Оп. 11. Д. 80. Л. 142, 186). В начале 1873 г. по рапорту Мензелинского уездного исправника Уфимский губернатор распорядился закрыть *мектеб*, открытый в д. Нуркеевой без разрешения учебного начальства и без русского класса, а местного *муллу* — подвергнуть «ответственности» (см.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 70–71 об.). 28 февраля 1889 г. министр внутренних дел предписал начальникам губерний Внутренней России с мусульманским населением о сборе сведений об авторах прошений об отмене образовательного ценза для *мулл* и обстоятельствах их составления (См.: ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; Ф. 10. Оп. 3. Д. 191. Л. 63). Видимо, таких примеров было немало (см., например: *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне... С. 166–167).

<sup>76</sup> В том числе путем созыва Особых межведомственных совещаний. Например, в мае 1894 г. при Министерстве внутренних дел происходило Особое совещание с участием представителей Министерства народного просвещения и ученых-востоковедов для обсуждения

вопроса о мусульманских рукописных книгах, которое высказалось за их хождение в примечетских школах (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2272. Л. 101).

<sup>77</sup> 21 июля 1894 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново уведомил начальников губерний, населенных мусульманами, о фактической отмене многократно упомянутого циркуляра И. Д. Делянова от 10 июля 1892 г. В своем предписании министр открыто признавался, что пересмотреть позицию правительства в вопросе о мусульманских учебных книгах заставило «большое количество» прошений, поступившее от мусульман в его ведомство против изъятия рукописных и заграничного издания книг (см.: ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 334. Л. 116).

<sup>78</sup> Естественно, прошения башкир и татар не были единственной причиной ослабления натиска на *мектебы* и *медресе*. В некотором изменении правительственной политики по отношению к ним сыграла свою роль и постепенно утвердившаяся среди имперских чиновников мысль, что мечетские школы имеют чисто религиозный характер, а потому далеки от «политики» (см., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 656. Л. 82, 115 об.).

<sup>79</sup> См., например: *Фархитов М. Н.* Народное образование... С. 110–111).

<sup>80</sup> См., например: *Махмутова А. Х.* Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917). Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 29–30). Вообще, надо отметить, Казанские татары в школьных вопросах шли менее охотно на всякие компромиссы с царской администрацией.

<sup>81</sup> *Шперлинг В.* Торговаться с властью. Прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. Сб. науч. тр. / Под ред. М. М. Крома. СПб., 2004. С. 152–168.

<sup>82</sup> Интересно отметить, что мусульмане и сами прекрасно понимали, что своими прошениями они действительно неумолимо вовлекаются в политику. Поэтому старательно убеждали своих адресатов в обратном. Для примера приведем характерную цитату из прошения упомянутого доверенного Г. Абдулгафарова из Чистопольского уезда Казанской губернии от 1878 г.: «... Мы мусульмане считаем долгом своим объяснить, прежде всего, (что) цель настоящего прошения не есть по делам политических или даже, например, хоть по делам касающихся до политики, напротив мы не думаем и не хотим даже думать о политике, не только за страх, но [и] за совесть, так как мы и предки наши назад тому несколько сот лет живем в подданстве нашего Российского императора, и мы снабжены равноправною защитой о исполнении нами требований своей религии ...» (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 524. Л. 104–104 об.). Примечательно, что текст Г. Абдулгафарова был, так сказать, типовым. Он слово в слово повторялся и в некоторых других прошениях (см.: *Там же*. Л. 108, 110).

#### Аннотация

В статье рассматриваются петиционные кампании татар и башкир как реакция на действия власти по реализации новой школьной политики самодержавия в отношении мусульман Поволжья и Приуралья в пореформенный период, направленной на их интеграцию в состав Российской империи. Освещаются ключевые сюжеты петиционных кампаний: авторы, организаторы, переводчики и составители ходатайств; адресаты и содержание прошений; стратегия и тактика их подачи; реакция властей на школьные прошения; результаты письменных ходатайств.

**Ключевые слова:** школьная политика царизма в отношении мусульман Поволжья и Приуралья, петиционная кампания татар и башкир, Оренбургское магометанское духовное собрание, мектебе и медресе, требования мусульман в школьной сфере.

#### Summary

The article considers petition campaigns of the Tatars and Bashkirs as reaction to the Government's actions on the realization of the new school politics of autocracy regarding the Moslems of the Volga and Urals region in the period of reforms aimed at their integration into the Russian Empire. The key topics of the petition campaigns are shown: the authors, the organizers, translators and compilers of applications; addressees and the contents of applications; the strategics and tactics of their presentation; the reaction of the Government on school applications; the results of written applications.

УДК 929.5

## РУСИФИКАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ВЕРХУШКИ И РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ (на примере родословия Нарбековых)

*Мами ХАМАМОТО, научный сотрудник гуманитарного факультета  
Токийского университета*

Источники свидетельствуют об иммиграции многих представителей социальных верхов тюркских народов в Россию до XVII в. Эта проблема была исследована уже многими учеными. Остается невыясненным вопрос об их русификации после того, как они были приняты. В данной статье автор делает попытку рассмотреть, как русское высшее общество относилось к русификации тюркской знати, т.е. каким был фон их русификации, на примере очень интересного родословия Нарбековых, засвидетельствованного в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Сначала следует отметить фиктивный характер многих русских родословий, что было показано в предшествующих исследованиях российских ученых. Представление о такой фиктивности является важной предпосылкой для выводов данной статье.

Тот факт, что «Государев родословец», который был составлен в 1555 г., включил в себя невероятную легенду, согласно которой родоначальником Рюриковичей был Август, римский цесарь, позволяет говорить о фиктивном характере многих официальных родословий того времени. По наблюдениям Бычковой, в этом родословце рязанские дворянские роды, как правило, указывали своего предка как выходца из Орды, а фамилии, перешедшие на службу в Москву из Твери и Чернигова, обычно приписывали себе про-

исхождение из Литвы [Бычкова 1975: 135].

Когда новый «Государев родословец» был составлен в конце XVII в., в Палату родословных дел было представлено около 630 родословных росписей с приложенными к ним копийными актами от 560 служилых семей [Антонов 1996: 8, 69–70]. Среди этих документов было много поддельных росписей и актов, и, по наблюдениям Зимина, который исследовал подделку документов в XVI–XVII вв., наиболее широкий размах фальсификация документов приобрела в конце XVII в., когда в Палату родословных дел было дано много поддельных документов [Антонов 1996: 33]. По словам А.В. Антонова, в легендах рубежа XV–XVI вв. могли отразиться древние родовые предания, но основная масса легенд была составлена в XVII–XVIII вв. по образу и подобию первых в условиях уже сложившейся генеалогической традиции [Антонов 1996: 35, 37]. И по мнению С.Б. Веселовского, легенды о происхождении из Орды родоначальников нескольких фамилий являются фальсификациями [Веселовский 1969]. Таким образом, мы не можем принимать в родословиях сведения о родоначальниках как о выходцах из степи как исторические события.

Однако здесь внимание уделяется не достоверности легенд об ордынском происхождении, а сознанию русской аристократии, которая выбрала Орду как одну из своих фиктивных прародин.

Российское высшее общество конца XVII в., которое считало фамилии с татарским происхождением почетными, отличалось от российского дворянства XIX века, представители которого относили татар к диким народам. Следует указать на чувство уважения русских к знати других народов как на одну из причин выезда многих тюркских аристократов в Россию.

Кроме того, необходимо обратить внимание на эпоху работы Палаты родословных дел, т.е. конец XVII в., когда появились многие документы с фальсифицированными легендами о происхождении из Орды. Известно, что Россия второй половины XVII в. перенимала многие достижения из Европы, вследствие чего культурное влияние Европы на российскую аристократию усиливалось. С другой стороны, в 1680-х годах, когда Палата родословных дел занималась составлением новых родословий служилых людей (Бархатной книги), российское правительство издавало один за другим указы, направленные против тюркской знати. В то время мусульманские служилые люди были вынуждены принимать православие, а у тех, кто отказывался, были отняты поместья и вотчины. В 1679–1680 гг. и 1681 г. были изданы указы о выселении мусульманских служилых татар из центральных городов – Ярославля и Романова, а также из других городов России. [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1680/1. Л. 1; ПСЗ. Т. II. № 867: 312–313; ПСЗ. Т. II. № 870: 315; ДАИ. Т. VIII. № 89: 311–312]. Касимовское царство, с его марионеточной татарской властью, тоже оказалось окончательно уничтоженным в 1680-х годах [Шишкин 1991 (1891): 138–140].

В результате таких мероприятий правительства, согласно исследованию П.В. Седова, 130 мурз приняли православие с 31 августа 1681 г. по январь 1682 г. и были пожалованы в стольники. Они составили 10% от общего числа

стольников [Седов 2006: 433]. С точки зрения устранения из российской знати ее мусульманского элемента конец XVII в. являлся очень важным этапом.

В отличие от XVI в. Российское правительство XVII в. явно проявляло отрицательное отношение к мусульманской аристократии. Поэтому на первый взгляд кажется странным тот факт, что даже в конце XVII в. российская знать пыталась сочинять легенды о происхождении родоначальников из Золотой Орды. Ключ к пониманию этого вопроса есть в родословии Нарбековых с приложенными к нему документами, поданным в конце XVII в. в Палату Родословных дел.

Родословная роспись Нарбековых была подана в Палату Родословных дел 7 февраля 1686 г. Об этом родословии уже изданы три исследования Бычковой, рассматривающие генеалогию [1993, 1998, 2000]. Данная статья составлена на основе исследований М.Е. Бычковой и подлинника родословия, сохранившегося в РГАДА\*.

Из этого родословия следует, что родоначальником Нарбековых является Багрим, «мурза честен» Большой Золотой Орды. Он приехал в Москву к Василию II и принял православие. Тогда сам великий князь стал его крестным отцом и назвал его Ильей. Багрим получил от Василия II земельные владения в разных местах. Одним из сыновей Багрима был Дмитрий Нарбек, от него начался род Нарбековых. Кстати, вторым сыном Дмитрия Нарбека был Алексей Держава, от которого начался род Державиных, ярким представителем которого является Гавриил Романович Державин, известный поэт XVIII в. Нет никаких документов и летописей, которые подтверждали бы легенду о происхождении Багрима в родословии Нарбековых. Более того, есть информация о том, что существует другое родословие Нарбековых, которое показывает, что родоначальником Нарбековых был

\* РГАДА. Ф.181. Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива МИД. Оп. 4. Д.385. Л. 22–34 об.

русский\*. Таким образом, мы не можем с уверенностью принять легенду о родоначальнике Нарбековых как исторический факт.

К родословию Нарбековых приложены копии двух актов. Один из них был издан Иваном III и свидетельствует о том, что царь подарил одному из членов рода Нарбековых вотчины. Другой был издан Иваном IV, чтобы освободить Ивана Дмитриевича Нарбекова от военного служения, так как тот был ранен в битве под Казанью: его глаз про-

нзило стрелой, а руку оторвало пушечным снарядом.

Родословие Нарбековых является уникальным, потому что к нему приложено стихотворное произведение о подвигах члена семьи Нарбековых в войне за взятие Казани и о происхождении фамилии. Текст этого стихотворения уже был опубликован Бычковой [Бычкова 1993], но здесь для удобства читателей мы приводим его, исправив несколько неточностей ранее опубликованного текста.

(Л. 29) На гербъ славный и честнѣйшей породы Нарбѣковых

На воина\*\*

Вооружень воинь бл(а)говѣрень варварина побѣждает  
И копиемъ его явно яко змия храбро прободает  
Мужественно поразив с коня его на землю низлагаетъ  
О Хр(и)стѣ хваляс(ь), бл(а)гочестиваго своег(о) ц(а)ря прославляет

На имя

Той воинь Иванъ Дмитриевич\*\*\* Нарбѣков Чюваши рекомый  
Под градом Казанью з благовѣрнымъ ц(а)ремъ Иваном знакомый  
Храбро и мужски и доблественне против бусорманъ ратуя  
И за вѣру хр(и)стианскоую и за г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря своего муж(е)ски поборая  
И ему г(о)с(у)д(а)рю своему во всемъ служа вѣрне  
И яко б(о)гу со страхомъ работая бл(а)гоговѣйне  
И всему воинству православно россиискому храбро себе показуя  
И врагов кр(е)ста Хр(и)стова бусорманом страшно себе повествуя

На раны и на крѣпость мужа

Небезбѣдно же и самому ему то преминуло  
Неприятел(ь)ское оружие ег(о) самого зѣльне уязвило (Л. 29 об.)  
Наскочив созади безбожный варварин копиемъ его ураняетъ  
Яко песь зѣльне его и жестоце уядаетъ  
И другии в око его сопротивъ стрелою ураниль  
И яко змии жаломъ его люте уязвилъ

На крѣпость

Той убо храбрый мужъ яко непобѣдимъ пребывая  
и крѣпче себѣ на конѣ уязвленъ удерживая\*\*\*\*  
Тщась\*\*\*\*\* неприятелем себе страшна и храбра показати  
Изо очесе своего желая стрелу вонзена бодрено из(ь)яти

\* А. В. Кузьмин устно мне сообщил эту информацию.

\*\* В тексте — «война».

\*\*\* В тексте — «Дмитриевич».

\*\*\*\* В тексте — «удерживая».

\*\*\*\*\* В тексте — «Тшась».

За ню *ж* крёпще рукою и бодростно приимая  
 От томления болёзненнаг(о) раны себе *свобождая*  
 Приемлетъ сугубо тяжкую смертную рану  
 Видить и тую руку оу себе ис пушки оторвану

На гербъ славный и честнейшей породы Нарбёковых  
 Из градских убо Казанских врат по той руцѣ ис пушки застреляют  
 И а *от* телесе яко вѣтвь *от* древа жестоце *отрываютъ*  
 Он же во всѣх сих язвах крёпще на кони удержася  
 И всему воинству храбро явстве(н)но показася (Л. 30)  
 По том же всемъ злѣ\* ранена с победы в станы провождаютъ  
 И ц(а)реви бл(а)гочестивому о храборстве ег(о) из(ъ)являютъ  
 Бл(а)гочестивый убо ц(а)рь м(и)л(о)с(е)рд(н)о его призираетъ  
 И врачевати его со тщанием\*\* повелеваетъ  
 И многими дар(а)ми его обдаряетъ  
 И милосерд(н)о его честностью прославляетъ  
 Врачеве же раны его разумѣвъ быти смертны  
 И ко врачеванию себе возложиша смотрител(ь)ны  
 Оуразумѣша яко аще стрела *будет* из главы из(ъ)ята  
 Абие жизнь и дыхание *от* него *будетъ от(ъ)ята*  
 Оумыслиша во оце стрелу сопреди приломити  
 Созади же оной желёзо в концѣ притупити  
 И тако абие тое сотвориша  
 И оное врачевание учиниша  
 Ибо зимѣ же тогда люте належаше  
 Тѣми убо раны онъ храбрый *муж* зѣлне боляше  
 В станех убо сродные его о немъ промышление творяше  
 И врачеве его снабдевая раны врачеваше  
 И убо тогда в станехъ теплого крова не имяше  
 Дабы ему какову в болѣзни сущу *отраду* подаваше (Л. 30 об.)  
 И нѣкто *от* приятель его об немъ попечение имяше  
 О з(д)равии его промышление творяше  
 Ко упокою его в куще над огнем одрець устрояше  
 И на немъ его возложше мал огнец под одром *возгнещаше*  
 Дабы ему болну сущу раны его нагревали  
 И в тацей болѣзни по не(м) малу *отраду* подавали  
 Ему же болну сущу на ономъ одрѣ лежащу  
 И оными тяжкими раны зѣлне болящу  
 В тыя же дни паки агаряне казански(я) из града изшедъше  
 И на обоз росиискихъ ратных безвѣстне *нападше*  
 И в полцех хр(и)стианских воинство злѣ *возмятоша*  
 И сами же врази хр(и)стови явствено *падоша*  
 Росииское же воинство из обозу противу их *выѣжжаютъ*  
 Ихъ враговъ б(о)жиих аки *звѣрей* крёпще *побѣждаютъ*  
 Сродницы же онаг(о) *храбраг(о)* и сверстницы против поганых *успеваютъ*  
 И его болна суща *единого* въ станех *оставляютъ*  
 Он же *немощень* бѣше зѣло не яко себе *отчаявъ*

\* В тексте — «злѣе».

\*\* В тексте — «тщаниемъ».

На одрё оно́мъ над огнем лежавъ себѣ болна почаявъ  
 На други(й) бокъ себе нужно превращаетъ  
 И со одром онымъ во огонь безсилиемъ упадаетъ (Л. 31)  
 Его же из(ъ)яти тогда со огня иному не сушу  
 Самому же ему баше немощнѣйшу  
 Не возможе со оно́го огня себе двигнути  
 И *от* конечнаго болѣния паки избавити  
 Ему же и други(й) бокъ во огни тогда згараетъ  
 Паки сугубо болѣзнь себе прибавляетъ  
 Стрелою же раненую око  
 И раны згорѣлаго бока  
 Со *от(ъ)*ятою рукою  
 Вопиють к б(о)гу собою  
 Егда же бл(а)гочестивый росиискии ц(а)рь Иванъ Васил(ъ)евич всеа Росии  
 Прият град Казань сотворяе(т)ся варваром оным властодержецъ  
 В ц(а)рствующий град Москву с побѣдою возвращается  
 Оный же храбрый мужь Дмитрей Иванович Чювашь во свояси провождается  
 В Нового(ро)дския предѣлы вотчину свою с родными *от(ъ)*ѣзжаетъ  
 И по толицех ранах тяжких б(о)гъ вышнии ег(о) уздравляетъ  
 И *от* оно́го смертнаг(о) одра и *от* ранъ содѣтел(ъ) возставляетъ  
 И пять на десят(ъ) лѣтъ жизни ему вышнии(й) творецъ к лѣтом ево прибавляетъ  
 И чадородием его на старость обдаряетъ  
 И яко Аврааму с(ы)на в старость возставляетъ (Л. 31 об.)  
 К трем перворожд(енным) четвертаг(о) по лѣтех мнозѣх с(ы)на раждаетъ  
 Иваномъ его любезне называетъ  
 Тои же мужъ храбрый по тяжких тѣхъ ранах живъ 14 годинъ  
 И всѣхъ дней лѣтъ живота его осмьдесятъ и одинъ  
 Ко г(о)с(по)ду въ вѣчное селение и ко *отцемъ* по писанием себе преселяетъ  
 И по себѣ 4-х с(ы)новъ оныхъ Феодора и Самуила и Потапа и Ивана оставляетъ  
 Тому оубо славному и храброму мужу буди во оно́м бл(а)женстве вѣчное  
 с праведными упокоение  
 и н(е)б(е)сное вѣчное веселие  
 Нам же из него рожденнымъ наслѣдником ег(о) живымъ сущимъ во здравии  
 бл(а)годарствен(н)ое мноз(о)лѣтно о Христѣ веселие  
 И ни в чем не оскудѣние

#### На Фамилию

Домовство и род Нарбѣковых издавна славою и честию слыло  
 И поколѣнья измаильтескаго и Златой Орды в Росииское ц(а)рство прибыло  
 Во дни великаг(о) кн(я)зя Васил(и)я Васил(ъ)евича рекомаг(о) Темнаг(о)  
 росиискаг(о) самодержца  
 В Росииских странах преднии род Нарбѣковых начал умножат(ъ)ся (Л. 34)  
 Именем Багримъ мужъ честенъ онъ первый во дни оныи в Руси явися  
 И самѣм онымъ великимъ кн(я)земъ Васил(и)емъ с(вя)тымъ крещениемъ просвѣтися  
 Онъ великий кн(я)зь ему *от* купѣли с(вя)тыя бывъ восприемникомъ  
 И многому имѣнию и *отчинам* сотворяютъ ег(о) наслѣдникомъ  
 Даде ему в Нижегородскихъ предѣлахъ *отчину* село Толоконцово з д(е)р(е)внями  
 И в Володимирскихъ предѣлахъ *отчины* село Порѣчье на реки Нерли с угодыми  
 И иныя многия веси в розныхъ краяхъ мно(го)людны  
 И ни в чемъ всяцеми бл(а)гостыми нескудны

Иныя же веси и села чада его и наследницы  
 Придаша в помяновение его ко с(вя)тѣй Тро(и)це  
 И Сергию пр(е)п(о)д(о)бному чудотворцу во обител(ь) за д(у)ша их  
 Да вѣчное помяновение бывает по них  
 Потом же наследницы е(о) бывают в Новгородских предѣлах инымъ *отчинамъ* имѣтели  
 И в Бѣжецкой пятине многимъ селомъ владѣтели  
 Имянутца же тые веси и до днес(ь) прозванием онаг(о) гора Чювашева  
 И села Михайловское и Орѣхово и Коршакова  
 По лѣтахъ же многихъ тѣмъ странамъ *от* войны и *от* мору сотворис(ь) запустѣние (Л. 34 об.)  
 Та жь Нарбѣковыхъ наследницы и тѣмъ *отчинамъ* тог(о) для себя сотворяютъ улишенья  
 И вмѣсто тѣхъ во другихъ краяхъ себѣ иныхъ *отчинъ* доступаютъ  
 Тья жь Новоградская жь веси по ц(а)рьскому оуказу многимъ в помѣс(ть)я роздаваютъ  
 И дн(е)сь владымы многими славными дворяны  
 Кому тѣ *отчины* в помѣстьѣ розданы

#### Эпиграмма на завой и коруну

Навой чалмы в бусорманскихъ народехъ на главахъ носити обыкоша  
 Г(о)с(у)д(а)рьские ихъ дома тако же на завое вѣнецъ носити изящество прияша  
 (И)\* з с таког(о) суще славнаг(о) дому Оусман и Усейнъ бѣка Нарбѣковыхъ порода  
 В Росиискомъ г(о)с(у)д(а)рьствѣ служити начаша *отнюду* же многие года  
 Тымъ домовствомъ и породою себе Нарбѣковыхъ родъ познаваютьъ  
 И поистинѣ не в лож(ь) ся ими прославляютъ  
 Родъ Нарбѣковыхъ ис поколѣнья златоордынскихъ владѣтелей Усманскихъ влекомый  
 И в Росиискомъ г(о)с(у)д(а)рьствѣ посреде славныхъ знакомый  
 То являеть в роде Нарбѣковыхъ корона татарска  
 Яко род Нарбѣковыхъ издавна княж(е)ства и рода сарацынска

#### (Л. 32) На лукъ и стрѣлу

Лукъ и стрела Нарбѣковыхъ породу знаменуетъ татарску  
 Яко *от* Измайла влекому древле агарянску  
 Лукомъ и стрелою Измайла б(о)гъ его обдаряеть  
 И мужа силы его прослабляеть  
 Руки всѣхъ на него и его на всѣхъ положены быти являеть  
 И во всѣхъ странахъ родъ его и потомство розсеваеть  
 И во бл(а)гочестии хр(и)стиянства *от* корене его просвещаетъ  
 Оусейнъ бѣка и Златой Орды славна с(вя)тымъ кр(е)щениемъ прославляетъ  
 Из того дом Нарбѣковыхъ воставляетъ и прочихъ фамилии прозваниемъ умножаетъ

#### На шлемъ и на перие

Шлемъ в средине зброи являеть яко онъ храбрый мужъ издавна  
 Древле и тая броня рыцтерству *от* вѣка дана  
 Род Нарбѣковыхъ службою и храбрствомъ себя проявляетъ  
 И мужествомъ и правдою и любовию и вѣрою прославляетъ  
 В томъ знаменуетъ на враги одолѣние и крѣпость  
 И к ц(а)ремъ и г(о)с(у)д(а)ремъ росийскимъ во всемъ покорение и вѣрность  
 Все что есть в семь грѣбе прибрано (Л. 32 об.)  
 То купно в род Нарбѣковыхъ за знамение дано  
 Тыми ся знаки родъ Нарбѣковыхъ славить

\* Отсутствие из-за износа бумаги.

И до конца вѣка н(е)б(е)снаго ц(а)ря хвалить  
 И тое знамение в рати за счастье имѣя врагов побѣждает  
 И бл(а)гочестивѣйшему ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю своему вѣрно служит  
 Тья признаки яко клеиноты на персеях носятъ  
 И тыми между разумными ся возносятъ

Епиграмма на читателя

И м(у)дрымъ сему поревновати достойно  
 Понеже то коемуждо в род имети подобно  
 Аще в Росии и обычая в томъ не имѣють  
 Поне дерзнути на то не смѣють  
 И иний в том от невѣдения небл(а)говольють  
 Поне разсуждения премудра о нем не употребляютъ  
 Аще бы тое таинство поразумѣли  
 Что в том содержитъ мнози бы с радостию то имѣли  
 По сем непщую вразумитися любо восхотятъ  
 И сие воспрियाи с радостию бл(а)говольять (Л. 33)  
 И чесо бо ради кто вознешеваль непотребно  
 Да аще бы разсудиль здраво и то бы было и всем годно  
 Мордва и черемиса и прочии народи древа знаменуютъ  
 И в нашем\* мудрѣйшем народе сие чесог(о) ради не употребляютъ  
 Мудрѣиши читателю о семъ вразумися  
 И о любомудрии сего знамени умудрися  
 И сему буди любезныи рачитель  
 И от того ся имѣти буди умудритель  
 Аще кто возмнить сему быти неудобно  
 Самъ себѣ не разумѣи быти и творити неподобно  
 И аще хочещи сему вразумитися  
 Потреба от некоего м(у)дрѣйшаго умудритися  
 Идѣ же нѣкто бл(а)говолить написати  
 Сказуи праведному и приложить приимати  
 И аще и ты возмнишь вышереченному в роде оном знамени сему быти невѣрно  
 Понеже и ты сам о себѣ поразумѣти не хочещи(ь) бл(а)го и ч(е)стно  
 Ты же читателю бл(а)гии бывай бл(а)горазсудный  
 И себѣ и другу возми сие быти потребный  
 Над всѣмъ сим зачало прем(у)др(ос)ти страхъ г(о)с(по)д(и)нь (Л. 33 об.)  
 И по том по всемъ будещи б(о)гови бл(а)гоугодень  
 И аще хочещи в томъ таинство поразумѣти  
 Зри прилѣжно и разумѣвай всѣх стран сие имѣти  
 Во всѣхъ странах сие крѣпце у(по)требляютъ  
 И тьм ся к сим даров ч(е)стию про(с)лавляютъ  
 Не точию хр(и)стиянскіи народи сии возлюбиха  
 Но и поганскіи языцы и прости народи употребиша  
 Немецкіе и пол(ь)скіе и западныхъ странъ народи  
 Тое вси купно имѣють во своей породе  
 И тацами ся знаки знаменуютъ  
 Во окр(е)стныхъ странахъ познавають  
 Тому ж подобно и во время рати даютъ гасло

\* В тексте «шащем».

В этом стихотворном произведении первые пять частей посвящены подвигу одного из предков Нарбековых в Казанской войне, а три части с шестой по восьмую повествуют о том, что родоначальник Нарбековых приехал в Москву из Золотой Орды, и здесь чалма, лук и стрела упоминаются как символы рода Нарбековых татарского происхождения. Девятая и десятая части посвящены гербу Нарбековых, который был приложен к родословию Нарбековых (см. рис. 1).

Кстати, в России гербы начали употребляться аристократией со второй половины XVII в. Царь Федор издал указ в феврале 1682 г., чтобы создать гербовную книгу московской аристократии. Герб Нарбековых, который приложен к родословию, является первым оригинальным гербом, созданным русской фамилией. В этом гербе не соблюдены правила геральдики, и только подвиг предка Нарбековых в Казанской войне изображен на щите. Однако, несмотря на такое качество герба, столтник Фе-



Рис. 1. РГАДА. Ф. 181. Оп. 385. Л. 28; Бычкова 1993: 34

дор Савич Нарбеков, который составил этот герб, согласно указу царя Федора 5 марта 1682 г. был назначен думным дворянином, вероятно, в награду за этот герб [Седов 2006: 477-478].

Стихотворное произведение, возможно, составлено на основании данных родословия, поэтому его содержание мы также не можем принять как исторически достоверное, но это стихотворение, несомненно, отражает сознание членов знатной фамилии конца XVII в., которая гордилась татарским происхождением, хотя в действительности, скорее всего, ее происхождение было русским.

Если рассматривать это стихотворение с точки зрения проблемы русификации тюркской знати, очень интересно то, что в стихотворении дважды восхваляется то, что Иван Дмитриевич Нарбеков воевал за православие против мусульман, то есть врагов православия. Казанская война была одним из популярных эпизодов в разных родословиях, и, как уже доказал Я. Пеленски в своей книге, завоевание Казанского ханства было оправдано российским правительством с помощью идеологии

борьбы между христианством и исламом [Pelenski 1974]. Поэтому можно считать, что похвала Ивану Дмитриевичу как борцу за православие в этом стихотворении отражает не столько сознание Нарбековых конца XVII в., сколько литературную традицию того времени. Однако следует обратить внимание на тот факт, что даже родословие с татарским происхождением соответствовало этой традиции, т.е. Нарбековы чувствовали себя совершенными христианами.

С другой стороны, шестая и седьмая части с гордостью повествуют о происхождении родоначальника из Золотой Орды. Чалма, которая упоминается в седьмой части стихотворения и символизирует мусульманское происхождение, хорошо видна на гербе Нарбековых, приложенном к родословию. Этот герб был весьма упрощен в конце XVIII в. (см. рис. 2), но и на новом гербе сохранился рисунок чалмы, и к тому же были прибавлены рисунки лука и стрелы, которые символизировали татарское происхождение Нарбековых. Это значит, что Нарбековы продолжали гордиться своим татарским происхождением до этого времени.



Рис. 2. Общий гербовник дворянских родов. — СПб. — 1799. — Ч. IV. — С. 45; Бычкова 1993: 35

Вернемся к стихотворению. В нем можно заметить гордость фамилии, родоначальник которой был знатным тюрком и мусульманином, и в то же время уверенность в себе представителей христианской фамилии, предок которой ранен в битве против мусульман. Эти два противоречивых чувства совмещались в эпизоде с крещением родоначальника. Строфы в восьмой части стихотворения «И во благочестии христианство от корене его просвещает / Усеинъ века и Златой Орды славна святым крещением прославляше» показывают, что мусульманское происхождение было совсем не постыдным для русской знати. Другими словами, здесь мы не можем чувствовать никакой антипатии по отношению к новообращенным в православие. Конечно, лишь этого стихотворения как доказательства недостаточно, чтобы показать, что в среде российской аристократии конца XVII в. было мало неприязни к новообращенным. Но многочисленные родословия с родоначальниками из мусульман тоже подтверждают это предположение.

На фоне попыток представителей высшего общества в России вести свое происхождение от тюркской знати даже в конце XVII века, когда российское правительство относилось к мусульманской элите отрицательно, выясняется терпимость к новообращенным в православие, т.е. терпимость к инородцам с условием принятия православия. Как

уже было сказано, в конце XVII века веротерпимость в России быстро утратилась, однако можно предположить, что и в это время терпимость к крещеным инородцам не потеряна.

А. Каппелер, австрийский историк, написал относительно расширения России на Запад и на Восток до XIX в.: «Категории языка, этноса и религии играли еще в это время второстепенную роль, хотя существовали исключения в отдельные годы. Решающим элементом была политическая преданность и принадлежность к сословию» [Kappeler 1992: 95]. Родословие Нарбековых, которое ясно показывает важность принадлежности к сословию, доказывает правильность мнения Каппелера. Русская аристократия в конце XVII в. придавала большое значение не чисто русскому, а аристократическому происхождению, и важность аристократического происхождения не терялась, если предок принадлежал к верхушке мусульманского общества. Эта тенденция продолжалась и в эпоху, когда категория религии играла большую роль.

Известно, что доля новообращенных в православие среди служилых татар была гораздо больше, чем их доля среди татарских обычных людей. Одной из причин этого явления можно назвать чувство уважения русской аристократии к правящему сословию других народов и великодушие к новообращенным в православие.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Антонов А.В. (1996) Родословные росписи конца XVII в. Москва.

<sup>2</sup> Бычкова М.Е. (1975) Родословные книги XVI-XVII вв. Москва.

<sup>3</sup> Бычкова М.Е. (1993) Первый русский дворянский герб // Гербовед 4.

<sup>4</sup> Бычкова М.Е. (1998) Восточные и западные мотивы в памятниках русской генеалогии XVII в. // Россия-Восток-Запад. Москва.

<sup>5</sup> Бычкова М.Е. (2000) Что значит именно родные. Москва.

<sup>6</sup> Веселовский С.Б. (1969) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Москва.

<sup>7</sup> ДАИ: Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Санкт-Петербург. Т. VIII (1862).

<sup>8</sup> ПСЗ: Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Санкт-Петербург. Т. II (1830).

<sup>9</sup> Седов П.В. (2006) Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. Санкт-Петербург.

<sup>10</sup> Шишкин Н.И. (1991 [1891]) История города Касимова с древнейших времен. Рязань.

<sup>11</sup> Kappeler A. (1992) *Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München.

<sup>12</sup> Pelenski J. (1974) *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s)*. The Hague-Paris.

#### Аннотация

Родословия конца XVII в. содержат легенды о происхождении предков из Золотой Орды, при этом многие такие легенды были поддельны и не отражали исторические факты. Несмотря на то, что в XVII в. российское правительство издавало репрессивные указы в отношении мусульманских аристократов, некоторые аристократы стремились представить своих родоначальников выходцами из Золотой Орды.

Анализ родословия Нарбековых позволяет предположить, что дворянство в конце XVII в. придавало большее значение не фактору этнической чистоты, то есть «русскости», а аристократичности происхождения. И на фоне попыток представителей высшего общества в России вести свое происхождение от тюркской знати даже в конце XVII века, когда российское правительство относилось к мусульманской элите отрицательно, выясняется терпимость к инородцам с условием принятия православия.

**Ключевые слова:** родословие Нарбековых, русификация, тюркская знать, фальсификация.

#### Summary

Not a small number of genealogies compiled by Russian elites at the end of the 17<sup>th</sup> century include legends that their ancestors came from the Golden Horde. However, many of such legends seem to be forged, and don't reflect historical facts. On the other hand, in the same period, in the 1680s, the Russian government issued many decrees to confiscate the property of Muslim elites one after another. Why did Russian elites want to trace their own families back to Tatar elites even at the end of the 17<sup>th</sup> century, when the Russian government clearly showed a negative attitude to Tatars?

The analysis of the genealogy of the Narbekov family makes possible to assume that at the end of the 17<sup>th</sup> century a social class was the decisive element, and Russian aristocrats preferred Muslim aristocrats to Russian commoners as ancestors. And we can point to tolerance in Russian aristocratic society to recent converts, that is, tolerance to different ethnic groups with the condition of the Russian Orthodox Church as a background of compiling genealogies with Tatar-origins at the end of the 17<sup>th</sup> century. However, the genealogical source, especially the genealogy of the Narbekov family, shows that tolerance of non-Russian families accepted by the Russian Orthodox Church was not lost even in this period.

УДК 82.0; 801.6; 82.1/-9

## ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ СФЕРЫ ПЕРСОНАЖА-СУБЪЕКТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

*В.Р. Аминова, кандидат филологических наук, доцент*

Достаточно представительной «иллюстрацией» действия глубинных механизмов, определяющих универсальные и уникальные свойства каждой национальной литературы, является организация субъектной сферы в русском реализме XIX в. и в произведениях татарских писателей первой трети XX столетия. Герой обретает суверенное внутреннее пространство и понимается как «принципиально необъективируемая, внутренне бесконечная и свободная личность», которая открывается только взгляду изнутри<sup>1</sup>. Как свидетельствуют соответствующие исследования, эволюция русской прозы на уровне ее субъектного пространства состояла в поиске такой повествовательной ситуации, которая обеспечила бы вневходимости автора по отношению к герою, становящемуся принципиально нетождественным себе, не совпадающему с собой как с субъектом.

Так, аналитический реализм середины XIX в. пытается найти смысловые границы по отношению к мировоззрению и мироощущению героя – развивающегося по своим внутренним законам самочинного субъекта, обладающего объективированным характером и тайной индивидуальности. Появляется незримый вездесущий автор – демиург созданного им художественного мира, обладающий беспредельно широким знанием «внешнего» и «внутреннего». Но его возрастающее всезнание, активность в области пси-

хологического объяснения поступков, побуждений и переживаний персонажей разворачиваются в осязаемых пределах. Психологическая интроспекция не проникает во внутреннее ядро личности, ее главные тайны остаются вне прямого анализа: «Одним из признаков ограничения всевластия повествователя является отказ от объективации переживаний героя в особо значимые моменты его духовной жизни, как это часто происходит у И. Тургенева»<sup>2</sup>. В романах и повестях Л.Н. Толстого позиция вневходимости по отношению к новому типу героя – носителя самосознания – реализуется на путях слияния субъективно-личного и объективно-истинного, преодоления разделенности изображаемого и изображающего, мотивирующей статус персонажа и повествователя в прозе И.С.Тургенева. Но «самоявленность» героя, изображенного через «диалектику души», оказывается включенной в объемлющую перспективу авторского видения и не приобретает, как известно, формообразующего значения. В романах Ф.М. Достоевского художественной доминантой построения образа героя становится его самосознание, которое «нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться»<sup>3</sup>. Отсутствие надкрупной точки зрения по отношению к персонажам, самосознание которых доступно лишь диалогическому про-

никновению, затрудняет реализацию «внежизненно активного» отношения к герою в полифоническом романе. М.М. Бахтин употребляет понятие «авторской активности», которая осуществляется вне «партии» повествователя и выражается в создании особой художественной атмосферы, провоцирующей и стимулирующей диалогическое самораскрытие героев<sup>4</sup>. В.М. Маркович считает, что «главная роль в организации такой атмосферы принадлежит структурному принципу мировоззренческого спора, определяющему основу построения романов Достоевского»<sup>5</sup>.

Одним из приемов, позволяющих соединить две точки зрения – пространственную внутринаходимость автора по отношению к герою и оппозиционную ей вненаходимость, этическую и психологическую, является несобственно-прямая речь. Эта структура, отражающая взаимодействие двух ценностных и смысловых инстанций, занимает большое место в произведениях И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. М.М. Бахтин определяет данную повествовательную форму как двусубъектную конструкцию, которая лишь по формальным признакам принадлежит повествователю (рассказчику), но на самом деле в ней «смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка, два смысловых и ценностных кругозора»<sup>6</sup>. В.Н. Волошинов трактует несобственно-прямую речь как способ ассимиляции чужой речи авторскому контексту, стилистический прием, с которым связан феномен «речевой интерференции» – «слияние двух интонационно разнонаправленных речей»<sup>7</sup>. Полемизируя с В.Н. Волошиновым, В. Шмид рассматривает несобственно-прямую речь как явление не речевой, а текстовой интерференции: «Модель текстовой интерференции не предусматривает какого-либо определенного ценностного отношения интерферирующих текстов. Как

предельный случай она допускает и полное оценочное совпадение обоих текстов. Речевая же интерференция у Волошинова предполагает «интонационную», т.е. оценочную разнонаправленность слиющихся речей»<sup>8</sup>.

В татарской прозе складывается иная концепция повествования, которая оспаривает право автора «быть вне жизни и завершать ее», подразумевает «глубокое недоверие ко всякой вне-находимости», которую Бахтин сравнивает с «имманентизацией Бога»<sup>9</sup>. Автор, как правило, не отделяет себя от героя, прислушивается к его слову, дает ему возможность переживать, думать, говорить до конца, зачастую даже заменяя себя им. Формы авторского и персонажного присутствия зачастую не являются иерархически разграниченными, они тесно взаимосвязаны и направлены к созданию органически стянутого внутри себя повествования как концептуального самораскрытия и самоосмысления происходящего. Формируются такие субъектные формы, основой которых становится не аналитическое различие «я» и «другого», а «нераздельность и неслиянность» (С.Н. Бройтман) автора и героя, некая межсубъектная по своей природе целостность. Подобная архитектуроника эстетического объекта обусловлена особенностями развития личного начала, характером соотношения субъектных сфер «я» и «другого», автора и героя в татарской литературе указанного периода. Если использовать категории «личного» и «общего», то следует признать, что между героем и автором возникает некоторая близость на фоне общего – близость в области психологического пространства, которое принадлежит «я» и «другому» в той мере, в какой они одинаково причастны Богу и миру. Единичное, психологически конкретное событие подается как актуальная форма единого, потенциально бесконечного. Между явлениями разных смысловых рядов, поставленных не в подчинительные, а в сочинительные отношения, устанав-

ливается экзистенциальный принцип «взаимопроникновения».

В татарской прозе изучаемого периода авторская речь не размывает границ, отделяющих ее от речи персонажей. В то же время речь персонажей не отграничена от авторской принципиально чуждым ей фразеологическим и экспрессивно-стилистическим колоритом. При создании сферы персонажа-субъекта писатели используют такие конструкции, которые по преимуществу одноакцентны и исключают интерферирование разнонаправленных смысловых и ценностных интенций. Сближение субъектных планов автора и героя обнаруживается в таких формах воспроизведения внутренней жизни персонажа, как психологическое описание и повествование с отчетливо выраженной тенденцией передать предметно-тематическое содержание психологического процесса.

В рассказе Ш.Камала «Шәкерт» («Шакирд», 1910) изображается кризис мировосприятия, который переживает шакирд Гумер, усомнившись в готовых суждениях, идеологических шаблонах, принятых в его среде. На вопрос землемера, кем он выйдет из медресе, Гумер гордо отвечает: «Без галим булыр өчен генә укыйбыз! Нәрсәгә безгә права?»<sup>10</sup>. «Мы учимся только ради образования. К чему нам какие-то там права?»<sup>11</sup>. Убеждения героя проверяются не соответствием высшей истине, а практической ценностью – эффективностью по отношению к чужой психологии.

Реакция собеседника, отражающая иной тип жизнеотношения («Ә-ә-ә... шулаймыни! – диде һәм аның бу сүзе Гомәргә, истиһза кебек тоелды» [39]. «А-а-а... так вот оно что! – сказал землемер, испытующе заглядывая Гумеру в глаза» [21]), ввергает шакирда в новое для него душевное состояние. Акцентированы внутренняя точка зрения персонажа, его отношение к собственным представлениям о ценностях. Но переживаемая им драма разочарования и сомнения в своей правоте является

предметом авторского слова: «Бөтен юл буе һәм өйгә кайткач, Гомәрнең колагында һаман шул, «ә-ә-ә...» дигән тавыш мәшһум вә кайгылы бер безелте белән чыңламакта иде» [39]. «Всю дорогу до деревни и потом уже у себя дома в ушах Гумера звучало это «а-а-а...», вселяя в душу сомнение и тоску» [21]. Динамика внутренней жизни героя предстает в обобщенно-систематизированном виде. Кратко и определенно обозначена основная психо-эмоциональная ситуация, лежащая в основе эпизода, – грусть, тревога, тоска. Субъективная активность автора проявляется в словесном оформлении сложных, противоречивых движений души, неясных для самого героя, неосознаваемых им порывов, в которых ощущается иррациональная глубина, смутный намек на коллизию метафизического порядка. Например: «Ул байтак вакыттан сон, бүлмәсенә кереп чишенде. Икенче бүлмәдән әткәсенә «әләм нәшрәк ләкә сәдрәк...» дип озайтып-озайтып Корьән укыган тавышы ишетелә: ул ястү намазы укый иде. Гомәрнең колагына тәсадефи кереп калган мәшһум бер нота аның күңелендә шул хәтле шигъриятсез бер эч йошу тудырган, хәзер аның күңелен «әләм нәшрәк ләкә сәдрәк...» аяте дә ача алмый, юата алмый иде...» [40]. «Он ушел в дом и разделся. Из соседней комнаты доносилось: «Әлләм нәшәрәк ләкә сәдрәк...». Это отец читал длинную вечернюю молитву, призывающую правоверных к отдыху. Однако запавшая в душу Гумера тоскливая нота не давала забыться. Даже прекрасная молитва была не в силах утешить его...» [21].

Вместе с тем в системе повествования от третьего лица воссоздаются особенности мироощущения героя. В сознании Гумера позиция землемера отождествляется со взглядом других людей и растворяется во всем окружающем: в деревьях, ветряных мельницах, деревенских домиках, – ставших субъектами речи и наделенных одинаковым эмоционально-волевым

тоном: «Хәзер бакчада утырган чагында да һәммә нәрсә: кырдан кайтучылар, көлтә белән килүчеләр вә башкаларның һәммәсеннән аның колагына һаман шул «ә-ә-ә...» дигән тавышлар килеп аны үчекли, газапый иделәр. Бервакыт кояш баеп, урталык карангылана башлады, урам тын булып калды. Ләкин урам буйлап, хыялы рәвештә, тынсыз, хәрәкәтсез озаеп торган зур таллар, тау башында күнелсез рәвештә башларын салып, дырган жил тегермәннәре, авылның салам башлы, кечкенә тәрәзәле өйләре, гүя ки, һәммәсә дә «ә-ә-ә...» дип озайтып, шул ук эч пошыргыч көйне сузалар» [39]. «Вот и теперь он сидит в палисаднике, и в смехе крестьян, возвращавшихся с поля, и в разговоре людей ему слышится это «а-а-а...», оно дразнит и мучает его. Зашло солнце, на улицах деревни стало сумрачно и тихо. А ему все кажется, что неподвижные высокие ивы вдоль улиц, ветряные мельницы, понурившиеся на горе, и все деревенские домики, крытые соломой, с низкими окошками – все в один голос тянут это ненавистное «а-а-а...»» [21]. Ненавистные звуки, теряя локальный и временный характер, заполняют собой все пространство и оказываются равнопротяженными потоку переживаний. Для Гумера они становятся агрессивно злой силой, разрушающей гармонически организованную реальность: «Кайдадыр «Башка килгән уйларым»... дип башланган күнелле генә бер көй дә жырланган төсле була, ләкин әлегә эч пошыргыч вә бер дә тукталмый чыңлаган «ә-ә-ә»ләр тегене буа, ишеттерми иделәр...» [39–40]. «Где-то словно слышится еще веселая мелодия из «Мыслей, приходящих мне в голову», но непрекращающаяся «а-а-а...» душит и заглушает эту славную мелодию» [21].

В прозаических произведениях этого периода намечается и другая тенденция – преодоление границы, отделяющей авторскую речь от речи персонажей. В психологическую интроспекцию, осуществляемую повес-

тователем, вводятся элементы речи, характерные для героя-субъекта, сохраняющие специфичный для «чужого» высказывания стилистический облик. В творчестве Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала и др. появляется прием психологизма, тяготеющий к потоку сознания – повествовательной структуре, промежуточной между самораскрытием персонажа и изображением динамики его внутренней жизни извне, с точки зрения безличного повествователя<sup>12</sup>.

В рассказе Ш.Камала «Козгыннар оясында» («В «вороньем гнезде») воспроизводятся структура и функционирование психического процесса: полуосознанное ассоциативное течение мыслей и образов, эмоциональный тон, воспоминания, воображаемые сцены, интуитивные порывы и т.д. Психологическому повествованию «со стороны» оказывается доступным душевное состояние, отмеченное признаками глубочайшей самоуглубленности. Преодолевая защитные барьеры чужого сознания, писатель фиксирует момент погружения героини в сон и сопровождающий его выход за пределы эмпирической реальности и рационального миропонимания: «Аның фикер, уйлары бер яктан тупас желләр белән багланып, икенче яктан йомшак карларга күмелгән кебек булды, – артык уйларга, фикер итәргә өлгөрә алмады, бер төрле йомшак, ягымлы дулкыннарда чорналып әллә кайларга китте...» [66]. «Мысли ее были как-то скованы, будто их стянули грубой бечевой; постепенно, однако, они как будто погрузились в мягкий, рыхлый снег. Марьям не успела больше ни о чем подумать – окунувшись в какие-то мягкие, приятные волны, она унеслась неведомо куда» [42]. При переходе от бодрствования ко сну, и наоборот, внимание сосредоточивается на зрительных и слуховых впечатлениях. Вначале Марьям слышит ход часов, доносившиеся из казармы грубые выкрики игроков и приятную музыку: у директора в доме играли на рояле. Ког-

да она проснулась, в казарме было темно и тихо, свет луны проникал сквозь щели в стене и лежал белыми полосками на земляном полу, смолкли и грубые выкрики игроков, и нежные звуки рояля, гнетущее однообразие ночного мира нарушал лишь ход часов.

Из всего континуума непосредственных ощущений отбираются, выделяются и акцентируются те элементы внешнего и внутреннего опыта, в которых проявляется своеобразие индивидуальной реакции человека на окружающую действительность. Марьям уловила звук, похожий на плач, затем, увидев в доме муллы тусклый свет, поняла, что это жена муллы напевает, укачивая ребенка. Это случайное впечатление в настоящем пробуждает память и влечет за собой ассоциативную цепь эпизодов прошлого, исполненных глубокого драматизма: «Бервакыт үзенен ана булганлыгы исенә төште. Дүрт яшен тутырып үлгән тулы янаклы, күк күзле Фәридәсе аның күз алдына килде. Бервакыт ул үзе дә шулай төн урталарында көйләп-көйләп Фәридәне тирбәтә иде. Фәридә бик тере иде. Тиз үк йөри башлап, сөйләргә дә бик остарган иде. Ул әнкәсен бик сөя иде. <...> аның күз алдына, дүрт яшьлек Фәридәнең кызыл мендәр өстендә авырып яткан күренеше килә... Аның төсе сулган, күзләре нурсыз, йөзе кыйшайган, ул үлем белән тартыша...» [67]. «Ей припомнилось время, когда она была матерью; увидела свою толстошекую, голубоглазую Фариду. Девочка умерла, когда ей исполнилось четыре года. Марьям вот так же, напевая, по ночам укачивала ребенка. Фаридка была подвижной девчуркой. Очень скоро начала ходить и уже неплохо говорила. Она очень любила свою маму. <...> И вдруг Марьям увидела свою Фариду больной, на красной подушке. Изнуренная, похудевшая, с померкшими глазами, с перекошенным личиком, она боролась со смертью» [43]. Заново переживая смерть дочери, Марьям мучительно страдает: «Бу күренеш аның хыялларын эллә кайда туздыра, аның

күкрәге кысыла башлый. Ул торып утыра. Башка нәрсә уйларга тырыша, булдыра алмый» [67]. «Эта картина тотчас прогнала все прекрасные мечты Марьям. В груди стало больно. Возмущенная, она приподнялась и села на кровати. Попробовала думать о другом, но не могла» [43].

В едином эмоциональном потоке сливаются бытовые, психологические реалии, образы, возникающие в воображении, воспоминания. В глубине различий характеров и судеб обитателей казармы Марьям прозревает черты родства, общности, объединяющие этих разных людей: «Кичә мулла хатыны белән чәй эчкәнлегә күңеленә килә. Аны үзенең яшь вакыттагы бер тиндәш дусына ошата... Мулла хатынының шахтерларның бозыкчыларынан зарланулары исенә төшә. Моннан соң бервакыт Хәлил белән Габделхәйнең исереп кыйнашулары, Габделхәйнең Хәлил өстенә кайнаган чәйнек бәрүе, Насрый аңар ачуланып сугып күз төбен шешендергәнлегә күз алдына килә. Актыгында аның күз алдында һаман шушы күренешләр әйләнә башлый. Гүя ки алар туктаусыз кыйнашалар, кычкырышалар, елашалар...» [68]. «Вот она вчера пила чай у жены муллы. Та похожа на подругу ее юности. Жена муллы жаловалась на испорченность шахтеров. Припомнилось, как однажды Халиль и Габдельхай напились и подрались. Габдельхай опрокинул на собутыльника кипящий чайник, а Насрый, рассердившись, ударил Габдельхай в глаз. И пошли мелькать все те же картины драк, мордобоя, как будто люди только тем и заняты всю жизнь, что дерутся, орут, ругаются, плачут...» [43]. Бессмысленная жестокость шахтеров, поступками которых управляют подспудные темные инстинкты, их лютые нравы, дикий быт, атмосфера взаимной ненависти и презрения – во всем этом угадывается действие враждебных человеку жизненных стихий. В состоянии полусна-полубреда происходит интуитивное постижение неподвластной воле и разуму людей ха-

отичности бытия и предопределенного его трагизма человеческого существования.

В безличном повествовании встречаются выделяющиеся своим эмоциональным и интонационным строем немногочисленные вкрапления речи действующего лица. Например, вспомнив наказ мужа запереть дверь изнутри, Марьям вначале обеспокоилась: при желании ее легко можно было открыть снаружи, но потом подумала: «Ләкин кем ачачак? Кемгә кирәк ул?» [67]. «Однако кто откроет дверь? Кому это нужно?» [42]. В пределах одного высказывания, принадлежащего одновременно и герою, и повествователю, совмещаются различные речевые манеры и смысловые кругозоры. Но подобные вопросы и восклицания не берутся в кавычки, потому что, как объясняет В.Н. Волошинов, в них преобладает авторская активность: «Здесь выступает сам автор, но выступает от лица героя, как бы ведет за него слово»<sup>13</sup>. В авторский текст входит и прямая внутренняя речь персонажа, свидетельствующая о неполном поглощении словом повествователя чужой дискурсии и выполняющая изобразительно-выразительную функцию. Например: «Кяшки ул гомерле булган булса һәм аны сөя торган тәүфыйклы гына бер кияүгә барган булса, аларны күрү нихәтле жан рәхәте булып иде...» [67]. «Ах, если бы она была жива, да нашелся бы человек, который полюбил бы ее! Какая это была бы радость!» [43]. В этой фразе запечатлено «предельное» движение души – порыв к переживанию некоего единства с миром, согласия, родства с ним.

Злая шутка Садрыя, выставившего себя любовником Марьям, приводит к разладу в семье. Изгнанная Госманом, поверившим в клевету, Марьям переживает сильное потрясение. Нигде и ни у кого она не находит укрытия, защиты, спасения. Ценностная экспрессия героини и ее интенция, не будучи выраженными в слове, формируют текст не прямо, а отраженно: вызывают

усиление психологической интроспекции, изнутри влияют на слово субъекта речи, пронизывая его своими интонациями, своим чувственным опытом: «Ул көне буе йөдәп чыкты. Башын кая куярга белми, бер ята, бер утыра һәм һаман суккалана иде. Аның баш мие шул хәтле чуалган, ул бернәрсә дә рәтләп уйлый алмый иде. Оят, хурлык һәм бик нык жәберләнү хисе, ут ялкыны кебек аның йөрәгенә һөжүм итә, яндыра иде. Ул, жиргә йөз өстенә капланып, бик озак елады. Елаган саен аның ярсуланыуы көчәеп, күкрәген жиргә ныграк басарга тырыша, гүя ки йөрәгенә тоташкан ялкынар жиргә ышкылып бер аз басылган шикелле була иде. Ул үзенең башкалар тарафыннан хурлану, мыскыллануга, бигрәк тә картының ачулануына йөрәге әрнеп елый иде. Картның азау тешләрен күрендереп: «Чык! Күземә күренмә!» дигән сүзен исенә төшерә дә тагын да жиргә капланып, ярсуланырга керешә иде» [71]. «Она мучилась целый день, не знала, куда девать себя, – ложилась, вновь вставала, металась без конца. Мысли ее до того запутались, что она ни до чего толком не могла додуматься. Она чувствовала себя опозоренной, униженной до последней степени. Чувство стыда и оскорбленного достоинства терзали ее душу. Она долго плакала, уткнувшись лицом в землю. И чем больше плакала, тем больше жгла ее обида. Стараясь уменьшить эту боль, она изо всех сил прижималась грудью к земле, как будто пламя, пылавшее в груди, от этого могло уменьшиться. Стоило ей вспомнить, как старик закричал ей: «Вон отсюда!» – как обида вспыхивала с новой силой, и она принималась рыдать еще сильнее» [46].

Точка зрения повествователя не отграничена ни от точки зрения героини, ни от деталей природного мира. Субъектами речи, видения, оценки становятся серебристые облака, скользящие по небу; сочувствием наделяются звезды, глядящие на Марьям с высоты. Эмоции обиды, стыда, унижения и причиняемая ими боль иррадируют

из сознания персонажа, где они сосредоточены, на все окружающее: формируется универсальная, значимая для героини астрально-космическая субъективность. Эта стихия синкретична: она является одновременно и внутренним состоянием человека и внеположна по отношению к нему. В этом смысловом пространстве господствует представление о некоем верховном законе, которому подчиняется все сущее. В его логике нет безусловной справедливости, понятной разуму и нравственному чувству, но есть сила объективных обстоятельств, есть намек на скрытый в происходящих событиях целесообразный смысл, по сути равнозначный тайне бытия.

Судьба в произведении «говорит» косвенно, символически, через язык своих субститутов, подчеркивая безнадежность положения человека в мире, трагичность его жребия. «Голос» Марьям внутринаходим по отношению к этому слову, хотя и неслиянен с ним. Оставаясь внутри ситуации, повествователь освещает ее и извне. Признание зависимости человека от внеположной ему реальности углубляется пониманием современности как кризисного этапа национальной истории, характеризующегося выпадением отдельного «я» из единой мировой связи – людей, обычаев, традиций, отношений, естественного порядка жизни, процессом, неизбежно сопровождающимся роковыми последствиями.

Причастность автора к внутреннему миру героя, его мыслям и чувствам репрезентирует и такая форма моделирования сферы персонажа-субъекта, как «замещенная прямая речь» (В.Н. Волошинов). Она «предполагает одинаковую направленность интонаций как авторской, так и замещаемой (возможной, должной) речи героя»<sup>14</sup>.

В рассказе Ф. Валиева «Көймәдә» («В лодке», 1918) герои показаны в момент переживания первой чистой любви, в счастливые минуты максимального подъема и расцвета их жизненных сил. Ханиф, влюбленный

в Амину, произносит длинные монологи, определяющие, описывающие, объясняющие его душевное состояние. Герой воссоздает историю своего чувства («Шул көннәрдән бирле йөрәгемнен уң як битенә язылып килгән мәгънәләргә мин хәзер укыйм, хәзер кабатлыйм, ятлыймын. Мин шунда ук йомшак, көчсез идем. Син бала чагында ук минем ихтыярымны үз кулында уйната иден»<sup>15</sup>); указывает на существенные свойства своей натуры («Мин бик яшьтән үк сүзгә саран, уйга бай, көлөргә ялкау, еларга уңган идем» [214]); наконец признается в самом сокровенном («Минем эчем үзе бер дөнья – уй дөнъясы. Андагы уйлар, андагы серләр үзем белән Тәңремнән башканың һичберенә белдерелмәгән, менә бүген шушы ямьле Ак Иделнең киң битендә, тынлыкта, алдымда балалык дустымны күргәч үземдә бер батырлык сизеп, бар серләремне күңел хәзинәмнән бушатамын, коясым килә. Әминә жаным, тумыштан дустым, сөеклем! Минем, бар сүзем ике-өч кенә сүз белән бетә торган кыска сүз, ләкин кыйммәт сүз, авыр сүз... Мин сине сөям, жаным» [215]). Словесной реальностью переживаний, связанных с миром идеальных ценностей, становятся романтико-поэтические речевые формы. Романтическая фразеология и экспрессия из прямой речи персонажа переходят в авторское повествование.

Точка зрения повествователя сливается с ракурсом восприятия героя в изображении внешнего облика Амины: «Әминәнең кул белән сызып куйган кебек кара кашы, озын керфекләр арасыннан күккә карап торган уенчак, уйчан күзләре, пешкән алма кебек тулы һәм алсу йөзә, ал гөл чәчәге кебек селкенер-селкенмәс торган иреннәре, иң очы гына бер нокта белән беткән кечкенә ияге Хәнифнең карашларын тутырдылар» [216]. Оценочные, идеализирующие эпитеты и сравнения, передающие восхищение красотой героини, размывают границы между субъектными сферами, образуя единое «поле» лирического напряжения.

Совпадение двух ценностных экспрессий и интенций – авторской и персонажной – обнаруживают картины гармоничной, умиротворенной природы. Пространственная позиция повествователя, создающего живописный образ внешнего мира, приближается к ракурсу видения влюбленных, вначале находящихся на берегу, затем плывущих на лодке: «Икенде вакыты житте. Кояш әкрэн генә йөзеп агач башларына ышыклана башлады, һава тымылды. Агач башлары арган кебек бер тынычлык көтә башладылар. Тугайда хуш ис бөркелде. Үләннәр, чәчәкләр салмак кына башларын көнбатышка иделәр. <...> Кояшның яфраклар арасынан челтәрләнәп төшкән соңгы нурлары су өстендә алтын кебек җемелдиләр. Офыктагы кояш батканда калка торган болытлар ярты кызыл, ярты кара булып тын гына торалар. Зәңгәр күк карасуланьп китте. Тугайда төрле кошларның җырлары башланды. Ак көймә дә, өстендәге бәхетле кешеләрнең күңеле булсын өчен кебек, тирбәлә-тирбәлә йөзеп китте» [217]. Перечисленные предметы включены в зрительную перспективу героев и окрашены их эмоциональным настроением.

В один пространственно-смысловый ряд поставлены и вовлечены в совместное переживание экстатического любовного чувства Ханиф и Амина, солнце, ветер, цветы, бабочки и т.д.: «Кояш жылы, йомшак нурларын аларның өстенә сирпедә, жиләс жилләр курка-курка гына исеп киттеләр. Чәчәкләр, үләннәр әкрэн генә башларын иделәр, агач яфраклары колактан колакка гына лыгырдаша башладылар, чуар күбәләкләр жилбер-жилбер генә очып тамаша кылдылар – бөтен табигать кушылган ике вәжүднәң шатлыгында уртақ иде» [216–217]. Поэтический строй чувств сливается с прелестью окружающего мира. Природные феномены воспроизводятся в неразрывной связи с фактами внутренней жизни персонажей и выступают как реально-непосредственные участники происходящего.

Присутствующие в авторском тексте пейзажные мотивы вводятся в кругозор героя, в контекст его сознания в обращении Ханифа к природно-космическим стихиям: «Әй матур кояш, син бүген минем бәхетемә туган идең. Иртәгә дә шулай ачык туарсың микән? Әй матур, киң тугай, син бүген куеныңда минем беренче мәхәббәтемә жылы урын бирден. Иртәгә дә шулай кабул итәрсен микән? Пакь су, Ак Идел, син бүген мине һәм сөйгәнәмне өстендә тирбәттен. Моннан соң да шулай иркәләрсен микән? – дип, Хәниф уйлана-уйлана башын тотты да, көнбатышка карап, жансыз кебек катып калды» [218]. Это вопрошание сил бытия, построенное на ритмико-синтаксическом параллелизме, передающем нарастающее эмоциональное волнение субъекта речи, акцентирует структурообразующую роль исходной внутренней точки зрения. Герой, находящийся внутри бытийной ситуации, сомневается в возможности еще раз испытать подобное – обрести гармоническую полноту и радость бытия, достичь стройной соразмерности и сообразности индивидуально-человеческого и вселенского, единичного и единого. Повествователь, занимая в финале рассказа позицию созерцательной отстраненности, констатирует, что недобрые предчувствия Ханифа сбылись: больше такого счастливого дня в его жизни не было. Предшествующая этому итоговому суждению пейзажная зарисовка проясняет мысль о невозможности остановить прекрасное мгновение любви, ее хрупкости и ненадежности, беззащитности перед негативно-деструктивными жизненными процессами. Первая любовь Ханифа исчезла, «растворилась» в темноте ночи – неуловимом и бессвязном потоке бытия: «Кояшның соңгы кызыллыклары да таралып беттеләр. Киң тугай һәм агачлар, «исән бул инде» дигән кебек, баш иделәр дә карангылыкка чумдылар. Сулар да, кара төскә буялып, тын да алмыйча агып киттеләр. Хәнифнең беренче мәхәббәте дә шул

кояш, шул агачлар, шул сулар белән бергә карангылыкка кереп югалды, тынды, агып китте» [218].

Как и в русской литературе, отождествление позиций персонажа и повествователя происходит в ситуациях контакта индивидуального сознания с тайнами любви, красоты, природы, когда отдельная человеческая душа приобщается к универсальному и вечному<sup>16</sup>. Но в повествование легко и свободно входит не внутренняя речь действующего лица, субъективирующая и окрашивающая в тона героя авторское слово, как в произведениях Тургенева, Толстого, Достоевского, а темы, интонации, акценты, специфичные для высказываний персонажей, поэтому авторский текст прямо и непосредственно выражает их смысловые и экспрессивные интенции.

Рассмотрим пример: «Су өсте көмеш төсле, тигез, уенчак. Иртәнге чык тамчыларыннан жыелган төсле, пакь һәм саф. Су өстендә нур уйный, нур коена иде. Яр читендә күзгә ике дөнья күренә: берсе – жир өстендәге табигый дөнья, икенчесе – шул өстәге дөнъяның судагы шәүләсе, хыялый дөнья. Бу ике дөнъяның күкләре, кояшлары, бер-берсенә каршы тора, агачлары, ярлары, манаралары тискәре торалар. Боларның астагысы тагы да матуррак. Тагы да уенчанрак. Ансы хыялыйрак, тирәнрәк. Су өстендәге көймә дә өске дөнъядан астагы йомшак, хыялый дөнъяга кичүдән чыгып бара кебек. Бер жиргә дә тимәгән кебек бара. Көймә йомшак кына йөзә, тирбәлә. Артыннан жанлы бер эз озая, кинәя. Аның күкрәге тын су өстен кисеп бара. Сулар аның күкрәге турысында лыгыр-лыгыр уйный» [212]. Формально эти впечатления «ничьи», но по существу они характеризуют внутренний мир Ханифа – идеалиста-мечтателя, устремленного за пределы наличного и данного. Сознание героя, стоящего на пороге двойного бытия, реального и отраженного, фиксирует их разграниченность. Природный мир, повторяясь в зеркале воды, не утрачи-

вает свою привлекательность, но выходит из-под власти физических законов и обретает иное измерение, существует по правилам обратной проекции. В таинственной водной глубине скрывается другой мир, доступный «внутреннему видению», имагинативный и в то же время воспринимаемый сенсорно (он прекрасен, обладает мягкой, пассивно-женственной природой и т.д.). Таким образом, создается ощущение неисчерпаемости бытия, многообразия его сфер, имеющих различные свойства и разную ценность.

В контексте этой смысловой перспективы компаративный план мотива лодочной прогулки – путешествия из одного пространства в другое, перехода от «здесь» к «там» – трансформируется в бытийный. Другой берег Волги становится топосом, в котором совершается катарсическое преображение души, выходящей за пределы земной жизни в область абсолютного, вечного, потустороннего. Экзистенциальная интенсивность переживаний проявляется в виде пульсации, энергетически соединяющей человека с землей и небом: «Сөюләр иң зур бәхет дип йөргән Хәниф бу минутта үзенә сөлгәнлеген белде. Бу минутта ул үзенә Ак Идел буенда тугайдамы әллә түгелме, жирдәме әллә күктәме, бу дөнъядамы әллә оҗмахтамы икәннен белми иде. Тик ул кочагындагы фәрештәнең үзе белән бер вәжүд булганын теләп күкрәгенә кыса, ул да аңа сыенганнан-сыена. Үз ирке белән кысылганнан-кысыла бара иде» [217]. Состояние любовного экстаза, сопровождающееся утратой земной идентичности, трансцендированием и метаморфозой, раскрывается в своих общеродовых чертах, сверхличной душевно-духовной субстанции. Повествователь свободно «проникает» во внутренний мир персонажа, ставя себя на его место, судит о «другом» по аналогии с самим собой, опираясь на свой опыт.

В текст повествователя входят категории мышления героя, его точка зрения, субъективная оценка собы-

тий. Одна из тем монолога Ханифа, обращенного к Амине, – невыразимость словом потока душевной жизни человека, захваченного любовным чувством: «Минем күңелемдә тагы дөнъялар кадәр сина әйтәчәк сүзләрем бар. Ләкин мин аларны синең алдында шома, тигез чыгара алмыйм. Ул сүзләр минем телемнән бигрәк күңелемдә күп сөйләнәләр. Аларны мин ни хәтле чибәрләр әйтергә тырышсам да, синең күз карашың минем телемне кормый, буталдыра. Әй, Әминәкәем бәгрәм, минем күңелемне син белә алмыйсың. Мин дә белдереп бетерә алмыйм» [215]. Речь изображающего субъекта подчиняется логике и критериям самосознания персонажа. В своих рассуждениях автор исходит из признания неподвластности явлений психически-экзистенциальной сферы каким-либо дискурсивным определением: «Шул яну, шул күңеленең тел белән әйтеп булмый торган бер көч астында изелүе...» [213].

Субъектно-речевые структуры героя и автора объединяет и тема счастья. Ханиф признается, что высокая и чистая любовь дает ему подлинное счастье: «Мин бүген нинди бәхетле, нинди ирекле. Ярдан ярга, таудан тауга сузылган Ак Идел мине өстендә уйната, тирбәтә. Менә алдымда тезелгән агачлар, камышлар, хуш исле гөлләр, чөчәкләр мина баш ияләр, каршы ала-лар, энә чалт күкнән нәкъ бәгырендәге нур бәйләме миңа нур бирә. <...> мин бәхетле, Әминәм, мин шат. Минем шатлыгым син, бәхетем син, чөнки мин сине күк мөхәббәте белән сөям...» [215]. Данное ценностное морально-этическое понятие становится центральным в замещенной прямой речи. С его помощью определяется полнота витальной самореализации любящего человека, состояние которого ассоциируется с «горением», символизирующим человеческую жизнь, обладающую высоким духовным смыслом: «Бу минутта Хәниф бәхетле иде. Ул үзенен иң зур теләгенә иреште. Ул Әминәне сөя, сөя генә түгел, аның өчен ул үлө,

яна иде. <...> Сөю зур бәхет. Шунуң өчен Хәниф бәхетле. Ул үзенә риза» [213].

Стилистически и по смыслу к прямым внешним монологам героя примыкает риторическая речь повествователя, характеризующего то преобразование души, которое вызвано первой любовью и связанными с ней переживаниями – высокими, целомудренными и святыми: «Аның дөнъяның ялганын татымаган яшь беренче мөхәббәте Әминәгә кунган, аны пакь күңел үзенә кәгъбә иткән, шуңа юнәлгән. Әминәнең бер карашы аны үтерә, тергезә. Аның бер сүзе Хәнифкә вәхи: Хәниф, ул сүзгә күңеле уйлый алган мәгънәләр биреп, соңыннан йә шатлыгыннан яна, йә кайгысыннан көя. Хәниф өчен Әминә матур, бар матур Әминә генә, Әминә сөекле кыз, бар сөекле Әминә генә. Хәнифнең яшь күңелен жазибәле Әминә үзенә бәйләгән. Тәжрибәсез күңел бу гүзәллек ханына бирелгән, табынган иде» [213]. Обнажая сокровенное, проникая в глубины внутренней жизни персонажа, автор обнаруживает в индивидуально-неповторимых, единичных фактах его душевной биографии всеобщее, универсальное начало. Авторское повествование приближается к «лирической концентрации» (Т.И. Сильман) и приобретает свойства, присущие лирическому типу художественности, – углубление интроспекции, обобщенное изображение эмоций героя, объективация его душевного опыта.

Речь изображающего субъекта получает патетическую эмоционально-оценочную окраску в обращении к молодой неопытной душе: «Әй, яшь күңел, син нинди кызык! Син нинди жинел алданасың: бер көлеп карау сине тетрәтә, каушата, риялы бер елмаю синең барлык көченә үзәннән ала. Син нинди телесен: үзәннең хәятыннан мәгънәсез жилгә жилбердәгән ике кызыл яфрак өчен аерылырга хәзерсен. Шунуң өчен ничә иптәш вә кардәшләрәннең хәятын фида итүдән

дә тартынмыйсың, оялмыйсың, вакытлы бер мэхэббэт, тиле гыйшык ялкынына кол булган тәҗрибәсез, башсыз, яшь күнел! Уйна әйдә, ашкын. Сине берәү дә тыя алмый, баш юк сина, син ирекле, шаянсын» [213]. Цитированный отрывок – кульминационная точка лирического подъема. В этом прямом и открытом выражении личной взволнованности и личного чувства, высказывании суждений, имеющих мировоззренческий смысл, отсутствует индивидуальная психологическая характеристика, но есть некая общеобязательность. Она универсализирует изображаемую ситуацию, возводя ее к общечеловеческим коллизиям и освобождая от индивидуальной определенности и эмпирической конкретности. Лирическая риторика облекается в формы, родственные стиховым. Эмоционально-оценочной активности повествователя сопутствует ритмическая организация его речи. Впечатление заинтересованности, участия автора в судьбе героя, взволнованно лирического отношения к нему создают риторические восклицания, обращения, разнотипные повторы и др.

Итак, возникающая в рассказе система «сообщающихся» субъектных сфер приводит к разрыву эпической ткани повествования и формированию лирических структур. Мощная стихия лиризма обуславливает выход за пределы эмпирического содержания образов и сюжета, порождает расширение и углубление их смысла, поддерживая и усиливая обобщенно-иносказательную тенденцию, действующую в художественном мире произведения. Выделенные принципы и способы приближения к «внутренней» точке зрения персонажа можно заметить в прозе Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки, Г. Рахима и др. Перед нами – закономерность, проявляющаяся в разных творческих ситуациях и объединяющая далеких друг от друга писателей.

Возникают структуры, предполагающие одновременное существование и совпадение двух инстанций:

внутренней (пребывающей в ситуации действующего лица) и внешней (вне находящего и внежизненно активного наблюдателя). Так, в произведениях Ф. Амирхана, М. Гафури, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки и др. объективный мир изображается согласно формам его восприятия и осмысления героями. Например, роман «Молодые сердца» захвачен стихией исповедального слова. Повествование ведется с точки зрения Зыи, Марьям и других героев. Изображаемый мир выглядит таким, каким воспринимают его персонажи. На авторскую речь накладывает отпечаток их душевное состояние. Персонажное мировидение и мировоссоздание становится основной формой повествования в «Урталыкта» Ф. Амирхана, «Черноликих» М. Гафури. Субъектно-персонажное воспроизведение и интерпретация происходящего доминируют и в романе Г. Исхаки «Нищенка». Даже в том случае, когда субъект речи – объективный повествователь, его слово довольно быстро склоняется к эмотивной непосредственности персонажа, передает то, что он видит, чувствует, знает. Создается впечатление сиюминутности происходящего, его личностности воспринимаемости и значимости.

Взаимопроникновение объективного авторского изложения и глубоко личных экспрессивных форм речи и сознания действующих лиц определяет все особенности повествования в прозе татарских писателей этого периода: организацию пространственно-временных отношений; принципы и приемы психологического изображения, ритмико-интонационный план произведений, ибо в авторскую речь проникает точка зрения действующего лица, обогащая ее разнообразными стилистическими особенностями и расширяя смысловую перспективу, принципы и приемы психологического изображения и т.д. Преобладанием в татарской литературе субъектно-персонажного мировидения и мировоссоздания определяются и принципы изображения

природы, которая дается не столько в «предметно-назывном», номинативном обозначении, сколько в субъектной соотнесенности, через персонажное мировидение и мировоссоздание. Персонаж становится носителем сознания, но это сознание не автономно по отношению к сознанию автора. Поэтому, как правило, не возникает характерной для «нормативного» повествования от первого лица проблемы соотношения оценочных, идеологических позиций автора и героя-повествователя.

Субъектная архитектура произведений татарских писателей, отличительные черты которой – отсутствие принципиальных границ между героем и автором, слитность субъекта и объекта изображения, полемически соотнесена с «субъект – объектными» и «субъект – субъектными» отношениями, определяющими позицию автора и статус героя в произведениях русских писателей второй половины XIX в. Способы создания интегрального образа героя, который не имеет отчетливых

пределов, отделяющих его от автора, в прозе Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Ахмадеева, Ф. Валиева и др. образуют конфликтно-диалогические связи с принципами и приемами изображения объективированных персонажей, обладающих индивидуальным характером, наделенных самостоятельностью и авторитетностью в романах Тургенева, Толстого, Достоевского и др. С божественной интенцией, присутствующей в авторе-творце, демиурге созданного мира, коррелирует наличие в тексте некоего предзаданного знания, формирующего структурно-явленный план произведения и раскрываемого в напряженно-экзистенциальном ракурсе. Русские реалисты XIX в. ищут истину в событии взаимодействия сознаний. В татарской прозе первой трети XX в. она – предмет интериоризации, снимающей параллелизм духовно-жизненных ситуаций повествователя, героя, читателя и представляющей собой одну из форм их взаимоотношений в ценностно-смысловой плоскости.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Бройтман С.Н. Историческая поэтика / С.Н.Бройтман. – М.: РГГУ, 2001. – С.273–274.

<sup>2</sup> Там же. – С. 281.

<sup>3</sup> Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – С.92.

<sup>4</sup> Там же. – С. 93.

<sup>5</sup> Маркович В.М. Человек в романах И.С.Тургенева / В.М.Маркович. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. –С.42.

<sup>6</sup> Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С.118.

<sup>7</sup> Бахтин М.М. Тетралогия / М.М.Бахтин. – М.: Лабиринт, 1998. – С.432.

<sup>8</sup> Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В.Шмид. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – С.204.

<sup>9</sup> Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. Изд.2-е. – М.: Искусство, 1986. – С.176.

<sup>10</sup> Камал Ш. Сайланма әсәрләр. Өч томда. Хикәяләр. Повесть. Роман / Ш.Камал. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1974. – Т.1. – С.39. Далее при ссылке на данное издание в квадратных скобках приводится только номер страницы.

<sup>11</sup> Камал Ш. Избранные произведения: В 2 т. Т.1 / Ш.Камал. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – С. 21. Далее при ссылке на данное издание в квадратных скобках приводится только номер страницы.

<sup>12</sup> Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 84.

<sup>13</sup> Бахтин М.М. Тетралогия / М.М.Бахтин. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 433.

<sup>14</sup> Там же. – С. 433.

<sup>15</sup> Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Ф. Заһидуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – Б. 214. Далее при ссылке на данное издание в квадратных скобках приводится только номер страницы.

<sup>16</sup> Маркович В.М. Человек в романах И.С.Тургенева / В.М.Маркович. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. – С.28–39.

#### Аннотация

Организация субъектной сферы в русском реализме XIX в. и в произведениях татарских писателей первой трети XX столетия является одним из определяющих универсальных и уникальных свойств каждой национальной литературы. В прозе татарских писателей взаимопроникновение объективного авторского изложения и глубоко личных экспрессивных форм речи и сознания действующих лиц определяет все особенности повествования. Субъектная архитектура произведений татарских писателей полемически соотносена с «субъект – объектными» и «субъект – субъектными» отношениями, определяющими позицию автора и статус героя в произведениях русских писателей II половины XIX в. Русские реалисты XIX в. ищут истину в событии взаимодействия сознаний. В татарской прозе первой трети XX в. она – предмет интериоризации, снимающей параллелизм духовно-жизненных ситуаций повествователя, героя, читателя и представляющей собой одну из форм их взаимоотношений в ценностно-смысловой плоскости.

**Ключевые слова:** организация субъектной сферы, татарская проза начала XX века, русский реализм XIX в.

#### Summary

The organization of the subjective sphere in the Russian realism of the XIX century in works of the Tatar writers of the first third of the XX century is one of the determinative universal and unique qualities of every national literature. In the prose of Tatar writers the interrelation of the author's objective interpretation and profoundly personal expressive forms of speech as well as the consciousness of characters determine all the peculiarities of narration. The subjective architectonics of the Tatar writers' works is correlated polemically with «subject – object» and «subject – subject» relations which determine the author's viewpoint and the status of a character in the works of the Russian writers of the second half of the XIX century. The Russian realists of the XIX century search for the truth in the interaction of consciousness. In Tatar prose of the first third of the XX century it was the subject of interiorization which takes away the parallelism of mental and life like situations of the narrator, character, reader and represents one of the forms of their interrelation at the valuable level.

УДК 81/23 16.21.27

## ОРИЕНТАЛИЗМЫ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Л.К. Байрамова, доктор филологических наук, профессор*

Османское господство в Болгарии оставило большой след в болгарском языке в виде многочисленных заимствований из турецкого языка – турцизмов. Освобождение Болгарии от османского господства привело к большим переменам не только в обществе, но и в языке: началась продолжительная борьба с турцизмами, которая велась, как справедливо указывают исследователи, «в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций» [Венедиктов, 1992: 6]. Однако в болгарском языке до сих пор сохранился относительно большой пласт ориентальной лексики. Мало того, некоторые лексические и семантические инновации в современном болгарском языке связаны с турцизмами.

Имеющиеся в болгарском языке турцизмы представлены, по нашему наблюдению, следующими лексико-семантическими группами:

1. Соматизмы. Части тела.
2. Здоровье. Болезни. Лекарства.
3. Яства. Пища. Продукты.
4. Напитки.
5. Портрет человека.
6. Одежда.
7. Украшения.
8. Ювелирные изделия.
9. Музыкальные инструменты. Мелодии. Песни.
10. Деньги. Расходы. Доходы. Долги. Оплата. Налоги.
11. Статус человека (семейный, социальный, административно-общественный, военный, профессиональный).
12. «Обидная» характеристика человека.
13. Ландшафт.
14. Растения. Кустарники. Деревья и плоды.
15. Фауна.
16. Религиозная лексика [Байрамова, 2007].

Большой научный интерес представляет анализ болгарских ориентализмов (турцизмов) и их татарских параллелей, то есть *межъязыковых ориентализмов-аппроксиматов*. (Этим названием подчеркивается, во-первых, ориентальное (восточное) происхождение исследуемых языковых единиц, а во-вторых, – их не абсолютное тождество, а приблизительность; лат. *approximatio* – приближение).

По нашему материалу, более тысячи ста турцизмов болгарского языка имеют около восьмисот словообразовательных дериватов, т.е. можно говорить о наличии в болгарском языке около двух тысяч лексем-турцизмов. (При этом учитываются архаизмы, историзмы и неологизмы.)

Сопоставление турцизмов болгарского языка с татарскими параллелями показало, что общими для болгарского и татарского языков являются 434 лексем, которые имеют в татарском языке 759 лексических дериватов и входят в 664 фразеологические единицы как их компоненты. Сравнение этих данных с данными по турцизмам в болгарском языке показывает, что численное превышение единиц татарского языка над болгарскими естественно для языка, развивающегося по своим внутренним законам, тогда как турцизмы в болгарском языке – заимствования, определенная часть которых пустила глубокие корни. При этом обращает на себя внимание очень важное обстоятельство: воплощение в жизнь пуристических

позиций в Болгарии было связано как с объективными, так и с субъективными аргументациями.

К объективным, лингвистическим, аргументациям относится, например, этимологическая затемненность внутренней формы турцизма. Так, слово *самсар* (тур. *sansar* – белка) – ‘белка’ вытеснено болгарскими словами *катерница*, *катеричка*, внутренняя форма которых раскрывается их связью со словами: *катерене* – ‘карабкание вверх’, ‘влезание’; *катеря се* – ‘карабкаться’, ‘взбираться’; *катерач* – ‘альпинист’, ‘горный турист’. Естественна и замена слов *тахтаба* / *тахтабити* / *тахтабица* (тур. *tahtabiti* – постельный клоп, букв. *tahta* – доска; *bit* – вошь) – ‘постельный клоп’ словом *дървеница*, внутренняя форма которого раскрывается его связью со словами: *дърво* – дерево, *дървен* – деревянный (этим. раньше кровати были деревянные и в их щелях “обитали” постельные клопы).

Субъективным, но естественным социолингвистическим аргументом для пуристических позиций – очищения болгарского языка от ориентализмов – является отрицательный след в исторической памяти болгар, оставшийся от времени османского господства. Факты из истории развития болгарского языка раскрывают эти пуристические тенденции.

Например, субституция турцизма болгарским словом может быть обусловлена национальными символами. Примером является турцизм *арслан* / *аслан* (тур. *aslan* – лев), вытесненный в болгарском языке словом *лев*, ибо лев как деталь болгарского герба служит символом болгарской государственности; денежная единица Болгарии называется так же – *лев*.

Лексема *лев* нередко употребляется в контексте, когда говорится о патриотизме болгар:

«...революцията изисква мъжка сила, кръвожадност, безпощадност

... а ти си ангел същи... Ти извърши вече дълга си: левското знаме, дето из работи твоята ръка, ще ни разпаля и

*въодушевява... Това е доста за една българска мома...»* [И. Вазов. Под игом]. (... восстание потребует мужской силы, жестокости, беспощадности, а ты, ты – сущий ангел! Ты уже исполнила свой долг – *знамя со львом*, вышитое тобой, будет нас воспламенять и воодушевлять. Этого достаточно для болгарской девушки... – Курсив наш. – Л.Б.).

«...*Братя, пия за балканския лев!*» [И. Вазов. Под игом] – (Братя, я пью за балканского льва!)

В татарском языке лексема *арслан* (лев) активно функционирует.

С национальными символами связаны и такие реалии, как знамя, флаг, которые раньше в болгарском языке именовались турецким словом *байрак* (перс. *beyrak*, тур. *bayrak* – флаг, знамя). Флаг является символом государства, и это обстоятельство не позволяло оставлять турецкое слово, вместо которого в современном болгарском языке употребляется лексема *знаме*. (В приведенном выше контексте из романа И. Вазова «Под игом» использовано сочетание *левското знаме*.)

В татарском языке лексема *байрак* – ‘знамя’, ‘флаг’ активно функционирует как самостоятельно, так и в виде компонента фразеологизма: *байрак кутәру* – ‘поднимать знамя’; имеет и словообразовательные дериваты: *байраклы* – ‘знаменный’, *байракчы* – ‘знаменосец’.

Что касается сохранения турцизмов в болгарском языке, то здесь, на наш взгляд, большую роль сыграло несколько факторов: лингвистический, экстралингвистический и социолингвистический.

I. Лингвистический фактор проявляется очень многообразно и связан с системно-уровневой организацией языка: турцизмы заимствовались в основном как лексемы, которые на почве болгарского языка реализовали свой деривационный потенциал на семантическом, словообразовательном и фразеологическом уровнях. Поэтому, когда некоторые из них впоследствии были заменены славянизмами, интернацио-

нализмами или архаизировались, они продолжали и продолжают функционировать как компоненты фразеологических единиц, как словообразовательные дериваты или как заново переосмысленные лексемы с иной, в основном с отрицательной, коннотацией.

Так, например, лексема-турцизм *сурат* была заменена словом *лице*, которое в современном болгарском языке выступает как компонент 44 фразеологизмов: *лице с лице* — лицом к лицу; (*критикувам*) *без оглед на лицата* — (критиковать) невзирая на лица и др. Но и лексема *сурат* является компонентом, правда, только нескольких стилистически сниженных фразеологизмов: *я си виж сурата!* — посмотри на себя! на кого ты похож! *имам сурат за...* — иметь нахальство; *плюя в сурата, груб.* — плевать в рожу; *плюя си на сурата, нар.* — потерять совесть.

Другие лексемы-турцизмы, став историзмами и таким образом выйдя из активного лексического состава болгарского языка, продолжают употребляться в болгарских фразеологизмах как их компоненты: историзм *диван* (тур. *dəvan*, ист. — **высший совет, суд**) — ‘верховный государственный совет при султанах’ в современном болгарском языке может использоваться только как историзм. Однако с компонентом *диван* в болгарском языке функционирует фразеологизм *стоя диван чапраз* — ‘почтительно стоять (перед кем-л.) со скрещенными на груди руками’.

Во фразеологизме *на калето беглик е ходил* (человек, который родился очень давно; очень старый человек) в качестве его компонента присутствует лексема-турцизм *беглик* (тур. *beülik*) — налог на овец и коз, существовавший в очень далекие времена и, естественно, не имеющий места в современной жизни.

Сохранение турцизмов в болгарском языке обусловлено, с одной стороны, употреблением фразеологизмов с компонентом-турцизмом, а с другой стороны, наличием словообразовательных дериватов, значения которых появляются уже на болгарской языковой почве

и лишь отдаленно напоминают о своей деривационной базе.

Подобный путь сохранения турцизма в болгарском языке прошел и историзм *еснаф* (тур. *esnaf*) — 1) цех, гильдия; 2) член цеха, гильдии. Его семантический и словообразовательные дериваты функционируют в современном болгарском языке: *еснаф(ин)* — мещанин; *еснафка* — мещанка; *еснафски* — мещанский; *еснафство* — мещанство; *еснафщина, пренебр.* — мещанский менталитет.

Отметим, что сохранению турцизмов в болгарском языке способствуют и говоры болгарского языка, особенно родопские.

Ряду турцизмов в родопских говорах соответствуют в литературном болгарском языке славянизмы. Рассматривая болгарский язык как единое целое, составляющими которого являются и говоры, можно утверждать, что в современном болгарском языке турцизмы продолжают функционировать, несмотря на то, что сохранившиеся в говорах турцизмы отсутствуют в литературном языке, в котором имеются их литературные синонимы-славянизмы.

Например, в родопских говорах зафиксирована лексема *зехир* (перс. *zehr*, тур. *zehir*) — **яд, а также и фразеологизм** с этой лексемой: *блџова зехир* (букв. изрыгать яд) — злобствовать. В другом диалектном фразеологизме *коза проси, мед на уста носи, вџрица — зехир и отрова* (о человеке, который, когда он просит взаймы, ласков и любезен, но когда надо возвращать — злобен и сердит) также используется этот турцизм *зехир*; устаревшим является и дериват этой лексемы *панзехир* — противоядие. В татарском языке активно функционирует слово *зџџер* — 1) яд, отравы; 2) *перен.* яд, желчь; а также фразеологизмы: *зџџер елан / усал* — вредный, желчный, язвительный (о человеке); *зџџер телле кеше* — язвительный человек; *зџџер чџчу* — беситься, метать громы и молнии; *зџџер џџил* — пронзительный ветер; *алда џйткџннеџ зџџере џџк* — то, что сказано в лицо, не таит в себе злобы; *дустыџ џчен зџџер џч* — ради друга

и яд выпей; *зəһəрлə кəлу* — *ехидничать*. Лексема *зəһəр* имеет и словообразовательные дериваты, которых, по данным словаря, шесть: *зəһəрлелек*, *зəһəрлəну*, *зəһəрлəту*, *зəһəрлəу*, *зəһəрлəуче*, *зəһəрлəнеп*.

Устаревшие или вытесненные славынизмами турцизмы могут продолжать функционировать в новом значении с отрицательной коннотацией — как «обидная» характеристика человека. Например, лексема *гюлле* в значении 'снаряд, ядро пушки' устарела и вместо нее употребляется слово *снаряд*, а слово *гюлле* функционирует как спортивный термин 'ядро, метательный снаряд' или как «обидная» характеристика очень полного, очень глупого и невосприимчивого человека. Подобных примеров в болгарском языке достаточно. Болгарскими исследователями создан словарь так называемых «обидных слов и выражений» — «Речник на обидните думи и изрази в българския език» [Ганчев, Георгиева, 1994], включающий 3 000 языковых единиц, из которых около двухсот слов являются турцизмами.

Таким образом, одна из активных функций ориентализмов в болгарском языке — это функция негативной характеристики человека. Немалая часть таких ориентализмов предстает в виде «обидных» слов и выражений. В известной работе Б. Цонева «История на българския език» выделено тринадцать тематических групп ориентализмов, в одной из которых — в тематической группе «Прозвища (укорни)» — представлено около ста слов [Цонев, 1984: 187–188].

Как показывает анализ, определенная часть ориентализмов усвоена болгарским языком с той же отрицательно-«обидной» семантикой, которую они имеют в турецком языке: *ахмак* (тур. *aħmak* — дурак, тупица, глупец) — дурак, болван, балда; *гамьсəз* (тур. *gam* — горе, печаль — 1) безгорестный, беспечальный; 2) беззаботный, беспечальный) — беззаботный, беспечный;

*душман* (тур. *düman* — враг, неприятель) — враг, недруг, лиходей;

*кутсуз* (тур. *kutsuz* — 1) злосчастный, злополучный; 2) несчастный) — злосчастный; *налет* (ар., тур. *lanet* — проклятие, анафема) — проклятый.

Некоторые татарские лексемы-параллелизмы имеют такую же семантику, как и болгарские турцизмы, представляя, таким образом, болгарско-татарские аппроксиматы: болг. *ахмак* — тат. *ахмак*; болг. *гамьсəз* — тат. *гамьсəз* (беззаботный, беспечный); болг. *душман* — тат. *дошман* (враг, неприятель); болг. *налет* — тат. *нагьлəт* (проклятие).

У другой части ориентализмов отрицательно-обидная семантика появилась уже в болгарском языке в дополнение к имеющейся в оригинале. Укажем ее: *бабаит* (тур. *babayirət* — богатырь, молодец), *разг.* — крупный и сильный мужчина; силач, молодец, *а также*: о том, кто держит себя невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность); *бояджия* (тур. *boya* — краска; цвет) — 1) красильщик, 2) маляр; *а также*: о том, кто изменил убеждения, приспособляясь к обстоятельствам; неискренний, нечестный; без достоинства, ничтожный и жалкий человек. Вышеприведенные болгарские лексемы-турцизмы не имеют в татарском языке параллелей с подобной семантикой. Например, в татарском языке лексемы *буяу* — 'краска', *буяучы* — 'красильщик' употребляются без отрицательной «обидной» семантики.

Определенная часть ориентализмов болгарского языка, имеющих дополнительную семантику как «обидную» характеристику человека, представляет собой историзмы, отражающие период турецкого господства: *башибузук* (тур. *basibozuk* — **башибузук**) — *ист.* башибузук, солдат нерегулярных частей турецкой армии; *а также*: тиран, грубый, бесчувственный, жестокий, бесчеловечный; *хайдук* (тур. *hayduk*, *ист.* — 1) гайдук; 2) бандит) — 1) бандит; вор, мошенник; 2) *ист.* гайдук; *а также*: вор, разбойник; подлый, жестокий человек.

Будучи историзмами-ориентализмами, они вошли в интернациональный фонд тюркских языков, в том числе и в лексический фонд татарского языка, употребляясь в нем также и с «обидной» характеристикой (*гайдук*, *сатрап* – грубый, жестокий начальник, руководитель).

Однако основную часть «обидных» ориентализмов в болгарском языке составляют те, которые не стали историзмами и значения у которых появились уже в болгарском языке на основе метафорических, метонимических и др. видов переноса с ориентацией на отрицательную характеристику черт человека, его поведения и внешности. Некоторые свойства, качества, функции предметов, явлений, людей, животных ассоциировались с определенными людьми – носителями подобных свойств, качеств, черт и исполнителями подобных функций. См.: тур. *barut* (порох) – болг. *барутлия* (вспыльчивый человек); тур. *gop* (выделанная кожа) – болг. *гьон* (толстая кожа для подметок или подошвы; толстокожий, бесчувственный человек); тур. *karagoz* (комический персонаж народного теневого турецкого театра) – болг. *карагьоз* (лукавец, хитрец, мошенник; изменник) и др.

В татарском языке имеются лексические параллели-аппроксиматы некоторых данных болгарских турцизмов, но они употребляются без «обидной» семантики, а только в прямом значении. Исключением является лексема *шакал* (болгарско-татарская параллель *чакал* – *шакал*), которая употребляется, как и болгарская лексема, еще и в переносном значении: ‘хищный, алчный человек’.

«Обидными» ориентализмами в болгарском и татарском языках передаются такие отрицательные черты характера, как: глупость (*абдал* – дурень, болван, простофиля; болг., тат. *ахмак* – дурак, болван, балда); жестокость (*караконджо* – жестокий; злой, бесчеловечный; *касапин* – грубый, жестокий, бесчеловечный; болг., тат. *сатрап* – исключительно жестокий, бесчеловечный, садистский); злобность (*урсуз* – злой

человек); алчность (болг. *чакал*, тат. *шакал* – хищный, алчный); скаредность (*пинтия* – скряга, скупердяй); хитрость (болг. *шейтан*, тат. *шайтан* – хитрец); плутовство, ложь, нечестность, воровство (*ментарджия* – обманщик, плут, жулик; *пишман* – лживый); мошенничество (*карагьозчия* – мошенник); лень, безделье (*дембел* – лентяй, лежебока; *хаймане* – бездельник, лентяй; *хайлаз* – лентяй, бездельник, лодырь); зависть (*кьскантия* – завистник, соперник); вспыльчивость (*барутлия* – вспыльчивый человек, который сразу приходит в гнев, обижается без серьезных причин); сумасбродство (*баят* – сумасбродный, полупомешанный); капризность (*махамеджия* – привередник, придира, капризник); скандальность (болг. *каваджия*, тат. *гаугачы* – скандалист); склочность (*мюзевирун* – склочник, кляузник); сплетничанье (*чапрашник* – сплетник); хвастовство, болтливость (*фьрфара* – хвастун, болтун); невежество, бескультурье (*калтак* – некультурный, малообразованный, простак); раболепство (*калфа* – раболепный человек); сводничество (*калтаба* – сводник); развратность (*пачавра* – развратная женщина) и др.

Семантика ориентализмов – «обидных» слов и выражений в болгарском языке отнюдь не ограничивается приведенными выше примерами. Для анализируемых ориентализмов характерен неоднородный, расплывчатый семантический объем; *катил* – преступник, хулиган; глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля; *паша* – властный, мерзкий; очень ревнивый; *тюфяк* – дебелый, толстый; тупой; *чакьн* – бездельник; повеса; бабник; развратник; и др.

Эта семантическая неоднородность и расплывчатость обусловлены, на наш взгляд, интуитивно-ассоциативным усвоением заимствованных слов, которые были, в представлении болгарского народа, номинациями того отрицательного, что наблюдалось им в жизни при господстве турков и контактов с ними.

Наделение турцизмов отрицательным, «обидным» смыслом объясняется ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательное отношение к языку народа-поработителя. Сравнение болгарских турцизмов с соответствующими лексемами татарского языка показывает численное превосходство «обидных» болгарских турцизмов.

В целом анализ ориентализмов в современном болгарском языке в инновационном и аксиологическом аспектах раскрывает следующие тенденции.

1. Ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *туррук* (тур. *toğuk* — тунец) — 1) *зоол.* тунак, тунец; 2) *презр.* толстый; глупый, наивный человек.

2. Ориентализмы, первоначально заимствованные с положительным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *бабаит* (тур. *babayigit* — богатырь, молодец), *разг.* — крупный и сильный мужчина; силач, молодец; а новое значение: о том, кто держит себя невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность).

3. Ориентализмы, первоначально заимствованные с отрицательным антиценностным значением, развивают далее это значение в сторону антиценности: болг. *катил* (ар. *katil*, тур. *katil* — убийца, преступник), *разг.* — 1) убийца, каторжник, преступник; 2) *неодобр.* обидн. — хулиган, глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля; болг. *чакън* (тур. 1) волокита, женолоб; 2) озорник, бедокур), *разг. презр.* — бездельник, повеса, бабник; развратник; неудачник.

Как видно, семантические инновации ориентализмов, вошедших в болгарский язык относительно давно и употребляющихся до сих пор в современном болгарском языке, шли в сторону развития у ориентализмов отрицательного значения.

Однако, судя по последним заимствованиям, зафиксированным, например, в «Речник на новите думи в съвременния български език» [Бонджолова, Петкова, 1999], эта тенденция закончилась.

Можно отметить, что ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, приобретают новое значение, также нейтральное: болг. *леген* — 1) таз, лоханка, лохань; 2) кузов самосвала (ср.: тур. *leren* — большой таз).

Кроме того, в современном болгарском языке появляются «гибридные слова» («домашняя основа» + турецкий суффикс), составляя определенный пласт неологизмов: *бензинджия* — работник на бензозаправке; *кабелдджия* — собственник или руководитель кабельного телевидения; *таксиджия* — таксист; *фирмаджия* — собственник фирмы [Бонджолова, Петкова, 1999].

При этом, как отмечает Веса Кювлиева, лексемы с суффиксом *-джи(я)* имеют тенденцию развивать новое значение: 'любитель чего-л.; человек, пристрастный к чему-л.' (что является отрицательной, но не «обидной» характеристикой человека): *рокаджия* — приверженец рок-музыки; *хазартаджия* — человек, который играет в азартные игры, *картаджия*, *модаджия*, *курортаджия* и др. [Кювлиева, 1981].

Эти гибридные слова с суффиксом *-джи(я)* отражают и современные криминальные ситуации: *взломатджия* — совершающий преступление (ограбление) через взлом; *каналдджия* — организатор канала нелегального трафика. Ориентализм, гибридный неологизм, как и неологизмы по своей сущности, отражает новые стороны культурного, экономического состояния в обществе: *европазар* — европейский рынок; *квазипари* — дополнительные инвестиционные бонусы, которые дают рабочим в качестве компенсации неполученной зарплаты; *безхаберие* — отсутствие информации и интереса; незаинтересованность.

Обобщая наш материал о болгарских турцизмах, которые, с одной сто-

роны, «сошли со сцены» болгарского лексического пространства, а с другой стороны – продолжают функционировать в новом качестве (как компоненты фразеологизмов, как словообразовательные и семантические дериваты, неологизмы, диалектизмы), можно предположить, что здесь мы имеем дело со своеобразным проявлением закона сохранения «энергии» слова.

То, что слово обладает особой энергией, известно давно: «Слово лечит, слово и калечит», – говорится в русской поговорке, подчеркивающей силу, энергию сказанного слова. В энергию слова, его магическую силу люди верили давно, и об этом писал в своей работе «Заговоры как вид русской народной поэзии» (1876) известный представитель казанской лингвистической школы, профессор Казанского университета Н. В. Крушевский [Крушевский, 1876]. О поэтической энергии слова пишет и видный современный лингвист Н.Ф. Алефиренко в монографии «Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры» [Алефиренко, 2002].

В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно, видимо, говорить о сохранении «энергии» некоторых турцизмов (устаревших или заново переосмысленных, замененных славянизмом / интернационализмом), ибо они продолжают функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка. Рассмотренная тенденция сохранения «энергии» слова (в нашем материале – турцизма) является, на наш взгляд, универсальной, специфически реализуясь в различных ситуациях: лингвистическая «энергия» турцизма сохраняется во фразеологизмах, словообразовательных и семантических дериватах, в неологизмах и диалектизмах.

II. Экстралингвистический фактор, **связанный с сохранением турцизмов в болгарском языке**, проявляется в виде

хронологического и аксиологического параметров.

Роль хронологического параметра заключалась в том, что турецкий язык в Болгарии имел статус господствующего языка на протяжении очень длительного периода (около пятисот лет), что, естественно, сказалось на развитии болгарского языка, в котором появилось большое количество заимствований из турецкого языка.

Роль аксиологического параметра обосновывается тем, что в болгарском языке сохраняются те турцизмы, семантика которых отражает общечеловеческие ценностные (счастье, разум, деньги, шутка и др.) или антиценностные (беда, трудности, плохо, слепой и др.) представления, конвенционально закрепленные в языке.

Например, выражающий ценность «Счастье» турцизм *късмет* (тур. *kismet* – 1) счастье, удача; 2) судьба, доля) – 1) счастье, везение, удача; счастливый случай; 2) судьба, участь – в современном болгарском языке заменен словами: *щастие, съдба, орисия, сполука*.

Болгарская лексема *щастие*, являющаяся относительно частотным компонентом фразеологических единиц (*разковничето на щастие*то – залог счастья, *щастие*то ми се усмихва – счастье мне улыбается и др. – 9 фразеологизмов), этимологически восходит к праславянскому слову и объясняется исследователями так: из *др.-инд. su-* ('хороший') + *часть*, т.е. *щастие* – это 'хорошая часть, хороший удел' [Фасмер, 1987: 816].

Болгарские лексемы *съдба* и *орисия*, *орис* (нар.-поэт.) отражают представления болгар о судьбе человека, которая связана, с одной стороны, с Божьим судом (*съдба* < *съд* – суд), а с другой стороны – с поверьем о существовании мифических существ, определяющих судьбу новорожденного ребенка: *орисниц*, *речениц*, *наречениц* (производные от глаголов речи: *река* – сказать, *речен* – сказанный). «Орисницы, по верованиям болгар, – пишет С.М. Толстая, – записывают свои предсказания на голове ребенка. Считается, что эти знаки можно видеть (ими являют-

ся линии на стыках черепных костей), но никто не умеет их читать» [Голстая, 1994: 145].

*Сполука* — означает 'удачу', 'успех' (ср. с русским словом *благополучие*).

Все эти славянские лексемы являются также и компонентами фразеологизмов; с компонентом *сѣдба* — 9 фразеологизмов: *на произвола на сѣдбата* — на произвол судьбы; *прѣст на сѣдбата* — перст судьбы. Единичны фразеологизмы с компонентом *орисия* и *сполука*: *зла орисия* — горькая доля; *добра сполука!* — счастливо!

Однако самое большое количество болгарских фразеологизмов семантической группы о счастье сформировано с неславянским компонентом-арабизмом *късмет* (25 фразеологизмов): *търся си късмета* — искать счастья, счастливой доли; *всеки с късмета си, погов.* — всякому свое счастье, у каждого своя судьба, кому что суждено; *имам късмет, разг.* — мне везет, у меня удача, мне счастье (привалило); *до късмет е, разг.* — как повезет с чем-либо, как улыбнется счастье; *излиза ми късметът, разг.* — 1) находить свое счастье, находить своего(ю) суженого(ую); 2) счастье улыбается; мне везет; *опитвам си късмета, разг.* — пытаться счастья, испытывать судьбу; *търся си късмета* — искать счастья / счастливой доли.

Фразеологическую популярность лексемы *късмет* можно объяснить энергетикой этого слова, представляющего амальгаму двух сложных понятий: судьбы / доли и счастья.

В татарском языке счастье именуется ориентализмом персидского происхождения *бәхет* (перс. *baht* — доля, судьба, рок); в болгарском языке лексема *бахт* считается устаревшей, зафиксирована в диалектах, например, в форме *бахтлия* — 'счастливый' и как компонент фразеологизма *днес бахт, заран тахт* (букв. сегодня счастье, завтра доска) — жизнь человека полна превратностей, в которых человек сам виноват.

Большую популярность в болгарском языке имеет ориентализм *акъл* ('ум', 'разум', 'рассудок'), отражающий

общечеловеческое ценностное представление, конвенционально закрепленное в языке. Эта лексема выступает компонентом более шестидесяти фразеологизмов: *дигам се в акъле, разг.* — сто раз обо всем передумаю, и так и эдак прикину; *на акъл се уча, разг.* — учиться наукам; *наливам акъл в главата / научавам на акъл* — наставлять уму-разуму; *нося акъл — разг.* быть умным; *имам акъл в главата, разг.* — иметь голову на плечах и др. Необходимо отметить, что в болгарском языке используются и славянизмы: более ста фразеологизмов с компонентом *ум* (*зная си ума* — не терять головы, рассуждать трезво), три фразеологизма с компонентом *разум* (*без разум съм* — быть без ума от кого-л.); более ста пятидесяти фразеологизмов с компонентом *глава* (*имам глава* — иметь голову на плечах). При таком обилии болгарских фразеологизмов со славянскими компонентами *ум*, *разум*, *разсъдък*, *глава* активное употребление фразеологизмов еще и с арабизмом *акъл* можно, видимо, объяснить узко-конкретным значением этого арабизма, повлиявшим на семантику фразеологизмов при их формировании. *Акъл* — разум, рассудок, сдерживающий от непродуманных, опрометчивых поступков, решений, мыслей и т.п., от тур. *akəl* < араб. *akl*, этимологически объясняемого как 'цепь, которой скованы ноги злого духа, дива; див со скованными цепью ногами' [Ismet Zeki Eyuboglu, 1995: 18]. Эта семантика наличия или отсутствия определенного сдерживания, мыслительной селекции, просеивания, отбора отражена во фразеологизмах с компонентом *акъл*: *това ми е за акъл* ('это мне впредь наука'), *сто акъла ще ми дойдат* ('сто раз обо всем передумаю'), *викам си на акъла* ('говорить самому себе'; 'мысленно спрашивать себя') и др., в то время как некоторые фразеологизмы с компонентом *ум* или *глава* остаются за пределами фразеосемантической группы «Ум». Например, *тегля ума ми* — мне нравится кто-л., что-л.; *губя и ума, и дума* — язык отнялся; душа ушла в пятки. Подобная картина наблюдается и среди болгарских фразеологиз-

мов с компонентом *глава*, в которых этот компонент не передает семантику вместилища мыслей, а выступает эквивалентом лексем: *жизнь* (*взема главата* — убивать), *человек* (*смъртта е над главата ми* — близок конец жизни человека), *душа* (*изяждам главата* — выматывать душу) и др.

В татарском языке с компонентом *акъл* зафиксировано более восьмидесяти фразеологизмов (по данным словарей): *акылга кайту* — образумиться, одуматься; *акылга муафыйк* — мудрый совет; *акыл иясе* — ума палата; *акыллы баш*, ирон. — умник; *акыл теше чыккан* — опытный, умный человек; *акылы камил* — в здравом уме.

Самой употребительной в современном болгарском языке лексемой-турцизмом является лексема *пари* (мн. ч. лексемы *пара* — ‘деньга’, ‘монета’, ‘грош’; перс. *pare*; тур. *para* — деньги, монета) — деньги. Это связано с ценностным представлением реалии, обозначаемой данной лексемой. Активность функционирования лексемы *пари* зафиксирована приблизительно в пятидесяти фразеологических единицах и пятнадцати фразеологизмах с компонентом *пара* [Кошелева, Леонидова, 1974: 416–419]; во фразеологизмах обе лексемы выступают в значении ‘деньги’: *вадя луди пари* — зарабатывать бешеные деньги; *греба пари (като) с шинник*, разг. — грести деньги лопатой; *за пет пари ум ням*, разг. — ума ни на грош; *продавам човека за пара*, разг. — за деньги готов на все; за деньги готов продать человека; *греба пари (като) с шинник*, разг. — грести деньги лопатой; *лапам луди пари*, разг. — зашибать бешеные деньги; *луди пари* — бешеные деньги; *пара тече*, разг. — деньги сами плывут; *пари не струва*, разг. — гроша ломаного не стоит; *сухи пари*, разг. — чистоган, наличные; *удрям пара*, разг. — зарабатывать большие деньги; *харча пари наляво и надясно*, разг. — сорить деньгами; *чисти пари* — чистые деньги (без вычетов); *чувал с пари* — денежный мешок и др.

Лексемой *пара* был реализован и словообразовательный потенциал: *опарича се* — раздобыть денег, разжиться

деньгами; *парица*, *паричка* — уменьшительные от лексемы *пара*.

В современном болгарском языке наряду с турцизмами *пара* и *пари* употребляются славянские лексемы со значением денег: *лев* — денежная единица Болгарии (введена в 1880 г.) и *стотинка* — разменная монета Болгарии, равная  $\frac{1}{100}$  лева. Обе эти лексемы являются компонентами фразеологизмов, в отдельных случаях синонимичными лексемам *пара* и *пари*. Ср.: *нямам пукната пара* — нямам пукнат лев — нямам пукната стотинка — нет ни гроша; *не струва пукната пара* — не струва пукнат лев — не стоит ломаного гроша.

В современном татарском языке в наименованиях денег сохранились древнетюркские основы лексем: *акча* (деньги); *сум* (рубль) от *сон*, *сом* (слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица) и лексема *тиен* (копейка, мелочь, монета).

По нашим наблюдениям, среди самых частотных болгарских фразеологизмов выделяются те, которые своей семантикой указывают на жизненно очень значимые представления человека — **о ценностях**: *акъл* (ум, разум, рассудок) — 66 фразеологизмов; *кеф* (кайф; настроение) — 18 фразеологизмов; *късмет* (судьба; счастье) — 25 фразеологизмов; *пара* (деньга, монета) — 25 фразеологизмов; *пари* (деньги) — 40 фразеологизмов; *джоб* (карман) — 19 фразеологизмов; *кесия* (кошелек, кошелек) — 18 фразеологизмов; *шега* (шутка) — 21 фразеологизм;

и **антиценностях**: *бея* (беда, несчастье, неприятность) — 17 фразеологизмов; *зор* (трудность, затруднение) — 11 фразеологизмов; *лош* (плохой; подлый человек), *лошо* (плохо) — 40 фразеологизмов; *къорав* (слепой), *къораво* (легкая нажива) — 10 фразеологизмов.

III. Роль социолингвистического фактора в сохранении турцизмов в болгарском языке выразилась в том, что частичным субстратом турецкого языка в Болгарии в тот период был тюркский язык. Как известно, «субстрат предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами

коренного населения через стадию двуязычия. Источником субстрата может быть язык как родственный языку-победителю, так и неродственный» [ЛЭС, 1990: 497].

Обобщая проанализированный материал, можно утверждать, что исследованные болгарско-татарские параллели-аппроксиматы неоднородны. Определенную часть турцизмов в болгарском языке составляют устаревшие турецкие заимствования, тогда как в татарском языке их параллели активно функционируют: болг. *байрак* (знамя, флаг) – тат. *байрак* (знамя, флаг); болг. *борч* (денежный долг) – тат. *бурыч* (1. долг; задолженность; 2. задача, обязанность, долг, повинность) и др.

Другая часть этих лексических параллелей активна как в болгарском, так и в татарском языке, о чем говорит количество фразеологизмов с компонентом-турцизмом и словообразовательные гнезда. Ср. болг. *кавга* (ссора, брань, ругань), *кавгаджийка* (сварливая женщина, склочница, задира), *кавгаджийски* (сварливый), *кавгаджия* (сварливый человек, задира, склочник) – тат. *гауга* (1. шум, гам, галдеж, гвалт; 2. раздор, спор, скандал), *гаугалашу* (1. шуметь, галдеть; 2. ссориться, скандалить), *гауалы* (1. шумный, беспокойный; 2. скандальный, спорный), *гаугасыз* (1. тихий, спокойный; 2. не связанный со скандалами), *гаугачан* (любящий поскандальить, склонный к скандалам), *гаугачы* (скандалист, крикун, крикливый человек), *гаугачыл* (любящий поскандальить), *гаугачылык* (скандальность).

Глубокое различие в семантике освоенных болгарским языком турцизмов и их татарских параллелей заключается в том, что в татарском языке эти лексемы не имеют такой отрицательной коннотации, которая есть у некоторых болгарских лексем-турцизмов, хотя значение «обидной» характеристики присутствует и в семантической структуре некоторых татарских лексем-аппроксиматов. Наделение в болгарском языке турцизмов отрицательным, «обидным» смыслом объясняется, на

наш взгляд, ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательный след в языковом сознании болгар через отношение к языку народа-поработителя.

Определенную часть болгарских турцизмов представляют лакунарные по отношению к татарской лексике единицы, которые своей семантикой раскрывают специфику культуры Болгарии, ее национальных традиций, ментальные предпочтения болгар, своеобразие ландшафта и т.д.

Основными факторами, способствовавшими сохранению и функционированию (порой активному) турцизмов в болгарском языке, являются хронологический и социолингвистический. Большую роль в этом процессе сыграли также лингвистический и аксиологический параметры. Первый связан с системно-уровневой организацией языка. В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно утверждать: несмотря на то, что часть турцизмов переместилась в разряд устаревших, замененных славянизмами или интернационализмами, она продолжает функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка, сохраняясь в форме дериватов, в виде компонентов фразеологизмов, в виде семантических и словообразовательных неологизмов; с иной стилистической окраской и иной коннотацией, а также в другой сфере (например, в диалектной). Как видно, турцизмы совсем не исчезли, а приняли другую форму с другим содержанием. Таким образом, наблюдается тенденция своеобразного сохранения «энергии» слова.

Влияние аксиологического фактора связано с локусом турцизма в системе ценностей; аксиологически полярные лексемы-турцизмы, обозначая конвенциональные и ментально-культурные ценности и антиценности, не только

сохраняются в болгарском языке, но и являются частотными.

Аксиологическая значимость указанной тенденции сохранения «энергии» слова заключается в том, что она

сохраняет язык как систему, препятствуя появлению условий для языкового хаоса. А связанные с этой тенденцией языковые единицы становятся частью интернационального фонда.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Алефиренко Н.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 391 с.

<sup>2</sup> *Байрамова Л.К.* Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка (в сопоставлении с татарским языком) / Л.К. Байрамова. — Казань: Алма-Лит, 2007. — 330 с.

<sup>3</sup> *Венедиктов Г.К.* Современный болгарский язык на стадии формирования: (проблемы нормализации и выбора диалектной основы): научный доклад ... д-ра филол. наук. — М., 1992. — 42 с.

<sup>4</sup> *Крушевский Н.В.* Заговоры как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский. — Варшава, 1876. — 69 с.

<sup>5</sup> *Толстая С.М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры / С.М. Толстая // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М.: Наука, 1994. — С. 143–147.

<sup>6</sup> *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер // М.: Прогресс, 1981. — Т. III. — 831 с.

<sup>6</sup> *Цонев Б.* Турски думи в български език / Б. Цонев // История на българския език. — Т. 1. А. Обща част. В. Специални части. — София: Наука и изкуство, 1984. — С. 177–191.

<sup>7</sup> *Бонджолова В., Петкова А.* Речник на новите думи в съвременния български език. — Велико Търново: Слово, 1999. — 140 с.

<sup>8</sup> *Ганчев Гано, Георгиева Албена.* Речник на обидните думи и изрази в българския език / Гано Ганчев, Албена Георгиева. — София: Наука и живот, 1994. — 238 с.

<sup>9</sup> *Кошелев А.К., Леонидова М.* Българско-руски фразеологичен речник / А.К. Кошелев, М. Леонидова. — София – Москва: Руски език, 1974. — 635 с.

<sup>10</sup> *Кювлиева В.* Представяне на някои турски заемки и на производни с турски форми в Тълковен речник / В. Кювлиева // Първа национална младежка школа по езикознание. — София: Българска Академия на науките, 1981. — С.129 – 132.

<sup>11</sup> *ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. редактор В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 883 с.

<sup>12</sup> *Ismet Zeki Eyuboglu.* Turk Dilinin Etimoloji Sozlugu / Zeki Eyuboglu Ismet. — Istanbul, 1995. — 782 с.

#### Аннотация

В статье анализируются ориентализмы в болгарском языке в сопоставлении с татарским языком (болгарско-татарские аппроксиматы), указываются объективные и субъективные аргументы болгарского пуризма по отношению к ориентализмам, а также лингвистические, социолингвистические, аксиологические и др. факторы сохранения ориентализмов в болгарском языке. Автор выдвигает идею о действии своеобразного закона сохранения энергии слова.

**Ключевые слова:** ориентализмы, аппроксиматы, турцизмы, пуризм, энергия слова, болгарский язык.

#### Summary

The author of the article analyzes orientalisms in the Bulgarian language in comparison with the Tatar language (Tatar-Bulgarian approximates), points out objective and subjective arguments of the Bulgarian purism concerning orientalisms as well as linguistic, sociolinguistic and axiological factors of preservation of orientalisms in the Bulgarian language. The author puts forward the idea about the force of the peculiar law of conservation of the word's energy.

УДК 81'366

## СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА – ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПАДЕЖЕЙ

*Куралай Мухамади, преподаватель Казахского  
государственного университета*

Общеизвестно, что в языках значения падежа передаются не только через аффиксы. Об этом пишет в своих трудах Е.П. Мартыянова: «Поскольку в современном французском языке у имен существительных нет падежных флексий, синтаксические отношения выражаются посредством артикля, предлогов» [1, 8].

О том, что в тюркских языках значение падежа передают послелогов, впервые стало известно из трудов И. Гиганова, И. Хальфина, А. Троянского и др. ученых. Этот факт также отмечен и у В.А. Богоридицкого. Он высказал мнение о том, что падежные значения передаются с помощью послелогов [2, 147]. Остается непонятным, почему ученые долгое время не интересовались данной проблемой.

В 1970-х гг. проблему аналитической формы падежа в тюркских языках поднимает профессор Ф.А. Ганиев. В 1970 г. он опубликовал статью «О синтетических и аналитических падежах в татарском языке». В данной статье говорится, что аналитическая форма падежа образуется при сочетании именного слова в нулевой форме со служебным словом (послелогом). Ученый выявил 8 аналитических форм падежей в татарском языке, определил способы их образования и значения [3]. По мнению ученого, стало известно, что аналитическая форма паде-

жа образуется с помощью служебных слов. Профессор Ф.А. Ганиев пишет: «Следовательно, выражение падежа служебными словами для некоторых языков представляет обычное явление. К таким языкам относятся и тюркские языки, в которых падежи выражаются не только аффиксами, присоединяющимися к основе, но и послелогом» [4, 25].

Теоретические идеи профессора Ф.А. Ганиева об аналитических падежах в тюркских языках нашли отражение в трудах и других известных ученых. Исследователь узбекского языка К.Т. Ахтамова в своей кандидатской диссертации «Послеложные аналитические формы в современном узбекском языке» (1981) пишет: «Мы считаем, что аналитические и смешанные синтетические формы категории падежа в узбекском языке составляют одну систему. Об этом свидетельствует материал, анализируемый в настоящей диссертации, на это указывает и Ф.А. Ганиев» [5, 3]. Таким образом, по мнению К.Т. Ахتامовой, в парадигму падежей также входят аналитические формы, образованные с помощью послелогов. Ученый всесторонне рассмотрел значения аналитических и синтетико-аналитических форм, ею проанализированы 25 послелогов, участвующих в образовании аналитических падежных форм.

\* По техническим причинам некоторые буквы казахского алфавита заменены татарскими эквивалентами (Ред.).

В казахском языке проблемы исследования аналитических форм категорий падежа затронуты в исследованиях профессора Н. Оралбаевой. В 1986 г. она в соавторстве с А. Калыбаевой издает учебное пособие «Морфемика современного казахского языка». Свои выводы в отношении аналитических падежей в казахском языке она написала в главе «Служебные слова в современном казахском языке». Ученый обосновывает мысль, что служебные имена образуют аналитические формы падежей [6,164]. В учебнике «Морфология современного казахского языка» (2007) в разделе «Аналитические формы склонения» Н.Оралбаева по способу образования различает две аналитические формы склонения: одна из форм образуется с помощью служебных имен, а вторая формируется с помощью послелогов [7, 114–115]. Мысль о том, что служебные слова образуют аналитическую форму склонения, Н.Оралбаева высказала еще в 1986 г. Идею профессора Н. Оралбаевой об аналитической форме склонения продолжил М. Оразов в своих трудах, касающихся вспомогательных и служебных слов. Ученый исследовал служебные слова и, собрав достаточное количество материала, в 1997 г. опубликовал 2 книги под названием «Служебные слова». Последователь Н. Оралбаевой по исследуемой теме М. Оразов в книге «Служебные слова» высказал мысль о том, «что некоторые из служебных слов необходимо рассматривать в морфологическом аспекте, нужно принять их как один из компонентов аналитического форманта и исследовать как показатель грамматических категорий» [8,5]. Он считает, что служебные имена образуют аналитический формант склонения.

В казахском языке служебные имена и послелоговые являются признанными единицами категории склонения, в которой образуются аналитические формы падежей. Поэтому статья посвящена одной из аналитических единиц склонения – служебному имени.

Служебное имя – одна из языковых единиц, усложняющих, дополняющих, конкретизирующих значение категории падежа. В языке встречаются такие обороты: **үйден ешен тазалады (в доме убрались) – үстелден үстенде журнал жатыр (журнал лежит на поверхности стола), ағаштың түбен курт жепте (нижнюю часть дерева погрызли черви)** и т.д. Значение падежей в приведенных примерах выражают синонимичные значения с синтетическими формами. Например, **үйден ешен тазалады (в доме убрались) – үйде тазалады (в доме убрались), үстелден үстенде журнал жатыр (журнал лежит на столе) – үстелде журнал жатыр (журнал лежит на столе), ағаштың түбен курт жепте (нижнюю часть дерева погрызли черви) – ағашты құрт жепте (дерево погрызли черви)** и т.д. Синонимичность синтетических и аналитических форм доказывает, что служебные имена по своему смыслу соответствуют падежам и усложняют значение данной категории. Говорящий может использовать обороты в зависимости от цели коммуникации, заменяя одно сочетание другим. Очевидно, что служебное имя передает грамматическое значение падежей и является грамматическим показателем данной категории, а также соответствует теории определения аналитической формы и наряду с этой формой должна быть синтетической формой.

Вышеперечисленные употребления близки и синонимичны по своему значению, дополняя и определяя падежную категорию. По мнению некоторых исследователей, сочетания со служебными именами являются не аналитическими, а смешанными, т.е. синтетико-аналитическими словоформами. Так, М. Оразов пишет: «Кажется, что в казахском языке имеется третья грамматическая форма. Это смешанная синтетико-аналитическая форма. В смешанной форме присутствуют и аффикс и служебное слово. Например, **оқып отыр, айта бастады, үйге қарай**

(кетте), таудың басына (шықты) и т.д.» [8,46]. Мы согласны с мнением ученого, т.к. в приведенных примерах используются служебные слова и аффиксы. Поэтому эти употребления можно назвать смешанными аффиксами. Многие ученые, высказавшие свои мнения в отношении аналитической формы, полагают, что эти формы состоят из трех элементов. *Таудың басына (шықты)* – на вершину горы (взобрался). Первый элемент – это слово *тау* (основное слово, полностью сохранившее свое лексическое значение). Второй элемент – окончание родительского падежа, *басы* – служебное имя – уточняет значение слова *тау*. Такой порядок слов в вспомогательных глаголах (в аналитической форме) называется не аналитическо-синтетическим, а именуется аналитической формой глагола. Примеры, приведенные автором **оқып отыр, айта бастады**, ученые называют аналитической формой. А в примере **үйге қарай кетте** наблюдается присутствие падежного окончания и послелога и они образуют окончание дательного падежа, имеют синтетико-аналитическую форму. **Үй-ге** – данное окончание падежа передает значение направления, **қарай** – служебное слово – уточняет это значение. Имеются различия в значениях словосочетаний **үйге кетте, үйге қарай кетте. Үйге қарай кетте** – акцентируется внимание на направленность действия, **үйге кетте** – на значение места, **үйге** – на значение общего местоположения.

Встречаются факты, когда значение, передаваемое служебным именем, не может быть передано ни одним падежным окончанием. Например, **Аттарын алысқа тезген көк арбаға байлап тастап, Омар асыға барып үй сыртында қонқайып турған жалғыз Игелекке келде (Омар поспешил к стоявшему в одиночке снаружи дома Иглику)**. Здесь сочетание **үй сыртында** – нельзя заменить – **үйде**. Или в выражении **«Есеқ алдының қарын тазалады»** – **«Почистил снег перед дверью»** и основное слово

**есектең** – двери не взаимозаменяемы. На это явление указывают многие ученые. Например, об этом М. Оразов: «Иногда в языке вместо служебного имени с падежным окончанием может использоваться только основное слово с тем же окончанием и поэтому некоторые ученые считают, что значения служебного имени и падежных окончаний одинаковы. Сравните: **үйден ешене кердем – үйге кердем, таудың басына (шықтым) – тауға шықтым, киездең үстене отыр – киезге отыр** и т.д. Но синонимическая замена используется не всех случаях. Например, **үйдң алдын сыпырды** – подмел перед домом не равнозначно значению – **үйдң сыртынан дыбыс шықты** (послышался голос снаружи дома) – **үйден дыбыс шықты** – это не означает, что в доме послышался голос» [8,51]. В связи с этим многие ученые высказывают мнение о том, что только служебные имена дополняют значение падежного окончания, а падежное окончание выполняет синтаксическую функцию. И потому название сочетания служебного имени и существительного – аналитическая форма не используется и отсутствует в трудах многих ученых. На наш взгляд, закономерно, что есть существенное различие между синтетической и аналитической формами падежей. Если не было различий в их значениях, то одна из форм выпала бы из употребления. Это доказано в науке и благодаря этим различиям обе формы входят в активную функционированную речь и не выйдут из употребления, что убедительно доказано в использовании в речи аналитических форм глагола. Например, значение «жығыла жаздады – чуть не упал» и слова «жығылмады – не упал» не одинаковы.

Служебные имена не только уточняют значение падежного окончания, но и усложняют значение, передают смысловые оттенки, которые не передаются синтетической формой падежа. Служебные имена могут уточнять пространственные, временные значе-

ния существительных. А эти значения присущи и категории склонения. В «Казахской грамматике» (2002) указано, что значения категорий склонения различаются как грамматические, так и пространственные. «Одним словом, пространственные падежи указывают направленность действия (барыс септек – дательно-направительный падеж), источник действия (шығыс септек – исходный падеж), место и образ действия (жатыс, көмектес септектер – местный и предложный падеж)» [9, 456]. На эти значения могут указывать служебные имена, которые служат для уточнения и дополнения падежных значений пространства, времени. Выражают дополнительные значения, которые не могут передаваться падежными окончаниями.

Служебное имя уточняет у существительных временное значение. Например: Табигатынан нәзек еде, **соңғы бер жыл ешенде** мүлде арып, шүнерейген қос жанары ғана қалған (Он с рождения был нежным, **но на этот год** страшно похудел) (Ә. Тарази). Үй иесенен таңырқағанына қарамастан **түн ешенде** ат жегеп, елге тартып отырды (Несмотря на удивление хозяина дома, он ночью запряг коня, и был таков) (Ж. Молдағалиев). Шаруаларды күйзелте бүрестерген ауыр **қыстың аяғы** осы болатын (Это был конец зимы, когда дело в хозяйстве пошло на убыль) (М.Әуезов). Осылар **соңғы бер жыл бойында** бұрынғыдай ашық-жарқын емес (Они в **течение последнего года** не так веселы, как раньше) (М. Әуезов). Аналитические падежные формы **бер жыл ешенде, түн ешенде, қыстың аяғы бер жыл бойында** определяют временное значение. В приведенных примерах временное значение конкретизируется с помощью служебных имен.

Употребление служебного имени с падежами со значением пространства соответствует его семантике. В «Казахской грамматике» (2002) написано, что употребление служебных имен с падежами с пространственными значениями

ми определено следующим образом: «Ярко выраженное определение пространственного значения соответствующих служебным именам использовано наряду с употреблением падежей обозначающими пространственное значение барыс (дательно-направительного падежа), жатыс (местного), шығыс – исходного падежа, и согласовано в предложении» [9, 448]. Однако это не обозначает, что служебные имена употребляются только лишь с падежными формами пространственного значения. Например, Жиренше **Абайдың артынан** өкшелей қалмай отырып, сөйлей берде (Жиренше не отставал **от Абая**, все время не замолкая разговаривал) (М. Әуезов). Сондықтан алысты қойып, **ағайын ешенде** мұны белетен жан аз (И среди чужих людей, **среди ближних** не знают эту тайну) (М. Әуезов).

Служебные имена используются со всеми падежными формами. Но в этих случаях в служебных именах ослабевает значение пространства, усиливаются другие грамматические значения. Например, в предложении **есектен алдын** сыпырды (подмел **перед дверью**) отчетливо выражено употребление дательного падежа в объектном значении. Служебные имена, рассматриваемые в падежной парадигме, используются в составе падежа и в составе склоняемых существительных. Служебные имена, присоединяясь к склоняемому существительному и принимая окончания, которые должны присоединяться к существительным, образуют вместе с существительным единую словоформу. Об этом профессор Н. Оралбаева пишет: «Сочетания *күй ешенде* – (внутри кюя), *сөз ешенде* (внутри слова) можно употребить как *күйде* (в кюе), *сөзде* (в слове). Таким образом, *күй ешенде, сөз ешенде* – являются единой словоформой. В этом случае падежное окончание присоединяется к существительным посредством служебного имени. Служебное слово формирует грамматическое значение в словах (*күй, сөз*) и является

единицей, образующей грамматическое значение» [7, 115].

Остановимся на том, какие научные основы имеются для распознавания служебных имен как языковых единиц, образующих аналитическую форму склонения:

1. Служебные имена чаще всего используются в сочетании с основным (знаменательным словом) словом и отдельно не употребляются. Это один из признаков аналитической формы. Аналитическая форма образуется с помощью сочетания основного и служебного слов.

2. Служебные имена – результат грамматического развития, при котором приобретено грамматическое значение. Языковые единицы, образующие аналитическую форму, должны иметь грамматическое значение. Этим требованиям соответствуют служебные имена.

3. Грамматическое значение служебного имени, образующего аналитическую форму, является значением грамматической категории склонений. Служебные имена означают разные пространственные значения.

4. Служебные имена в языке являются устойчивым показателем категории склонения, т.к. служебные имена в языке не употребляются без категории склонения. Использование служебных имен в сочетании с основным словом является сложившейся закономерностью.

5. Аналитическая форма существует только лишь в категориях, имеющих синтетическую форму, такой теории соответствуют служебные имена, т.к. служебные имена образуют аналитическую форму склонения, а категория склонения имеет синтетическую форму.

6. Служебные имена, присоединившись к основному слову, выполняют функцию одного члена предложения.

7. Служебные имена являются языковой единицей аналитической формы падежа, это доказывается тем, что окончания падежа присоединяются к основному слову через служебные имена.

Например:

А. (именительный п-ж) үй+дең жаны

Қ. (родительный п-ж) үй+дең жаны**ның**

Б. (дательно-направительный п-ж) үй+дең жаны**на**

Т. (винительный п-ж) үй+дең жаны**н**

Ж. (местный п-ж) үй+дең жаны**нда**

Ш. (исходный п-ж) үй+дең жаны**нан**

К. (творительный п-ж) үй+дең жаны**мен**

Приведенные примеры показывают, что грамматические значения падежей выражены аналитическим формантом, состоящим из окончаний родительного падежа + служебного имени + притяжательного аффикса + окончания падежа. Члены данного аналитического форманта в совокупности выражают сложное значение падежа. Здесь аффикс родительного падежа выполняет роль связывающей единицы со служебным именем, в такой же роли выступает в составе служебного имени и аффикс притяжательности. Таким образом, лексическое слово в своем составе имеет первый грамматический показатель, т.е. аналитический формант. Это структура аналитических форм падежей.

8. Служебные имена в языке функционируют только в вышеуказанной структуре, других показателей иных категорий они не принимают. Это означает, что служебные имена относятся только к категории склонения.

9. Аналитическая форма, образованная с помощью служебных имен, входит в парадигму категории склонения и не имеет отношения к парадигмам других категорий.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Мартыанова Е.П.* Французские предлоги и их соответствие в русском языке. — Харьков, 1964.

<sup>2</sup> *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание. — Казань, 1957.

<sup>3</sup> *Ганиев Ф.А.* О синтетических и аналитических падежах в татарском языке. «Вопросы тюркологии». — Казань, 1970. С. 74–84.

<sup>4</sup> *Ганиев Ф.А.* Вопросы морфологии татарского языка. — Казань, 1980.

<sup>5</sup> *Ахтамова Х.Т.* Послеложные аналитические формы в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. — Ташкент, 1981.

<sup>6</sup> *Кальбаева А., Оралбаева Н.* Морфемика современного казахского языка. — Алматы, 1986 (на казах. языке).

<sup>7</sup> *Оралбай Н.* Морфология современного казахского языка. — Алматы, 2007 (на казах. языке).

<sup>8</sup> *Оразов М.* Служебные слова. — Ташкент, 1997 (на казах. языке).

<sup>9</sup> Грамматика казахского языка. — Астана, 2002 (на казах. языке).

## Аннотация

В тюркских языках, как известно, служебные слова играют большую роль, образуя аналитические формы падежей. Без изучения и раскрытия их сущности система выражения падежных значений будет неполной. Данная статья восполняет этот пробел, существующий во многих тюркских языках.

**Ключевые слова:** служебные слова, аналитические падежи, казахский язык.

## Summary

It is known that in the Turkic languages subordinate words play a great role forming the analytical forms of cases. The system of expressing the meanings of cases will not be complete without studying and revealing their essence. The given article fills up the gaps existing in many Turkic languages.

УДК 81:0/9

## ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ

Г.Ф. Мусина, аспирант

До XIX и начала XX вв. существовало мнение, что собственные слова татарского языка использовались лишь в быденной обстановке, а для обозначения общего терминологического понятия веками служили арабские, персидские, турецкие и старотюркские слова. Данное мнение впервые категорически опроверг великий ученый Каюм Насыри, который возвел в принцип образование слов с помощью собственных средств родного языка. И в XX в. терминология татарского литературного языка развивалась по данному пути.

Система физической терминологии татарского языка долгие годы развивалась и формировалась в процессе исканий, наблюдений и специального терминообразования. С древних веков у народов, имевших письменный язык, существовала отдельная терминологическая система. Например, терминологические системы по философии, астрономии, географии, праву, медицине, математике и т.д. берут свои истоки из древних веков. Составляющая одну из отраслей физики техническая терминология тоже имеет богатое историческое прошлое. В словаре Махмуда Кашгари «Диване лугатет-турк», считающемся древним тюркским историческим памятником, можно найти факты о развитии техники и терминологии XI в. Здесь сохранились следующие тематические группы физико-технических терминов:

1) разные рабочие инструменты, приборы, транспортные, технические средства: *чэкук (чукеч), корук (көрәк), қисқач (кискеч)* и т.д.;

2) технические части, детали: *тиш (теш), қиліч қолі (кылыч кулы)* и т.д.;

3) технические процессы: *јопуш (юйну), сірлаш (сырлау)*;

4) названия профессий, связанных с техникой: *тэмірлүч (тимерче)*.

Строительство городов, развитие ремесленничества, инженерии способствовали развитию таких наук, как математика, астрономия, физика и т.д. Это в первую очередь привело к развитию и популяризации среди людей физико-технических терминов.

Вторая половина XIX в. связана с техническим процессом во всех регионах России. Работали заводы, фабрики, производились новые товары, новые типы станков, машин. Все это способствовало развитию физико-технических терминов. Постепенно такие термины, как *автомобиль, аэростат, телеграф*, вошли и в татарский язык. Начало XX в. ознаменовалось подъемом и преобразованиями во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в области точных наук.

В эту эпоху начали активно издаваться учебники по физике, а также по остальным точным наукам. В частности, такие книги, как «Гыйльме эшья яки тарихе табигый» Г. Гисмати, «Эшья дәрәсләре» Х. Забири, «Гыйльме эшья» М.У. Ускова (в переводе Хариса Файзи), стали главными учебными пособиями по физике для учащихся татарских школ и медресе. Почти каждый из них являлся иллюстрированным.

В учебнике Х. Файзи «Гыйльме эшья» (физика) термины в основном даны на арабском, научным языком для

данной терминологической системы являлся арабский язык.

После революции физика вошла в программу средней школы и по ней начали давать уроки, стали переводить русскоязычные учебники на татарский язык. Среди них наиболее распространенными были учебники П.А. Знаменского, С.С. Мошкова, М.Ю. Пиотровского, П.А. Рышкевича, И.М. Швайченкова в переводе С. Файзуллина, Х. Муштари, М.С. Галеева, А. Тимергалина и А. Хасанова.

Послереволюционный период развития физической терминологии можно разделить на следующие этапы.

Первый этап: 1917–1929 гг. – эпоха гражданской войны. В это время печатались статьи о реорганизации школ, о письменности и алфавите, начали появляться новые научно-педагогические термины. В 1920–1923 гг., после образования Татарской АССР, труды по терминологии приобрели более упорядоченный вид. Терминология стала толчком в социально-политическом, экономическом и культурном развитии татарской нации. Развитие печати, радио, издательской деятельности, науки и техники, производства, театра и искусства, широкое распространение обучения на татарском языке – все это способствовало дальнейшему росту отраслевой терминологии на татарском языке.

В 1920 г. при Научном центре Народного комиссариата просвещения Татарской АССР была создана терминологическая комиссия, где было объявлено об основных принципах образования терминов. Перед комиссией стояла задача обозначения таких понятий, как цифра, знак и формула: обозначать их как раньше арабскими буквами или же перейти к популярной в то время латинской символике. На проходившем в декабре 1920 г. заседании выбор был сделан в пользу последнего. После К. Насыри это стало первым важным поворотом от Востока к Западу в области терминологии.

Становление татарского языка основным источником, ограничение

среды употребления не понятных широкой общественности арабских слов и распространение на международном языке научных знаков и формул стали важным историческим шагом в развитии татарской науки и терминологии.

В 1924–1929 гг. такие ученые, как Г. Ибрагимов, Г. Алпаров, Г. Максуд, Г. Нугайбек, М. Гали, Дж. Валиди, внесли особый вклад в научно-практическую обработку татарской терминологии. В 1927 г. под руководством Г. Алпарова и Х. Бадиги был издан первый словарь по физике.

Второй этап становления физической терминологии – 1929–1949 гг. Это время перехода от арабской графики к латинице. В процессе перехода, вместо не имеющих основы в татарском языке слов арабского и персидского происхождения, в употребление вошли татарские, интернациональные, международные и русскоязычные слова. В 1933–1939 гг. было упорядочено написание слов и терминов, основаны правила орфографии и начата разработка основ орфоэпии. В связи с реализацией татарского языка в Казанском государственном университете, а также в медицинском, педагогическом, химико-технологическом, сельскохозяйственном институте с научными работниками, аспирантскими и студенческими языковыми кружками были разработаны термины по различным предметам. Это было вызвано в первую очередь необходимостью преподавания татарского языка в вузах и выпуска учебников на татарском языке. Были изданы терминологические словари по многим предметам.

В этот период большую деятельность по научно-практической разработке терминологии вели такие ученые, как Ш. Рамазанов, Х. Бадиги, Г. Алпаров. В области физики работал Х. Муштари.

В 1940–1950 гг. произошел переход от латиницы к кириллице. Данный алфавит играл особо важную роль в усвоении интернациональных и международных терминов. До сих пор не утратившие своей значимости терми-

нологические принципы и инструкция были разработаны Ш. Рамазановым именно в этот период. В 1949 г. был издан «Словарь физических и геофизических терминов» М.С. Галеева; в нем наряду с более удачными содержалось и немало неудачных терминов. Вышедший в 1963 г. под руководством А.К. Тимергалина и М.С. Галеева словарь «Русско-татарских технических терминов» можно в полной мере считать прогрессом в области терминологии.

Третий этап развития физической терминологии – 1950–1960 гг. С 1949 г. физические термины не подвергались научной разработке, над данными терминами велась работа лишь при помощи отдельных переводчиков в процессе переиздания переведенных на татарский язык отдельных учебников и научно-популярных брошюр.

Четвертый этап – 1960–1990 гг. В 1963 г. под руководством А.К. Тимергалина и М. Галеева был издан «Словарь русско-татарских технических терминов», а в 1972 г. вышел в свет «Словарь русско-татарских физических терминов» М.С. Галеева. Позже, в 1981 г., эти же ученые издали обновленный вариант данного словаря. «Словарь русско-татарских физических терминов» М.С. Галеева был предназначен для учащихся средних школ и состоял из двух разделов: в первом разделе русско-татарские термины были даны с их толкованиями и слова были расположены по порядку русского алфавита. Термины, состоящие из 2-3 слов, располагались по главному слову, вошедшему в состав данного термина. Например, в таких терминах, как *колебание свободное*, *колебание упругое*, *колебательный контур*<sup>5</sup>, главным являлось слово *колебание*, вследствие чего эти термины относились к букве *к*. Во втором разделе данного словаря содержались татарско-русские термины и они были расположены в алфавитном порядке по первому слову. При создании терминов автор не придерживался калькирования, а подбирал к слову то значение, кото-

рое ему больше подходило. Еще одной особенностью данного словаря явилось то, что в нем не было пестроты, вычурности. Например, такие термины, как *насыщающие пары* и *насыщенные пары* в татарском языке давались лишь в одном варианте *туенган пар*, а слова *альфа-частицы* и *альфа-лучи* в варианте *альфа кисәкчекләр*. Вышеперечисленные особенности словаря русско-татарских физических терминов характеризуют данный словарь как один из удачных.

Последний, пятый этап, включает в себя период с 1990 г. и по сегодняшний день. В это время преподаватели технического университета Г. Даутов и М.С. Галеев положили начало преподаванию физики на татарском языке в высших учебных заведениях и разработке физических терминов на татарском языке в объеме курса для высшего учебного заведения. Ученые непрерывно работали над разработкой новых терминов, опираясь на принципы обработки терминологии. Основным материалом стали собственные средства языка, калькирование, а также использование заимствованных терминов.

Займствование было и есть важное средство для развития терминологии. Бурно развивающийся научно-технический прогресс, всевозрастающий обмен народов достижениями в науке и технике создали условия для заимствования друг у друга слов для обозначения возникающих новых понятий. Все заимствованные термины подчинены грамматическим законам словоизменения заимствующих языков. Многолетний опыт татарского языка показал, что русские термины следует принимать без изменения внешней формы тогда, когда отсутствует слово, достаточно четко и полно воспроизводящее данное понятие. Русские термины заимствуются в татарский язык, когда их нельзя заменить кратким, точным эквивалентом.

В то же время терминология новых отраслей науки и техники не обошлась и без терминов-калек. При калькировании новых физических терминов с русского языка татарский язык обогатился

такими новыми словообразовательными способами, как префиксальный и префиксально-суффиксальный. Благодаря калькированию в татарском языке повысилась продуктивность исконных словообразовательных аффиксов, появились гибридные термины, кратко и точно передающие содержание соответствующих новых терминов.

Займованная из французского языка «калька» утвердилась в русской лингвистической литературе во второй половине XIX в.

Татарские языковеды же обратили внимание на данное понятие в последней четверти XIX в. В эту эпоху на арену истории вступила плеяда татарских просветителей во главе с великим татарским ученым-просветителем К. Насыри. Он выдвинул родной язык в качестве основного источника разработки терминологии, не игнорируя, однако, и других путей пополнения татарской терминологии. К. Насыри впервые в своих учебниках дал успешные образцы калькирования терминов с русского и через него с западных языков<sup>11</sup>. В настоящее время данный способ является одним из самых продуктивных способов образования новых терминов, особенно физических.

Особенно широкое распространение калькирование получило начиная с 1920-х гг. В первые годы Великой Ок-

тябрьской социалистической революции на повестку дня ставились вопросы школьного образования, составления учебников и разных пособий, которые связаны с вопросами терминологии. По таким наукам, как география, математика, физика, астрономия и др., была переведена учебная, учебно-методическая, научно-популярная литература. В процессе создания этой научной литературы калькирование стало неизбежным способом создания терминов.

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы: история возникновения физических терминов берет свои истоки уже с далеких веков, когда они начали зарождаться еще как технические термины. Еще до революции на татарском языке начали издаваться учебники по физике, которые состояли из арабских и персидских займований. Физическая терминология татарского языка развивалась в процессе исканий, наблюдений и прошла пять этапов своего становления. Вначале был переход на латиницу, а позже уже на кириллицу. Сейчас физика преподается в высших учебных заведениях и на татарском языке. Физические термины в татарском языке состоят из займований из русского и европейского языков, из калек и слов, образованных с помощью собственных средств родного языка.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Алексеев И.О. О русско-татарских терминологических словарях / И.О. Алексеев // Советская Татария. — 1954, 3 июня.

<sup>2</sup> Ахунзянов Э.М. Русские займования в татарском языке // Э.М. Ахунзянов. — Казань: Изд-во КГУ, 1968. — 367 с.

<sup>3</sup> Ахунзянов Э.М. Русские кальки в татарском литературном языке / Э.М. Ахунзянов // Вопросы татарского языкознания. — Казань, 1965. — С. 22–29.

<sup>4</sup> Баскаков Н.А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР / Н.А. Баскаков // Вопросы терминологии. — М., 1961. — С. 22–29.

<sup>5</sup> Галеев М.С. Русча-татарча физика терминнары сүзлеге / М.С. Галеев. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1972. — 134 б.

<sup>6</sup> Галимов Д., Даутов Г. Галимнәр эшкә керште: Татар телендә кайбер физика атамалары турында // Ватаным Татарстан, 1994, 6 август.

<sup>7</sup> Даутов Г., Галимов Д. Физика үзезбечә сөйли: терминнар дөньясында // Мәдәни жомга, 1997, 28 февраль.

<sup>8</sup> Зәкиев М.З. Татар теле яшәешендә һәм үсешендә терминнар / М.З. Зәкиев, Ф. Харисов // Ватаным Татарстан. — 1996, 23 август.

<sup>9</sup> Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатет-турк» / А.Н. Кононов // Советская тюркология. — 1981. — № 3. — С. 86-90.

<sup>10</sup> Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. — М., 1961. — 29 с.

<sup>11</sup> Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар / Ш.А. Рамазанов. — Казан, 1954. — 200 б.

#### Аннотация

Основной темой статьи является татарский язык как средство обучения физике.

**Ключевые слова:** татарская терминология, комиссия, ученые, физика, учебники, письменность.

#### Summary

The keynote of the article is the Tatar language as a facility in teaching physics.

УДК 82.09(092)

## ГАЛИМДЖАН ИБРАГИМОВ О ПОЭЗИИ ДЕРДМЕНДА

*А.Х. Садекова, доктор филологических наук,  
главный научный сотрудник ИЯЛИ АН РТ*

В 1910–1916 гг. были опубликованы многие теоретические труды Г. Ибрагимова: «Вопросы литературы» (1910), «Татарские поэты» (1913), «Несколько слов по поводу Альбома» (1915), «Уроки литературы» (1916). Его объемный труд «Татарские поэты» был написан как исследование о творчестве трех крупных татарских поэтов – С. Рамиева, Дердменда и Г. Тукая. Он написан под глубоким влиянием эстетических идей В. Белинского. Еще в начале своей творческой деятельности, в 1910 г., Ибрагимов написал статью к 100-летию со дня смерти великого русского критика, где назвал его труд на благо русской литературы «великим и важным». Он возносил Белинского за то, что он защищал новую литературу, представленную в творчестве Пушкина и Гоголя, литературу национальную и реальную от псевдоклассицизма, т.е. такую, за которую ратовал сам в статье о народной литературе. Таким образом, уже в 1910 г. идеи Ибрагимова звучали в унисон с идеями Белинского, но перенесены были на национальную почву. Влияние литературных, эстетических взглядов русского критика на формирование идейно-эстетических взглядов татарского писателя чувствуется и в его работе «Татарские поэты». Здесь Ибрагимов, развивая свои мысли об эстетической природе прекрасного, писал, что настоящий поэт должен воспевать прекрасное и через призму основной своей эстетической установки анализировал творчество трех татарских поэтов.

В связи с этим у исследователей творчества Ибрагимова возникли мысли о том, что на писателя повлияла теория «чистого искусства». Но в то же время мысли Г. Ибрагимова об идеальной поэзии – это и результат его последовательного обращения к творчеству Белинского. Это точно отметил И.З. Нуруллин: «...Ибрагимов также разделял литературу на два вида» [4, 162–163]. Именно с точки зрения идеальной поэзии рассматривал Ибрагимов творчество С. Рамиева, Дердменда и Г. Тукая. Это также отметил И.З. Нуруллин.

Поэзию Дердменда, как и С. Рамеева, Г. Ибрагимов относит к идеальной поэзии. Более того, он считает, что лирике поэта присущ новый дух, в ней отсутствует дух медресе. Ибрагимов находит в поэзии Дердменда настоящее поэтическое искусство – краткость и легкость пера, красоту стиля, отмечает поэтическое чутье автора [3, 97].

К таким образцам идеальной лирики он относит «Кораб», «Мы», «Надежда», а также «Бәллү», который отличается естественной, природной мелодичностью. Его поражают музыкальность, гармония, ясность выражений в стихотворении «Бәллү» («Баюбай»). Здесь, несомненно, влияние народной поэзии, использованы образы народного творчества.

Кыйгач кашым,  
Асыл ташым!  
Йоклаек икәү...  
Йокла, иркә,  
Йокла, бәбкә,  
Бәүкәй, бәллү-бәү [2, 54–56].

(Ласточкины бровки,  
Драгоценный мой,  
Поспим вдвоем,  
Баю, баю-бай!  
Спи, ласковый,  
Спи, птенчик мой,  
Баю, баю-бай!).

В то же время здесь заметны образы любовной лирики. Обращения «кыйгач каш», «асыл таш» обычно относятся к возлюбленной. Ибрагимов восторженно пишет, что такая мелодика может украсить творение знаменитого музыканта.

Ибрагимова Дердменд привлекает лишь как певец идеальной природы – прекрасной весны, текучей воды и ясных закатов, т.е. картин идеальной поэзии. В то же время он проникновенно пишет о другой стороне его творчества. Дердменд часто изображает человека, фатально обреченного, беспомощного перед потоком жизни, безнадежности, старости, смерти. Такую фатальную обреченность Ибрагимов видит в стихотворении «Бүзләрем маналмадым» («Не соткал я белой ткани»):

Кемгә васлэт\*, кемгә өмид  
нигъмәтен бирде фәлэк\*\*  
Мин өмиднең сул кулындан  
бер сынык нан\*\*\* алмадым [2, 48].

(Кому свидание бог дает,  
Кому надежды сладкий плод.  
Но даже корки черствой в рот  
Из рук надежды, нет,  
не брал я!) [5, 162].

Пер. С. Липкина

В статье «Татарские поэты» Ибрагимов высказывает и свои наблюдения над особенностями языка стихов поэта. Они представляют интерес для ученых-лингвистов. Но основное, что привлекает Ибрагимова, это приверженность

татарского поэта к изображению идеальных чувств и мыслей. Он подробно анализирует стихотворение «Мы». Его он также рассматривает в ряду лучших творений татарской поэзии. По мысли Ибрагимова, здесь человек – лишь раб природы, щепка в бурном потоке жизни. Правда, он все же не считает поэта законченным пессимистом. Хотя основная мысль, как пишет Ибрагимов, та, что все движется к смерти, никто ее не избежит:

Исә жилләр, күчә комлар...  
бетә эз...  
Дәрийгъ, мөхзүн күнел,  
без дә бетәбез [2, 38].

(Пески взметет бураном бед,  
исчезнет след, –  
Так мы умрем, так мы уйдем  
на склоне лет) [5, 164].

Пер. С. Липкина

Мысль о конечности мироздания традиционна в татарской литературе, особенно у суфийских поэтов, а также в народных мунаджатах.

Сүнөп, вәйран булып  
мөгъмур тиякләр,  
Жир астында тезелде ку сөякләр! –  
пишет Дердменд [2, 38].  
(О прах и тлен дворцовых стен  
и крепостей!  
А под землей покрыта мглой  
гора костей) [5, 164].

Пер. С. Липкина

Вечные проблемы человечества поэт заключает в несколько строк и создает волшебным образом потрясающие картины бытия. Такими словами Ибрагимов выражает свое восхищение. Подобные мысли есть в известной поэме поэта XIV в. Хусамы Кяйтиба «Жәмжәмә солтан»:

\* Васлэт – кавышу.

\*\* Фәлэк – күк йөзе.

\*\*\* Нан – икмәк.

Бу кара йир, кем күрәрсән,  
туп-тулуг,  
Адәм угланнарыдыр кече-олуг.  
Һәр кадәм кем йир йөзенә  
басарсән,  
Һәр кадәмдә адәм йөзенә  
басарсән [1, 157].

(Эта черная земля полна  
И старыми и малыми детьми Адама.  
В каждом шаге, когда ступаешь,  
Ты на чье-то лицо наступаешь).  
(Пер. наш. – А.С.)

Ибрагимов отрицает влияние старотатарской литературы (духа медресе) на поэта, но оно незримо присутствует в суждениях, образах поэта.

Свою статью о Дердменде Ибрагимов завершает анализом знаменитого стихотворения «Кораб». Он проводит параллель между кораблем, плывущим с раздутыми парусами в бурном море, и странами, которые, возможно, исчезнут с лица земли. Стихотворение наводит Ибрагимова на коранические сравнения. Он пишет, что на земле были мощные ассирийцы, финикийцы, вавилоняне, жили пророк Исраил, царь Намруд и фараоны и т.д. Они все исчезли с лица земли. Их унесли волны бытия. Ибрагимов прибегает к размышлениям: «Каялар бүген бу бөек илләр? Һәммәсе шул хәят дингезенә кызганмас дулкыннарында йотылдылар түгелме?» (3, 109) (Где теперь эти великие государства? Разве они не были обречены на гибель в безжалостных волнах моря бытия) (Пер. наш. –

А.С.). Ибрагимов как бы повторяет душераздирающий риторический вопрос, звучащий в поэзии средневековых тюрко-татарских поэтов: «Кани?» – Где? Где они – страны, пророки, цари?

В мире все конечно. Уже тюркский поэт Ахмед Ясеви в XII в. вопрошает: «Кани?».

Поэт XIV в. Кутб в своей поэме «Хосров и Ширин» после гибели влюбленных также прибегает к этому приему, объясняя конечность бытия:

Каны шаһлар шаһы? Солтан каны?  
Каны ул арслан үлтерүче Пәрвиз?  
Ни бик? Ни кол? Ни Хөсрәү?  
Ни Нуширван? [1, 142].

(Где они? Шахи, султаны?  
Где победивший льва Парвиз?  
Нет ни бека, ни раба, ни Хосрова,  
ни Науширвана).

Философия средневековья о неизбежности конца явственно выступает и в стихотворении Дердменда, и в статье Ибрагимова. Критик с горечью продолжает, что жертвы и трагедии стали обычным явлением их времени. Видимо, предчувствие будущих катаклизмов – войны 1914 г., революций – уже витало в воздухе.

Г. Ибрагимов завершает свои записи о Дердменде словами сожаления о том, что сборник поэта до сих пор (в 1913 г.) не издан. Он приходит к выводу о том, что Дердменд, как и С.Рамеев, создает идеальную поэзию, он поэт идеальных чувств.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 245 б.

<sup>2</sup> *Дердмәнд*. Исә жилләp. – Казан: Татар. кит. нәшp., 1980. – 253 б.

<sup>3</sup> *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләp // Ибраһимов Г. Әсәрләp: Сигез томда. – 5 т. – Казан: Татар. кит. нәшp., 1978. – 614 б.

<sup>4</sup> *Нуруллин И.З.* XX йөз башы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшp., 1982.

<sup>5</sup> Антология татарской поэзии. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – 605 с.

**Аннотация**

Татарский писатель Галимджан Ибрагимов написал в 1916 году свой известный труд «Татарские поэты», посвященный творчеству С.Рамиева, Дердменда (1859-1921), Г.Тукая. Творчество Дердменда Г.Ибрагимов относит к идеальной поэзии. Он находит у него краткость и легкость пера, красоту стиля, отмечает поэтическое чутье автора («Кораб», «Мы», «Надежда», «Не соткал я белой ткани»). «Поэт создает волшебным образом потрясающие картины бытия».

**Ключевые слова:** поэт Дердменд, идеальная поэзия.

**Summary**

In 1916 the Tatar poet Galimjan Ibrakhimov wrote his famous work «Tatar poets» devoted to the creative activity of Ramiev S., Dermend (1859-1921), Tukay G. Ibrakhimov ascribes the creative activity of Dermend to the ideal poetry. Ibrakhimov finds his brevity and lightness of the pen, the beauty of his style and points out the author's poetic sense («Korab», «We», «Hope», «I did not weave white cloth»). «The poet creates marvelous pictures of reality in a magical way».

УДК 811.512.145

**ТРАКТАТЫ ПО ГРАММАТИКЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА  
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ,  
ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ В ТАТАРСКИХ МЕДРЕСЕ  
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

*А.М. Салахов, аспирант ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова*

На протяжении долгого времени в качестве учебных пособий по арабскому языку татары использовали такие популярные во всем мусульманском мире грамматические трактаты, как «ал-Анмузадж» («Образец») аз-Замахшари, «ал-Кафийа» («Достаточное») Ибн Хаджиба, «Авамил» («Грамматические факторы») ал-Джурджани и др.

Махмуд бин ‘Умар аз-Замахшари (1074 – 1144) – *знаменитый богослов-му‘тазилит, законовед ханафитского толка, филолог и литератор. Родился в Замахшаре, жил в Хорезме, Гургандже, где и умер.* По названию известно около пятидесяти сочинений аз-Замахшари, однако широкую известность принес ему прежде всего законченный в 1134 г. «ал-Кашшаф» («Раскрывающий») – единственный полный му‘тазилитский комментарий Священного Корана, дошедший до наших дней. Этот труд был широко распространен по всему мусульманскому миру, но прежде всего в его восточных областях, и пользовался популярностью даже среди идейных противников му‘тазилитов [1, 55].

«Ал-Анмузадж» аз-Замахшари являлся самым популярным учебником не только среди татар Волжско-Уральского региона, но и во всем тюркском мире. Этот трактат представляет собой компендий из монументального труда аз-Замахшари по арабской грамматике «ал-Муфассал» («Подробное»), составленный автором для начинающих

изучение арабской грамматики, и отличается ясным, систематизированным изложением материала [2, 139].

Грамматический материал пособия, согласно традиции, начинается с классификации частей речи (имя, глагол, частица), каждая из которых далее рассматривается в самостоятельном разделе. Теория имени заключается в разъяснении его грамматических категорий (число, род, определенность/неопределенность и др.) и семантических разрядов (имя числительное, имя действия, имя деятеля, имя поддествительное, имя превосходства). Здесь же приводятся его падежные формы и соответствующие им синтаксические функции в предложении. Глагол так же описывается в свете его грамматических категорий (время, наклонение, залог, переходность/непереходность) и синтаксических особенностей. Раздел о частицах главным образом посвящен рассмотрению их лексических значений [3, 2-172].

*Абу ‘Амр ‘Усман бин ‘Умар бин Абу Бакр бин Йунус ал-Курди ад-Давини ал-Исна’и (1174 – 1249), более известный как Ибн Хаджиб, является выходцем из курдского рода, проживавшего в местечке Давин на севере Ирака, позже переехавшим в город Исна, что в Египте, в котором и родился ‘Усман бин ‘Умар.*

«Ал-Кафийа» является самым ранним из произведений Ибн Хаджиба, посвященных грамматике арабского

языка, ставших популярными еще при жизни автора, что объясняется новаторской системностью в изложении материала, которую отличали легкость и доступность для усвоения учащимися по сравнению с аналогичными трудами предшественников. Позже к данному трактату Ибн Хаджиб написал три комментария: «Шарх ал-Кафийа» (Комментарий к «Достаточно-му»), «ал-Вафийа фи назм ал-Кафийа» («Полное» в стихотворном изложении «Достаточно»), «Шарх ал-Вафийа назм ал-Кафийа» (Комментарий «Полного», стихотворного изложения «Достаточно»). Всего же известно о 124 комментариях к «ал-Кафийе», в том числе 1 на турецком и 6 на персидском языках. В целом Ибн Хаджиб является автором 24 сочинений в различных областях знания: грамматике, просодии, литературе, истории, законоведении и методологии права, что свидетельствует о широте познаний этого выдающегося грамматика [4, 8-26].

Здесь, в отличие от труда аз-Замахшари, синтаксический материал предшествует морфологическому. То есть вначале говорится об именах, функции которых требуют их постановки в том или ином падеже, и обуславливающих это грамматических факторах, и только после этого о грамматических категориях и семантических разрядах имени. Порядок изложения глаголов и частиц схож с порядком, предложенным аз-Замахшари [5, 2–27].

‘Абд ал-Кахир ал-Джурджани (ум. 1078), по признанию многих ученых, считается *зачинателем и основоположником стилистики арабского языка как отдельной науки*. Помимо широкоизвестного труда «Асрар ал-балага» («Тайны красноречия») перу этого выдающегося ученого принадлежит ряд других работ, посвященных грамматике арабского языка [6, 13–16].

Трактат **ал-Джурджани** «‘Авамил ал-ми’а» посвящен описанию грамматических факторов, обладающих функциями управления. Предмет описания данного трактата выбран далеко

не случайно. Как известно, основное внимание арабского синтаксиса посвящено рассмотрению грамматических факторов, управляющих тем или иным падежом/наклонением относительно имен и глаголов соответственно, и, как следствие, изменений, которые происходят в окончаниях слов [7, 28–47].

Долгое время в качестве учебника по изучению морфологии арабского языка татары использовали трактаты «Мукаддима-и Бедон» («Введение Бедон»), «Шарх ‘Абд Аллаха» («Комментарий ‘Абд Аллаха»), написанные на фарси, а также арабоязычный трактат «Сарф ал-Му’иззи» («Морфология Му’изза»).

Первое сочинение «**Мукаддима-и Бедон**», вероятный автор которого имам деревни Ура Казанского уезда Юнус бин Иванай (род. 1639) [8, 238], представляет собой краткий курс морфологии арабского языка и предназначено для начинающих знакомство с арабской грамматикой [9, 2-18]. Оно получило такое название по своему первому слову «бедон», что в переводе с персидского означает «знай» [2, 147].

«**Шарх ‘Абд Аллаха**» является анонимным комментарием ко второму разделу первой части «Сарф ал-Му’иззи». Первую, большую часть «Комментария», в соответствии с упомянутым в введении, занимает подробное освещение каждой из шести пород трехбуквенного глагола, не имеющего в своем составе дополнительных букв. Следующая часть посвящена рассмотрению двенадцати пород трехбуквенного глагола, имеющего в своем составе дополнительные буквы; объясняются их семантические особенности и приводятся правила образования производных инфинитива с учетом вышеупомянутых особенностей состава слова. Далее следует часть, посвященная единственной породе четырехбуквенного глагола, не имеющего в своем составе дополнительных букв. В последней, четвертой, части в подобном свете рассматриваются три породы четырехбуквенных глаголов, в составе которых имеются дополнительные буквы [9, 19–100].

Авторство «Сарф ал-Му‘иззи» приписывается ‘Изз ад-дину ал-Хазраджи, писал в 1257 г. в Багдаде [2, 147]. Это сочинение представляет собой описание изменений, происходящих в парадигме глагола, являясь своего рода введением в науку морфологии [9, 101–112].

В свете вышеизложенного мы можем сделать заключение о том, что в татарских медресе применялись как грамматические пособия общего характера, вобравшие в себя материал по морфологии и синтаксису арабского языка, так и учебники, посвященные каждой из отраслей грамматики в отдельности. К первым относятся трактаты аз-Замахшари и Ибн Хаджиба. Но если в труде аз-Замахшари синтаксический материал, касающийся каждой из частей речи, излагается после морфологического, будучи раздробленным по их числу, то Ибн Хаджиб отводит ему место в заключительной части своего трактата – после синтаксиса. К учебникам второй группы относятся трактаты ал-Джурджани, «Мукаддима-и Бедон», «Шарх ‘Абд Аллах», «Сарф Му‘иззи». Первый посвящен синтаксису арабского языка, последние три – морфологии.

Эти трактаты и комментарии к ним были написаны главным образом на арабском языке, что значительно осложняло усвоение учебного материала, делая его доступным только при условии наличия дополнительных комментариев со стороны преподавателей на

родном для учащихся языке и едва ли не исключало возможность самостоятельного ознакомления с предметом. К тому же данные трактаты можно было назвать учебниками в современном представлении с большой натяжкой, поскольку они были созданы столетия назад и сильно нуждались не только в обновленном изложении материала с учетом передовых дидактических приемов, применявшихся в Европе, но также и в переводе на татарский язык.

Сложившаяся ситуация с учебными пособиями по арабскому языку не могла удовлетворять прогрессивно мыслящих педагогов и представителей татарской интеллигенции, на собственном опыте испытавших все трудности получения знаний в условиях отсутствия учебников, написанных на родном для них языке. В конце XIX – начале XX вв., на волне реформации системы образования в Европе, наблюдается всплеск активности по подготовке и изданию современных арабских грамматик на татарском языке для учащихся начальных классов медресе, чему также способствовали как набирающая обороты деятельность татарской буржуазии, так и окончательное формирование татарской нации как отдельного этноса среди прочих тюркских народов. Среди многочисленных авторов новометодных пособий отметим работы Галимджана и Салихджана Баруди, Ахмедхади Максуди, Абдрахмана Умари, Сунгатуллы Бикбулата и др.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Хрестоматия по исламу. Сост. С.М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 55.

<sup>2</sup> Сафиуллина Р.Р. Арабская книга в духовной жизни татарского народа / Р.Р. Сафиуллина. – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2003. – 211 с.

<sup>3</sup> *Аз-Замахшари* М. Ал-Анмузадж / М. Аз-Замахшари. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1901. – 172 с.

<sup>4</sup> *‘Алили* М. Введение / М. ‘Алили / В кн.: Ибн Хаджиба ‘У. Шарх ал-Вафийа назм ал-Кафийа. – Ан-Наджаф: Матба‘а ал-адаб, 1980. – С. 8–26.

<sup>5</sup> *Ибн Хаджиб* ‘У. Хаза китаб ал-Кафийа / ‘У. Ибн Хаджиб. – Казань: Типография Казанского университета, 1889. – 27 с.

<sup>6</sup> *Рида* М. Введение / М. Рида // В кн.: Джурджани А. Асрар ал-балага. – Джидда: Дар ал-мадани. – С.13–16.

<sup>7</sup> *Ал-Джурджани* 'А. Ал-'Авамил / 'А. Ал-Джурджани / В кн.: Кава'ид ал-и'раб ва ал-'авамил ма'а шурухихима. — Казань: Типография Императорского Университета, 1890. — С. 28-47.

<sup>8</sup> *Фахретдин Р. Асар* / Р. Фахретдин. — Казань: Изд-во «Рухият», 2006. — Т.1. — С. 238.

<sup>9</sup> Мукаддима-и Бедон ма'а Шарх 'Абд Аллах ва Му'иззи. — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. — 112 с.

#### Аннотация

Данная статья представляет собой краткое описание наиболее популярных грамматических трактатов по арабскому языку средневековых восточных авторов, издававшихся в типографиях Казани в конце XIX — начале XX вв., которые применялись в учебном процессе в татарских медресе в тот же период, с попыткой выявления их особенностей и различий.

**Ключевые слова:** грамматические трактаты «ал-Анмузадж» аз-Замахшари, «ал-Кафийа» Ибн Хаджиба, «'Авамил» ал-Джурджани.

#### Summary

The article represents a brief description of the most popular Arabic grammars of oriental scholars of the Middle Ages which were printed in Kazan printing-houses at the end of the XIX — beginning of the XX centuries and were taught in Tatar schools at the same period. This article reveals some peculiarities and differences of these works.

УДК 7.03

## РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ...

*Р.Р. Султанова, кандидат искусствоведения,  
заведующая отделом изобразительного и декоративно-прикладного  
искусства ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Современное изобразительное искусство, как и весь художественный процесс, характеризует сложное состояние различных традиций, стилей, реалистических и авангардных направлений. Особенности и динамика развития изобразительного искусства Татарстана тесно связаны с общим процессом культурного движения в России, которое отражает закономерности переломного времени, социально-политические изменения в обществе и пересмотр гуманистических ценностей.

Отдел изобразительного и декоративно-прикладного искусства, созданный как самостоятельный отдел в 2007 г. (это направление в составе отдела искусствоведения велось с 1968 г., первый руководитель — Ф.Х. Валеев), строит свою работу в соответствии с новой научной концепцией, базирующейся на методе комплексного историко-искусствоведческого исследования, в рамках общей темы «Формы национально-художественного мышления татар в историко-культурных контекстах». Концептуальный план развития отдела предполагает подкрепление описательного материала теоретическими идеями философского, эстетического, контекстуально-культурологического анализа. Цель такого подхода — подняться до типологических обобщений. Главным предметом изучения является выявление специфики национально-художественного мышления в самых разнообразных контекстах: историческом (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, Казанская

губерния, советский и постсоветский периоды), культурном (мусульманское искусство, тюркский мир, тенденции в современном мировом искусстве, в российском пространстве, в этнонациональном окружении Поволжья и Приуралья и др.).

Цель таких разнообразных подходов одна — оттенить, изучить специфику собственно татарского художественно-пластического мышления в диалоге с другими культурами. Предполагается выявить 2 основные тенденции в развитии татарского искусства: 1) тенденция к замыканию и сохранению национального своеобразия, 2) тенденция к размыканию, трансформации, способность изменяться под влиянием инациональных образований, а также влиять на другие национальные культуры. Взаимоотношение этих двух тенденций предполагается рассмотреть на широком материале художественного творчества (изобразительное искусство во всем видовом и жанровом многообразии, декоративно-прикладное искусство, сценография, архитектура).

Итог таких разработок предполагает вычленение неких универсальных форм национально-пластического мышления татар. Их обнаружение позволит на качественно новом уровне рассмотреть современное состояние изобразительного и декоративно-прикладного искусства, обнаружив в пестроте его форм устойчивые тенденции, связывающие его как с прошлым, так и с современным состоянием мирового искусства. Особенно перспективным в этом на-

правлении является анализ дизайна, в котором взаимодействуют все формы и виды изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Для решения этой фундаментальной программы в отделе создан консультативный совет из числа ведущих специалистов по смежным областям науки (истории, философии, культурологии, социологии), который призван способствовать выработке генерализующих теоретических проблем, относящихся к художественной культуре на разных этапах.

Проведенные отделом Международная научно-практическая конференция «Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов», посвященная 150-летию со дня рождения Ш. Тагирова (2008 г.), а также международный симпозиум «Искусство войлока в тюркском мире: история и современность» (2009) были первым шагом на пути объединения усилий исследователей изобразительного и декоративно-прикладного искусства не только Поволжья и Приуралья, но и всего тюркского мира.

Исходя из концепции развития отдела и с учетом новых установок сотрудники отдела ведут исследование по нескольким направлениям.

Древнее искусство, а также современное состояние изобразительного искусства являются предметом научных интересов кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника Д.К. Валеевой. Ее книга «Искусство Волжской Булгарии периода Золотой Орды» (Казань, 2003) – продолжение многолетней работы. Привлекая к работе материалы археологических раскопок, новых письменных источников, музейных коллекций от Астрахани до Казани, она вводит искусство Волжской Булгарии в контекст золотоордынского искусства. В очерке «Искусство города Болгар», включенном в коллективную монографию («Город Болгар». Москва: Наука, 2008), она впервые дает целостную картину развития искусства города Болгар домонгольского и золотоор-

дынского периодов. В книге «Искусство Татарстана XX века» (Казань, 1999) ею дано представление о широком спектре стилистических разновидностей реализма в современном татарском искусстве.

Книга кандидата искусствоведения Р.Р. Султановой «Искусство новых городов Республики Татарстан» (Казань, 2001) – первое за последние 20 лет исследование по изобразительному искусству республики, соединяющее искусствоведческий, культурологический и социологический подходы. Искусство новых культурных центров (Набережные Челны, Елабуга, Зеленодольск, Нижнекамск, Альметьевск) рассматривается автором с учетом социодинамики их развития, определяется его вклад в общекультурный процесс. Выявляются основные этапы становления и развития всех видов и жанров изобразительного искусства: станковой живописи, графики, монументально-декоративного искусства, скульптуры, место и роль в этом процессе наиболее ярких мастеров, и в результате определены общие закономерности развития и ведущие тенденции на каждом этапе развития искусства, показано национальное своеобразие в разных стилевых тенденциях. Сделанный автором вывод: основной линией художественного поиска является стремление художников к синтезу национальных традиций и современной стилистики – перспективная тенденция развития изобразительного искусства.

В комплексном исследовании Р.Р. Султановой «Сценография татарского театра. Проблемы становления и развития» рассматриваются проблемы татарского театрально-декорационного искусства, продолжается исследование сценографии – феномена, синтезирующего различные виды искусства (изобразительное искусство, архитектура, прикладное искусство, костюм, дизайн и т.д.). Впервые предлагается систематизированное изложение истории сценографии татарского театра на всем протяжении его существования.

Кандидат искусствоведения Р.И. Шамсутов изучает искусство татарского шамаиля и каллиграфии, взятое в историческом времени и развитии, охватывающее широкий спектр вопросов культурологии, философии, религии, филологии. Его монография «Искусство татарского шамаиля сер. XIX – нач. XX вв.» (Казань, 2001), основанная на материалах диссертации, раскрывает особенности развития искусства арабской каллиграфии у татар. Впервые знаковая система шамаиля раскрыта как модель пространства Вселенной, уделено внимание проявлению суфийской и шиитской символики, даны примеры малых литературных жанров в текстах шамаилей, представляющие материал для изучения «народного» ислама татар-мусульман. Другая книга «Слово и образ в татарском шамаиле: от прошлого до настоящего» (Казань, 2003) охватывает более чем вековой период развития искусства татарского шамаиля. Здесь дан обзор арабо-графических произведений 90-х гг. XX столетия во взаимосвязи с художественными традициями шамаилей, созданных в XIX в. В книге большое внимание уделяется вопросу степени соотношения изобразительных мотивов и текстового содержания в шамаилях, что позволило раскрыть проблему их типологии. Впервые публикуются уникальные образцы текстов-комментариев, раскрывающие характер народного ислама татар Среднего Поволжья и Приуралья, библиография каллиграфов-авторов шамаилей, научно-аннотированный каталог, объединяющий как экспонаты музейных фондов, так и произведения современных художников.

Цель нового исследования Р.И. Шамсутова «Декор культовых сооружений татар-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья» – выявление функциональной роли декоративных элементов в общем облике архитектурных сооружений (включая каллиграфические надписи), в интерьере культовых сооружений, раскрытие проблемы син-

теза различных видов искусств (витраж, мозаика, резьба и т.д.).

Каталог к выставке арабо-графических произведений, проводимой в честь юбилея ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в Государственном музее искусства народов Востока (Москва), составленный Р.И. Шамсутовым, является следующей, качественно новой ступенью по исследованию искусства татарского шамаиля, объединившего как дореволюционные издания, так и произведения современных авторов.

Одним из важных направлений работы отдела является исследование искусства графики Татарстана с древнейших времен до начала XXI в. во всем многообразии его проявлений: каллиграфия, искусство книги, древнейшие формы татарской графики (ярлыки, шажара, салиса и др.), а также виды европейской графики, получившие развитие в Татарстане с XIX в., рассматриваемые как целостное явление с учетом закономерностей и особенностей его развития на разных этапах, с точки зрения эволюции его стиливого своеобразия, определение его места в мировой художественной культуре.

Заметным вкладом в создание целостной картины исторического развития графики Татарстана стала диссертация О.Л. Улемновой «Искусство графики Татарстана 1920-30-х годов» (2005), которая легла в основу ее книги «Казанская графика 1920-30-х годов» (Казань, 2009). В ней исследован один из важнейших периодов, определивших становление национального изобразительного искусства республики, и проанализированы станковая графика (рисунок, гравюра), производственная графика, плакат, книжная и журнальная графика. Автор делает вывод о том, что в казанской графике 1920-30-х гг. произошел сложный синтез татарских национальных традиций с русскими и западноевропейскими формами авангардного искусства, взаимное обогащение которых породило интересный и самобытный вариант национального авангарда.

Логическим продолжением этой темы является исследование кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника О.Л. Улемновой «Художественное оформление татарской книги 1920-50-х годов», в котором расширяются хронологические границы, развиваются те положения, которые ранее были только намечены, выявляются новые имена художников татарской книги советского периода.

В работе Ф.Г. Вагаповой по теме «Художественное оформление татарской книги в дореволюционный период» рассматривается стилевая эволюция, определяется место татарской книги в системе арабо-графической книги России и зарубежных центров (Средняя Азия, Турция, Иран). Важной задачей этого исследования является выявление имен татарских художников-оформителей, каллиграфов-переписчиков.

Итогом исследований О.Л. Улемновой и Ф.Г. Вагаповой должно стать издание двухтомного труда «Искусство книги Татарстана» (1 том — истоки и развитие художественного оформления татарской книги до начала XX в., 2 том — с 1917 г. и до начала XXI в.), сопровождаемое словарем художников книги, обширным иллюстративным материалом, намеченное на 2017 г. Актуальность работ, посвященных искусству оформления татарской книги, имеющего глубокие национальные традиции, которые до сих пор не были предметом специального исследования, связана с интенсивным развитием полиграфии Татарстана в начале XXI в., имеющей, однако, разностильный, эклектичный характер.

Исследование старшего научного сотрудника Л.Н. Дониной «Интерпретация татарского национального костюма в татарском театре» является тоже новым направлением в работе отдела. Это исследование проводится на стыке разных наук: искусствоведения, театроведения, эстетики, семиотики, этнографии, филологии. Актуальность темы определяется тем, что до сих пор национальный костюм рассматривал-

ся лишь в историко-этнографическом аспекте. Задача исследования Л.Н. Дониной — рассмотрение традиционной одежды как знака, приобретающего в театральном пространстве контекстуальное значение, выходящее за пределы обыденного представления.

В связи с этим народный костюм рассматривается в следующих аспектах: роль и место костюма в театральном пространстве; выявление его практических и символических функций; изучение различных форм стилизаций на разных этапах развития татарского театра, выявление устойчивых элементов традиционного костюма в театре. Подготовленный Л.Н. Дониной к изданию каталог впервые знакомит читателя с творческой лабораторией театральные художников Татарского академического театра оперы и балета им. М. Джалиля.

Скульптура как один из видов изобразительного искусства исследуется в историческом времени — от истоков до сегодняшнего дня (аспирантка Т.Н. Кривошеева).

Исследование научного сотрудника отдела Д.Д. Хисамовой «Проблемы развития скульптуры Татарстана второй половины XX — начала XXI вв.» посвящено изучению скульптуры Татарстана с послевоенного времени по настоящее время. Актуальность данной темы определяется тем, что именно в этот период в скульптуру республики приходят профессиональные мастера, продолжившие в своем творчестве традиции русской скульптуры, заложенные в начале XX в. в Казанской художественной школе.

В работе выявляется национальное своеобразие скульптуры, проводится анализ по видам и жанрам пластики (скульптурный портрет, станковая пластика, монументальная скульптура, парковая скульптура, исторические образы), раскрываются изменение художественных форм в динамике их общего развития, своеобразие видов пластики. В работе дается панорама творческих портретов мастеров скульптуры (С. Ахун, Б. Урманче, В. Рогожин,

Р. Нигматуллина, В. Маликов, Н. Адылов, А. Минулина, А. Абдрашитов и др.).

Одно из новых направлений научных исследований нашего отдела — архитектура и градостроительство.

Исследование кандидата искусствоведения, ведущего научного сотрудника Г.Г. Нугмановой «Архитектура и градостроительство Казанской губернии в период Российской империи (18 — нач. 20 вв.)» носит не только теоретический характер, но имеет и практическое значение для развития современной архитектуры и градостроительства, в реставрационном деле.

В работе выявляется архитектурно-градостроительное своеобразие Волжско-Камского региона в условиях Российской империи. Выбор хронологических рамок обусловлен наличием большого объема архивных документов, позволяющих научно воссоздать историю развития архитектуры и градостроительства региона, обосновать принятие проектных решений при реконструкции и реставрации историко-культурного наследия республики. Значительное внимание в исследовании уделено Старотатарской слободе, где наиболее ярко проявились региональные особенности вопреки жестокой государственной регламентации в области архитектуры и градостроительства.

В отделе начата работа над выпуском новых научных серий с привлечением ученых из научно-исследовательских учреждений Татарстана, России, ближнего и дальнего зарубежья. Вышел в свет первый том серии «Искусство тюркского мира» — «Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов» (Казань, 2008). Совместно с учеными Института истории им. Ш. Марджани и Казанского государственного архитектурно-строительного университета начато издание серии «История татарского искусства», первый том которой «Художественная культура и искусство ранних булгар и Волжской Булгарии VIII—XIII веков» выйдет в свет в 2009 г. «Искусствоведческий сборник»,

подготовленный отделом в сотрудничестве с Ассоциацией искусствоведов, призван отражать важнейшие аспекты современной художественной жизни республики, расширять горизонты искусствоведческой науки — показывать различные подходы, методологию, перспективы междисциплинарных исследований, знакомить с новыми трудами известных и молодых талантливых искусствоведов.

В перспективе отдел планирует издание многотомного справочника «Художники Татарстана. XX век». Это библиографическое издание энциклопедического характера должно раскрывать все многообразие палитры художественного мира Татарстана и татарской диаспоры на разных исторических этапах.

Важным направлением работы отдела стало курирование выставочной деятельности, способствующей изучению и своевременной критической оценке современных процессов в изобразительном искусстве республики. Одной из важных задач отдела является обозначение приоритетных направлений, отражающих национальную специфику, региональные особенности, показ достижений изобразительного искусства Татарстана как в самой республике, так и за ее пределами. Значительным событием стала реализация ряда важных художественных проектов: республиканская выставка «Искусство книги Татарстана» в Национальном музее РТ, «Сценография Набережно-челнинского театра» в выставочном зале Союза художников (2008), Международная выставка «Современное искусство войлока» в Национальной галерее «Хазинэ» (2009). Прошедшая в апреле-июне 2009 г. в Государственном музее искусства народов Востока (Москва) региональная выставка «Искусство шамаила: слово и образ» является первым показом традиционного для татар вида арабо-графического искусства в его историческом развитии и приурочена к 70-летию юбилею ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

**Аннотация**

В статье дана целостная картина современного состояния искусствоведения Татарстана, выявлены приоритетные направления развития отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

**Ключевые слова:** искусствоведение, комплексное исследование, изобразительное искусство, художественная культура, выставочная деятельность.

**Summary**

The article presents a full description of contemporary art in Tatarstan, reveals perspective areas of the development of visual and decorative-applied arts.

## ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**5 февраля 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялся форум, посвященный 15-летию республиканского общественно-молодежного движения «Сэлэт», и научно-практическая конференция. Организаторами форума выступили Академия наук РТ, молодежный общественный фонд «Сэлэт», Министерство по делам молодежи, спорту и туризму РТ.**

В форуме приняли участие президент АН РТ А.М.Мазгаров, министр по делам молодежи, спорту и туризму РТ М.М.Бариев, министр образования и науки РТ А.Х.Гильмутдинов, председатель комиссии по науке, образованию и национальным вопросам Госсовета РТ Р.И.Валеев и др.

В рамках форума прошла научно-практическая конференция, в которой приняли участие ученые и общественные деятели. В программе конференции были презентация и обсуждение научных, творческих и оздоровительных программ фонда «Сэлэт». Также выступили активисты движения «Сэлэт». Их доклады были посвящены различным направлениям деятельности молодежного общественного движения «Сэлэт»: «Казанский интеллектуальный парк «Сэлэт», «Молодежный региональный центр и дети «Сэлэт», «Бизнес-проекты «Сэлэт», сборы «Сэлэт» и т.д.

В рамках конференции в фойе АН РТ прошла выставка картин, фото- и видеоматериалов, отражающих деятельность «Сэлэт» на протяжении всех 15 лет существования движения.

После окончания форума в культурно-спортивном комплексе УНИКС состоялся концерт, посвященный празднованию 15-летия «Сэлэт».

\* \* \*

**8 февраля в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное собрание по случаю празднования Дня науки. В мероприятии приняли участие первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов, президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президенты АН РТ А.Л. Абдуллин, Н.М.Валеев, А.Ш.Зиятдинов, К.М.Салихов, ректор КГУ М.Х.Салахов, председатель КазНЦ РАН О.Г. Синяшин и другие.**

С приветственным словом перед научной общественностью выступил первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов. От имени руководства Татарстана он поздравил всех научных сотрудников, ученых, аспирантов с профессиональным праздником. По словам Р.Ф.Муратова, за прошедший год наши ученые сделали много для того, чтобы продвинуть вперед татарстанскую науку. Вместе с тем сейчас важно поставить перед собой ряд ключевых задач в области научной деятельности и планомерно двигаться к их решению. Также Равиль Муратов отметил, что в последнее время наблюдается оживление деятельности Академии наук Татарстана, и это очень хорошо. Однако вместе с тем нужно задуматься о решении важных проблем – таких, например, как укрепление межвузовской кооперации в республике. Он пожелал научному сообществу удачи, здоровья, благополучия и новых открытий.

Как отметил президент Академии наук РТ Ахмет Мазгарович: «Наш профессиональный праздник – это хороший повод вновь подчеркнуть авангардную роль наших ученых, исследователей, специалистов в социально-экономических и общественных преобразованиях в республике, достойное место татарстанской науки в движении к прогрессу. От результата труда наших ученых, будь это научно-организаторская сфера, теоретическая или экспериментальная – складывается, в конечном счете, наш общий успех. Неотъемлемой частью успеха является признание заслуг».

После, по традиции, первый вице-премьер РТ Равиль Муратов вручил ряду татарстанских ученых международные и российские награды. В частности, серебряную медаль им. Н.А. Платэ РАН получили генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвестхолдинг» Яруллин Рафинат Саматович и президент АН РТ Мазгаров Ахмет Мазгарович. Международной научной премии им. Дж. Гиббонса (Америка) удостоен посмертно Хайбуллин Ильдус Бариевич. В 1977 году Ильдус Хайбуллин участвовал в первом американо-советском семинаре по ионной имплантации (он проходил в США, в городе Олбани), а теперь стал первым россиянином, который удостоился этой награды. Премию вручили жене Хайбуллина – Флоре Гаязовне.

Еще одну важную награду – золотую медаль Общества алтаистики (Америка) вручил советнику президиума АН РТ, академику АН РТ Усманову Миркасыму Абдулахатовичу ректор Татарского гуманитарно-педагогического университета Р.Р.Замалетдинов.

В рамках торжественного собрания состоялась публичная лекция члена-корреспондента АН РТ Андрея Киясова «Новые перспективы медицины – регенеративная медицина». Как выяснилось, у татарстанских медиков очень амбициозные планы на будущее: здесь хотят создать лекарство, которое поможет человечеству бороться с ВИЧ (СПИД). Как сообщил Андрей Киясов, до 1,5 процента жителей Татарстана устойчивы к этому вирусу, то есть заболеть не могут. Если выявлять эту «устойчивость» до того, как ребенок появился на свет, можно будет воспользоваться пуповинной кровью, которая и поможет в создании лекарства от страшной болезни.

На торжественном собрании специальные дипломы получили научные династии Татарстана. Чествование таких семей стало хорошей традицией Академии наук Татарстана, которая уже третий год с большой благодарностью отмечает заслуги представителей славных научных династий перед отечественной наукой. На этот раз это были династии Менделевичей и Фахрутдиновых.

Также были вручены именные премии Академии наук РТ. В этом году присуждены следующие премии: за цикл работ «Синтез, строение и реакционная способность карбоксилатных и фенолятных фосфатаинов, их производных и металлокомплексов на их основе» директор Химического института им. А.Н.Бутлерова КГУ В.И.Галкин удостоен премии им. Г.Х.Камая. Премию им. Х.М.Муштари получил профессор кафедры «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» Камской государственной инженерно-экономической академии Н.А.Чемборисов за серию работ «Информационно-справочная система режущего инструмента». Премии им. А.Д.Адо удостоились профессор кафедры патологической физиологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования

«Казанский государственный медицинский университет Росздрава» С.В.Бойчук и заведующий кафедрой биохимии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный медицинский университет Росздрава» И.Г.Мустафин за серию работ «Патофизиологическое и клинико-диагностическое значение апоптоза лимфоцитов при иммунопатологии». Кроме того, были подведены итоги конкурсов «Лучший ученый 2009 года» и «Молодой ученый 2009 года». Лауреатам были вручены сертификаты и премии. Но на этом награждения и поздравления не закончились. Специальные дипломы получили также студенты вузов республики, получающие в осенне-зимний семестр стипендию АН РТ.

\* \* \*

**8 февраля 2010 года Академию наук Республики Татарстан посетила делегация Исламской Республики Иран. Участников международной научной конференции «Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы» в академии приняли президент АН РТ А.М. Мазгаров, главный ученый секретарь АН РТ Д.Ф. Загидуллина, вице-президент АН РТ А.Л. Абдуллин и другие.**

В состав делегации вошли: член Высшего совета культурной революции Исламской Республики Иран Хасан Рахимпур Азгади, глава Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в России Абузар Эбрахими Торкаман, генеральный консул Исламской Республики Иран в г. Казани Реза Багбан Кондори. Президент АН РТ А.М. Мазгаров познакомил гостей со структурой, основными направлениями деятельности Академии наук РТ, рассказал о научных успехах и достижениях, о проблемах, над которыми работают татарстанские ученые. В ответном слове член Высшего совета культурной революции Исламской Республики Иран Хасан Рахимпур Азгади поблагодарил президента Академии наук Татарстана за теплый прием. Стороны договорились о повторных встречах, где уже более подробно будут рассмотрены направления сотрудничества.

\* \* \*

**26 февраля 2010 года в ГТРК «Корстон» состоялась Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: опыт, проблемы, поиски решения». В мероприятии приняли участие Премьер-министр Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, а также руководители республиканских министерств, заинтересованных ведомств России и стран ближнего и дальнего зарубежья, ученые, общественные деятели. Академию наук Республики Татарстан представляли президент АН РТ А.М. Мазгаров, вице-президент АН РТ А.Л. Абдуллин, заместитель президента АН РТ А.М. Гумеров и другие.**

С приветственным словом выступил Премьер-министр Татарстана Р.Н. Минниханов. «Проведение данной конференции является актуальным для нашего общества, – отметил он. – Мы все хотим жить в безопасном мире. Но, вследствие природных и техногенных катастроф, мир подвергается опасностям и угрозам. Поэтому сегодня есть острая необходимость консолидации усилий государства, науки, здравоохранения, образования и культуры для обеспечения безопасности жизнедеятельности». Рустам Минниханов напомнил, что в мае 2009 года Президентом России Дмитрием Медведевым была утверждена Стратегия национальной безопасности страны. Значительная

роль в ее реализации отведена регионам. «Наша республика активно участвует в реализации мероприятий, нацеленных на поддержание высокого уровня защищенности населения от внешних и внутренних угроз», — подчеркнул Глава Правительства республики.

\* \* \*

Медалью РАН награжден Гайнов Рамиль Рашитович, сотрудник Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (физический факультет), за цикл работ «Исследование особенностей электронного строения и физико-химических свойств медьсодержащих халькогенидов методами ЯКР и ЯМР» (направление: физика конденсированного состояния и минералогическое материаловедение). Р.Р. Гайнов — единственный представитель Республики Татарстан, победивший в нынешнем конкурсе. Сейчас им ведется работа по защите степени кандидата физико-математических наук (научный руководитель — к.ф.-м.н., доцент Дуглав А.В., научный консультант — д.г.-м.н., профессор Пеньков И.Н.).

\* \* \*

Благодарственное письмо пришло на имя президента Академии наук Республики Татарстан Ахмета Мазгарова от председателя Совета национально-культурной автономии татар Республики Мордовия «Якташлар» Ш.З.Бикмаева.

Совет национально-культурной автономии татар Республики Мордовия «Якташлар» выражает глубокую благодарность дирекции и ученым Института языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана за организацию и проведение юбилейных мероприятий, посвященных 90-летию популярного народного певца и музыканта, собирателя и хранителя татарского фольклора, уроженца д. Иса (Большая Поляна) Республики Мордовия Кротова Абдуллы Ибрагимовича (1919-2005).

\* \* \*

4 марта 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялось заседание коллегии Министерства промышленности и торговли РТ. «2010 год будет достаточно сложным. Мы должны искать новые рынки, создавать инновационную инфраструктуру, насыщать наши предприятия новыми проектами. Мы все заинтересованы, чтобы работала наша экономика. Главное — сохранить рынок труда, чтобы предприятия не закрылись, а люди не остались без работы», — сказал Премьер-министр РТ Рустам Минниханов сегодня на расширенном заседании коллегии Министерства промышленности и торговли РТ.

\* \* \*

5 марта 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялся прием делегации Исламской Республики Иран. Во встрече принимали участие консул Генерального Консульства Исламской Республики Иран—Казань Сейед Мохаммад Реза Зареи, руководитель секретариата Иранского Инициативного совета по нанотехнологиям Али М.Солтани и начальник отдела инфраструктур технологических разработок Иранского Инициативного совета по нанотехнологиям Али Бейтоллахи. Гостей принимали президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин, заместитель президента АН РТ А.М.Гумеров.

\* \* \*

16-17 марта 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялась Международная научная конференция «Историческая география и социокультурное развитие средневековых тюрко-татарских государств (XV – вторая треть XVIII вв.)». Организатором мероприятия выступил Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. В конференции приняли участие ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Тюмени, Махачкалы, Рязани, Якутска, Краснодара, Белгорода, Кургана, Саранска и др.). Зарубежье представляли историки США, Турции и Казахстана.

\* \* \*

18 марта 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялся прием профессора Лос-Анджелесского университета, доктора исторических наук Айши-Азаде Рорлих. Гостью принимали президент Академии наук Татарстана А.М. Мазгаров, главный ученый секретарь АН РТ Д.Ф. Загидуллина, директор Института истории им.Ш.Марджани АН РТ Р.С. Хакимов, первый заместитель директора Института Татарской энциклопедии АН РТ Р.М.Валеев, заведующий отделом средневековой истории Института истории им.Ш.Марджани АН РТ И.К.Загидуллин.

\* \* \*

24 марта 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялось рабочее совещание с участием Академии наук РТ и Министерства промышленности и торговли РТ. На совещании присутствовали министр промышленности и торговли РТ Р.Х. Зарипов, первый заместитель министра В.Г.Соловьев, начальник отдела нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплекса министерства Л.Р. Рахимзянова. Академию наук РТ представляли президент А.М.Мазгаров, вице-президент А.Л. Абдуллин, вице-президент АН РТ А.Ш.Зиятдинов, вице-президент АН РТ, директор Физико-технического института РАН К.М. Салихов, главный ученый секретарь Д.Ф. Загидуллина и другие.

В работе совещания принимали участие также ген. директор ОАО «Казанский научно-исследовательский институт авиационной технологии» Ф.Г. Шайхиев, зам. директора ГНФ «Центр производственной субконтракции РТ» В.Л.Чернов, начальник отдела машиностроительного комплекса А.С.Тайбинский, директор ГУ «Центр энергосберегающих технологий РТ при Кабинете Министров РТ» Е.В.Мартынов.

На совещании были рассмотрены предложения Академии наук РТ по финансированию проектов на 2010–2013 годы в рамках реализации «Стратегии развития научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 года», а также инновационные проекты по следующим направлениям: нефтедобыча, нефтепереработка и нефтехимия; экологическая безопасность; нанотехнологии и информатика; машиностроение и авиастроение; медицина и биотехнология; сельское хозяйство.

Руководство Министерства промышленности и торговли РТ решило рассмотреть предложения Академии наук РТ о совместной реализации инновационных проектов. Стороны договорились о повторных встречах.

\* \* \*

26 марта 2010 года в Академии наук Татарстана прошел в рамках Дня Европы в Казани информационный семинар на тему «Научно-исследовательские программы Европейского Союза: возможности для участия российских организаций». Мероприятие проведено Представительством Европейского Союза в России и Министерством образования и науки РТ при поддержке Академии наук РТ.

На семинаре были рассмотрены вопросы сотрудничества России и Европейского Союза в сфере науки и технологий, представлены основные программы поддержки научных исследований в Европейском Союзе. Также были затронуты темы совместных инициатив в области научных исследований, технологического и инновационного развития, реализуемых в Республике Татарстан совместно с европейскими и другими иностранными организациями.

С докладами выступили заместитель министра образования и науки РТ В.В.Хоменко, вице-президент Академии наук РТ А.Л.Абдуллин и другие. Советник по науке Представительства Европейского Союза в России Ричард Бургер рассказал о возможностях участия российских организаций в Седьмой Рамочной программе по науке и технологическому развитию (2007-2013) и о уже успешно существующих направлениях сотрудничества России и Европейского Союза в сфере науки и технологий.

\* \* \*

29 марта президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров встретился с господином Абдуллой Аббасом – профессором биологии Синьцзянского университета (Китайская Народная Республика). На встрече присутствовали вице-президент АН РТ А.Ш.Зиятдинов и главный ученый секретарь академии Д.Ф.Загидуллина. Речь шла о перспективах сотрудничества китайских биологов и ученых Академии наук Татарстана.

\* \* \*

9 апреля 2010 г. в малом зале Академии наук Татарстана открылась Всероссийская научно-практическая конференция «Татарские мурзы и дворяне: история и современность». Организаторы конференции: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Меджлис татарских мурз Республики Татарстан, Министерство культуры РТ.

В конференции приняли участие ученые, общественные деятели, представители старинных татарских родов. География участников представлена многими регионами России, а также Францией, Китаем и Турцией. Цель конференции – изучение и популяризация родословных татарских князей, мурз и дворян, их вклада в становление и укрепление государственности, социокультурного развития татарского народа и России в прошлом и настоящем.

\* \* \*

15 апреля 2010 года Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан и Академия наук Республики Татарстан объявили о начале приема заявок на Шестой республиканский конкурс «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан».

## УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение) и 23.00.00 (политические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта на 2-х дискетах 3,5” (шрифт **Times New Roman**, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК и **ключевых слов**, короткой аннотацией на русском и английском языках (1/3 + 1/3 страницы), примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие 2-х рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 09.00.00, 10.00.00, 12.00.00, 17.00.00, 23.00.00);

– оформление подписки на журнал будет способствовать сотрудничеству.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-79-39 (зам. гл. редактора), 292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: [anrt@rambler.ru](mailto:anrt@rambler.ru) (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями  
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

**УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!**

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»  
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ  
«ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ  
ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ  
С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ  
ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!